

МОЛОДЕЖЬ О БУДУЩЕМ РОССИИ И О СЕБЕ: ВЫЗОВЫ настоящего и конструирование горизонтов будущего

 **Уральский
федеральный
университет**
имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

По материалам
VIII этапа мониторинга
динамики
социокультурного
развития уральского
студенчества
1995–2020 гг.

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

Институт экономики и управления

Школа государственного управления и предпринимательства

**МОЛОДЕЖЬ О БУДУЩЕМ РОССИИ И О СЕБЕ:
вызовы настоящего
и конструирование горизонтов будущего**

(по материалам VIII этапа мониторинга
динамики социокультурного развития
уральского студенчества 1995–2020 гг.)

Монография

Под общей редакцией доктора философских наук,
профессора Ю. Р. Вишневого

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2021

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.54

М75

Авторский коллектив:

А. П. Багирова (введение; глава 12), Л. Н. Банникова (глава 7), Н. Д. Бледнова (введение), Л. Н. Боронина (глава 10), Ю. Р. Вишневецкий (введение; главы 1, 2, 3, 4, 12; заключение), С. А. Воробьева (заключение), Я. В. Дидковская (главы 3, 6), Л. Д. Забокрицкая (глава 11), М. А. Ильина (глава 5), А. К. Клюев (глава 13), А. В. Кульминская (глава 11), А. Е. Нетунаева (заключение), М. В. Певная (введение; главы 2, 5; заключение), Е. С. Попов (введение), А. Н. Тарасова (главы 4, 8), Д. Ф. Телепаева (введение; главы 2, 5; заключение), Д. В. Трынов (главы 3, 5), Р. Я. Фалько (заключение), Е. А. Шуклина (глава 9), А. И. Южакова (введение; глава 2)

Исследование проведено в рамках проекта, получившего поддержку РФФИ, проект № 20–011–33064 «Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего»

Рецензенты:

Ю. А. Зубок, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной работе, руководитель центра социологии молодежи Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН;

А. С. Ваторопин, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и социологии управления Уральского института управления — филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»

Фото на обложке предоставлено фотоклубом УрФУ.

Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов будущего (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995–2020 гг.) : монография / [под общ. ред. Ю. Р. Вишневецкого] ; М-во науки и высшего образования РФ. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. — 372 с.

ISBN 978-5-7996-3372-1

Коллективная монография обобщает результаты мониторинга VIII этапа социологического исследования студенчества Свердловской области. На основе обобщения трендов и проблем социокультурного развития студенчества Среднего Урала, выявленных на предыдущих этапах мониторинга, проведено настоящее исследование. В 2020 г. авторы сосредоточили внимание на перспективных установках студентов.

УДК 316.346.32-053.6
ББК 60.54

ISBN 978-5-7996-3372-1

© Уральский федеральный
университет, 2021

Предисловие ректора

Уважаемый читатель!

Всего четыре года назад, в 2017 г., был издан фундаментальный труд «Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала». Однако процессы, происходящие в молодежной студенческой среде, носят динамичный характер, поэтому мы вновь предлагаем Вашему вниманию коллективную монографию, обобщающую результаты VIII этапа социологического мониторингового исследования студенчества Свердловской области. Этот мониторинг уникален по своей продолжительности — 1995–2020 гг., 25 лет — «шаг поколения». В каком-то смысле участники I этапа (1995 г.) — это «отцы и матери» современных студентов, отвечавших на вопросы анкеты в 2020 г. Впечатляет и число респондентов мониторинга, на всех этапах в нем приняло участие более 12 тысяч студентов.

У истоков мониторинга стоял выдающийся советский и российский социолог, культуролог Лев Наумович Коган. Мониторинг — важная веха в развитии научной школы социологии культуры и личности, продолжающей и развивающей идеи Л. Н. Когана (из 27 научных школ Уральского федерального университета две — социологические). Мониторинг тесно связан с научными исследованиями ученых Школы го-

сударственного управления и предпринимательства, членов авторского коллектива монографии по социологии молодежи, волонтерству, социальному и политическому участию, демографической политике, развитию системы высшего образования и университетскому управлению. Эти исследования и возросшая на их основе публикационная и грантовая активность внесли значительный вклад в одно из важнейших научных достижений нашего университета в 2020 г. — вхождение в Топ-100 университетов мира по предметной области *QS Social Policy and Administration*.

VIII этап мониторинга в 2020 г. проходил в сложных условиях пандемии. И мне хочется не только поздравить организаторов и участников исследования с его успешным проведением в режиме онлайн, но и выразить благодарность своим коллегам-ректорам университетов Екатеринбурга, оказавшим поддержку социологам. Надеюсь, что результаты исследования, обобщенные в монографии, помогут коллективам наших университетов в дальнейшем совершенствовании учебного процесса, его информатизации и индивидуализации, углублении научно-исследовательской работы (включая НИРС), организации культурного досуга студенчества, формировании здорового образа жизни и информационной культуры студентов, развития корпоративной культуры вуза, совместной работе со школами, колледжами (особенно в плане повышения качества абитуриентов, их успешной адаптации в вузе) и с работодателями (в повышении качества профессиональной подготовки, создании оптимальных условий для совмещения работающими студентами учебы и работы, более эффективно трудоустройства выпускников).

Исследование было поддержано грантом РФФИ. Причем грантом особым — «Наставничество». Это определило широкое привлечение к разработке программы и инструментария, проведению опроса в режиме онлайн, обработке и обобщению результатов студентов (магистрантов, аспирантов) и даже учащихся СУНЦа при Уральском федеральном университете. И в этом заметна важнейшая предпосылка развития и продолжения проекта.

На основе обобщения трендов и проблем социокультурного развития студенчества Среднего Урала, выявленных на предыдущих этапах мониторинга, в 2020 г. исследователи сосредоточили внимание на перспективных установках студентов. Важнейший вывод исследования: для большинства студентов желаемое будущее — это общество

социальной справедливости, материального благополучия и взаимного уважения. Авторы приходят к целому ряду выводов и о сегодняшнем студенчестве — выводов, интересных как самим студентам, так и их родителям, преподавателям, а также всем тем, кому хотелось бы аргументированно судить о нынешней студенческой молодежи. Убежден, что представляемая читателю монография является прекрасным материалом для исследователей, практиков, руководителей сфер социальной и молодежной политики.

*В. А. Кокшаров,
ректор Уральского федерального университета,
председатель Совета ректоров вузов
Свердловской области*

Введение

Любая группа, любой народ, любой мир, которые не бегут во всю прыть к будущему, не овладевают им и не придают ему желаемую форму, обречены стать прахом в могиле прошлого.

А. Тойнби

Единственный человек, с которым вы должны сравнивать себя, это вы в прошлом. И единственный человек, лучше которого вы должны быть, это тот, кто вы есть сейчас.

З. Фрейд

Начать эту монографию, обобщающую итоги VIII этапа многолетнего изучения мнений, оценок и ценностных установок студентов вузов Среднего Урала, хотелось бы с посвящения, которое британский профессор С. Коллини предпослал своей книге «Зачем нужны университеты?» — «Посвящается моим коллегам и студентам, от которых я узнал, зачем нужен университет»...¹ И наша благодарность, прежде всего, обращена к нашим коллегам, в разные годы входившим в состав авторского коллектива (и ушедшим — *Льву Наумовичу Когану/инициатору проекта/, Галине Борисовне Кораблевой, Александру Яковлевичу Пучкову, Валерию Трофимовичу Шапко/ответственному исполнителю в 1999—2007 гг. /, и живым — Елене Николаевне Заборовской, Людмиле Яковлевне Рубиной/соруководителю первого этапа/, Нине Ивановне Шаталовой), и нашим респондентам-студентам разных поколений (в целом — за годы мониторинга — более 12 тыс. человек).*

¹ Коллини С. Зачем нужны университеты? / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 264 с.

Подводя итоги мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества (1995–2016 гг.), мы отмечали, что это — «интереснейший предмет для дальнейшего социологического изучения». Была выражена надежда: «Итак, семь этапов мониторинга завершены, да здравствует новый, VIII этап — в 2020 году!»¹. И сегодня можно сказать, что наше уникальное исследование — длиной в 25 лет — успешно реализовано.

Реализовано, несмотря на тяжелейшие условия организации опроса из-за пандемии COVID-19. Сам опрос был полностью проведен в онлайн-режиме. Частично этот режим уже использовался и на предыдущих этапах мониторинга (особенно — в 2016 г.), но в условиях традиционного учебного процесса.

В 2020 г. вузы Екатеринбурга (как и во многих других регионах страны) были переведены на дистанционное обучение. И это породило (в определенной мере неожиданно для организаторов) своеобразную «компьютерную перегрузку», что затруднило реализацию (без соответствующего «лечения») в полном объеме выборки — по вузам, профилям обучения и — особенно — по полу, а также заметно увеличило число не до конца заполненных анкет (что не позволило их учесть в соответствующих таблицах и выявить те или иные корреляции).

Серьезные изменения произошли и в составе авторского коллектива. Прежде всего мы скорбим о безвременно ушедших *Сергее Юрьевиче Вишневском* (своими исследованиями о призвании, заметно обогатившем методологию мониторинга²) и *Людмиле Александровне Лесиной* (так много сделавшей для выявления особенностей

¹ Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 904 с. С. 900.

² Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю. Профессиональный выбор студентов и ресурсный подход: от потенциала к реализации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 1 (25). С. 22–27; Вишневский С. Ю. Социологическая концепция призвания: вклад П. Бурдьё // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3. С. 77–86 ; Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю., Нархов Д. Ю. Человеческий капитал свердловского студенчества: динамика развития, тренды и проблемы // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой : В 2 т. Т 1. Н. Новгород : НИСОЦ, 2017. 644 с. С. 112–120. И др.

студентов педагогических вузов и изучения образа будущего в представлениях студентов¹).

В самостоятельное «плавание» ушел Д. Ю. Нархов (ответственный исполнитель исследования в 2012 и 2016 гг.), создавший свою научную группу, выигравший грант РФФИ и проводивший исследование об особенностях студенчества «цифрового поколения». Не реализовался из-за пандемии проект, который к 100-летию Уральского федерального университета были готовы провести многолетние участники авторского коллектива — А. В. Пономарев (чья организационная поддержка мониторинга, начиная с первых этапов, была весьма эффективной) и Е. В. Осипчукова — опросить выпускников УПИ и УрГУ конца 1990-х гг., т. е. сверстников (а, может быть, и участников) I этапа мониторинга. Не смогли в этих условиях подключиться к обобщению результатов VIII этапа и социологи других вузов Екатеринбурга. Однако их помощь в организации опроса — важнейший фактор его успешного проведения. Авторский коллектив выражает благодарность за помощь в реализации исследования Т. Д. Агеносовой (ГУ), В. П. Беляеву (УГГУ), А. С. Ваторопину (УИУ РАНХиГС), А. Г. Галкину (УрГУПС), М. В. Клейменову (УрГЭУ), О. П. Ковтун (УГМУ), А. Г. Маслееву (УрГЮУ), Т. В. Никулиной (УрГАУ), О. Н. Новиковой (УГЛТУ), Т. В. Пермяковой (РГППУ), Е. В. Прямиковой (УрГПУ), Д. Роменской (УрГАХУ).

Авторский коллектив, на предыдущих этапах включавший социологов других вузов и других кафедр УрФУ, стал более *однородным* — коллективом кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления ШГУП ИнЭУ (прежде всего это — А. П. Багирова, Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина, Я. В. Дидковская, М. В. Певная, большинство из которых уже более 20 лет участвуют в проекте). И тут нельзя не отметить инициативу завкафедрой М. В. Певной, объявившей проект общекафедральным делом и привлекая к участию в нем молодых ученых — аспирантов и магистран-

¹Лесина Л. А., Панкова С. Н. Конструирование образа будущего: опыт социологического исследования студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2017. Т. 8. № 1–2, С. 194–197; Лесина Л. А., Панкова С. Н. Образ профессии в конструировании профессиональных планов студентов педагогических вузов // Современные исследования социальных проблем. 2017. № 8 (2–2). С. 294–299; Лесина Л. А. Профессиональная идентификация в ходе обучения студентов педагогических вузов // Труд и общество в реалиях XXI века. СПб. : Скифия-принт, 2017. С. 740–748. И др.

тов (Н. Д. Бледнова, Е. С. Попов, Д. Ф. Телепаева, А. И. Южакова). Такое омоложение авторского коллектива является предпосылкой дальнейшего продолжения мониторинга, к тому же оно позволило выиграть грант РФФИ «Наставничество». Впервые за 25 лет мониторинг проводился при поддержке гранта.

В итоге мониторинг, и ранее выступавший своеобразной «кузницей» научных кадров высокой квалификации¹, приобрел для молодых участников команды проекта *обучающий* характер. По крайней мере, для них учебный процесс начал приобретать наиболее современные и перспективные черты²: «организация учебного процесса как исследования; мотивация студентов к максимальному использованию потенциала своего формального и неформального опыта».

Заметно расширила масштабы мониторинга (за счет «будущих» студентов) и другая инициатива М. В. Певной — изучить жизненные планы и установки учащихся 10–11-х классов ведущих гимназий Екатеринбурга и учебно-научного центра. Соответственно и в команду проекта были включены учащиеся СУНЦа (С. А. Воробьева, А. Е. Нетунаева, Р. Я. Фалько), для которых исследование стало не только хорошей школой, но и, будем надеяться, своеобразной формой «профоринтационной работы».

Особую значимость имели *Zoom*-конференции, в ходе которых коллективно уточнялись программа и направленность VIII этапа мониторинга, корректировался инструментарий опроса, обсуждались технологии онлайн-опроса. Общая тональность коллективного мнения — сохранение и углубление методологической основы мониторинга (многомерная модель молодежи и самореализационная концепция культуры Л. Н. Когана) с учетом качественных изменений и развития в последние годы социологии молодежи и социологии образования³.

¹ «Конечно, нельзя абсолютизировать роль мониторинга в формировании его участников как исследователей и педагогов, но семь докторских и восемь кандидатских диссертаций, подготовленных ими, — весомый вклад в развитие науки» (Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : Монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 13).

² Комлева Н. В. Профессиональная компетентность личности в условиях smart-общества. Открытое образование. 2017. Т. 21. № 1. С. 27–33. С. 29.

³ Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 25–94.

В рамках мониторингового характера исследования было принято решение актуализировать на VIII этапе мониторинга проблематику влияния COVID-19 на социокультурные установки и практики¹ студентов и акцентировать их темпоральные установки.

Изучение молодежного сознания, оценка взаимосвязи прошлого и настоящего в жизни молодого поколения в условиях относительной стабильности — достаточно тривиальная научная проблема, над решением которой сегодня работают разные исследовательские коллективы и научные группы в различных странах, в том числе и в России.

Однако сегодня, когда настоящее российского общества и мирового сообщества в целом становится перенасыщенным социальными, экономическими и политическими угрозами, отягощается физическими, психологическими угрозами глобальной пандемии², в этих традиционных исследовательских границах мы видим совершенно новую постановку проблемы. Она требует социологической рефлексии, критического переосмысления, обновления прогнозов поведения старшеклассников и студентов как высоко ресурсной группы российской молодежи в новых координатах пространства и времени. Координатах, формируемых динамикой развития в континууме от прошлого к настоящему с его нарастающей неопределенностью, усиливающейся рискогенностью³ и все быстрее наступающим будущим.

¹Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социология молодежи: учебное пособие. М. : МИИТ, 2009. 322 с.

²У мониторинга свои правила, поэтому мы были вынуждены ограничиться лишь несколькими вопросами о влиянии пандемии на жизнедеятельность студентов, соотнося их ответы с результатами более общих исследований данной проблемы: исследование ученых ВШЭ и Томского ГУ, аналитический доклад Министерства науки и высшего образования и др.

³Интересный анализ «пандемических страхов» молодежи осуществили наши коллеги-социологи УрФУ (Н. Антонова, С. Абрамова и др.) на основе опроса молодых свердловчан в возрасте до 30 лет (N = 1050 человек). 9 из каждых 10 респондентов (88 %) отметили, что пандемия усилила состояние тревоги. Трое из каждых пяти опасаются неэффективности системы здравоохранения, более половины (54 %) боятся заболеть, треть не доверяет врачам (36 %) или боится назначения новых лекарств или непроверенных методов лечения (31 %), каждый пятый (22 %) видит риски в вакцинации. Исследователи зафиксировали у молодых людей возросшую «боязнь за собственное будущее»: «их пугает неизвестность и то, что они не могут строить планы, а также потеряют контроль за собственной жизнью» (См.: Сталина Ю. Какие фобии появились у молодежи во время пандемии // Комсомольская правда. 2021. 19 февраля).

В своем единстве процессы внезапного, быстрого, стихийного переформатирования социального пространства и времени связаны не только с физическим, но в большей степени с социально-психологическим состоянием здоровья населения в текущий кризисный период настоящего, переполненного глобальными и локальными рисками (угроза эпидемии, кризис экономики и т. д.), и во многом определяют изменения поведенческих стратегий людей в будущем. Старшеклассники и студенты в силу социально-демографических и социально-психологических особенностей особенно восприимчивы к социальным переменам. В их представлениях переплетаются и реакции на сегодняшние изменения, и ожидания от будущего. Эти представления, даже с учетом их нечеткости и возможной иллюзорности, выступают инструментом конструирования социальной реальности. Социальная поддержка молодежи в ее социализации, самореализации и саморегулировании актуализирует проблематику исследования ее представлений и установок.

Такое исследование должно опираться на утвердившееся в современной социальной науке понимание *социальных представлений*¹ как способа интерпретации и осмысления повседневной реальности, сочетающего информативную, адаптивную и конструктивную функции. Для такого подхода особенно значим, по С. Московичи, «анализ *современных* социальных проблем, тех, что заботят людей в *повседневной жизни*»². Обращенность исследования к учащейся молодежи не может не учитывать отмеченное еще Э. Эриксоном стремление подростков и молодых людей «воспринять стоящие, ценные «способы жизни»»³. Конечно, справедливо мнение известного социолога-юнолога Вал. А. Лукова, что представления студентов «по большей части иллюзорны, со значительной долей домыслов о будущей профессии и будущей жизни, которые заметно могут измениться по содержанию, даже если сохранится их первоначальная направленность, по мере накопления жизненных впечатлений, а в широком смысле — жизнен-

¹ Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 2. С. 3–14; Moscovici S. The phenomenon of social representations//Social Representations: Explorations in Social Psychology/Ed. by G. Duveen. N. Y., 2000. PP. 18–77. И др.

² Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–19.

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с. С. 141.

ного опыта»¹. Однако нас интересовала именно содержательная сторона их представлений.

Студенчество, как показывают наши многолетние исследования², является высоко ресурсной частью молодежи³. Включение в эту исследуемую общность старшеклассников, являющихся потенциалом студенческого сообщества, позволяет углубить ресурсный подход к молодежи, более целенаправленно изучать (и на этой основе эффективнее формировать) готовность молодежи к крайне неопределенному будущему, которое все больше «сжимается», наступая не завтра или послезавтра, а уже сегодня. Благодаря этому можно позитивно влиять на социальное самочувствие молодежи, снижать издержки ее профессионального и жизненного самоопределения, адекватно ситуации корректировать курс внутренней политики в стране.

Если рассматривать старшеклассников как потенциал студенческого сообщества, а студентов как высоко ресурсную часть молодежи, которая должна обеспечить экономический, демографический и культурный прорыв страны в ближайшем будущем, определенную ценность приобретают данные, позволяющие оценить социальные представления членов расширенной молодежной общности о своей готовности к крайне неопределенному будущему, их влияние на социальное самочувствие и взгляды на быстро изменяющийся текущий период — рискогенную для отдельного человека, общества и страны в целом фазу настоящего. Старшеклассников и студентов в современных реалиях можно гипотетически рассматривать как новое «сообщество судьбы», физически объединенное неожиданным наступлением рискогенной фазы настоящего, переломом жизненных планов, кото-

¹ Луков В. А. Социология студенчества и становление нормативно-ценностной ориентации студента в своем вузе // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3. С. 3–20.

² Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова [и др.] : под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 904 с. ; Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный капитал / под общ. ред. Я. В. Дидковской и Д. В. Трынова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 215 с. И др.

³ На основе данных ФОМ (опрос 2008 г.) — в сравнении студентов и остальной молодежи — социологи определили студенчество как «локомотив» нового поколения (См.: Паутова Л., Полякова В., Шилова Л. Homo Studentis, или «локомотив» нового поколения. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/presentpXXI.pdf> (дата обращения: 20.07.2021).

рые могут резко повлиять на их возможности и жизненные траектории в ближайшем будущем. Понимание социальных представлений молодого поколения в контексте прошлого и настоящего, прогнозирование поведения молодежи в ближайшем будущем в постпандемический период, когда пройдет критическая фаза настоящего, связанная с глобальной эпидемией COVID-19 и резкими перестройками социально-экономических систем, поведения и сознания людей, могут и должны стать основой для коррекции национальной внутренней политики; в национальных проектах должно быть пересмотрено место молодых россиян и их активности.

Актуальность поставленной в рамках VIII этапа мониторинга проблемы определяют несколько противоречий. Во-первых, противоречие между традиционными методологическими подходами к исследованию молодежи, в которых нередко молодежь как демографическая группа выступает либо в роли объекта воздействия со стороны совокупного институционального субъекта, либо в роли конкурента старшего поколения в распределительных отношениях (по содержанию) и в социальной структуре (по форме)¹, и *новой, формирующейся субъектностью молодежи* в качестве активного социального агента, драйвера социальных изменений. Во-вторых, противоречие между актуальным жизненным миром молодежи и традиционностью, консервативностью взаимодействия государства с молодым поколением, институциональные формы и методы которого маркируются ограниченной системой

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа : монография. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с. Такая — *конкурентная* — трактовка межпоколенческих отношений гораздо более реалистична в сравнении с долгое время доминировавшей в отечественной социологии молодежи идеей *бесконфликтной преемственности поколений*. Для задач нашего исследования особенно значимо то, что этот подход реализуется и применительно к пониманию функций образования (в том числе — высшего): «Научный анализ функций образования возможен только в том случае, если оно воспринимается как социальный институт, при этом необходимо учитывать его явную форму и латентное содержание (сущность). Явная форма — *механизм воспроизводства социально-профессиональной структуры общества*, латентное содержание — *воспроизводство распределительных отношений*. В первом случае речь идет преимущественно об экономической, во втором — о социальной составляющей, перманентно находящихся в состоянии противоречия» (Шереги Ф. Э. Образование как социальный институт // Грани российского образования / Под ред. М. К. Горшкова и др. М. : Центр социологических исследований. 2015. 644 с. С. 14—39. С. 14).

коммуникаций с молодежью исключительно в пространстве молодежной политики. Как следствие, государство и публичная власть воспринимается молодежью патерналистски, преимущественно с точки зрения выполнения их попечительских функций. Возникает эффект *отложенного будущего*, при котором активное субъектное будущее может перейти только к следующему поколению. В-третьих, противоречие между объективной необходимостью планирования персонального и социального будущего, его ближайших и дальних горизонтов и преобладающим *ноуизмом* (от англ. *now* — сегодня, сейчас) молодежи, живущей, как правило, сиюминутным настоящим. В-четвертых, противоречие между очевидным социальным запросом на изменения и интенсивное развитие и неготовностью к этим изменениям со стороны общества, институциональных структур. У молодежи нередко инновационные установки оказываются в основном вербальными и наталкиваются на недостаточность выработанных и освоенных инновационных социальных технологий.

Проблема влияния социальных последствий COVID-19 на темпоральные установки учащейся молодежи междисциплинарна по своей сути и затрагивает несколько актуальных проблемных областей как в теоретическом, так и практическом смыслах. Традиционное понимание молодежи как демографической социальной группы, выделяемой по возрастным границам, в контексте публичного управления, в реализации молодежной политики при стратегическом планировании и проектном управлении по российскому сценарию непродуктивно. Оно теряет свою актуальность как в связке прошлого и настоящего, так и в период рискогенной фазы последнего и, соответственно, в ближайшем будущем, переполненном прогнозами неопределенности.

Выстроенная традиционно, «по старинке» политика работы с молодежью, в том числе в реализации национальных проектов, в городском управлении, управлении конкретными организациями в сфере образования, культуры, сферы социальной защиты все больше будет вступать в определенные противоречия с жизненным миром самой молодежи. Во многом это связано с тем, что в стабильной фазе современности мы пережили вторую волну фундаментальных социальных изменений, которые происходили в относительно спокойное время и связаны не с радикальными реформами, а, скорее, с поколен-

ческими сдвигами¹ на фоне технологических изменений и глобальной трансформации коммуникативного пространства². В период повышенной рискогенности для любых типов общества выделяют типологически три фазы: предшествующая критической ситуации (в нашем случае — первая фаза настоящего), собственно критическое состояние (рискогенная фаза настоящего) и его ближайшие и отдаленные последствия (будущее)³. Представляется, что для минимизации негативных последствий любых кризисных ситуаций все социальные агенты должны быть готовы к ним так же, как они должны быть готовы к рутине повседневности⁴. В обществах, переживающих эволюцию без социальных потрясений и сохраняющих благодаря действующим интеграционным механизмам относительно устойчивый уровень социальной солидарности, риски локализуются, принимая латентные формы⁵. При этом мало сегодня фиксировать, что мы живем в «обществе риска». Для молодежи особенно значимо, по Э. Гидденсу, «научиться жить в условиях риска»⁶. Крайне актуально дать оценку того, что в данном сообществе происходит на разных фазах кризисного периода, сопряженного с глобальными и локальными рисками и испытаниями, и спрогнозировать влияние последних на конструирование своего будущего. Изучение социальных представлений молодежи при

¹ Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. 2-е изд. М. : ИД ВШЭ, 2020. 224 с.

² Кастельс М. Власть коммуникации : учеб. пособие / пер. с англ. Н. М. Тылевич. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

³ В плане этих последствий (хотя говорить об этом рано, пандемия затягивается) особую значимость приобретает для нас — социологов — проблема: станет ли COVID-19 для нынешней молодежи *культурной травмой* в ее понимании Д. Александером: «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» (Александер Д. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М. : Праксис, 2013. 640 с. С. 255).

⁴ Яницкий О. Н. Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 16–31.

⁵ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2017. С. 12–48.

⁶ Giddens A. Modernity and self-identity. Self and society in the late modern age. Cambridge, Polity Press, 1991. 256 p. P. 28.

активной вовлеченности в исследовательский проект самой молодежи в континууме прошлого, двух фаз настоящего и будущего видится востребованным и обоснованным.

Проблема заключается в выявлении детерминант социального конструирования своего личного будущего в сопряжении с будущим своей страны в сознании молодого поколения. Фундаментальная научная задача — прогнозирование поведения высоко ресурсного сообщества молодежи в условиях новой реальности, необходимое для разработки предложений по коррекции курса внутренней политики государства.

Мониторинг студентов Среднего Урала должен учитывать те изменения, которые происходят — на федеральном и региональном уровне — в системе высшего образования. В 2016–2020 гг. численность студентов в РФ снижалась, но медленнее (рис. 1).

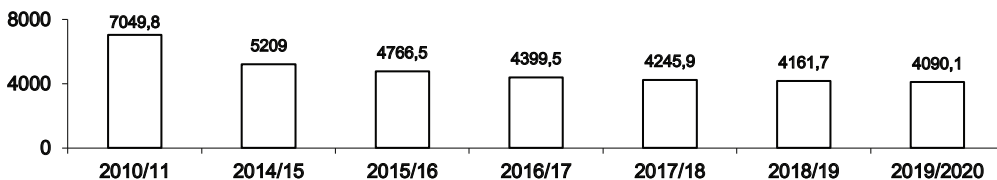

Рис. 1. Динамика численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в РФ (на начало учебного года, в тыс. человек)¹

Сходной была и ситуация в Свердловской области (рис. 2), хотя начала сказываться и политика федерального центра — на увеличение приема абитуриентов в региональные вузы.

В определенной мере сокращение общей численности студентов отражало снижение численности выпускников полной средней общеобразовательной школы и колледжей (как следствие спада рождаемости в «лихие» 1990-е гг.). Но одновременно повышался охват молодежи обучением по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, хотя гендерный перекос и сохранялся (рис. 3).

На примере Свердловской области можно показать и другие аспекты этого гендерного перекоса: чем выше уровень образования занятых, тем больше среди них доля женщин (рис. 4).

¹ Индикаторы образования: 2020 / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородина, Л. М. Гохберг и др. // Статистический сборник М. : НИУ ВШЭ, 2020. 496 с. С. 181.

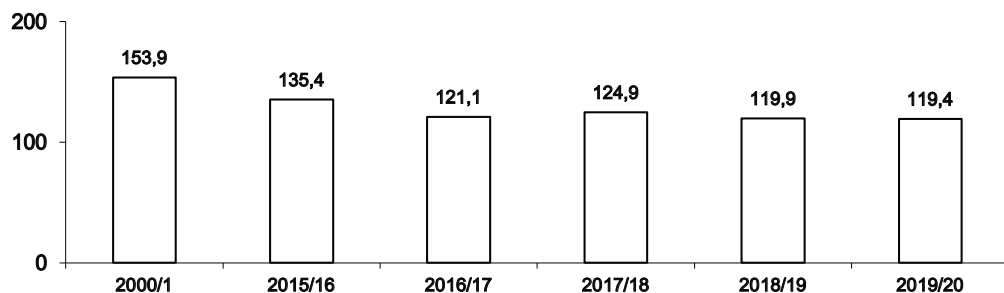

Рис. 2. Динамика численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в организациях Свердловской области, осуществляющих образовательную деятельность (тыс. человек)¹

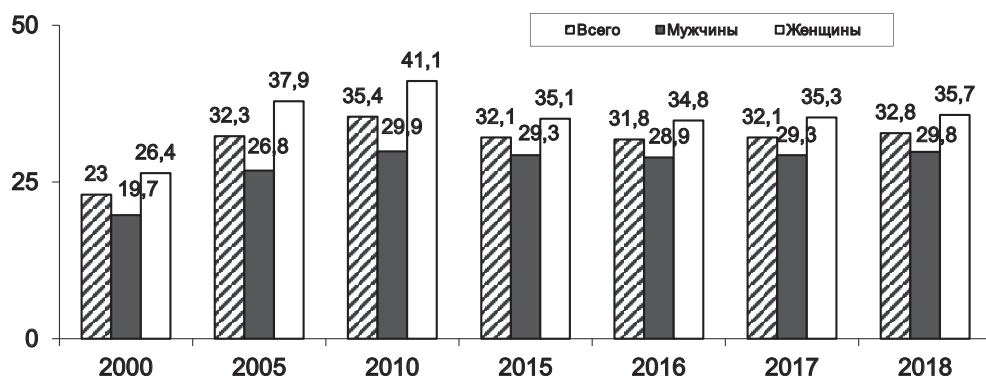

Рис. 3. Валовой коэффициент охвата молодежи программами бакалавриата, специалитета, магистратуры в целом и по полу (отношение численности студентов, обучающихся по этим программам, к численности молодежи 17–25 лет)²

Сокращение численности студентов преимущественно касалось заочной формы обучения, что вело к более оптимальной структуре студенчества (рис. 5).

Мы согласны с мнением наших коллег, что будущее российского высшего образования связано с его *нелинейным* развитием, с предоставлением «достаточно широкого спектра возможностей для выбора адекватного способа самореализации, самоосуществления, гибкого, вариативного реагирования на вызовы разных уровней — от глобаль-

¹ Свердловская область в 2015–2019 гг. // Статистический сборник ФСГС по Свердловской области. Екатеринбург, 2020. 234 с.

² Индикаторы образования: 2020 / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородин, Л. М. Гохберг и др. // Статистический сборник М. : НИУ ВШЭ. 2020. 496 с. С. 182.

ных, мультикультурных до локальных, ориентированных на местные сообщества и их социокультурные особенности»¹. Одновременно с их прогнозом о росте в перспективе числа «серебряных» студентов (студенты пожилого возраста) возможно, что в дальнейшем доли заочной и очно-заочной форм обучения будут возрастать. Но пока увеличение доли студентов-очников — момент позитивный. Характерный тренд последних лет — сокращение доли студентов РФ, осваивающих программы высшего образования в частных организациях (рис. 6).

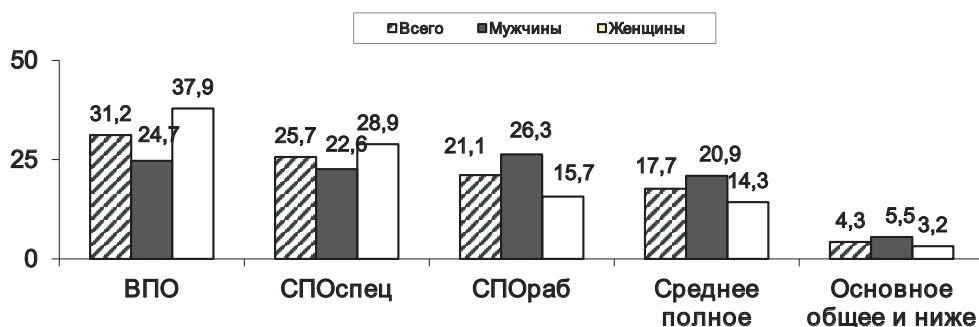

Рис. 4. Структура занятых в Свердловской области в 2019 году по уровню образования — в гендерном разрезе (в % от общей численности по группам)²

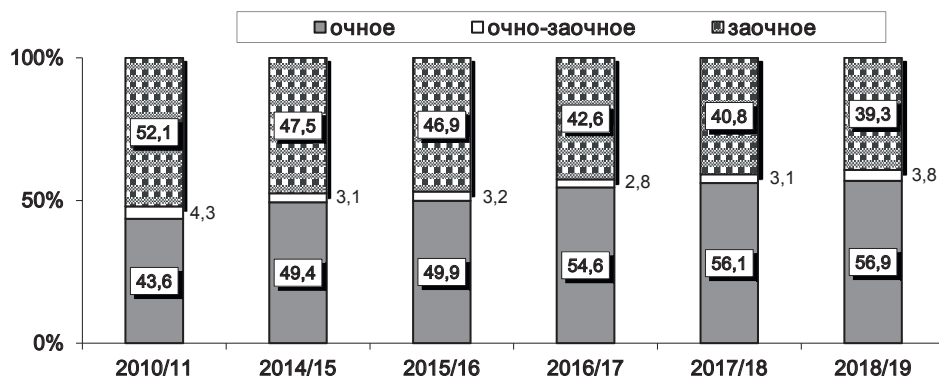

Рис. 5. Динамика структуры студенчества по формам обучения (расч. наш — авт.)³

¹Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования : монография. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 539 с.

²Свердловская область в 2015—2019 гг. // Статистический сборник ФСГС по Свердловской области. Екатеринбург, 2020.

³Индикаторы образования: 2020 / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородин, Л. М. Гохберг и др. // Статистический сборник М. : НИУ ВШЭ, 2020. 496 с.

В Свердловской области этот процесс шел еще быстрее: за 2000–2020 годы доля студентов государственных и муниципальных организаций возросла в приеме с 90 % до 97,3 %, в выпуске с 95,5 % до 97,6 % (расч. наш. — *авт.*)¹. Правда, на основании этих данных вряд ли можно говорить о каком-то уменьшении коммерциализации высшего образования. И хотя доля обучающихся за счет средств бюджетной системы РФ в последние годы растет (2017 год — 45,4 %, 2018 год — 46,5 %, 2019 год — 47 %), она все еще меньше половины.

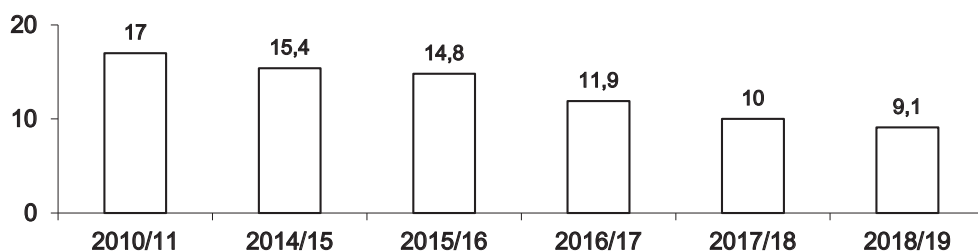

Рис. 6. Динамика доли студентов, обучающихся в частных организациях, в общей численности студентов (расч. наш. — *авт.*)²

С учетом отмеченных трендов и был осуществлен *расчет выборочной совокупности*. При этом важно было обеспечить и преемственность исследования, ведь речь шла не о самостоятельном, автономном опросе, а о VIII этапе мониторинга. Был сохранен квотно-гнездовой характер выборки. В качестве гнезд были выделены конкретные вузы Свердловской области, чьи студенты принимали участие на предыдущих этапах мониторинга и сохранили свое существование (статус ряда из них изменился — объединение, преобразование в университеты и смена названия): Гуманитарный университет (ГУ), Российский государственный профессионально-педагогический университет (РГППУ), Уральский государственный аграрный университет (УрГАУ), Уральский государственный архитектурно-художественный университет (УГАХУ), Уральский государственный горный университет (УГГУ), Уральский государственный лесотехнический университет (УГЛТУ), Уральский государственный медицинский университет (УГМУ), Уральский го-

¹ Свердловская область в 2015–2019 гг. // Статистический сборник ФСГС по Свердловской области. Екатеринбург. 2020. 234 с.

² Индикаторы образования: 2020 / Н. В. Бондаренко, Д. Р. Бородин, Л. М. Гохберг и др. // Статистический сборник М. : НИУ ВШЭ. 2020. 496 с. С. 181.

сударственный педагогический университет (УрГПУ), Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС) Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ), Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ), Уральский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы (УИУ РАНХиГС), Уральский федеральный университет (УрФУ). Важно было сохранить основной принцип выборки — опрос *студентов-очников III курса* (соотнеслось с их медианным положением — уже адаптировались в вузе, но уже задумываются, что будет после его окончания). Однако перенос опроса из-за COVID-19 с весны на осень создал сложность с определением генеральной совокупности — численности студентов-третьекурсников очной формы обучения в Свердловской области, так как актуальная информация о количестве студентов в РФ и по отдельным регионам (в т. ч. по Свердловской области) на начало учебного года (2020/21) поступает весной следующего календарного года. В качестве альтернативы было принято решение об использовании данных за 2019 год о численности второкурсников Свердловской области, которые с 1.09.2020 должны были перейти на III курс обучения.

В рамках VIII этапа исследования студенчества предполагалось опросить 2000 студентов. Квоты определялись по таким социально-демографическим параметрам: пол и профиль обучения респондентов — гуманитарное, инженерное, социально-экономическое и естественно-научное направления подготовки. Для проектирования выборки мы использовали данные, представленные на сайте Министерства науки и высшего образования РФ¹. Первым шагом стало определение всей численности студентов-третьекурсников очной формы обучения в Свердловской области. Основная трудность заключалась в отсутствии актуальной информации о количестве студентов в Свердловской области в 2020 году. Поскольку в исходных данных Министерства науки и высшего образования РФ количество студентов распределялось по конкретным специальностям (математика, физика, экология и пр.),

¹ Форма N ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2019 г. // Портал Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 20.06.2021).

а не по профилям обучения, каждая специальность была соотнесена с заданными нами профилями подготовки в соответствии с Общероссийским классификатором специальностей по образованию. В результате была рассчитана общая численность студентов-второкурсников по полу и направлению обучения. Параметры генеральной совокупности приведены в табл. 1.

Отметим, что в табл. 1, данные которой рассматривались в качестве генеральной совокупности, *сумма численности студентов по профилям обучения и сумма численности студентов-мужчин и женщин различаются*. Это обусловлено разными подходами, которые были использованы для расчета этих чисел: 1) информация о количестве мужчин и женщин среди уральских второкурсников отсутствовала, поэтому за основу были взяты данные о распределении численности студентов по возрасту и полу — данные 2019 года о численности 18-летних студентов, поскольку мы предполагали, что именно они в 2020 году являются второкурсниками; 2) для определения численности студентов в разрезе профилей подготовки мы использовали существующие в формах статистической отчетности данные о второкурсниках — их распределение по направлениям подготовки и специальностям.

Таблица 1

**Численность студентов II курса Свердловской области в 2019 году
по профилям подготовки и полу**

	Источник информации для расчета ¹	Государственные вузы	Негосударственные вузы	Итого
Всего	Таблица 2.1.2. «Распределение численности студентов по курсам, направлениям подготовки и специальностям» (<i>второкурсники 2019 года</i>)	11610	284	11894
В том числе:				
Гуманитарный		2609	28	2637
Социально-экономический		3601	138	3739
Естественно-научный		693	31	724
Технический		4707	87	4794

¹ Форма N ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сведения за 2019 г. // Портал Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 20.06.2021).

Окончание табл. 1

	Источник информации для расчета ¹	Государственные вузы	Негосударственные вузы	Итого
Всего	Таблица 2.13 «Распределение численности студентов, приема и выпуска по возрасту и полу» (<i>студенты в возрасте 18 лет</i>)	9235	229	9464
В том числе:				
мужчины		4170	112	4282
женщины		5065	117	5182

Имеющиеся в табл. 1 расхождения не столь принципиальны, поскольку, во-первых, эти данные мы использовали исключительно для расчета структуры студентов по профилям обучения и полу, а во-вторых, рассчитанные доли мужчин и женщин оказались устойчивы относительно студентов и других возрастов. На основе полученных данных была рассчитана *структура выборочной совокупности по профилю обучения и полу* (табл. 2).

Таблица 2

Структура генеральной совокупности по полу и профилю обучения студентов, %

По профилю обучения		По полу	
Гуманитарный	22	мужчины	45
Социально-экономический	32		
Естественно-научный	6	женщины	55
Технический	40		
Всего	100	Всего	100

Для расчета численности опрашиваемых студентов в разрезе вузов были использованы информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Министерства науки и высшего образования РФ¹. В них приведены данные о распределении приведенного контингента студентов по отраслям наук. Используемая для этого мониторинга классификация отраслей наук была приведена к четырем профилям обучения. В таблице 3 представ-

¹ Характеристика системы высшего образования. Свердловская область. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2020/_vpo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения: 20.06.2021).

лены данные о численности студентов по вузам Свердловской области на основе присутствующих в этом мониторинге распределении приведенного контингента студентов.

Таблица 3

Численность студентов, обучающихся в вузах Свердловской области, человек¹

ВУЗ	Профиль подготовки			
	Гуманитарный	Социально-экономический	Естественно-научный	Технический
УрФУ	2910	7336	2566	14311
УГЛТУ		138	1210	1197
РГППУ	3294	299		280
УГМУ		131	4559	
УГАХУ	994			793
УрГЭУ		4282	128	774
УГГУ	48	527	81	3491
УрГПУ	3912	307		141
УрГЮУ		5773		
ГУ	68	463		149
УИУ РАНХиГС		1429		
УрГУПС		1402		4283
УрГАУ	21	189	1830	327
Всего	11247	22276	10374	25746

Традиционно наибольшую долю в численности свердловских студентов составляют «технари» (37 %). Вероятнее всего, это обусловлено особым спросом государства на инженерные кадры и, как следствие, наличием большего количества бюджетных мест по техническим направлениям подготовки. При этом наименьшее число молодых людей обучается по специальностям гуманитарного (16 %) и естественно-научного профилей (15 %). На основе данных, представленных в табл. 3, были рассчитаны: объем выборочной совокупности в каждом вузе; объем выборочной совокупности по отдельным профилям обучения в каждом вузе; объем выборочной совокупности в разрезе пола в каждом вузе.

¹ Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2020> (дата обращения: 20.06.2021).

В таблице 4 представлены результаты расчета выборочной совокупности в разрезе вузов, а внутри них — профилей обучения и пола респондентов.

Таблица 4

Спроектированная выборочная совокупность

ВУЗ	Всего	Пол		Профиль			
		Муж.	Жен.	Гумани- тарный	Социаль- но-эконо- мический	Естествен- но-науч- ный	Техни- ческий
УрФУ	800	360	440	116	210	30	444
УГЛТУ	57	27	30	0	3	17	37
РГППУ	147	67	80	127	10	0	10
УГМУ	56	25	31	0	4	52	0
УГАХУ	64	29	35	39	0	0	25
УрГЭУ	148	65	83	0	124	0	24
УГГУ	122	55	67	0	15	0	107
УрГПУ	166	44	122	151	9	0	6
УрГЮУ	166	75	91	0	166	0	0
ГУ	24	10	14	7	12	0	5
УИУ РАНХиГС	41	18	23	0	41	0	0
УрГУПС	172	108	64	0	40	0	132
УрГАУ	37	17	20	0	6	21	10
Всего	2000	900	1100	440	640	120	800

Мы предполагали, что рекрутинг респондентов может быть осложнен целым рядом причин. Во-первых, данные о распределении по полу и профилям обучения студентов, содержащиеся в информации Министерства науки и высшего образования РФ, должны были рассматриваться как своего рода «идеальная модель» выборочной совокупности. Это связано, например, с тем, что студенты тех или иных направлений подготовки целыми группами могли оказаться в период опроса вне досягаемости (на практике, на самостоятельном обучении и т. д.); кроме того, использование данных мониторинга деятельности образовательных организаций предопределило отсутствие информации о числе студентов каждого вуза по курсам обучения и полу. Следовательно, имея информацию о приведенном контингенте студентов по определенному профилю, мы не знали, например, какова численность студентов именно третьего курса в каждом вузе и руководство-

вались лишь обобщенными данными о числе студентов всех курсов того или иного профиля.

Во-вторых, за основу построения выборки нами были взяты данные о численности студентов предыдущего, 2019 года, когда они были второкурсниками. Однако в 2020–2021 учебном году реальный состав студентов, их распределение по профилям обучения, полу могли в той или иной мере трансформироваться. Мы не могли с уверенностью судить о том, что вся масса студентов-второкурсников продолжила свое обучение в вузе и перешла на III курс. Многие из них могли перейти на заочную форму обучения, покинуть вуз, сменить место жительства и пр. В-третьих, полевой этап исследования сопровождался непростой ситуацией, связанной с распространением коронавирусной инфекции и всеобщей самоизоляцией. Проведение опроса студентов в форме бумажного анкетирования представлялось весьма сложной (ввиду смешанной формы обучения в вузах), а главное, небезопасной задачей.

Чтобы в какой-то мере смягчить действие этих причин и снизить вероятность получения нерепрезентативных данных, были приняты следующие решения:

а) включить в задание на рекрутинг респондентов число студентов, на 20 % превышающее размер выборочной совокупности — как в целом, так и по отдельным квотам, чтобы в дальнейшем в каждой квоте случайным образом отобрать нужное количество наблюдений. Отметим, что всего в ходе опроса были собраны ответы от 2503 студентов, которые *дошли до заключительного вопроса анкеты*, еще 951 студент начал, но не завершили заполнение анкеты. После завершения опроса мы случайным образом, с учетом квот по вузам, профилям и полу произвели отбор респондентов в выборочную совокупность. Эта функция выполнялась с помощью *IBM SPSS Statistics 22.0*;

б) в случае невыполнения отдельными вузами задачи по рекрутингу респондентов предусмотреть в исключительных случаях возможность рекрутинга студентов из других вузов с сохранением численности общей квоты по профилям обучения и полу;

в) провести опрос в режиме онлайн. Несмотря на невозможность контроля с нашей стороны процесса заполнения студентами предложенной анкеты, повышение вероятности бракованных анкет, в которых будут отсутствовать характеристики выборочной совокупности — пол и профиль обучения студента, — именно такой вариант сбора первичных данных был признан наиболее рациональным. В качестве

платформы для исследования был выбран сервис *SurveyMonkey*, предназначенный для разработки и проведения онлайн-опросов.

В таблице 5 представлена итоговая выборочная совокупность респондентов, а в скобках приведены отклонения от спроектированной выборочной совокупности. Отметим, что несмотря на довольно значительные отклонения в числе опрошенных в отдельных группах по полу, направлениям подготовки в отдельных вузах, в целом отклонения по контролируемым параметрам выборочной совокупности оказались незначительны. Так, доля опрошенных девушек оказалась всего лишь на 5 % больше, чем она есть в генеральной совокупности, а молодых людей — соответственно меньше. Несколько превышена доля студентов естественно-научных направлений подготовки в ущерб техническим — отклонения тут составили 4 %. Выдержана доля студентов гуманитарного и социально-экономического профилей подготовки.

Таблица 5

Итоговая выборочная совокупность

ВУЗ	Всего	Пол		Профиль			
		Муж.	Жен.	Гуманитар- ный	Социально- экономиче- ский	Естественно- научный	Технический
УрФУ	676 (−15 %)	234 (−35 %)	442 (0)	136 (+17 %)	142 (−32 %)	119 (+297 %)	279 (−37 %)
УГЛТУ	74 (+30 %)	31 (+15 %)	43 (+43 %)	15 (0)	16 (+433)	43 (+153 %)	74 (+100 %)
РГППУ	64 (−56 %)	19 (−72 %)	45 (−44 %)	47 (−63 %)	5 (−50 %)	3 (0)	9 (−10 %)
УГМУ	65 (+16 %)	37 (+48 %)	28 (−10 %)	6 (0)	6 (+50 %)	49 (−6 %)	4 (0)
УГАХУ	75 (+17 %)	16 (−45 %)	59 (+69 %)	45 (+15 %)	0 (0)	2 (0)	28 (+12 %)
УрГЭУ	165 (+11 %)	41 (−37 %)	124 (+49 %)	0 (0)	132 (+6 %)	0 (0)	33 (+38 %)
УГГУ	112 (−8 %)	63 (+15 %)	49 (−27 %)	37 (0)	14 (−7 %)	0 (0)	61 (−43 %)
УрГПУ	180 (+8 %)	50 (+14 %)	130 (+7 %)	152 (+1 %)	12 (+33 %)	1 (0)	15 (+150 %)

Окончание табл. 5

ВУЗ	Всего	Пол		Профиль			
		Муж.	Жен.	Гуманитар- ный	Социально- экономиче- ский	Естественно- научный	Технический
УрГЮУ	198 (+19 %)	88 (+17 %)	110 (+21 %)	0 (0)	198 (+19 %)	0 (0)	0 (0)
ГУ	32 (+33 %)	7 (-30 %)	25 (+79 %)	17 (+143 %)	7 (-42 %)	0 (0)	8 (+60 %)
УИУ РАНХиГС	57 (+39 %)	25 (+39 %)	32 (+39 %)	0 (0)	57 (+39 %)	0 (0)	0 (0)
УрГУПС	252 (+47 %)	162 (+50 %)	90 (+41 %)	0 (0)	42 (+5 %)	0 (0)	210 (+59 %)
УрГАУ	60 (+62 %)	26 (+53 %)	24 (+20 %)	0 (0)	10 (+67 %)	19 (-10 %)	21 (+110 %)
Всего	2000	799 (-11 %)	1201 (+9 %)	440 (0)	640 (0)	209 (+74 %)	711 (-11 %)
Структура, %	100	40 (-5 %)	60 (+5 %)	22 (0)	32 (0)	10 (+4 %)	36 (-4 %)

Основные этапы проектирования и реализации выборочного исследования представлены на рис. 7. Таким образом, на основе рассчитанной генеральной совокупности нами была спроектирована выборочная совокупность. Понимая, что фактическая выборочная совокупность будет отличаться от спроектированной, мы заранее, на этапе распределения заданий по вузам, заложили 20 % превышение числа опрошенных по каждой квоте, выделенной по полу и профилю обучения. В дальнейшем это позволило нам применить процедуру случайного отбора, повысив тем самым случайность формирования итоговой выборки.

В свою очередь, это позволило в некоторой мере смягчить те погрешности, которые были вызваны объективными сложностями рекрутинга респондентов в конкретных вузах, профилях обучения и группах по полу. В целом полученная структура выборочной совокупности имеет лишь незначительные отклонения от структуры генеральной совокупности студентов III курса в свердловских вузах в 2020/21 уч. году, что позволяет распространять полученные данные на всех сту-

дентов-третьекурсников области. Каковы же основные характеристики реальной выборки? Данные представлены на рис. 8, 9 и табл. 6–8.

Рис. 7. Этапы проектирования выборочного исследования

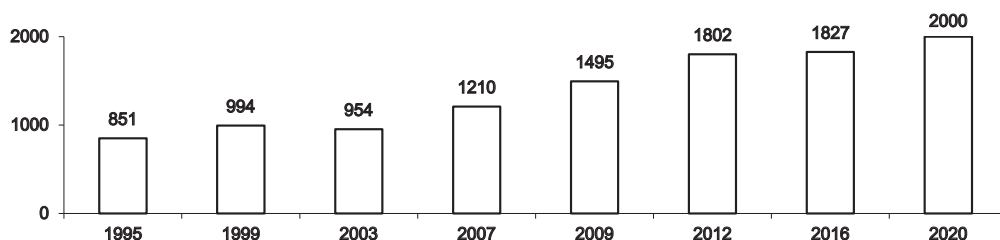

Рис. 8. Объем выборки (общее число студентов) по годам мониторинга

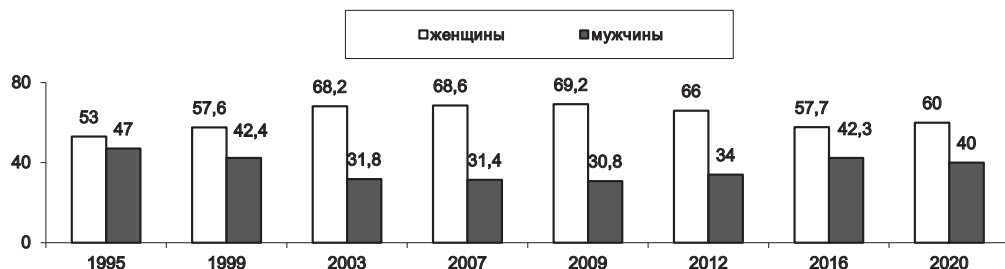

Рис. 9. Структура выборки по полу (в %) по годам мониторинга

Таблица 6

Структура выборки по месту жительства до вуза, % от ответивших

Значение	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Екатеринбург, другой мегаполис	44	48	48	42	41	35	30	39
Другой крупный город (> 100 000 жителей)	18	14	12	16	16	19	17	20
Малый и средний город (< 100 000 жителей)	26	28	29	28	31	35	38	28
Село, поселок городского типа	12	10	11	14	12	10	15	13

Таблица 7

Динамика структуры выборки по типу довузовской подготовки студентов, % от группы

Что окончили до поступления в вуз	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Средняя общеобразовательная школа	71	56	60	64	60	63	72	74
Специализированный класс, гимназия	17	28	25	26	27	29	23	21
СПТУ, лицей, техникум, училище, колледж	12	16	15	10	13	8	5	5

Таблица 8

Семейное положение респондентов, % от числа ответивших

Варианты ответа	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Холост (не замужем)	89	92	89	90	88	87	87	85
Женат (замужем), состою в зарегистрированном браке	11	6	4	3	3	4	3	4
Состою в гражданском (незарегистрированном) браке	—	—	7	7	7	7	9	11
Разведен (а)	—	2	—	—	1	2	1	(0,3)

Примечание. Начиная с 2003 года в перечень вариантов ответов о семейном положении был включен еще один параметр «гражданский (незарегистрированный) брак».

Авторский коллектив надеется, что результаты нашего исследования, отразившие динамику социокультурного развития студенчества Среднего Урала за 25 лет и его отношение к прошлому, настоящему и будущему, внесут определенный вклад в оптимизацию межпоколенческих отношений, развитие и качественное обновление системы высшего образования, будут полезны всем, кого интересуют проблемы образования и молодежи, перспективы развития российского социума. При этом мы не хотели бы абсолютизировать наши обобщения, выводы и рекомендации. И не только потому, что изучали студентов одного, пусть и весьма значимого, региона, но и помня о замечании выдающегося отечественного социолога Ю. А. Левады: «Непосредственные данные изучения возрастных срезов общественного мнения заведомо ограничены и могут быть поняты лишь через призму соответствующих аналитических допущений»¹, а также замечании, еще более конкретно сформулированном Вал. А. Луковым применительно к основному объекту нашего мониторинга — студенчеству: «...многие обобщения относительно общества, его культуры, социальных действий различных возрастных, этнических, профессиональных и др. категорий, вытекающие из эмпирической базы, составленной из студенческих ответов, изначально дискуссионны»².

¹ Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 328 с. С. 39—60.

² Луков В. А. Социология студенчества и становление нормативно-ценностной ориентации студента в своем вузе // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3. С. 3—20.

1. Настоящее и будущее, ставшее прошлым...

(Краткий обзор итогов предыдущих этапов мониторинга —
1995–2016 годов)

Будущее ежесекундно перетекает
в прошлое.

И. В. Бестужев-Лада

Изменение характера обобщения итогов VIII этапа (2020 год) мониторинга (от акцента на *динамику социокультурного развития студентов Среднего Урала за 25 лет — 1995–2020 годы* — к анализу их *темпоральных установок*) предполагает фиксацию основных трендов и парадоксов этой динамики. Попытаемся кратко выделить их, опираясь на статьи членов авторского коллектива, анализировавших результаты предыдущих этапов¹. В анализе *ста-*

¹ Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Управленцам вузов о социокультурном развитии студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 3. С. 165–174; Г. Ф. Шафранов-Куцев о профориентации и проблемах самоопределения студенчества (по материалам мониторинга свердловских студентов 1995–2016 гг.) / Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов, С. Ю. Вишневский, О. Р. Белова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2018. Т. 4. № 3. С. 8–20; Нархов Д. Ю., Вишневский Ю. Р. Здоровый образ жизни в представлениях студентов Свердловской области: по материалам социологического мониторинга 1995–2016 гг. // Здоровье, физическая культура и спорт в высшей школе: опыт, проблемы и перспективы: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием, посвященной 85-летию Института физической культуры, спорта и молодежной политики (Екатеринбург, 1–5 декабря 2017 г.). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 184–194; Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Гражданская идентичность молодежи Свердловской области // Социум и власть, 2018. № 1 (69). С. 31–35; Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Вишневский С. Ю. Преподаватели и студенты: как быть

тусной позиции студенчества важно сместить акценты с переходности, «маргинальности» этой группы на понимание периода учебы как *самостоятельного этапа жизни человека*, на протяжении которого он имеет и формирует собственную среду развития, участвует в таких видах деятельности, которые не только готовят его к чему-то отдаленному, перспективному, но и уже сегодня выступают в качестве личностно-образующих факторов и определяют модели социального поведения.

На VI–VII этапах мониторинга (2012, 2016 гг.) были зафиксированы позитивные изменения в составе студенчества: многолетний тренд «*феминизации высшего образования*» был приостановлен — особенно по техническому направлению. Правда, уже на VIII этапе (2020) мониторинга выяснилось, что такая приостановка была временной. Кстати, последствия этого тренда все сильнее проявляются в параметрах образовательного уровня россиян. Интересно в этом плане замечание М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой: «В условиях России, в отличие от ситуации в странах Запада, получение высшего образования имеет гендерное смещение в обратную, чем это характерно для развитых стран, сторону — его относительно чаще получают женщины, а не мужчины. При этом очень редко встречаются семьи, где муж имеет высшее образование, а жена его не имеет. В нашем массиве они составили всего 19 % всех домохозяйств, где женатый мужчина имел высшее образование, а если учесть семьи, где жена имела незаконченное высшее образование — то всего 17 %. Среди женщин картина существенно иная — у 41 % замужних женщин с высшим образованием муж имел

вместе? (по материалам мониторинга студентов Среднего Урала) // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (17 сентября 2018 г., УрФУ, Екатеринбург). Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. С. 96–103; Вишневский Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. Т. 20, № 5. С. 125–141; Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Парадоксы модернизации высшего образования (итоги 20-летнего мониторинга студенчества Свердловской области) // Вестник РУДН. Серия Социология. 2019. № 2. С. 289–301; Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Дидковская Я. В. Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация? // Образование и наука. 2018. № 1. С. 152–170. Political Culture of Urals Students: Results of Regional Monitoring (1995–2016)/D. Narkhov, E. Narkhova, S. Vishnevskii, Yu. Vishnevskii//Proceeding of International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS 2019, Ningbo, China) / Advances in Social Science, Education and Humanities Research, vol. 315. 2019. P. 180–184; и др.

образование не выше среднего специального». На этой основе социологи дают важную методическую рекомендацию: «Для оценки реального культурного капитала семьи и ее статуса в России, вопреки утвердившейся в стратификационных исследованиях традиции, важнее образовательный уровень отца, а не матери»¹.

Неравенство шансов получения высшего образования для жителей разных типов поселения за 1995–2016 гг. (даже с учетом коренного изменения правил приема — введения ЕГЭ) сохранилось, хотя и уменьшилось — особенно для выпускников из малых и средних городов. Но выявлена и позитивная закономерность: те из них, кто поступал в вуз, в дальнейшем обучались более успешно. Сказывалось более четкое осознание ими роли получаемой профессиональной подготовки как важнейшего фактора социальной мобильности и жизненной карьеры.

Одновременно подтвердилась и обоснованность опасений о несоответствии единства требований ЕГЭ и серьезных социально-территориальных различий в качестве обучения школьников и, соответственно, в уровне их подготовки к экзаменам. Мониторинг отразил устойчивость возросшей доли выпускников гимназий, профильных классов среди студентов (каждый четвертый). Тем самым, проблема неравенства шансов «опускается» все ниже, о чем говорит и ажиотаж (особенно в крупных городах) с записью детей в первый класс. Изменение правил приема в вузы привело и к другому негативному явлению — резко (вдвое) за годы мониторинга сократилось число студентов-выпускников колледжей и училищ. Превращение организаций СПО из «полустанка» в практически «конечную станцию» способствовало усилению перекоса в ориентациях старшеклассников — «вуз, вуз, вуз».

К сожалению, уже на предыдущих этапах мониторинга подтвердились выводы наших коллег, изучающих *проблему профориентации*, об основном ее недостатке на современном этапе (включая и профориентационные практики вузов²) — направленности на «среднего»

¹ Горшков М. К., Тихонова Н. Е. Мечты россиян и реальность демоскопии // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 7–26.

² Характерно замечание одного из авторов коллективной монографии «Грани российского образования», ректора «МИФИ» М. Н. Стриханова: «Основная причина наличия «профессионального балласта» в составе студентов — несовершенство профессиональной ориентации, в которую немалую лепту вносят и сами вузы» (Грани российского образования. М. : Центр социологических исследований, 2015. 644 с. С. 173).

школьника, недооценке индивидуальных наклонностей. И нашим респондентам оказалось присущим выявленное в последние годы тюменскими коллегами¹ сложившееся в сознании многих современных молодых людей «четкое понимание необходимости базового профессионального образования», что практически исключает вариант «пойду работать после окончания школы». Очень близко и к нашим данным зафиксированное ими соотношение ориентаций на вуз и колледж (когда 8—9 из 10 выпускников школ в крупных и средних городах ориентируются на вуз). Сходны и наши оценки другого важного недостатка профориентации — она «начинается, как правило, в старших классах и часто оказывается запоздалой».

Обучение в вузе стало к 2016 году, по самооценкам студентов, весьма *затратным* (даже для «бюджетных» студентов) — более 90 % респондентов постоянно отмечали получение материальной помощи от родителей и родственников. Устойчиво соотношение в оценке масштабов этой помощи («ощутимая»: «незначительная») 1,7 : 1 — 2,4 : 1. Речь все более идет не столько о «помощи родителей», сколько о массовом распространении — официально (в виде контрактного обучения) или неофициально — *платности высшего образования*. К тому же даже к 2016 г. не получило развития внедрение «ваучеров» (дифференцированных систем образовательных кредитов. Образовательный кредит не стал нормой ни для самих студентов и их родителей, ни для кредитных учреждений.

Мониторинг проходил на фоне *глобальных трансформаций российской высшей школы*: становления нового (постсоветского рыночного) типа высшего образования и последовавшего в начале 2000-х годов периода его затяжной модернизации². *Модернизация высшего образования* определяется его ролью в создании инновационной цифровой экономики в России, обладающей высокой конкурентоспособностью в условиях глобализации и развития общества знаний. Реализация проек-

¹ Шафранов-Куцев Г. Ф. Современные вызовы и реальность профориентационной деятельности в системе «школа — вуз — рынок труда» // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 120—128.

² Серьезный вклад в исследование актуальных и перспективных изменений российского высшего образования внесли наши коллеги-социологи УрФУ. См.: Формирование нелинейной системы высшего образования в макрорегионе: монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских [и др.] / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. 251 с.

та модернизации образования, начатая в 2002 г., вскрыла сложность и даже парадоксальность этого процесса, заложенную уже в самом ориентире на создание условий для подготовки сегодня специалистов завтрашнего дня (как учить «профессионалов» эпохи транспрофессионализма)¹. Цифровизация профессиональной деятельности ведет к значительным и постоянным изменениям критериев качества образования, и вместе с тем возникают феномены типа прекариата² и «новых бедных» как обратная сторона восходящей транспрофессиональной мобильности, для которой качество образования (и как результат, и как процесс) выступает решающим фактором.

Реализация основной цели модернизации — достижение необходимого уровня *качества образования* — процесс многоаспектный и многофакторный. Важно не только сформировать комплекс социально-значимых свойств высшего образования, но и обеспечить сбалансированное соответствие образования потребностям общества и личности. Качество начинает оцениваться будущими студентами уже на этапе выбора вуза и профессии, являясь основной характери-

¹ Perkin G. The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. L., N. Y.: Routledge, 1996. 253 p.; Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. L.: Routledge, 1996. 272 p.; Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Большие вызовы Цифровой революции // Философия и культура. 2018. № 8. С. 23–29.

² *Прекариат* (от англ. *precarious* и лат. *precarium* — сомнительный, опасный, рискованный, негарантированный, нестабильный, стоящий на песке) — слой работников с временной или частичной занятостью, носящей постоянный и устойчивый характер. Первоначально и в зарубежной социологии (См.: Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. с англ. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 326 с.), и в отечественной социологии (см.: Тощенко Ж. Т. Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3–13; Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5–8; Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с.; и др.) прекариат рассматривался как новый феномен в социально-классовой (стратификационной) структуре социума. Ныне ряд зарубежных исследователей пытается использовать это понятие для характеристики молодого поколения в целом (См.: Bessant J., Farthing R., Watts R. The Precarious Generation. A Political Economy of Young People. L.: Routledge, 2017. 238 p.). Мы считаем более плодотворным подход с акцентом на «нестабильность социальных статусов и ролей» (См.: Особенности модернизации социальной структуры российского общества: монография / З. Т. Голенкова [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 200 с. // URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=6805 (дата обращения? 30.03.2021).

стикой доступности высшего образования. Доступность — это возможность выбора, поступления в вуз и обучения в нем для разных индивидов и групп. Социологически значимой (и измеримой) становится степень этой доступности.

В 2016 г. респонденты оценили доступность качественного высшего образования в Свердловской области в основном положительно. Даже с учетом того, что респонденты два-три года назад на себе ощутили реальную доступность образования, их ответы весьма показательны. С одной стороны, преобладает мнение: в нашем регионе качественное высшее образование доступно (особенно в этом были уверены «естественники»), и эти оценки совпадают с общефедеральными. По этим данным, в 2014 г. Свердловская область среди российских регионов по числу доступных мест находилась на 22 позиции, по территориальной доступности вузов — на 17–19, по финансовой доступности — на 24, а по числу качественных («высокоселективных») мест — на 3, уступая только Санкт-Петербургу (1 позиция), Томску (2) и обогнав Москву (4)¹. С другой стороны, распространено и мнение о значительных различиях качества образования между вузами (чаще такое мнение высказывали «экономисты»).

Другой выявленный парадокс в отношении качества образования — несоответствие распространенного мнения о постоянном снижении качества образования, а в среде преподавателей — о снижении качества абитуриентов и впоследствии качества студентов («все хуже и хуже учатся») и преобладающей среди студентов удовлетворенности выбором вуза и профессии. С III этапа (2003 г.) в анкету мониторинга был включен блок вопросов об удовлетворенности студентов учебным процессом и качеством обучения. В целом ситуация с удовлетворенностью не только благополучна, но и достаточно стабильна. Большинство третьекурсников (несмотря на смену целого поколения за годы мониторинга) довольны и выбранным вузом, и осваиваемой профессией. Доля разочарованных этим выбором ни разу за 1995–2016 гг. не превышала 10 %.

В целом данные говорят больше о стабильности, чем о негатив-

¹ Доступность высшего образования в регионах России / А. Д. Громов, Д. П. Платонова, Д. С. Семенов, Т. Л. Пырова ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2016. 32 с. С. 9–13.

ной динамике. Вузом удовлетворены чуть больше, чем профессией, что, очевидно, связано с определенным различием этих форм удовлетворенности. Удовлетворенность вузом — оценки его престижности в молодежной среде и социально-психологического климата в организации — оказалась практически неизменной. Удовлетворенность профессией — косвенный показатель ее востребованности на рынке труда — связана с представлениями молодежи о возможности сделать успешную карьеру. Статистически заметный, хотя пока незначительный рост числа неудовлетворенных профессией в 2012–2016 гг. может свидетельствовать о постепенном повышении запроса на качественное образование. В 2016 г. мы попытались развести два аспекта удовлетворенности — качество образования и качество профессиональной подготовки. Оказалось, что для студентов эти аспекты фактически тождественны, но удовлетворенность качеством образования немного опережает качество профессиональной подготовки (ответов «да, полностью» — 24 % и 18 %, «скорее да, чем нет» — по 60 %). Только среди респондентов естественнонаучного направления удовлетворенность профессиональной подготовкой оказалась несколько выше, чем качеством получаемого образования в целом.

Но только один из восьми студентов, вполне довольных обучением, не высказал тех или иных замечаний по содержанию или организации учебного процесса. Конечно, следует учитывать некоторую ограниченность видения студентами учебного процесса и тем более — целей, способов и результатов реформирования системы образования. Но признавать ограниченность не означает пренебрегать оценками студентов и игнорировать роль образования как социального взаимодействия образовательных общностей.

Прежде всего, на себя обращает внимание тот факт, что в сравнении традиционных и инновационных методов обучения студенты отдают предпочтение первым. За этим — не столько неприятие инноваций, сколько неготовность многих из них к работе по-новому (а возможно, и их реакция на не очень высокое у части преподавателей качество реализации инновационных методов). Хотя в целом качеством преподавания удовлетворены четверо из каждых пяти, связь преподавания с жизнью, реальной работой по профессии вызывает бóльшие нарекания. В зависимости от профиля подготовки эта проблема наиболее значима для студентов технических специальностей, далее следуют студенты социально-экономического и гуманитарного

профиля. Но особенно критично оценивают респонденты недостаточное привлечение к проведению занятий специалистов предприятий, бизнес-структур, органов власти. В рамках организации учебного процесса меньшую удовлетворенность респонденты проявили в отношении учебных и производственных практик, режима учебного труда и отдыха, равномерности распределения учебной нагрузки. Результаты мониторинга в 2012–2016 гг. отразили значительную удовлетворенность студентов *отношением к ним других участников учебного процесса* (преподавателей, УВП, администрации вуза — в диапазоне от четырех из пяти до трех из четырех). Гораздо больше у них претензий к привлечению к НИР кафедры и индивидуальной работе преподавателей со студентами. Конечно, ситуация требует более детального анализа. И в преддверии дальнейшего внедрения модульных принципов, индивидуальных траекторий, предполагающих и самостоятельность студентов, и важность их квалифицированного сопровождения, обратить внимание на проблему, безусловно, необходимо.

Ответы респондентов (2012–2016 гг.) об их удовлетворенности учебой выводят на еще один, нередко игнорируемый «модернизаторами», парадокс — для студентов важнее всего оказалась *традиционность* образовательного процесса. И это в условиях, когда цель модернизации — развитие инновационных форм обучения, прежде всего дистантного (не воспринимаемого большей частью респондентов). Более того, заметен спад удовлетворенности такими инновациями, а это явно не тот результат, на который рассчитывали авторы реформ. Что за этим парадоксом — неготовность студентов к инновационным формам, неготовность преподавателей работать в электронной образовательной среде или несовершенство предлагаемых платформ? Скорее всего — необходимость постоянного противостояния возрастающим потокам информации, к тому же требующим постоянной переработки, тем более что цифровая среда способствовала снижению напряженности в обеспечении учебно-методической литературой и учебниками, которая устойчиво удовлетворяет трех из четырех респондентов.

Применительно к VIII этапу мониторинга (2020 г.), когда работа в онлайн-режиме стала всеобщей и обязательной, особенно важно было выяснить — сохранились ли или изменились отмеченные выше оценки дистантного обучения?

Модернизация российского высшего образования остается «вещью в себе»: она проводится как бы *для* студентов, но на самом деле *без них*.

Это противоречит пониманию молодежи, в том числе студенческой, как важнейшего *ресурса* социального развития. К тому же российская модернизация высшего образования осуществляется преимущественно «сверху», даже преподавательская общность (и тем более — студенчество) рассматривается не как ее актор, а как исполнитель уже принятых управленческих решений, организационно-структурных изменений и содержательных инноваций.

Студенческая жизнь начинается с поступления в вуз и *адаптации* студента в вузе. Успешная, эффективная, оптимальная адаптация, начиная с I курса, к жизни и учебе в вузе — залог дальнейшего развития каждого студента как человека, гражданина, будущего специалиста. Этим определяется исследовательский и практический интерес к изучению разнообразных и противоречивых проблем адаптации. Конечно, с учетом специфики выборки (студенты III курса) в вопросе об адаптации был использован ретроприем, и респонденты оценивали свою адаптацию с «вершин» опыта обучения. Прослеживается четкая тенденция: до половины (в 2016 г. — почти 3/5) оценили свою адаптацию как «нетрудную» и «недолгую»; для каждого третьего (в 2016 г. — четвертого) период адаптации вообще оказался ненужным (конечно, вряд ли такое самомнение адекватно отражает реальные результаты и достижения адаптационного процесса, к тому же, возможно, сказываются и негативные аспекты «синдрома третьекурсника»); на всех этапах мониторинга для каждого шестого процесс адаптации был трудным и долгим. Устойчивость выявленных трендов предопределила решение — в рамках коррекции инструментария снять блок вопросов по адаптации к вузу, вузовской жизни.

Более информативными были ответы о тех конкретных сложностях и проблемах, которые затрудняли вхождение первокурсников в студенческую жизнь. Только один показатель — «перегруженность учебными занятиями, неудобное расписание» оставался в тройке приоритетных трудностей, с которыми сталкиваются студенты на протяжении 2007–2016 гг. Важнейшей — к сожалению, негативной — особенностью результатов исследования в 2016 г. явилась фиксация большого количества студентов, которые отметили неудовлетворительную работу кураторов академических групп (каждый третий). Среди значимых трудностей — недостаточная довузовская подготовка и неумение организовать себя. Это определяет важность совместной работы вузов и школ по формированию умения учиться. Еще одна проблема — сре-

ди тех, кто помог адаптироваться, респонденты выделяют старшекурсников и однокурсников, гораздо реже — преподавателей. Вероятно, многие преподаватели на I курсе недооценивают свою адаптационную функцию. Крайне низко (по оценкам респондентов) и влияние на адаптацию курса «Введение в специальность».

Важнейшая проблема мониторинга — профессиональное самоопределение студентов (от мотивации выбора вуза и профиля до планов после окончания вуза). Среди проблем профессионального выбора *на уровне школы* особенно остро стоит вопрос о соотношении выбираемой профессии с личными склонностями и способностями абитуриента. И тут можно выделить ряд аспектов проблемы: нечеткость самого выбора; расплывчатый образ «будущей профессии»; отсутствие четкого представления о требованиях профессии к работнику; неумение (неподготовленность) многих выпускников школ (да и студентов) выявить свои склонности и способности, тем более — соотнести их с требованиями той или иной профессии. К сожалению, психодиагностика — слабое звено и системы профориентации, и профконсалтинга.

Интересна также динамика мотивов выбора вуза. Основные тренды профессионального выбора таковы:

- усиливается влияние *прагматических, меркантильных мотивов* (они на первом плане, устойчиво занимая первое место в ранговом ряду). Но качественный анализ отражает сложность этого мотива — за ним все чаще стоит усиливающаяся ориентация молодежи на справедливость (включая представление о высшем образовании как пути к жизненному успеху);
- остается приоритетной *профессиональная* направленность выбора вуза, но одновременно все четче проявляется и *депрофессионализация* — в *высшем профессиональном образовании* акцентируется *высшее*;
- рост значимости *статусных* моментов (престиж, авторитет вуза);
- все еще велика доля *случайных* мотивов;
- сохраняется *недооценка* молодыми людьми своего *профессионального призвания* (связано и с неумением определить склонности, способности);
- нарастает *самостоятельность* (*индивидуализация?!)* выбора, снижается роль семейных традиций, школьных учителей;
- начинает сказываться (но крайне медленно) *профильность обучения в общеобразовательной школе*;

- не меняется *низкая оценка* (возможно, как отражение низкой роли) влияния профориентации, профориентационной работы.

Заметен определенный разрыв между «*хочу*» и «*могу*». Что касается третьего компонента выбора — «*надо*», заметно изменение ориентаций: от *долга, служения людям* — к личному успеху, все чаще измеряемому уровнем заработка, дохода. Ответы студентов отражают и позитивные тренды: высокую значимость содержательной стороны профессиональной деятельности («творческой, интересной работы»), возрождение в новых условиях коллективистских ориентаций.

Профессиональные ориентации конкретизировались в мониторинге на основе представлений «Что для вас наиболее значимо в будущей работе?» Что же отразили ответы респондентов:

- устойчиво (при некотором количественном сокращении) приоритетна возможность высоких заработков;
- столь же устойчивы значения ряда важных индикаторов (прежде всего, — возможности карьеры, достижения высокого профессионализма, что отмечено в 2012–2016 гг. каждым вторым; чуть снизилось значение, но остались достаточно значимыми социальные показатели — возможность принести пользу людям; возможность достичь признания, уважения — в 1999 г. их отметил каждый третий, в 2016 г. — каждый четвертый);
- гораздо мёньшее значение стало придаваться самостоятельности, независимости, отсутствию мелочной опеки, регламентации (снижение в два с лишним раза); соответствию профессии способностям, знаниям, умениям человека (в три с лишним раза);
- усилилась (в четыре раза) недооценка связи профессии с современной техникой, новейшими технологиями.

Данные мониторинга косвенно свидетельствуют о распространенности *ориентации не на специальность, а на высшее образование как таковое*. Очевидно, такая «депрофессионализация» (точнее — уход от узкой специализации) — отклик на динамично изменяющийся социум, в котором усиливается неопределенность. Ситуация, когда вуз рассматривается частью абитуриентов и студентов (особенно женской их частью) скорее как форма продолжения обучения в высшей школе, чем как возможность получить необходимую профессию и квалификацию для дальнейшей работы, становится все более «привычной».

Какими же были *профессиональные планы* свердловских студентов? В целом, тенденции предшествующих лет сохранились и в 2016 г.

Доля студентов, планировавших работать по специальности, снизилась с уровня последних этапов (каждый второй, два из пяти) до каждого третьего. По сравнению с 1990-ми гг. доля респондентов, планировавших открыть свое дело и заняться предпринимательством, оставалась невысокой — на уровне одного из семи. Хотя и стала более реалистической, сократившись — по сравнению с 2003 г. — вдвое. По-прежнему была низкой доля студентов, которые хотели бы заниматься наукой, делать научную карьеру (менее 1 %). Доля студентов, планировавших продолжить образование, в 2016 г. выросла и достигла уровня 2003 г. (каждый пятый). Но если для 2003 г. продолжение образования обычно подразумевало получение второго высшего образования, то для 2016 г. это — и обучение в магистратуре.

Все более массовым становился феномен *работающего студента*. За 1995–2016 гг. мониторинг выявил ряд аспектов этой проблемы. Прежде всего неустойчивость и противоречивость статуса. Для работодателей он — удобный работник (но более половины работают без трудового договора, многие с началом кризиса были уволены). Для вуза и — главное — многих преподавателей он просто студент. Ситуация обостряется тем, что лишь у одного из пяти работающих студентов работа связана с осваиваемой профессией, у одного из четырех — связана, но незначительно, частично.

Социальное самочувствие студентов определяется тем, как решаются те или иные *социальные проблемы*. Какие же социальные проблемы наиболее беспокоят студентов? Как за 1995–2016 гг. менялось ощущение остроты тех или иных проблем? В конце 1990-х гг. как наиболее острая *социальная* проблема оценивалось трудное материальное положение, в начале 2000-х — распространенность наркомании, алкоголизма, культа силы и насилия в молодежной среде, в 2012–2016 гг. — опасение не найти работу после окончания вуза (кстати, и среди наиболее волнующих личных проблем приоритет — «как найти хорошую работу»). Этим сильнее были озабочены студентки; сказывалась реальность: у безработицы четко обозначилось «интеллектуальное, женское лицо». Наименьшие изменения оказались присущими зоне низкой напряженности — с сохранением и позитивных (устойчиво большинство респондентов не отмечало в перечне беспокоящих их проблем низкое качество образования), и негативных моментов (недооценка значимости нормальных условий для полноценного культурного досуга). В этих условиях актуализировалась потребность в качественном

совершенствовании работы вузов по трудоустройству своих выпускников и возрождении традиционной системы распределения выпускников, вызывавшей немало нареканий, но и — как становится понятно сегодня — выполнявшей важные социально-защитные функции.

Результаты мониторинга 1995–2016 гг. отразили необходимость вносить коррективы в сложившуюся практику ежегодного сокращения бюджетных мест по социально-экономическому и управленческому направлениям. Соотнесение этой практики с необходимостью устранить сложившийся перекос — «нехватка инженерных кадров» — в принципе понятна. Но не должна недооцениваться и другая сторона проблемы — не слишком ли велика доля контрактников в вузах, готовящих специалистов для последующей реализации важных социально-государственных функций — учителей, врачей, управленцев, юристов и т. д.?

Важный аспект социального статуса студенчества — *место жительства в период обучения*. Изменение состава студенчества (рост доли иногородних студентов), растущие материально-бытовые трудности «общежитской» жизни и возможности части родителей (а на старших курсах и самих студентов) снять жилье — все это влияло на расселение студентов. За 1995–2016 гг. четко прослеживается ряд тенденций. В основном устойчива и не очень значима доля тех, кто *проживает у родных и знакомых* (в диапазоне — 3–6 %), *на частной квартире* (10–15 %) или *имеет свою жилплощадь* (4–7 %). Сокращается доля тех, кто *проживает с родителями*. За 1999–2016 гг. она уменьшилась почти вдвое, в том числе за 2012–2016 гг. — на четверть. Одновременно столь же четко прослеживается рост числа студентов, *проживающих в общежитии* (вдвое), сегодня почти каждый второй (46 %) проживает в общежитии. Учет этого тренда потребует на перспективу не только расширения масштабов строительства студенческих общежитий в Екатеринбурге и резкого повышения комфортности проживания студентов в них, но и возрождения роли общежития как основного центра внеучебной работы со студентами.

Пожалуй, наибольшие изменения за 1995–2016 гг. произошли в *семейном статусе* студенчества, прежде всего за счет состоящих в браке. На первом этапе мониторинга в 1995 г. состояли в браке 11 % студентов (среди студенток 15 % были замужем, т. е. почти каждая шестая; среди студентов-мужчин были женаты лишь 6 %). К выпускному курсу (тогда это был 5 курс) число семейных студентов, как показыва-

ли исследования того времени, достигало 40–45 %. В дальнейшем их доля начала сокращаться. В 1999 г. состояли в браке лишь 6 % (среди студенток — 8 %, среди студентов — 4 %). Сократилось до 3 % и число тех, кто имеет детей. В 2003 г. доля студентов, имеющих детей, осталась такой же, а в 2007 г. она вновь уменьшилась до 2 % и оставалась неизменной до 2016 г. Применявшееся с 2003 г. разграничение в анкете состояния в зарегистрированном или незарегистрированном браке позволило зафиксировать изменяющееся отношение к этому явлению. Уже в 2003 г. утвердилось соотношение между незарегистрированным и зарегистрированным браком — 2: 1; оно сохранялось и на последующих этапах мониторинга, а к 2016 г. возросло до 3: 1.

Ситуацию, когда большинство респондентов (в 2016 г. — три четверти) определили свое семейное положение как «холост» («не замужем»), вполне можно объяснить смещением темпов социализации и особенностями выборки. Однако высокий процент живущих в гражданском (незарегистрированном) браке, а об этом заявил каждый девятый респондент, свидетельствует о значительных ценностных изменениях в общественном сознании: сожителство, «совместная жизнь» (*living together*), стало привычным явлением. И это уже не слабый, а совершенно отчетливый сигнал обществу: незарегистрированный брак (или «брачная свобода») выступает в качестве одной из основных угроз традиционной семейной жизни молодых россиян. При этом неоформленные брачные отношения допустимыми считают в равной степени и мужчины (на что обычно «закрывали глаза»), и женщины (что до недавнего времени категорически осуждалось). Очевидно, что высокая степень «укоренения» сожителства влечет за собой комплекс проблем, возникающих из необходимости выполнения традиционно присущих семье обязанностей в условиях отсутствия закрепленных юридических обязательств. И главной является, на наш взгляд, даже не имущественная проблема, как правило, возникающая в результате разрушения «пробных браков», а проблема «пробных детей», автоматически попадающих в категорию воспитывающихся в неполных семьях.

Достаточно показательными были и планы студентов по созданию своей собственной семьи: лишь 1 из 5 респондентов рассматривал это как сравнительно близкую перспективу, столько же пока не имели подобных планов, 3 из 5 отодвигали создание собственной семьи на несколько лет. Жизнь все больше убеждает, что зарегистрирован-

ный брак для студенчества — лишь одна (для многих — далеко не самая главная) из форм семейной жизни.

На эти перемены существенно повлияли *изменения в половой морали молодежи и студенчества*, зафиксированные уже в конце 1990-х гг.: три из каждых пяти респондентов относились к свободной интимной жизни одобрительно, лишь каждый пятый — безразлично, столько же — с осуждением. При этом почти для каждого второго это стало нормальной жизненной практикой. Сегодня речь нередко идет не столько о недопустимости (в оценках общественного мнения и в поведении) ранних интимных отношений, сколько о том, какой — *социально допустимый* или *асоциальный* — характер они приобретают. Соответственно, и задачи воспитания студенчества сегодня должны включать формирование культуры интимных отношений, взаимного уважения сексуальных партнеров друг к другу, преодоление «двойных стандартов» в половой морали (особенно юношей).

Подчеркнем и то, что социологи молодежи должны не только изучать молодежь, но и защищать ее — от негативно-осуждающих оценок (далеко не всегда оправданных, но, к сожалению, широко распространенных). И в этом плане мы согласны с идеей Ю. Зубок и В. Чупрова о «рационализации брачных отношений современной молодежи»¹: «С позиций молодежи, когда будущее выглядит неопределенным и непредсказуемым и ни в чем и ни в ком нельзя быть уверенным, незарегистрированный брак избавляет от необходимости немедленного решения многих проблем и ответственности за них. Можно пока не думать о постоянном жилье, не приобретать предметы длительного пользования, не искать постоянную работу, отложить до лучших времен рождение детей и заботу о них».

Поскольку отмеченные изменения (усиленные сокращением обучения в бакалавриате до 4 лет, а именно бакалавры теперь — основной объект нашего исследования) заметно снизили роль и значимость «студенческой семьи» в ее традиционном значении, было принято решение акцентировать внимание VIII этапа мониторинга (и последующих этапов) на демографических и репродуктивных установках студентов,

¹ См.: Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социология молодежи. Учебное пособие. М. : МИИТ, 2009. 322 с. С. 270—271. Во время подготовки монографии к печати В. И. Чупров ушел из жизни. Авторский коллектив сохранит память об этом выдающемся российском социологе молодежи.

их подготовке (и готовности!!) к вступлению в брак и ответственному выполнению роли супругов и родителей (матерей и отцов).

В 2016 г. в анкету был включен вопрос «Что угрожает Вашей безопасности?». Наряду с ожидаемыми оценками (терроризм, кризис экономики, возможность остаться без средств к существованию) удивила (в ответах каждого второго) обеспокоенность «оказаться в одиночестве, быть непонятым однокурсниками». Распространенность индивидуалистических настроений сегодня, как фиксируют и социологические, и психологические исследования, — реальный феномен. Для многих студентов компьютерное общение заметно потеснило непосредственное межличностное общение. Но в ответах студентов понимание одиночества как опасности, угрозы превалирует над стремлением к одиночеству как «уединенности». А это означает важность распространения «командных» (*team*) форм организации учебного процесса и коллективных форм студенческого досуга. Нужно учитывать и изменяющееся понимание коллективизма (от «все, как один», — к «от усилий каждого зависит успех коллектива», т. е. коллектив — не «единство одинаковых», а «единство разнообразия»). И еще один важный момент — большинство студентов отвергли распространенный стереотип о значительных масштабах коррупции в вузах. Хотя на опасность коррупции в их вузах указал почти каждый третий студент. Насколько реальны эти опасения, сказать достаточно сложно. Но неверно игнорировать это субъективное мнение, своеобразную «информацию к размышлению».

Стержень социокультурного анализа — выявление *ценностных* ориентаций. Исходный момент такого анализа — определение общих жизненных ориентиров. Весьма условно в анкету была заложена известная альтернатива Э. Фромма «Быть или Иметь?». Для более половины респондентов был характерен акцент на *достижительную* жизненную стратегию («хавательную» — звучит это на молодежном жаргоне как производное от *to have* — иметь). Значительно меньше респонденты (два из пяти) отдают предпочтение нравственной стороне жизненных успехов. Практически отвергнуто соотнесение жизненных стратегий с «духовностью».

Обобщение результатов многолетних исследований позволило выявить основное и неизменное свойство ценностного сознания студенчества — его принципиальный амбивалентно-транзитивный (переходный) характер, оказывающий непосредственное влияние

на эклектичную направленность ценностных ориентаций. Основной исследовательский вывод мониторинга — устойчивость ценностных приоритетов студенчества.

Результаты мониторинга в 1995—2016 гг. выявили *содержательное многообразие жизненно важных ценностей-целей*. Набор терминальных ценностей отражает важнейшие сферы самореализации студентов и систему их жизненных ориентаций. Интегрирующее ядро ценностных ориентаций респондентов составляют общепринятые, социально одобряемые, идеологически нейтральные, ценности частной жизни — здоровье, семья (и родительская, и собственная), самореализация (возможность реализовать свои способности). Материальное благополучие, после лидирующих позиций здоровья и семьи, является доминантой жизненных ценностей и поведенческих приоритетов молодежи. Материальное благосостояние ценится гораздо выше свободы, независимости, ценность оплаты труда превалирует над ценностью интересной работы. Работать по специальности после окончания вуза намерена только треть студентов. Каждый пятый опрошенный готов продолжить (или все-таки получить?) образование в магистратуре, отсрочив начало профессиональной деятельности еще на 2—3 года. Вывод напрашивается сам собой — для значительной части студентов специальность, получаемая в вузе, не дает им профессии, которая могла бы создать основу для их благополучия на долгие годы. Прожективная ориентация на интересную работу в будущем, поиск дела по душе — у половины студентов *не связан с получаемой специальностью, профессией*.

Однако выявлена и позитивная ценностная переориентация: на смену *патерналистских* и в какой-то мере *инфантилистских* настроений («Я могу чего-то добиться в жизни только благодаря помощи извне») приходит осознание необходимости прежде всего личностных, деятельностных усилий («Мой успех зависит от меня, от моей предприимчивости»). Важная роль в установках респондентов отводится *образованию*, которое выступает в качестве основы, фундамента для будущей успешной жизни (особенно это присуще студентам из села, ПГТ, малых и средних городов).

Исследование в течение 1995—2016 гг. гражданской культуры (и ее ядра — политической культуры) студенчества позволило выявить основные (устойчивые!?) характеристики его отношения к политике: *политика не является приоритетной сферой интересов и потребностей сту-*

денческой молодежи; интерес студенческой молодежи к политике носит в основном *ситуативный* характер, молодежь не безразлична к политике в отношении к конкретным политическим событиям в стране, регионе, но политическая заинтересованность проявляется у нее избирательно (от случая к случаю); основная форма интереса молодежи к политике — *информационная*. Аполитичность значительной ее части выступает следствием и крушения традиционных идеологических стереотипов, и неприятия молодыми людьми любых попыток манипулировать ими для достижения политических выгод и целей. В результатах мониторинга обращает внимание, что на первый план в оценках респондентов (которые в силу специфики вопроса выступают как своеобразные эксперты) выходит не негативное или безразличное отношение к политике, не отсутствие интереса к ней, а *недоверие ко многим политикам* и главное — *неуверенность, что личное участие может иметь значение*. В интерпретации этой неуверенности можно (ссылаясь на предыдущие исследования) выделить ряд аспектов. Неуверенность, конечно, отражает реальную политическую отчужденность многих молодых людей. Но все чаще — особенно среди студенчества — приобретает форму *неприятия дилетантизма, непрофессионализма в любой сфере жизнедеятельности* (в данном случае — в политической сфере). Дело не в какой-то *априорной «аполитичности молодежи»*, как нередко утверждается политиками и правой, и центристской, и левой направленности. Главное (и это отражает растущую политическую активность молодежи, особенно студенческой), насколько реальная политическая жизнь позволяет (или — не позволяет) ей почувствовать себя субъектом политических процессов и перемен, насколько реальные политики вызывают (или — не вызывают) ее доверие, защищают (или — не защищают) ее жизненные интересы (в данном случае перекося почти всех политических сил России в предвыборных ориентациях на электорат более старшего возраста весьма показателен), подтверждают (или опровергают) стереотип «политика — грязное дело». За годы мониторинга оставалось неизменным и даже усиливалось главное — более половины респондентов (в 2012 г. три из пяти, в 2016 г. — уже два из трех) *или не придерживаются никакой идеологии, или не имеют четких ориентаций*. Результаты последних этапов мониторинга во многом сходны и отличаются лишь акцентами на ту или иную позицию.

Важная исследовательская проблема на всех предыдущих этапах мониторинга (1995–2016 гг.) — *отношение студентов к своему здоровью*.

Нами реализовывался *социологический подход к здоровью* — его понимание как «оптимальных возможностей индивида эффективно выполнять свои роли и задачи, для которых он был социализирован» (Т. Парсонс)¹ и четкий целевой ориентир: «социологи изучают общественное здоровье для того, чтобы понять механизмы, способные регулировать отношение человека к здоровью, его социальную обусловленность и место здоровья в системе ценностей»².

Выяснилось, что интерес студентов к *информации о здоровом образе жизни* достаточно устойчив. В основном сохраняются и противоречия, которые были зафиксированы еще на первых этапах. Прежде всего это преимущественная ориентация на спортивный компонент ЗОЖ, но в ее особой и пассивной в какой-то мере вариации «болельщик». Сохраняется и преобладание роли СМИ, особенно телевидения. При общей утрате телевидением роли значимого для студентов канала информации в отношении спортивных передач эта роль сохраняется: на протяжении всех предыдущих лет мониторинга (1995—2016 гг.) каждый четвертый-пятый регулярно смотрел спортивные телепередачи, каждый второй-третий занимался этим, но нерегулярно.

Интересно и то, *какие знания и умения по валеологии* привлекали студентов. Заметна тенденция переориентации студентов от проблем физического здоровья к проблематике психического здоровья. Возросла еще больше значимость культуры интимных отношений (ее приоритетность осталась неизменной). Высокий интерес можно было бы соотнести с возрастными особенностями, но одновременно он отражал и своеобразный информационный вакуум, который все еще сохраняется вокруг проблемы интимных отношений. Взрослые (и родители, и преподаватели) стесняются или считают, что сегодня у молодых достаточно источников такой информации и без них (достаточно сослаться на перенасыщенность СМИ «околосексуальной» информацией), но обществом явно недооцениваются реальные трудности, с которыми сталкиваются молодые люди, когда на них обрушивается поток противоречивой и разнокачественной (порой низкопробной, пошлой) информации. Вольно или невольно молодежь подталкивается в сво-

¹ См.: Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с. С. 58.

² Дробижева Л. М. Ценность здоровья и культура нездоровья в России // Безопасность Евразии. 2004. № 1. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Drobizheva3.htm> (дата обращения: 30.03.2021).

ем сексуальном поведении к ориентации на принцип «проб и ошибок». А ведь эти ошибки — сломанные жизненные судьбы. Сохраняет свою значимость и интерес к освоению методик профилактики стрессов и утомления. К ним добавился и возросший интерес к восстановительным и коррекционным методикам.

Преобладала явно завышенная *самооценка состояния своего здоровья*. Если выразить самооценки по пятибалльной шкале, уже в 2012 г. общий итог был достаточно высок: 3,64. И юноши (3,69), и девушки (3,60) были сходны в своих самооценках. В 2016 г. оценки стали еще более высокими — 3,80 (почти одинаковыми и у юношей — 3,82, и у девушек — 3,79, с той только разницей, что у юношей чуть больше крайних оценок, а у девушек они усреднены). Сохранялся, хотя и медленно сокращался, разрыв между вербальным и реальным валеологическим поведением.

Исследование выявило основные тренды динамики студенческого досуга:

а) некоторое снижение роли такого досугового занятия, как *прослушивание музыки*;

б) уже в 2003 г. было зафиксировано значительное возрастание выбора позиции *хобби*, оно продолжилось, в 2016 г. *любительские занятия* вышли на первое место среди всех досуговых занятий;

в) компьютеризация и индивидуализация досуга определили еще две заметные тенденции. Произошло заметное *сокращение коллективно-развлекательных занятий*. За годы мониторинга втрое сократилась доля тех, кто отдавал предпочтение вечеринкам как досуговому занятию. Сходным (втрое) было и сокращение тех, кто в свободное время предпочитал посещать дискотеки. С другой стороны, — заметно и снижение роли и значения *культурных практик*: чтение (за 1995–2016 гг. — в 1,7 раза), посещение учреждений культуры (театры, кинотеатры, музеи, выставки) — в 1,5 раза, просмотр телепередач — в 4 раза;

г) противоречиво изменялись за годы мониторинга *предпочтения* в отношении *активных форм досуга, формирующих здоровый образ жизни*: выезды на природу, туризм; занятия спортом. В пятерке приоритетных занятий они сохранили свое место. Но за 1995–2012 гг. наметилась тенденция к медленному снижению доли тех, для кого занятие спортом — приоритетное досуговое занятие. И тем примечательнее, что в 2016 г. эта тенденция была нарушена. Да и по выездам на природу — после сравнительно длительного периода (1999–2012 гг.), когда

удельный вес предпочтений данному виду занятий, резко сократившийся в сравнении с 1995 г., оставался практически неизменным — в 2016 г. возрос;

д) как в целом по массиву, так и в отдельных группах, модель досуговой деятельности была (по материалам мониторинга в 1995–2016 гг.) ориентирована в основном на *потребление культурных ценностей* — «слушаю музыку», «смотрю телевизор», «читаю» и т. п. Большой разброс оценок свидетельствует о том, что *рекреативные (отдых) и развивающие формы досуга* представлены в равной мере.

Социальное самочувствие молодежи наиболее полно отражается в настроениях и ожиданиях молодых. Ситуация в главном не изменилась и к VII этапу мониторинга (2016 г.): *в сознании молодежи альтернативы реформам нет*. Лишь 1–2 % студентов воспринимает как необходимое условие улучшения социальной ситуации возврат к прежним порядкам. При этом в их сознании прежние порядки существуют по большей части не как собственный жизненный опыт, а как исторический феномен, транслируемый старшим поколением. В этом проявляется *инерция движения*. Поэтому ни о каком возврате к прошлому, поддержанном многими молодыми, речь идти не может. Проблема для молодых стоит в иной плоскости: как — по темпам, методам — будут осуществляться реформы? Одновременно усилилась адаптация молодежи к новым социально-экономическим отношениям. Многие феномены рыночного образа жизни, пусть даже в условиях полудикого рынка, к сожалению, до сих пор не ставшего цивилизованным, не воспринимаются значительной частью молодежи как аномальные. В них видится способ вхождения в рыночные отношения, возможность адаптироваться к новым условиям.

В 2012–2016 гг. заметно (почти вдвое) сократилась доля *«умеренных оптимистов»*, считающих, что хотя и не скоро, но улучшения произойдут. Одновременно осталась устойчивой доля *«розовых оптимистов»* (каждый четвертый), уверенных, что «лучше будет уже завтра». Это отражает неоднородность нового поколения молодежи, где прагматизм и реализм сочетаются с неистребимым оптимизмом, верой в обязательное чудо, вера в его осуществление (инерция ценностных ориентаций). По-прежнему в сознании многих студентов вероятность «чуда в моей жизни» представляется значительно большей, чем коллективного, общесоциального. Смещаются оценки — «пусть вокруг многое плохо, но это вокруг; меня это не коснется». Практически не утрати-

ла позиций *привычка терпеть*, в которой переплетаются и консерватизм, традиционность, и устойчивость, стабильность. Незначительность этой группы (3–4 %) показывает, что терпения может хватить ненадолго.

Наибольшую тревогу вызывает утверждение в студенческом сознании *психологии нувизма* — стремления жить только сегодня, сейчас, «не забивать себе голову», ориентация на сиюминутность в выборе, поступках, поведении (в 2016 году это отметил каждый четвертый). В какой-то мере это — отражение стихийного протеста молодежи против навязывавшихся ей стереотипов: сегодня готовиться к завтрашней жизни. Но в том-то и проблема (а для многих — трагедия), что жизнь не завершается сегодняшним днем. «Сегодня» тысячами нитей — профессией, местом жительства, семьей и т. д. — связано с «завтра». Потеря многими перспективы — серьезная деформация их ценностно-мотивационных установок. И это — один из факторов, определивших наше решение акцентировать внимание на VIII этапе мониторинга на отношении студенчества к будущему.

2. Ориентиры будущего — становление и углубление субъектности молодежи¹

Саморегуляция отражает становление субъектности молодежи, как способности активно и автономно существовать и действовать в изменяющемся обществе.

Ю. А. Зубок, В. И. Чупров

В 2020 г. исполняется 25 лет с момента издания на Урале «Социологии молодежи»², одного из первых отечественных учебных пособий по отраслевой социологии. Основное значение этого труда — реализация в социологии молодежи *деятельностной, самореализационной* концепции культуры, обоснованной Л. Н. Коганом, которое позволило обосновать качественное изменение трактовки воспитания молодежи с акцентом на активность человека: «Воспитание есть не что иное, как превращение личности из объекта воздействия культуры в творца и создателя культуры. В этом смысле духовно богатый человек — одновременно и объект, и субъект культуры»³. В курсе этого методологического принципа находился и прозвучавший в годы перестройки призыв Когана изменить ориентиры и установ-

¹ Глава подготовлена на основе доклада: Ориентир на будущее — становление и углубление субъектности молодежи / Ю. Р. Вишневский, М. В. Певная, Д. Ф. Телепаева, А. Ю. Южакова // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы XIV Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 16–17 ноября 2020 г.: в 2-х т. Т. 2. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2020. С. 163–176.

² Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи : учеб. пособие. Екатеринбург, Н. Тагил, 1995. 311 с.

³ Коган Л. Н. Духовное производство и культура // Вопросы духовной культуры советских рабочих. Вып. 1. Свердловск, 1969. С. 13.

ки теории и практики воспитания молодежи — «Не хочу быть «объектом!!!»¹. Кстати, отметим, что такая позиция нашего Учителя была во многом созвучна «идее университета» К. Ясперса, считавшего, что «воспитание в университете является процессом образования в направлении полной свободы, а именно процессом, осуществляющимся через участие в духовной жизни, которая здесь происходит»².

Самореализационная теория культуры Л. Н. Когана и его многомерная модель молодежи были той теоретико-методологической основой, постоянно обогащавшейся и углублявшейся, на базе которой с 1995 г. осуществлялся уникальный проект — мониторинг динамики социокультурного развития студентов Среднего Урала. Уже с первых этапов мониторинга выявлялся ряд аспектов *темпорального сознания* студенческой молодежи (в частности, на рубеже веков был зафиксирован всплеск *ноуэвистских* настроений/ориентир — жить «сегодня и сейчас»/); изучались актуальная культура студентов, их представления о будущей работе, жизненные планы. В рамках проходившего в эти же годы федерального мониторинга «Студенчество России о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) рассматривались проблемы *исторической памяти* студенчества³. Учитывая обобщающий характер анализа итогов мониторинга студенчества Среднего Урала за 1995–2016 гг.,⁴ мы решили на VIII этапе сосредоточить внимание на темпоральных установках студенчества, акцентируя проблематику на том, как молодые люди становятся субъектами своей исторической памяти, своей актуальной культуры, как они конструируют свое будущее.

Категория «человеческой субъектности», как справедливо отметил Б. Дубин, — «центральная для модерна»⁵, и у нее глубокие историко-философские корни. В частности, именно с ней соотносил И. Кант

¹ Коган Л. Н. Не хочу быть «объектом» // Молодой коммунист. 1989. № 9. С. 3–11.

² Ясперс К. Идея университета. Минск : БГУ, 2006. 159 с.

³ Спасибо прадеду за Победу : Монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

⁴ СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 904 с.

⁵ Дубин Б. Координата будущего в общественном мнении // Вестник общественного мнения, 2010. № 2 (104) С. 7–12.

смысл Просвещения: «*Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия*, в котором он находится по собственной вине. *Несовершеннолетие* есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!* — имей мужество пользоваться *собственным* умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения»¹. Сегодня актуализируется и позиция Ж.-П. Сартра, подчеркивавшего активность (не пассивность) ожидания будущего и отмечавшего его *субъективный* момент: «...у каждого настоящего есть свое будущее, которое освещает его и которое исчезает вместе с ним, становясь прошлым-будущим»².

Идея *субъектности молодежи* была обоснована и углублена в работах известного организатора и теоретика юнологии (науки о молодежи) И. М. Ильинского³ и социологов его школы (А. И. Ковалева, В. А. Луков, Б. А. Ручкин⁴). Подчеркивалось, что субъектность не есть исходное и неотъемлемо присущее молодежи, атрибутивное качество: «Молодежь обретает *субъектность* по мере самоидентификации, самоосознания своих интересов, роста своей организованности»⁵. Или — более кратко и четко — молодежь определялась как «группа, постоянно *осваивающая субъектность*»⁶. В центре внимания социологов был процесс освоения молодежью субъектности социального развития. Дальней-

¹ Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Собр. Соч. в 6 т. Т. 6. М.: Наука. 1966. С. 25.

² Сартр Ж.-П. Слова. М.: АСТ, 2007. С. 153.

³ Ильинский И. М. Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 5–17; Ильинский И. М. Молодежь. Молодежная политика. Молодежная организация. М.: Терра, 2016. 672 с.; и др.

⁴ См.: Луков В. А. Молодежная политика: Концепция И. М. Ильинского // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 13–24; Практикум по социологии молодежи / Ю. Р. Вишневский, А. И. Ковалева, В. А. Луков [и др.]. М.: Социум, 2000. 296 с.; Ковалева А. И. Социализационные траектории современной российской молодежи // Молодежь и общество на рубеже веков. Международная научно-практическая конференция. 1998. С. 78–83; и др.

⁵ Луков В. А. Молодежная политика: Концепция И. М. Ильинского // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 13–24.

⁶ Ушамировский А. Э. К проблеме субъектности молодежи // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. С. 628–630.

шее развитие этого подхода связано с общим поворотом отечественной социологии в целом (и социологии молодежи в частности), отмеченным выдающимся социологом В. А. Ядовым: «*субъект-объектная*» проблематика заменяется *субъектностью «акторов»*¹.

Весьма существенную роль в обосновании этого поворота и борьбе за него сыграла *теория личности-субъекта* Ядова, его исследования ценностных установок и ориентаций личности². «Рассматривая личность как субъект», — подчеркивал он, — прежде всего необходимо «уяснить, как социальные условия (общие и специфические) сказываются на интересах индивида». «Интересы выступают основным связующим звеном между реальным общественным положением индивида и отражением этого положения в сознании. Через социальный интерес осуществляется обратная связь — от субъекта к его общественному деянию: люди действуют, преследуя определенные социально обусловленные интересы. При этом на основе динамической системы потребностей и предшествующего опыта субъект формирует определенные и относительно устойчивые готовности (диспозиции) к восприятию и способу действий в различных конкретных ситуациях, а формирование новых потребностей, интересов и диспозиций стимулирует творческое, нестереотипное поведение и формы активности, «выход» за рамки жестких ролевых предписаний, возможный лишь при условии развитого самосознания». На основе *диспозиционной теории личности* В. А. Ядов определял основную задачу социологии молодежи как «исследование той возрастной группы, которая находится в процессе подготовки к замещению уходящих поколений и воспроизводству социальной структуры»³. Размышляя о конкрет-

¹ Ядов В. А. Все зависит от нас самих (интервью с Б. З. Докторовым) // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 141–158. Значимость этого поворота нами обосновывалась и в рамках лингво-семантического анализа молодежи: «Подросток по-английски *adolescent* (от лат. *ad + oles cere* — выращивать); по-польски — *wyrostek* (выросший; в русских диалектах — *выросток, выростка*). Тут два различных по смыслу подхода: «меня выращивают» и «я расту, подрастаю». Взрослые (и не только в нашей стране) так долго «выращивали» молодежь. Сегодня пришло время создавать условия для ее саморазвития — в духе идей самореализации.

² Лапин Н. И. Проблема ценностей в исследованиях В. А. Ядова и его коллег // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 3. С. 82–93.

³ Вишневский Ю. Р. В. А. Ядов и возрождение отечественной социологии молодежи, ее поворот к субъект-субъектному и ресурсному подходу // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня

ных стратегиях поведения российской молодежи, Ядов прогнозировал приоритетное развитие *прагматической стратегии* (по определению Н. Генова — «инструментальный активизм»¹), которой присуща «большая концентрация на средствах достижения цели, нежели на самой цели»².

Соответственно, и в социологии молодежи *становление субъектности* начало рассматриваться как «сущностная характеристика молодежи»³. Субъектность предстала как «развернутый во времени процесс» «формирования таких личностных и социальных качеств, реализация которых позволяет молодому человеку выступать субъектом, как индивидуального развития, так и социального»⁴. Реализация субъектности соотносилась с осуществлением молодежью воспроизводственной, инновационной и трансляционной функций. Сходные процессы происходили и в социологии детства. Так, говоря об историческом изменении процесса социализации, Д. Г. Подвойский и Н. П. Наумова отметили «усиление тенденции к пониманию ребенка как социального субъекта», возрастание «значения его активности, избирательности»⁵.

Углубление анализа *субъектности* молодежи связано и с развитием понятия *молодежь*. Не повторяясь⁶, отметим ряд новых моментов.

рождения В. А. Ядова). Сборник материалов Международной научной конференции (Москва, 28–30 ноября 2019 г.) / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 903. с. С. 17–23.

¹ Genov N. Transition to Democracy and Nation- State in Eastern Europe//The Annals of the International Institute of Sociology. Societies, Corporations and the Nation State. New Series — volume 7. Leiden — Boston — Köln: Brill, 2000. P. 149–161.

² Ядов В. А. К вопросу об исторической миссии молодого поколения // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 328 с. С. 253–260. С. 258.

³ Примечательна защита в начале 2000-х гг. кандидатской диссертации по проблеме (Арженовский Б. М. Становление социальной субъектности российской молодежи в условиях общества риска. Казань : КФУ, 2006).

⁴ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Методология целостного подхода в социологии молодежи // Россия: новые цели и приоритеты / под ред. Г. В. Осипова, В. Н. Кузнецова, В. В. Локосова. М. : РИЦ ИСПИ РАН, 2006. С. 84–107.

⁵ Подвойский Д. Г., Наумова Н. П. Детство как социально конструируемый феномен // Вестник РУДН, серия Социология, 2014, № 2. С. 43–60. С. 58.

⁶ См.: Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Социология образования и социология молодежи как методологическая основа как методологическая основа мониторинга свердловского студенчества // СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневско-

Получила дальнейшее развитие *теория рисков* лидеров отечественной социологии молодежи В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок¹, акцентировавшая взаимосвязь рисков личности молодого человека и *социальных рисков*, если «воспроизводственный, инновационный потенциал» молодежи не сможет реализоваться как можно полнее. Было обосновано качественно новое понимание *самореализации личности* как важной *социальной* потребности, ограничивая которую общество рискует. Такая гражданская позиция социологов молодежи одновременно была направлена и против патерналистских ориентаций части молодежи, и против безразличия к социальным проблемам и запросам молодежи.

В работах В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок 2016–2020 гг. углубляется их «*воспроизводственная теория*»: роль молодежи в общественном воспроизводстве конкретизируется ее самоорганизацией и саморегулированием в *культурном* пространстве. Представляется очень важным (и всесторонне обоснованным) их вывод, что при этом «происходит субъективный выбор не только конкретных смыслов и целей, связанных с позиционированием себя в культуре, но и более общий процесс выстраивания жизненных стратегий»². Каждый отдельно взятый молодой человек получает бесценный опыт самоопределения и проявления субъектности в форме постоянной саморегуляции своей жизнедея-

го: Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 25–94. Интересный анализ подходов в социологии молодежи см.: Елишев С. О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «молодежь» в социологии // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 200–223.

¹ См.: Зубок Ю. А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социс. 2003. № 4. С. 42–51; Зубок Ю. А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М. : МГУМ, 1998. 142 с. ; Зубок Ю. А. Проблема риска в социологии молодежи. М. : МГСА, 2003. 268 с. С. 152–157 ; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М. : Наука, 2001. 229 с.; и др.

² Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. 2018. С. 12–48 ; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Культура в жизни молодежи: потребность, интерес, ценность // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9, № 4. С. 171–191 ; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности : монография. М. : Норма, 2020. 304 с. ; Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности. М. : Норма, 2019. 208 с. ; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысловых ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 164–189; и др.

тельности»¹. Авторы ставят вопрос о необходимости «всестороннего и углубленного понимания сущности процессов, происходящих в молодежной среде, особенностей смысложизненных выборов молодежи, ее социальных ожиданий и способов саморегулирования жизнедеятельности».

Спецификой отличался подход Е. Л. Омельченко и ее коллег, много сделавших в освоении опыта зарубежных социологов молодежи и использовании качественных методов в изучении культурных практик молодых россиян². Отмечая суть и новизну их подхода, Е. Л. Омельченко выделила³: «продвижение депроблематизирующего взгляда на молодежь, утверждение молодежной субъектности и особое внимание не к дискурсивным производствам молодежи как некоего целого, гомогенного и массового объекта управления и контроля, а к внимательному исследованию молодежной разности сквозь призму повседневных задач и вопросов, решаемых самими юношами и девушками в периоды взросления и обретения статуса «взрослого». Особую значимость в русле приоритетного для нас социокультурного подхода к молодежи имел акцент исследовательской группы Е. Л. Омельченко на «центральную роль» «молодежных культурных практик» «в формировании связей, привязанностей и солидарностей, которые придают смысл жизни молодежи»⁴.

В фундаментальном исследовании российской молодежи М. К. Горшков и Ф. Шереги⁵, не считая правомерным выделение со-

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности : монография. М. : Норма, 2020. 304 с. С. 5.

² См.: Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность / Под ред. Е. Омельченко, Н. Гончаровой. Ульяновск : Ульяновский гос. ун-т, 2006. 240 с. ; Неокончателный анализ: ксенофобные настроения в молодежной среде / под ред. Е. Омельченко, Е. Лукьяновой. Ульяновск : Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2009. 264 с. ; Omelchenko E. L., Krupets Y., Zhelnina A. A. Citizenship of Russian Youth: The Search for an Effective Methodology // New Methodological Approaches to Youth Research. Cambridge: Cambridge Scholar Publishing, 2015. P. 295–317.

³ Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности: коллект. моногр. / сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с. С. 6.

⁴ Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социальные исследования. 2013. № 10 (354). С. 52–61. С. 59.

⁵ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа (Russian youth within the context of sociological analysis) : монография. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с.

циологии молодежи как самостоятельной отраслевой социологии, фактически внесли серьезный вклад в развитие ее методологических принципов (или — ближе к позиции авторов — в анализ молодежи как гносеологической категории, объекта социальной науки, субъекта воспроизводства социальной структуры). С развитием индустриального общества авторы соотносят «замену метода описательного анализа молодежи, опирающегося на внешние, филогенетические факторы как атрибуты *социализации*, институциональными, онтогенетическими факторами ее *самореализации*»¹.

Уже на рубеже XX–XXI вв. Л. Н. Коган — в рамках общей переро- ориентации социологии молодежи (от «единство = единообразие» до «единство в разнообразии») — обосновал *многомерную модель молодежи*, выделив как важнейшую задачу ее социологического анализа соотнесение *интегрирующих* и *дифференцирующих* социальных факторов². На основе исследований сер. 1990-х гг. было зафиксировано усиление роли дифференцирующих факторов. Однако неправомерно это абсолютизировать, ставя под сомнение целостность молодежи. Типично для такого подхода: «Расслоение в нынешней России настолько сильно и многомерно, что говорить о единстве некоей всероссийской возрастной группы — просто нелепо»; «молодые люди поразительно разные в своих «надо», «можно» и «нельзя», «хорошо» и «плохо», «красиво» и «уродливо», «правда» и «вранье». Не говоря уже о гомогенности социальной»³.

М. К. Горшков и Ф. Шереги рассмотрели *интеграцию* и *дифференциацию* в более широком ракурсе — как две формы «механизма включения молодежи в общественные отношения, формирующие ее мировоззрение, ценностные ориентации, гражданскую позицию, профессиональный и социальный статус»: «*интеграция* молодого поколения в культурные, нравственные, правовые, политические

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа (Russian youth within the context of sociological analysis) : монография. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. 263 с. С. 4.

² См.: Коган Л. Н. Предисловие//Молодежь — будущее России. Тезисы докладов X Уральских социологических чтений. 11–12.09.1996. Ч. 1. Екатеринбург: УИМ, 1996. С. 3–7.

³ См.: Драгунский Д. Миф о бунтарях: молодежь, которой нет//Газета.ru 23.08.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/dragunsky/12594511.shtml> (дата обращения: 30.03.2021).

и идеологические нормы общества путем принятия (или признания) господствующих социальных норм в качестве основы ценностных ориентаций, побудительных мотивов поведения»; *дифференциация* молодого поколения по ячейкам социально-профессиональной структуры общества путем образовательной и экономической селекции, осуществляемой посредством профессиональной ориентации и профессионального образования»¹.

Проблема *субъектности молодежи (и даже детей)* приобретает сегодня — в условиях цифровизации — новое обоснование. Социологи детства, в частности, ставят вопрос о современном ребенке не только как объекте родительского (семейного) и школьного воспитания, но как о «социальном агенте, с ранних лет включенном в социальные сети»².

Важнейшим проявлением субъектности молодежи является ее *социальное участие*. И в этом плане хотелось бы отметить исследование коллектива социологов УрФУ (руководитель М. В. Певная), включающего и ряд авторов настоящей монографии. В реализованном ими проекте всесторонне обоснованы и методологические, и методические аспекты концепции «социального участия» и обобщен опыт изучения конструктивных практик³.

Особенно важно учитывать субъектность молодежи в анализе ее *темпоральных установок* — отношение к прошлому, оценки настоящего и образы будущего. Характерны — своим оптимизмом — размышления Л. Н. Когана о *вечности*: «Я уверен, что именно в наше время проблема Вечности приобретает невиданное ранее значение: все мы ответственны перед Историей, перед Вечностью за нашу страну, за нашу многовековую культуру, за наших детей и внуков. Мысли

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа (Russian youth within the context of sociological analysis) : монография. М. : ФНИСЦ РАН, 2019. С. 5.

² Bühler-Neiderberger D. Childhood Sociology in ten Countries: Outcomes and Future directions // Current Sociology. 2010. Vol. 58. № 2. P. 69–384. Цит. по: Яницкий О. Н. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8 № 2. С. 13–34. С. 14, 26.

³ Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик: монография / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. Ю. Быстрова [и др.]; под общ. ред. М. В. Певной. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. 244 с.

о Вечности рождают оптимизм, веру в наше будущее, в возможность (и необходимость) скорейшего преодоления современных трудностей и бед. Вечность — проблема реального гуманизма. У каждого из нас есть определившие его судьбу мгновения, свои «звездные часы», свои интимные отношения с Вечностью. Но, думаю, у всех нас есть неистребимая вера в Россию, в ее будущее, в счастье ее народов»¹.

Причем в русле понимания культуры как реализации сущностных сил человека оптимистическая вера в лучшее будущее сочеталась со значимостью активных созидательных усилий каждого человека. Это приходило в противоречие с той пассивно-ожидательной концепцией «светлого будущего», которая была приоритетной в официальной пропаганде (ориентир: «нынешнее поколение ... будет жить при коммунизме»). В этом обязательном «будет», акцентировалось лишь одно из этимологических значений будущего — то, что будет (само собой). Кстати, абсолютизация будущего (и связанная с ним *футурологизация* сознания молодежи) противоречили теории марксизма, подчеркивавшей, что объективные законы проявляются *через* деятельность людей (вспомним хотя бы полемику марксиста Г. В. Плеханова с теоретиками «партии лунного затмения», пытавшимися доказать «несовместимость» идеи объективной необходимости пролетарской революции и организационной работы партии по ее подготовке²). Любопытно, что ожидательная позиция в отношении к будущему расходилась и с *мобилизационной стратегией* ВЛКСМ, осуществлявшего — на общественно-государственных началах — молодежную политику в СССР: на уровне и слоганов («Коммунизм — это молодость мира и его *возводит* молодым»; «Если тебе комсомолец имя — имя крепи *делами* своими»), и конкретных дел (ударные комсомольские стройки, студенческие стройотряды и т. д.). Сама позиция накладывала отпечаток и на понимание молодежи, на оценку предмолодежного и молодежного возраста как периода «подготовительного» — подготовки к *будущему статусу* (детсад «готовит» к школе; школа «готовит» к вузу; вуз «готовит» к жизни).

¹ Коган Л. Н. Вечность. Екатеринбург. 1994. С. 11.

² Позиция Плеханова достаточно четкая: «составляет ли моя собственная деятельность необходимое звено в цепи необходимых событий. Если да, то тем меньше у меня колебаний и тем решительнее я действую» (Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. Избранные философские произведения в 5-ти тт. Т. 2. М.: Акад. наук СССР, 1956. С. 302).

Социально-экономические, политические и социокультурные трансформации российского социума в последние десятилетия способствовали утверждению субъект-субъектного подхода и в государственной молодежной политике РФ. В частности, в «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (основном нормативно-правовом акте из-за отсутствия до сих пор федерального закона о молодежи и молодежной политике) подчеркивается ее направленность на «повышение уровня потенциала» молодежи и «расширение возможностей для ее эффективной самореализации»¹. Тем самым, *субъект-субъектный подход* к молодежи определил и ее понимание как важного социального ресурса.

При этом понимание субъектности как «*становящейся*» позволило углубить и *ресурсный* подход. В рамках научной школы Л. Н. Когана была обоснована *теория «ЗРЕ»* (*ресурс, резерв, реализация*)². В ней и потенциал (возможности, ресурсы молодого человека), и его обогащение и готовность к реализации (резерв), и — особенно — сама реализация этого обогащенного (в процессе образования, профподготовки и самообразования) потенциала рассматривались во взаимосвязи, хотя и допускались (вот он — социальный реализм социолога?!) возможности «разрывов», «непоследовательности» в этой взаимосвязи (выбор профессии без учета своих склонностей и способностей; начало работы без соответствующей подготовки; работа не по специальности, полученной в колледже или вузе, — это лишь наиболее частые примеры таких «разрывов»).

Среди позитивных изменений рубежа XX–XXI вв. — утверждение понимания, что период молодости — это не «подготовка к жизни», а сама *жизнь*: «Молодежь — это не только будущее, она «живое настоящее», и важно понять, насколько уже сегодня молодое поколение определяет содержание и характер будущего, насколько несет в себе «дух нового времени»³.

¹ См.: Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р//СЗ РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.

² См.: СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 46.

³ Ручкин Б. А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования, 1998, № 5. С. 90.

Актуализация проблематики темпоральных установок молодежи обусловлена и в связи с *самоидентификацией граждан* современной России. Мы — в данном отношении — солидарны с позицией С. А. Никольского: «базовыми основаниями единения людей в национальном государстве выступают разделяемые народом ценности и смыслы культуры, ... усвоенная разными сообществами и одинаково толкуемая историческая память; и наконец общее представление о патриотизме и желаемом будущем»¹.

Отражая мейнстрим социологии молодежи, авторы последнего Вестника Института социологии особо почеркнули «непреходящую актуальность» темпоральных проблем (особенно — будущего) «для общества модерна и постмодерна, где будущее есть результат трансформации настоящего, который в каждый момент времени создается вступающим во взрослую жизнь образованным поколением»².

Важный междисциплинарный проблемный срез в рамках VIII этапа мониторинга студентов Среднего Урала — изучение и прогнозирование будущего с учетом понимания социально-психологических особенностей личности. Анализ и зарубежной, и отечественной научной литературы по данной проблеме показывает, что наиболее активно образ будущего изучается на стыке психологии, социальной психологии, антропологии и социологии. При этом исследуются скорее представления индивидов о своих будущих, вероятных (ожидаемых) индивидуальных траекториях в социуме, нежели интегрированный образ этого социума, сложившийся у социальной общности. Во многом эти исследования опираются на более общие современные социологические концепции индивидуализации У. Бека и З. Баумана. Считая «индивидуализацию» «наиболее заметной и основополагающей чертой эпохи модернити», З. Бауман соотносил ее с «освобождением человека от предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли»³.

¹ Никольский С. А. Интеллигенция, народ и власть // Политическая концептология. 2018. № 3. С. 113–133. С. 123.

² Социология молодежи: образование и образ будущего // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 8.

³ См.: Баценкова А. А. Концепция индивида и индивидуализации в теориях З. Баумана и У. Бека // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 1. С. 34–51 ; Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с. ; Бек У. Общество риска. На пути

Истоки теоретического осмысления понятия образа будущего (*The image of the future*) лежат в теории социальных представлений (С. Московичи¹), теории «Я-концепции» (А. Маслоу², Р. Бернс³) и теории социальной идентичности (Г. Тэджфел, *H. Tajfel*)⁴. Тэджфел соотносил социальную идентичность с «знанием индивида о принадлежности к определенной группе и эмоциональной значимостью для него группового членства». На этой основе он предложил структуру «социального Я», в которую включил как прошлые, реализованные социальные самохарактеристики, так и прогнозируемые, будущие социальные выборы.

Однако самостоятельной теории образа будущего до сих пор (за почти 50 лет после выхода книги Ф. Полака⁵) ни мировой, ни отечественной наукой не было предложено, хотя и теоретических, и эмпирических исследований было проведено немало⁶. Как своеобразный ориентир для эмпирического исследования можно принять понимание «образа будущего» как «одновременно и представления молодых людей о грядущем, и формирующих его реальных тенденций, которые социологи могут выявить, изучая ценности и установ-

к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.; и др.

¹ Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журнал, 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.

² Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. СПб. : Евразия, 1999. 478 с.

³ Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / пер. с англ. М. : Прогресс, 1986. 421 с.

⁴ Tajfel H. Social-psychology of inter-group relations // *Annual Review of psychology*. Vol. 33. 1982. P. 1–39.

⁵ Polak F. *The image of the future*. Amsterdam, N. Y.: Elsevier Scientific Pub. Co. 1973. 321 p. См.: Желтикова И. В. Образ будущего в интерпретации Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 3. URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 23.03.2021).

⁶ См.: Бощенко И. «Образ Будущего». История — «Бесконечная книга». Наш ответ Фукуяме // АНИ-ЭЛ, 29.08.2014. URL: <https://ani-al.livejournal.com/2000533.html> (дата обращения: 23.03.2021); Дидковская Я. В., Дулина Н. В., Трынов Д. В. Образ социального будущего молодежи индустриального региона (на примере Свердловской и Волгоградской областей) // *Logos et Praxis*. 2018. Vol. 17. № 3. С. 35–43; Кара-Мурза С. Г., Патоков В. В. Россия: точка 2010, образ будущего и путь к нему. М. : Общественный диалог, 2010. 116 с.; Новикова А. А. Индивидуальный образ будущего общества у представителей современной молодежи // Социальные явления. 2013. С. 53–55.

ки учащейся молодежи, ее образовательные и профессиональные траектории и т. п.»¹.

Исследовательский интерес и обращение к проблеме конструирования образа будущего на настоящем этапе объясняется высоким темпом социальных изменений в различных областях общественной практики, нарастанием количества ранее не возникавших, неопределенных социальных ситуаций, то есть новой социальной реальностью, которая сегодня определяется как социальная нестабильность и предъявляет повышенные требования к субъекту в плане активности.

Известный американский социолог М. Шульц² в связи с этим считает ошибочной позицию тех социологов, которые отвергают обращение нашей науки к проблематике будущего, «потому что мы ничего об этом не знаем и не должны изучать то, чего не знаем»³. Аргументируя «переориентацию социологии на будущее» (*sociology's re-orientation toward the future*), он именно с таким подходом соотносит ее актуализацию. Более того, в трактовке социологии им особенно подчеркивается осмысление обществом себя, своего прошлого, настоящего и будущего⁴. Значим и его вывод: «Для исследования возможного (*possible*), вероятного (*probable*), предотвратимого (*preventable*) и предпочтительного (*preferable*) будущего необходимы новые концептуальные перспективы и методологические инструменты»⁵.

Развитие современных научных представлений о будущем происходило в «духе Ясперса»: от «футурологии» (науки о будущем) к «иссле-

¹ Социология молодежи: образование и образ будущего. Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 8.

² Кстати, он предложил тему для III Форума ISA (MCA) (Вена, 2016, 10–14 июля) «The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World» (Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир).

³ Schulz M. The Futures We Want. URL: <https://futureswewant.net/markus-s-schulz-futures-english/> (дата обращения: 23.03.2021).

⁴ Schulz M. S. Debating futures: global trends, alternative visions and public discourse // International sociology. Thousand oaks (CA), 2016. Vol. 31, N 1. P. 3–20 // РЖ Социальные и гуманитарные науки. отечественная и зарубежная литература. серия 11: социология. 2017. № 4. С. 85–91. С. 86.

⁵ Schulz M. The Futures We Want. URL: <https://futureswewant.net/markus-s-schulz-futures-english/> (дата обращения: 23.03.2021). См. также: Schulz M. S. Future moves: Forward-oriented studies of culture, society and technology // Current Sociology, 2015. № 2 (63). P. 129–139.

дованиям будущего» (*«forward-looking activities»*)¹. Поворот к будущему проявляется и в зарубежной социологии молодежи, исследованиях молодежи (*Youth Studies*)², в частности, в Великобритании в 2013—2014 гг. был осуществлен проект *Imagine Sheppey*, в котором изучалось, как молодые люди «ориентированы» на будущее, каковы их «модели навигации от настоящего к будущему» (*modes of present-future navigation*)³.

В мировой социальной и психологической науке в основном исследуются проблемы социальных ожиданий в контексте процессов взросления и адаптации молодежи⁴. В англоязычных источниках используются такие понятия, как «ожидаемое будущее» или «вообража-

¹ Ясперс К. Проблема будущего. URL: http://www.astrodomain.ru/articles/Jaspers_Prognoz.htm (дата обращения: 23.03.2021).

² См.: Adam B., Groves C. Futures tended: care and future-oriented responsibility // *Bulletin of Science, Technology & Society*. 2011. № 1 (31). P. 17–27 ; Bryant J., Ellard J. Hope as a form of agency in the future thinking of disenfranchised young people // *Journal of Youth Studies*, 2015. № 4 (18). P. 485–499 ; Carabelli G., Lyon D. Young people's orientations to the future: navigating the present and imagining the future // *Journal of Youth Studies*. 2016. № 8 (19) ; Heggli G., Haukanes H., Tjomsland M. Fearing the future? Young people envisioning their working lives in the Czech Republic, Norway and Tunisia, *Journal of Youth Studies*, 2013. № 7 (16). P. 916–931 ; Lyon D., Carabelli G. Researching Young People's Orientations to the Future: The Methodological Challenges of Using Arts Practice // *Qualitative Research*, 2015. P. 1–16 ; McDonald P., Pini B., Bailey J., Price R. Young people's aspirations for education, work, family and leisure // *Work, Employment and Society*, 2011. № 1 (25). P. 68–84 ; Mische A. Projects and Possibilities: Researching Futures in Action // *Sociological Forum*, 2009. № 3 (24). P. 695–705 ; Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing times // *Futures*, 2013. № 45. P. 538–544; и др.

³ Carabelli G., Lyon D. Young people's orientations to the future: navigating the present and imagining the future // *Journal of Youth Studies*. 2016. № 8 (19). P. 1110–1127. P. 1111.

⁴ Из выделенных М. Шульцем четырех основных подходов к социологическому изучению будущего (конкретные прогнозы; построение сценариев или моделирование альтернативных вариантов будущего; нормативное и нормативно-аналитическое исследование предпочитаемого варианта будущего; эмпирическое исследование образов грядущего, а также процессов, благодаря которым такое видение конструируется и может стать/или не стать/реальностью) (См.: Schulz M. S. *Debating futures: global trends, alternative visions and public discourse* // *International sociology*. Thousand oaks (CA), 2016. Vol. 31, N 1. P. 3–20) нас интересует именно последний — отношение к будущему, образы будущего. Поэтому за рамками нашего анализа остаются и разные варианты будущего, и различие научных подходов к будущему. О последнем моменте — См.: Fergnani A. *Futures Studies, Foresight, Futurism, Futurology, Futures Thinking... What Name???* 2020. 01.05. URL: <https://medium.com/predict/futures-studies-foresight-futurism-futurology-futures-inking-what-name-3b3863ceab8c> (дата обращения: 23.03.2021).

емое будущее», которые отражают социально-психологические черты жизнедеятельности молодежи. Поднимается следующий круг исследовательских вопросов: «Что определяет выбор молодым человеком места работы? Каковы причины миграции или творческой активности?» Эти вопросы ставятся в контексте проблем выбора молодежью жизненного пути, образования, места работы⁵. Особо подчеркивается проблема завышенных ожиданий, «необоснованных амбиций»⁶ и их последствий, выраженных в девиантном и делинквентном поведении⁷. Исследования Дж. Смита показывают: молодежь в своих представлениях ожидаемого будущего чрезвычайно ориентирована на достижение *успеха*. Позитивная роль амбициозных образовательных и профессиональных устремлений состоит в том, что они служат моральными утверждениями идентичности и помогают избежать негативных стереотипов, которые, по мнению молодежи, проецируются на ожидаемое будущее⁸.

В российской научной литературе феномен образа будущего, факторы его формирования и функционирования изучены мало, однако в ряде социологических и психологических источников можно встретить обращение к этому понятию, которое связывается с весьма широким кругом тем. В проблемное поле образа будущего попадают такие темы, как самоопределение различных социальных групп, когнитивное конструирование будущего личностью, активное отношение к нему, социальные ожидания и т. д.⁹

В последние годы все чаще предпринимаются попытки построить социально-политические прогнозы на основе анализа образа будущего. М. Р. Москаленко и Е. М. Кропанева утверждают, что образ будущего государства и общества задает общественно-политической системе

⁵ Van Mol C. Migration aspirations of European youth in times of crisis // Journal of youth studies. 2016. Vol. 19, issue 10. Pp. 1303–1320.

⁶ Sabates R. Harris A. L., Staff J. Ambition Gone Awry: The Long-Term Socioeconomic Consequences of Misaligned and Uncertain Ambitions in Adolescence // Social science quarterly. 2011. Vol. 92, is. 4. P. 959–977.

⁷ Cundiff P. R. Great Expectations Unmet: The Impact of Adolescent Educational Expectations on Deviant Coping During the Transition to Adulthood // Sociological inquiry. 2017. Vol. 87, is. 3. P. 449–471.

⁸ Smith J. M. I'm not gonna be another statistic': The imagined futures of former foster youth // American journal of cultural sociology. 2017. Vol. 5, is. 1. P. 154–180.

⁹ Бочарова Е. Е. Конструирование образа будущего учащейся молодежью как аспект их социального самоопределения // Известия Саратовского университета. 2010. № 3. Т. 10. Сер. Философия, психология, педагогика. С. 68–73.

цель развития, тот вектор движения, по которому происходит ее реформирование¹. Вместе с тем сформулирован целый ряд проблем, которые затрудняют исследования и научную интерпретацию данных. К одной из них относится *мифологизация будущего*. Она связана как с умышленным искажением информации, вызванной действиями заинтересованных субъектов пропаганды, так и с недостатками в ее сборе и обработке. Г. Г. Почепцов отмечает, что будущее как объект недостаточно определен, однако такая нечеткость связана не только со свойствами самого этого объекта, сколько с недостаточно разработанным инструментарием по работе с ним². К проблемам соотношения темпоральных характеристик социального развития, таким как «историческая память» и «образ будущего», обращаются Д. С. Жуков и С. К. Лямин. На основе теории целеустремленных систем Р. Акоффа и Дж. Гараедаги³ они разрабатывают методологию конструирования будущего в социальных группах⁴. В ряде работ уделяется внимание образу будущего как образу⁵, некоторым его компонентам («образ профессионального будущего»⁶, «образ желаемого и нежелаемого будущего»⁷).

¹ Москаленко М. Р., Кропанева Е. М. Образ будущего как предмет изучения социально-политических наук // АНТРО, 2013. № 2. С. 64–75.

² Почепцов Г. Г. Управление будущим. М. : Фолио, 2019. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=658156&p=1> (дата обращения: 23.03.2021).

³ Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах / Пер. с англ., под ред. И. А. Ушакова. М. : Соврадио, 1974, 272 с. ; Гараедаги Д. Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами. URL: <https://baguzin.ru/wp/garaedagi-sistemnoe-myshlenie-kak-upr/> (дата обращения: 23.03.2021).

⁴ Жуков Д. С., Лямин С. К. Формирование исторической памяти и образа желаемого будущего как инструменты социального развития // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 11. С. 152–156.

⁵ Желтикова И. В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 5 (55). С. 76–80 ; Желтикова И. Образ будущего — варианты возможного. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/398781/> (дата обращения: 23.03.2021).

⁶ Образ профессионального будущего у студентов на «кризисных» этапах обучения в вузе / Т. Г. Бохан, Л. Ф. Алексеева, К. Г. Языков [и др.] // Высшее образование в России. 2013. № 11. С. 30–37 ; Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся : ежегодник : вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2017. С. 369–394.

⁷ Абрамова С. Б. Образ будущего: ориентиры современной молодежи // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы : материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские

Завершая анализ теоретико-методологических основ VIII этапа мониторинга студентов Среднего Урала (Студент-2020), подчеркнем его особенности. Первая из них уже рассмотрена выше — *акцент на темпоральные установки студенчества*. Вторая связана с особенностями момента: пандемия COVID-19. Опрос был перенесен с весны 2020 г. на осень, но так как угроза «второй волны» сохранялась, он был проведен *в режиме онлайн*. Одновременно в анкету был включен ряд вопросов с целью выявления мнения студентов о влиянии пандемии (и карантина) на их образ жизни, досуг, учебу, представления о будущем. А третья особенность определяется приходом в вузы *нового цифрового поколения Z*¹. Чтобы полнее учесть его мотивации, ценностные

социологические чтения / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 3–8 ; Образ будущего в оценках нового поколения россиян : коллективная монография / В. В. Гаврилюк [и др.] ; [отв. ред. В. В. Гаврилюк]. Тюмень : ТИУ, 2016. 165 с.

¹ На уровне студенчества социологические исследования (включая и предыдущие этапы нашего мониторинга) преимущественно охватывали поколение Y (1983–2000 годы рождения): См.: Мирошкина М. Р., Евладова Е. Б., Куракин А. В., Лазарева Д. А. Комплексное междисциплинарное исследование, проводившееся в рамках реализации проекта «Цифровое поколение. Портрет в контексте образования» // «Цифровое поколение» и педагогические реалии современной России : научно-практическая интернет-конференция с международным участием (Москва, ноябрь–декабрь 2016 г.) / Под ред. М. Р. Мирошкиной, Е. Б. Евладовой, С. В. Лобынцевой. М. : ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО», 2017. 273 с. С. 7–21 ; Поколение Y и Поколение Z в поиске собственных мест под Солнцем — обзор основных исследовательских выводов и гипотез об особенностях, ценностях и жизненных стратегиях молодежи / Фонд «Петербургская политика». URL: <https://fpp.spb.ru/fpp-pokolenie-hyz> (дата обращения: 30.03.2021) ; Попов Н. П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323 ; Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019, 224 с. ; Шамис Е., Никонов Е. В семье не без Миллениума. Что делать поколению (1985–2002 г.р.), которое меняет мир. М. : Синергия, 2020. 184 с. ; Ядова М. А. Поколение миллениалов в российском обществе: в поисках другой молодежи // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 6. С. 181–188 ; Greenberg E., Weber K. Generation W. How millennial youth are taking over America and changing our world forever. Emeryville, CA: Pachatusan, 2008. 247 p. ; Howe N. Strauss W. Millennials Rising: The Next Great Generation. N. Y. : Vintage Books, 2000. 432 p. ; Sinek S. Millennials in the Workplace/Interview. URL: <https://ochen.com/transcript-of-simon-sineks-millennials-in-the-workplace-interview/> (дата обращения: 30.03.2021) ; The Deloitte Global Millennial Survey. Societal discord and technological transformation create a «generation disrupted». 2019. 31 p. URL: <https://www2.deloitte>

ориентации и установки, в рамках исследования мы включили в сферу нашего анализа старшеклассников.

В силу зыбкости («текучести»/liquid/, по терминологии З. Баумана) межпоколенческих границ, сравнивая в конечном счете два молодых поколения (*Y* и *Z*), вряд ли нам удастся зафиксировать те «важные социальные сдвиги», «выходящие за рамки обычной коллизии отцов и детей», на которые обратил внимание социологов В. В. Радаев¹. Однако мы стремились и акцентировать важность такого ракурса анализа, и внести определенный вклад в его реализацию. Одновременно не утратило значения, на наш взгляд, и другое важное замечание о межпоколенческих отношениях — Х. Ортеги-и-Гассета: «Главное в жизни поколений отнюдь не то, что они сменяют друг друга; главное — их взаимопересечение, перехлест»².

com/be/en/pages/human-capital/articles/millennial-survey-2019.html (дата обращения: 30.03.2021) ; и др. Впрочем, появились и первые публикации о студенчестве (реальном и потенциальном) поколения *Z*: Захарова В. А. Студенты поколения *Z*: реальность и будущее // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4. С. 47–55. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1013> (дата обращения: 30.03.2021) ; Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении *Z*». М. : НИУ ВШЭ, 2019. 64 с. ; Нестик Т. А., Ролдугина В. Н. Образ будущего у представителей поколения *Z* // Человек и мир, 2018. Т. 2. № 2. С. 75–87; и др.

¹Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования, 2018. № 3. С. 15–33. С. 15.

²Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея: избранные труды / Пер. с исп. Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М. : Весь Мир, 1997. 704 с. С. 251–294. С. 274.

3. Будущее как проблема социологического анализа

Всплеск интереса к будущему можно оценить как характерную черту социологии и общественно-исторической панорамы мирового сообщества начала XXI в.

Н. В. Романовский

Акцент на темпоральных установках студенчества, их отношении к будущему определяется рядом моментов. Прежде всего, это отклик на отмеченный рядом исследователей «*принцип актуализации будущего*»: «в условиях глобальной неопределенности будущего человеку нужно быть готовым сформировать и реализовать собственный (непротиворечащий самому себе) жизненный проект, а не следовать «канализированной» логике руководящих указаний»; «сегодня молодому человеку нужно иметь образ этого будущего, понимать магистральный путь его достижения и уметь организовать самого себя (самоорганизоваться) для того, чтобы эффективно пройти обозначенный маршрут»¹. Одновременно важно было проверить — применительно к новому поколению россиян, — насколько в их представлениях укоренилось то, что выдающийся социолог рубежа XX–XXI вв. З. Бауман назвал «*ретротопией*», отмечая, что сегодня «маятник общественных установок и сознания качнулся в обратную сторону: отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия

¹ «Цифровое поколение» и педагогические реалии современной России: научно-практическая интернет-конференция с международным участием (Москва, ноябрь–декабрь 2016 г.) / Под ред. М. Р. Мирошкиной, Е. Б. Евладовой, С. В. Лобынцевой. М. : Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО. 2017. 273 с. С. 9.

будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности»¹.

Актуализация подхода связана и с качественным изменением картины будущего — с учетом «четвертой промышленной (научно-технической) революции» (или «индустрии 4.0») (*The Fourth Industrial Revolution*)². И дело даже не только в масштабах и скорости (близости?!) грядущих изменений. «Сегодня воздействие будущего на наше развитие значительно возросло. А это ставит парадоксальную задачу «защиты будущего от прошлого и настоящего»³ («мы не должны проеда́ть ресурсы следующих поколений», «мы должны перестроить свою систему обучения, поскольку нужно готовить специалистов для будущего, а не для настоящего»). На наш взгляд, проблеме нужно ставить шире — во взаимосвязи с *устойчивым социальным развитием*, акцентируя в нем главное: «защитить интересы грядущих поколений», понимая его как «такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»⁴.

¹ Бауман З. Ретротопия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 435–442. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22> (дата обращения: 29.02.2021).

² См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2017. 208 с.; Яницкий О. Н. Четвертая научно-техническая революция и глубинные изменения процессов глобализации // Вестник Института социологии, 2017. Т. 8. № 2. С. 13–34; Bondar K. Challenges and Opportunities of Industry 4.0 — Spanish Experience // International Journal of Innovation, Management and Technology, 2018. Vol. 9, № 5, P. 202–208; Четвертая промышленная революция. Целевые ориентиры развития промышленных технологий и инноваций. Cologny/Geneva: Всемирный экономический форум, 2019. 48 с.; и др.

³ Почепцов Г. Г. Управление будущим. М.: Фолио, 2019. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=658156&p=1> (дата обращения: 29.02.2021).

⁴ Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ. под ред. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. 1989. URL: <http://xn—80adbkckdfac8cd1ahpld0f.xn—p1ai/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf> (дата обращения: 29.02.2021). См. подробнее: Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б., Нархов Д. Ю. Идеи Л. Н. Когана о вечности и проблемы устойчивого развития и безопасности молодежи // Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: коллективная монография (по материалам XX Международной конференции — второй этап) / под общ. ред. Е. В. Грунт и А. В. Меренкова. Екатеринбург: ИСТУ. 2017. 292 с. С. 59–70, С. 160.

Не менее значимо и отмечаемое многими социологами *темпоральное измерение молодежи* (да и предмолодежи — общностей детей¹, подростков). «Общим в каждом из определений» поколения, по справедливому мнению В. В. Семеновой², «является компонент времени, временной дислокации, то, что применительно к социологии К. Мангейм называл “исторической локализацией” общностей». Соотнося социализацию молодежи с идентификацией и самоидентификацией, исследователи особо выделяют «идентификацию себя с образом своего будущего»³. Б. В. Дубин обратил внимание на другой аспект проблемы, подчеркивая, что «россияне моложе 30 лет» «условно олицетворяют» для него «переход от нынешнего дня к завтрашнему»⁴. По мнению Р. В. Ленькова, социология молодежи, как и сам объект изучения — молодежь, ориентирована на новое и будущее⁵. Обобщая, С. Н. Чирун отметил: «Фактически молодежь оказывается воплощением времени»⁶. Такое понимание молодежи, по его мнению, открывает возможность интерпретировать эту общность «с позиции реляционной концепции времени, согласно которой время понимается как смена качественных состояний изменяющегося объекта». «Связывая время с молодежью, — подчеркивает он, — будущее государства, политической системы можно спрогнозировать, наблюдая то новое поколение, которое

¹ «В соответствии с научной традицией детство рассматривается, как правило, не как самоценный этап в жизни человека, а как период, соотношенный с будущим» (Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус : [тематический словарь-справочник] / Отв. ред. С. Н. Майорова-Щеглова. М. : Изд-во РОС, 2018. 638 с. С. 165).

² Семенова В. В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 328 с. С. 80–107, С. 81.

³ Зубок Ю. А., Ульямс К., Чупров В. И. Молодежь в обществе риска. 2-е изд. М. : Наука, 2003. 231 с. С. 79.

⁴ Дубин Б. В. Поколение: смысл и границы понятия // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 328 с. С. 61–79, С. 63.

⁵ Социология молодежи : учебник для академического бакалавриата / под ред. Р. В. Ленькова. М. : Юрайт, 2014. 416 с. С. 25.

⁶ Чирун С. Н. Политический активизм и субъектность молодежи: российская молодежь в процессе формирования институтов гражданского общества. Saarbrücken, Deutschland: DICTUS PUBLISHING, 2013. 277 с. С. 230 ; Чирун С. Н. Постмолодежь как социально-политический феномен: проблема релятивности // Вестник Кемеровского государственного университета, 2014. Т. 3. № 4 (60). С. 109–116, С. 109.

уже актуально существует в настоящем времени в молодежном сообществе». Итоговый вывод социолога: «Специфика молодежи в данном случае состоит в том, что в лице молодежи будущее существует в настоящем (что нетипично для многих объектов), а уж потом настоящее потенциально проецируется в будущее». Этот вывод — важный методологический ориентир для нашего исследования.

Идея М. Шульца «поворота социологии к будущему» в российской социологии уже стала реальностью. Мы солидарны с мнением Ю. Г. Волкова, отметившего становление «социологии будущего как самостоятельного направления развития отечественной социологической мысли» и — в этой связи — подчеркнувшего в качестве «лейтмотива оценки» этого развития «ориентированность на социальную диагностику, на самопознание российского общества, на то, чтобы социология стала публичной в подлинном смысле этого слова, была предназначена не для удовлетворения рынка «социологических услуг», а формировала в обществе уверенность в будущем»¹.

Для нашего исследования, реализующего применительно к общности студентов социокультурный подход, особенно значимо соотношение «поворота к будущему» с более общим *гуманистическим поворотом* — «определить потенциал различных социальных групп и общества в целом для созидания будущего»². Близка по направленности к такому подходу и позиция Б. В. Дубина, подчеркивавшего *взаимосвязь культуры и будущего*: «Культура — это и есть переработка и дополнение нашего опыта, исходя — вот это самое важное — из перспективы будущего как пространства возможностей. Будущее — обязательное измерение культуры современного общества. Культура в современном обществе питается будущим. Она питает будущее и питается им»³.

Знаковым явлением этого поворота было исследование социологов ИС РАН «О чем мечтают россияне» (М. К. Горшков, Н. Е. Тихоно-

¹ Волков Ю. Г. Социология будущего: подходы, поиски, проблемы // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 21. № 5. С. 14–30. С. 14 (Наиболее всесторонне эта позиция изложена в монографии : Волков Ю. Г. Социология будущего. Социологическое знание и социальный проект : монография. М. : Кнорус, 2020. 178 с.).

² Там же.

³ Дубин Б. Что такое будущее? Лекция. 2014. 21 августа. URL: <http://summer.gaidarfund.ru/articles/2062/> (дата обращения: 29.02.2021).

ва, Р. Крумм, А. Л. Андреев и др.)¹ и продолживший его проект «Российское общество и вызовы времени»².

Основное внимание исследователей уделялось социокультурным переменам в российском социуме. Как подчеркнула Н. Е. Тихонова, «одним из ключевых различий цивилизаций выступает специфика их культур и вытекающая из этой специфики разница в понимании того, “что такое хорошо и что такое плохо”, к чему нужно стремиться, а чего следует избегать»³. С этим и была связана авторская (социологическая — по сути и духу) трактовка «мечты» — с акцентом на отражении в ней «приоритетов и особенностей нормативно-ценностных систем отдельного человека и культуры в целом, соотношения и приоритетности в них личностного и общественно-го, индивидуалистического и коллективистского начал». *Мечта* (что крайне важно и для нашего мониторинга) рассматривалась как целостность: «это и создание образа желаемого будущего, и мотивационная установка, побудительная причина к деятельности по его достижению».

¹ Горшков М. К. «Русская мечта» в восприятии россиян: опыт социологического анализа // Берегиня. 777. Сова. 2012. № 3 (14). С. 6–13 ; Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования, 2012. № 12. С. 3–11 ; О чем мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М. : ИС РАН, 2012. 182 с. ; О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Горшков М. К. [и др.] ; под. ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2013. 400 с. ; Горшков М. К. «Русская мечта»: чего сейчас хотят россияне? // Аргументы и факты. 2013. № 12 ; Горшков М., Мареева С. В. О чем мечтают россияне? // Образование, наука, культура в современном мире : материалы международной научной веб-конференции «Базовые идеи ЮНЕСКО в современном образовании, культуре и науке» (Москва, март 2013). М. : Пашков дом, 2014. С. 55–63 ; и др.

² Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова ; Институт социологии РАН. М. : Весь Мир, 2015. 336 с. ; Книга вторая. 2015. 424 с. ; Книга третья. 2016. 424 с. ; Книга четвертая. 2016. 400 с. ; Книга пятая. 2017. 424 с. ; Горшков М. К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (статья 2) // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 5–13 ; Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / М. К. Горшков [и др.] ; отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М. : Весь Мир, 2018. 384 с.

³ Тихонова Н. Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность, 2015. № 1. С. 52–63. С. 53.

Среди *приоритетов «русской (российской) мечты»*, выделенных М. К. Горшковым и его коллегами, «жить в достатке, не считая копеечки»; «здоровье для себя и близких»; «жизнь в справедливом и разумно организованном обществе»¹. Об ориентире — «за справедливость!» — хотелось бы сказать особо. По оценке самих исследователей, точнее его было бы сформулировать — «за справедливое неравенство»: «Население страны в целом проявляет достаточно высокую толерантность к тем видам социального неравенства, которые представляются им справедливыми»². В одной из статей члена творческого коллектива (С. В. Мареевой) подчеркнуто, что «концепция справедливости остается ключевой для российской социокультурной модели, а ее содержательное наполнение связано прежде всего с равенством возможностей для всех и дифференциацией доходов, основанной на легитимных (с точки зрения населения) факторах»³. Значимость проблематики определила тему V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (Екатеринбург, 2016, октябрь). Накануне его было проведено федеральное исследование⁴ и исследование РОС, охватившее студенчество России⁵. Позднее М. Ф. Черныш, участвуя в Круглом столе журнала «Социс» «Российское общество: взгляд в будущее», четко обозначил основную проблему, выявленную исследователями: «Чувство справедливости живет в сознании нашего населения. Это чувство оскорблено и 1990-ми гг., и нынешней политикой, в которой зачастую многие вопросы решаются именно за счет населения, при этом эли-

¹ Горшков М. К. «Русская мечта»: чего сейчас хотят россияне? // Аргументы и факты. 2013. № 12.

² О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М. К. Горшкова. М. : Весь мир, 2013. 400 с. С. 61.

³ Мареева С. В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16–26. С. 16 (см. также: Мареева С. В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7. № 2. С. 109–119, где проблема рассматривается на основе материалов проекта «Цивилизационные особенности мечты в России и Китае»).

⁴ Черныш М. Ф. Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования // Мир России. 2015. № 4. С. 7–28.

⁵ Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. М. : Российское общество социологов; Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 253 с. С. 10–96.

та никак не страдает. Политика расходится с настроениями населения и встречается им и экспертами в штыки. Например, та же реформа системы образования»¹.

Исследования социологов ИС РАН были своеобразным откликом на сформировавшийся в постсоветском российском обществе «мощный запрос на новую «уверенность в завтрашнем дне»². При этом им удалось зафиксировать тренды темпоральных настроений россиян, в том числе и в отношении к будущему. «При взгляде в будущее у россиян в сер. 2010-х гг., — по их данным, — преобладал «сдержанно-негативный сценарий» (в октябре 2015 г. 51 % респондентов считал, что страну «ждут трудные времена», 27 % дали «оптимистичные оценки», «22 % разделяли мнение, что ситуация принципиально не изменится»)³. Уже осенью 2016 г. были зафиксированы некоторые изменения настроений: россияне, думая о будущем страны, чаще всего испытывали «скорее надежду и уверенность» (более 2/5 населения). Еще почти треть колебалась между уверенностью и страхом, откровенно негативные чувства страха и опасения испытывали лишь примерно 1/7 населения страны. Назвать эти данные слишком оптимистичными, конечно, нельзя, поскольку большинство респондентов (58 %) были либо *не очень* уверены в будущем страны, либо даже *очень не* уверены. Однако для страны догоняющего развития с широким спектром внутренних проблем, к тому же только что пережившей затяжной экономический кризис, такой сдержанный оптимизм в отношении национального развития вполне уместен»⁴.

Такая же четкость и объективность проявлялись и в характеристике сложностей разработки прогнозов⁵, и в интерпретации получен-

¹ Демиденко С. Ю. Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола») // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 25–43. С. 40.

² Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2017. 424 с. С. 308.

³ Российское общество и вызовы времени. Книга третья / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М. : Весь Мир, 2016. 424 с. С. 17.

⁴ Там же.

⁵ В периоды высокой неопределенности важность диагностирования ситуации и прогнозирования вероятных изменений возрастает многократно. Вместе с тем в такие периоды довольно сложно (а порой и невозможно) применять традиционные экстраполяционные методы прогнозирования, основанные на продолжение в будущее имеющихся тенденций и действующих факторов-условий; Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2016. 400 с. С. 315.

ных данных. Так, при анализе связи «русской мечты» с исторической памятью, с образами российской истории подчеркивалась важность учета, что «русское самосознание на протяжении пяти столетий сохраняло отчетливо выраженный мессианский характер»¹. А недостаточное развитие мотивационной роли мечты соотносилось с тем, что «рост отчуждения, все большая атомизация общества ведут и к потере у россиян самоидентификации со страной, а также к вытекающей из этого утрате потребности в мечте о ее будущем. В итоге скорее можно говорить о *запросе* россиян на определенный тип (модель) развития страны, чем об эмоционально окрашенной *мечте* о будущем России, тем более — о мечте, выступающей побудительным мотивом к личному действию»².

Не стремясь охватить все многообразие исследований, отразивших «поворот отечественной социологии к будущему», выделим наиболее близкие к нам территориально (в том числе и в плане интенсивного информационного обмена — на Уральских³, Когановских, Файнбургских, Аитовских чтениях, Тюменском социологическом форуме и т. д.) и — самое главное — по объекту исследования (молодежь, студенчество). Прежде всего выделим многолетние исследования В. Н. Стегния и его коллег⁴. Проблему *будущего* — в *личностном*

¹ Андреев А. Л. Мечта и реальность в современной России: к проблеме анализа массовых мотиваций URL: http://national-mentalities.ru/mentalities/rossiyavostokzapad/andreev_a_l_mechta_i_realnost_v_sovremennoj_rossii_k_probleme_analiza_massovyh_motivacij/ (дата обращения: 22.03.2021).

² Тихонова Н. Е. Мечты россиян «об обществе» и «о себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность, 2015. № 1. С. 52–63. С. 55.

³ В 2021 г. — Уральским социологическим чтениям 45 лет.

⁴ См.: Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества : [монография] / В. Н. Стегний, Л. Н. Курбатова ; Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2018. 384 с. ; Стегний В. Н. Осознание студентами социального прошлого // Власть. 2017. № 6 (т. 25). С. 18–23. Социологический анализ представления студентов об информационном обществе / В. Н. Стегний, М. А. Ермаков // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences. 2016. № 1. С. 8–16. Стегний В. Н. Прогнозирование модели социально-экономического развития страны, территории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. PNRPU Sociology and Economics Bulletin. 2018. № 1. С. 8–22 ; Стегний В. Н. Социальное прогнозирование и проектирование : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2018. 2-е изд., испр. и доп. 219 с.

аспекте — он изучал еще на рубеже 1980—1990 гг.¹ Одним из первых он обратил внимание и на негативную сторону краха веры в «светлое коммунистическое будущее» — утрату молодежью ориентиров. Ведь, по справедливому мнению Стегния, «без прогностической ориентации на социальное будущее личность не сможет эффективно функционировать в настоящем»². Только «формирование у личности *осознанного отношения к своему социальному будущему*» «позволяет ей видеть реальные потребности завтрашнего дня, оценивать перспективы развития, свои и общества, неуклонно двигаться вперед»³. Это был именно *социологический подход* — с акцентом «на анализе социальной обусловленности осознания будущего, места, роли, функциях, которые оно выполняет в обществе». Социология рассматривает представления личности о социальном будущем (его происхождение, развитие, проявление в поведении личности) как определенном общественном явлении, связанном с конкретно-историческими формами общественных отношений⁴. Операционально в осознании студентами своего будущего выделялись: их осведомленность и избирательность (конкретное содержание и направленность); степень активного отношения к будущему и степень влияния информированности на их поведение, ценности, мировоззрение⁵.

В центре внимания В. Г. Немировского и его коллег оказались *жизненные перспективы* студенческой молодежи. Отталкиваясь от трактовки жизненных планов В. Т. Лисовским («некоторые задачи, выдвигаемые молодежью на будущее, которые определяются, с одной стороны, объективными условиями, с другой, — ценностными ориен-

¹ Стегний В. Н. Личность и будущее. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 164 с.

² Личность в информационно-инновационном обществе: монография/под ред. проф. В. Н. Стегния. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2015. 448 с. С. 113.

³ Там же.

⁴ Стегний В. Н. Социальное прогнозирование и проектирование: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. 219 с. С. 20; Стегний В. Н. Социальное прогнозирование и проектирование: учебник для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 182 с.

⁵ Стегний В. Н., Ермаков М. А. Социологический анализ представления студентов об информационном обществе // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences. 2016. № 1. С. 8—16. С. 9.

тациями личности»¹), они на основе изменения образа желаемого будущего выявили динамику смысложизненных ориентаций студенчества на рубеже XX–XXI вв. — за 1988–2004 гг. (включая и «лихие 1990-е»). Правда (и это подтвердили и многие другие исследователи), динамика явно отставала от масштабов социально-экономических изменений. Анализ изменений, произошедших за эти 16 лет в образе желаемого будущего у студентов², позволяет сделать вывод, «что в их массовом сознании продолжают сохраняться ориентации на социально-демографический, потребительский и гедонистический смысл жизни. Возрастает ориентация на социально-творческую, а также престижную и лидерскую смысложизненную концепции. При этом наблюдается тенденция к сокращению значимости созидательно-альтруистической концепции смысла жизни»³.

Серьезный интерес вызывает и исследовательский проект наших тюменских коллег (В. В. Гаврилюк — руководитель, Л. Л. Мехришвили, Т. В. Гаврилюк, Н. И. Скок и др.)⁴. Проект опирался на многолет-

¹ Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб. : СПбГУП, 2000. 508 с.

² Студентам задавался вопрос: «Какие характеристики, по Вашему мнению, будут присущи Вашей жизни через 10 лет?».

³ Немировский В. Г., Соколова Е. В. Структура и динамика смысложизненных ориентаций студенческой молодежи: 1988–2004 гг. Постнеклассический подход. Красноярск : КрасГУ, 2006. 161 с. С. 99–100.

⁴ См.: Гаврилюк В. В. Молодежная политика и образ будущего у молодежи // Академический вестник. 2014. «№ 2 (28). С. 91–95 ; Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л. Роль образа будущего в выборе жизненных стратегий современной российской молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 7 (57): в 2 ч. Ч. II. С. 52–55 ; Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л. Образ будущего в массовом сознании жителей российской провинции // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2015 ; Образ будущего в оценках нового поколения россиян: монография / В. В. Гаврилюк, Л. Л. Мехришвили, Н. И. Скок [и др.]. Тюмень : ТИУ, 2016. 166 с. ; Гаврилюк Т. В. Понятие «образ жизни» в категориальном поле феноменологической психологии // Общество: социология, психология, педагогика, 2016. № 5. URL: <http://dom-hors.ru/vipusk-5-2016-obshchestvo-sociologiya-psihologiya-pedagogika/> (дата обращения: 21.02.2021) ; Мехришвили Л. Л., Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Влияние образа будущего на жизненный успех и стратегии его достижения современной российской молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник : вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2017. С. 369–394 ; Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В. Жизненные стратегии и образ успешного будущего в сознании молодежи // Не расстанусь с молодежью, буду... : сб. науч. статей к 80-летию проф.

ние исследования молодежи Тюменской области¹, реализованный в нем поколенный подход позволил и выявить особенности образа будущего у молодежи (отдельных групп молодежи), и сравнить их с представлениями более старших поколений. В частности, примечательно самоопределение тремя из четырех молодых респондентов (77%) своего поколения как «поколения надежд»². Рассматривая образ будущего в ракурсе систем ценностей и ценностного мира, исследователи выявили его *поливариантность*. Применительно к молодежи особое внимание было уделено *выбору жизненных стратегий* (подчеркнем акцент на редко используемое понятие «жизненный путь»). Анализ результатов подтвердил выводы опросов общественного мнения о «весьма ограниченной временной перспективе» осмысления будущего, определенной его идеализации. Однако одновременно исследование показало важность ориентаций на жизненный успех, четкое представление о его составляющих в «образе будущего» молодых людей и, как способ преодоления социальной отчужденности, поиск своего места, профессиональной ориентации, самосовершенствования и возможность «выстраивать стратегии адаптации к меняющимся условиям социальной среды»³.

Акцент на представления студентов о будущем был подготовлен и теми многочисленными исследованиями, которые проводились членами авторского коллектива за годы мониторинга. Эти исследования развивали и продолжали традиции уральской социологической школы, еще в середине 1960-х годов осуществившей проект «Жизненные планы молодежи»⁴.

Ю. Р. Вишневого / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого ; отв. за выпуск. Д. Ю. Нархов. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2018. 343 с. С. 156–168 ; и др.

¹ См.: Гаврилюк В. В. Провинциальная молодежь эпохи перемен. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. 129 с. ; Гаврилюк В. В., Маленков В. В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 44–50 ; и др.

² Гаврилюк В. В., Мехришвили Л. Л. Роль образа будущего в выборе жизненных стратегий современной российской молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 7 (57): в 2 ч. Ч. II. С. 52–55. С. 54.

³ Гаврилюк Т. В. Понятие «образ жизни» в категориальном поле феноменологической психологии // Общество: социология, психология, педагогика, 2016. № 5. URL: <http://dom-hors.ru/vipusk-5-2016-obshchestvo-sociologiya-psihologiya-pedagogika/> (дата обращения: 21.03.2021).

⁴ Жизненные планы молодежи : Сб. статей / Отв. ред. проф. М. Н. Руткевич. Свердловск: [б. и.], 1966. 245 с.

Осмысляя на рубеже веков влияние на ценностные ориентации и мировоззрение молодежи краха ожидания «светлого будущего» и драматизма, получивших широкое распространение ноувистских (сиюминутных) настроений, когда человек не очень задумывается или вообще не задумывается о своем будущем, — Ю. Р. Вишневский и В. Т. Шапко обосновали важность формирования у молодых людей *установки на перспективу*¹. Теоретический анализ этой установки (перспектива — реальность; перспектива — идеал — утопия; перспектива — ломка — сохранение — созидание; перспектива — стимул; перспектива — ноувизм; конкретность перспективы; перспектива — план) после эмпирической интерпретации позволил изучить конкретные установки выпускников УГТУ-УПИ². Данная методика была затем использована в исследованиях молодежи региона³.

При этом будущее рассматривалось как объект философско-социологического анализа, где прошлое, настоящее и будущее выступают как модусы (от лат. *modus* — мера, образ, способ, вид существования или действия) времени⁴. Был осуществлен этимологический и лингво-семантический анализ понятий «будущее» и «перспектива». Эмпирическая интерпретация понятия «будущее» была уточнена на основе концепции Ж. Нюттена. По его мнению, «тот факт, что люди ставят себе цели и строят планы, которые пытаются осуществить, является одной из наиболее поразительных характеристик поведения». И крайне

¹ Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология. Курс лекций для технических вузов. Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2000. 278 с.

² Вишневский Ю. Р., Белова О. Р. Ориентир подготовки выпускника — перспектива // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир — Россия — Урал/редкол. : Л. А. Закс и др. : в 2 т. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2010. Т. 1. С. 596—602.

³ Положение молодежи Свердловской области в 2014 г. / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 350 с. ; Положение молодежи Свердловской области в 2015 г. / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 272 с.

⁴ Будущее в представлениях молодежи региона / Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Д. Ю. Нархов, Т. А. Орешкина // Не расстанусь с молодежью, буду... : сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю. Р. Вишневского / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского ; отв. за выпуск. Д. Ю. Нархов. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2018. 343 с. С. 129—138 ; Орешкина Т. А. Будущее в представлениях свердловской молодежи // Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях : материалы VII Междунар. социол. Грушин. конф. (Москва, 15—16 марта 2017). М. : ВЦИОМ, 2017. С. 112—118.

важно «ввести измерение «будущее» в изучение человеческой мотивации и поведения»¹. Нюттеном разграничивались:

- «*временная перспектива*», ее характеристики — «протяженность, глубина, насыщенность, степень структурированности и уровень реалистичности»;
- «*временная установка*» — «более или менее позитивная или негативная настроенность отношения субъекта к прошлому, настоящему или будущему»;
- «*временная ориентация*» — «доминирующая направленность поведения субъекта на объекты и события прошлого, настоящего или будущего».

Использование в качестве индикатора темпоральных установок молодежи оценок социального настроения получило дальнейшее развитие в изучении *социального самочувствия молодежи* Свердловской области². Было уточнено отражение в социальном самочувствии успешности (или неуспешности) реализации социальным субъектом своих жизненных планов, жизненных стратегий. При этом оно определяет уже сам выбор характера этих планов, стратегий («адаптивные», «выживательные», «самореализационные» стратегии)³. Подчеркивалось *темпоральное (временное) измерение* социального самочувствия: личность, социальная общность не только оценивают свое современное социальное положение, но и сравнивают его с прошлым (одним из проявлений такого сравнения и выступает социальная ностальгия), мечтают о будущем, надеются на благоприятные изменения или опасаются негативных изменений в будущем⁴. Более глубоко (объективно!?) было оценено настроение ноувизма. Отмечалась неправомерность однозначно негативной оценки этого феномена. В нем нужно

¹ Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Пер. с англ. под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2004. 608 с. С. 18.

² Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 г.: итоги социологического исследования : коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с.

³ Обоснование типологии — См.: Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Наемные работники. Некоторые черты формирующегося класса // Социологические исследования. 2002. № 9. С. 41–50, С. 46–47 ; Наемный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М. : Новый хронограф, 2015. 368 с. Гл. 3. С. 74–100.

⁴ Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 г.: итоги социологического исследования : коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с. С. 26.

видеть и стихийный протест против навязывавшихся стереотипов: сегодня готовиться к завтрашней жизни. И понимание: жить достойно, нормально надо уже сегодня, а не завтра. Но в том-то и проблема (для многих — трагедия), что жизнь не завершается сегодняшним днем¹. Материалы исследования показали: «достиженческая» стратегия, ориентация на успех сегодня для молодежи стала определяющей, сохраняется противоречивость в оценке предпосылок успеха, ими выступают индикаторы и «цивилизованного рынка» (образование), и «дикого» рынка (роль связей, знакомств).

В исследовании Д. В. Трынова была обоснована *«ценность будущего»* (ясность перспектив, обладание знанием о достижении поставленных целей, умение прогнозировать сценарии развития ситуации, наличие ряда свойственных автономных качеств личности, особо ценимых в обществе данного типа). Важной особенностью этого исследования было соотнесение моделирования *образа будущего* как ценностной социальной установки со становлением *культуры гражданственности*. В трактовке образа будущего подчеркивалось «сочетание индивидуального и общественного сознания, при котором формируется непротиворечивое представление личности о своем месте и роли в социуме, перспективах, планах и прогнозах социального развития». На этой основе выделялись два взаимосвязанных уровня «образа будущего» — *социальная перспектива* и *личная перспектива*. Продуктивной была и идея социолога о необходимости выделения *«зон риска»* при формировании образа будущего².

Такой подход был углублен и развит в двух направлениях. Одно из них — *исследование гражданской культуры молодежи Свердловской области* (2016)³. Осознание молодым гражданином своего будущего

¹ Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 г.: итоги социологического исследования: коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 205 с. С. 28.

² Трынов Д. В. Методологические аспекты исследования образа будущего в контексте становления гражданской культуры // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса. М. : РОС, 2012. 187 с. С. 134–139.

³ Вишневский Ю. Р., Трынов Д. В., Шапко В. Т. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования // Социологические исследования, 2009. № 4. С. 108–116 ; Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы : монография / А. А. Айвазян, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский [и др.] / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 244 с.

было рассмотрено как один из важнейших индикаторов его гражданской культуры. Выявлены позитивные изменения в представлениях молодых свердловчан. Резко усилились оптимистические настроения. Два из пяти респондентов (39 %) надеялись на улучшение ситуации в скором времени, каждый пятый (19 %) считал, что улучшения будут, хотя и не так скоро. Существенно (вдвое — до 13 %) сократилась доля пессимистов, которые не верили в перемены к лучшему. Но самое главное — на периферию молодежного сознания ушли ноуэвистские настроения (лишь один из десяти молодых людей, предпочитал жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем), еще недавно бывшие приоритетными, особенно у учащейся и студенческой молодежи. Самым устойчивым в настроениях молодых явилось их абсолютное неприятие улучшения ситуации в форме возврата к прошлому¹.

В рамках другого исследования (*«Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал»* /2018–2020 гг./, руководитель — Я. В. Дидковская²) были уточнены

¹ Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы : монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 244 с. С. 218–219.

² Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал : монография / Я. В. Дидковская, Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина [и др.] ; под общ. ред. Я. В. Дидковской, Д. В. Трынова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 215 с. ; Образ социального будущего студенческой молодежи: социальные ожидания, настроения и жизненные планы (на примере Волгоградской и Свердловской областей) / Я. В. Дидковская, Н. В. Дулина, Д. В. Трынов, Б. А. Брайнин // PRIMO ASPECTU, 2019. № 3 (39). С. 7–18 ; Дидковская Я. В. Работающая молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала // Социодинамика. 2020. № 1. С. 12–25. ; Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Трынов Д. В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере Свердловской области и Пермского края) // Вестник ПНИПУ, Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 8–24 ; Trynov D., Didkovskaya Y., Dulina N. Youth from industrial regions of Russia: the impact of the personal well-being on the innovative activity of young people // The 14th International Days of Statistics and Economics, Prague, September 10–12, 2020. URL: https://msed.vse.cz/msed_2020/article/291 (date of response: 21.03.2021) ; Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Лугин Д. А. Инновационный потенциал молодежи: мотивация участия и барьеры реализации молодежных стартапов // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2021. № 1. С. 8–20 ; Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики : монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский [и др.] ; науч. ред. Ю. А. Зубок. Бедгород : Эпицентр, 2021. 506 с. С. 56–91 ; и др.

основные концептуальные подходы социально-гуманитарной науки к анализу представлений различных социальных субъектов о будущем. Это позволило углубить понятие «образ социального будущего» и выявить его влияние на развитие и реализацию инновационного потенциала молодежи, которая включает в себя следующие теоретико-методологические положения. В «образе социального будущего» подчеркивались: единство объективного и субъективного знания; эмоциональная окрашенность восприятия субъектом условий своей жизнедеятельности; оценки возможностей их оптимизации; его формирование на основе доминирующих ценностных ориентаций субъектов, их социальных идеалов. Особое внимание уделялось увязке образа будущего с жизненными планами и индивидуальными стратегиями поведения. Выделена его роль как комплексного социокультурного фактора, влияющего на жизнедеятельность молодого поколения, особенно на ее возможность и предрасположенность к инновационному поведению. На основе анализа эмпирических данных была построена *типология жизненных стратегий молодежи*: стратегия «*профессионального совершенствования и развития*», нацеленная на успех в профессии, развитие и реализацию образовательного и квалификационного потенциала при достаточно высоком либо среднем уровне инновационной активности (наиболее распространена в молодежной среде индустриальных регионов); стратегия «*творчества и реализации идей*» — высокий уровень инновационной активности и ориентация на реализацию креативного, научного и предпринимательского потенциала; стратегия «*экономического выживания*», сопряженная с низкой инновационной активностью в процессе учебы или работы, отсутствием достиженческих ориентаций и низкой приверженностью профессии. В студенческой среде (у 15 %) выявлена и «*миграционная*» стратегия: в жизненных планах преобладают ориентации на переезд за границу — на учебу, а затем и для работы.

Для полноты картины отметим еще два момента. С одной стороны, ряд членов авторского коллектива стремился расширить методический инструментарий изучения будущего¹. Так, Т. А. Орешкина

¹ Лесина Л. А., Панкова С. Н. Конструирование образа будущего: опыт социологического исследования студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8, № 1–2. С. 194–197 ; Орешкина Т. А. Настоящее и будущее образовательной общности в оценке участников уральских социологических чтений // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость.

использовала прием экспертного опроса. В качестве экспертов были выбраны руководители государственных органов молодежной политики и молодежных организаций; участники Уральских социологических чтений. Л. А. Лесина и С. Н. Панкова применили иной качественный метод в опросе выпускников УрФУ. Респондентам они предложили написать сочинение в произвольной форме на тему «Один день из моей жизни через 10 лет». Исследователи исходили из того, что «когнитивный образ будущего молодыми людьми воспринимается как вариативный спектр возможностей (*есть много вариантов жизни через десять лет*), но в описании выбирается наиболее оптимальный вариант траектории развития с учетом доступности социальных ресурсов и актуального состояния субъекта конструирования». Анализ позволил социологам сделать вывод о преобладании «индивидуалистических установок молодежи, рассчитывающей на собственные силы и стремящейся к экономической независимости. Отмечена нечеткость и размытость стратегий достижения желаемого статуса. С другой, — с учетом переориентации кафедры на преподавание управленческих дисциплин — предпринимались усилия по внедрению выводов наших исследований в практику организации работы с молодежью, государственной молодежной политики.

вость : материалы V Всерос. социол. конгр. (Екатеринбург, 19–21 окт. 2016). М. : Рос. об-во социологов, 2016. С. 10329–10334 ; Орешкина Т. А., Одегов А. С. Гражданская культура свердловской молодежи в системе государственного управления // Власть. 2017. № 9. С. 19–26.

4. Студенты Урала о будущем: опасения и надежды, образ будущего, участие в созидании будущего

Если Вы не думаете о будущем, у вас его и не будет.

Д. Голсуорси

Каков *образ будущего* студентов-участников VIII этапа мониторинга? Важнейшая характеристика отношения студентов к своему будущему — степень уверенности (или неуверенности) в нем. В рамках исследования мы разграничили будущее на более близкое («завтрашний день») и отдаленное («будущее»). Что же выяснилось при сравнении ответов? (рис. 10, 11).

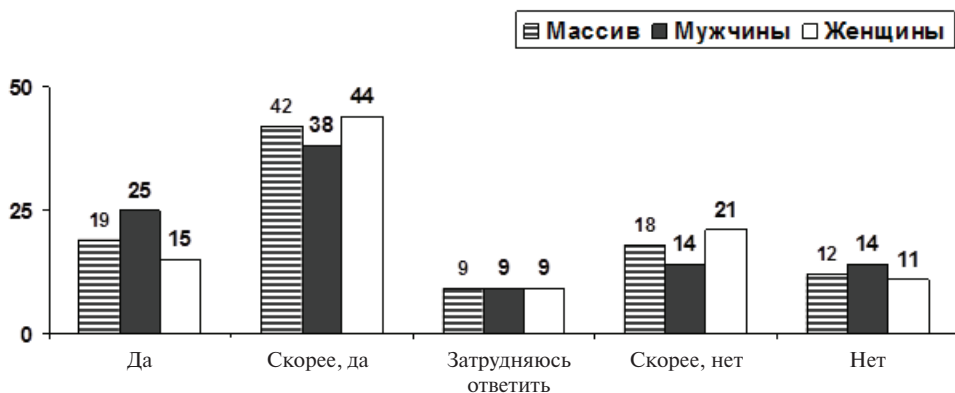

Рис. 10. Чувствуете ли вы уверенность в завтрашнем дне? (в % от числа ответивших по группам)

Основное различие даже не столько в большем числе уверенных именно в «завтрашнем дне» (три из каждых пяти). Уверенность в будущем тоже преобладает (отмечена каждым вторым). Близко и соот-

ношение «уверенных» и «неуверенных»: в отношении «завтрашнего дня» 2 : 1, в отношении более отдаленного будущего — 2,5 : 1. То, что неуверенных в завтрашнем дне оказалось в 1,5 раза больше, чем неуверенных в будущем, возможно, связано с ситуацией пандемии: лишь 1 из 9 респондентов посчитал, что в этих условиях его уверенность возросла, почти у каждого третьего (29 %) она ослабла, 11 % ответили еще жестче: «ее не было и нет». Но сохранилась и надежда (вот он, оптимизм молодости), что ее негативные последствия и связанные с ней неудобства и ограничения уже в ближайшее время окончатся. Основное различие (в 3 раза!?) проявилось в числе тех, кто не смог точно определить свое отношение.

Рис. 11. Насколько вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?
(в % от числа ответивших по группам)

Интерес представляет не только общая картина, но и детали. Заметно, что *юноши* проявляют большую уверенность и в ближайшем будущем (у них выше соотношение уверенных/объединяет ответы «полностью уверен» и «скорее уверен»/и неуверенных/объединяет ответы «скорее не уверен» и «совсем не уверен»/в завтрашнем дне — 2,3 : 1, чем у *девушек* — 1,8 : 1), и в более отдаленном будущем (соответственно: 3,6 : 1 и 2 : 1). Особенно резкое отличие в крайних оценках (полностью уверенных в завтрашнем дне среди юношей в 1,8 раза больше, чем совсем неуверенных, среди девушек — в 1,4 раза больше; в отношении к отдаленному будущему это соотношение 4: 1 у юношей и 2 : 1 — у девушек).

Гендерные различия — доминантные, во многом они определяют и другие. И было бы неверно эти «другие» недооценивать. Наиболее уверены в завтрашнем дне респонденты, обучающиеся по *профилю «на-*

уки об обществе», наиболее не уверены — *студенты естественно-научного профиля* (среди уверенных их доля в 1,5 раза ниже, чем в среднем по массиву, среди неуверенных — в 1,6 раза выше). Сходная ситуация и по уверенности в отдаленном будущем (среди неуверенных «обществоведов» в 1,3 раза меньше, чем в среднем по массиву, а «естественников» — в 1,4 раза больше).

Влияние *семейного положения* на уверенность в завтрашнем дне и более отдаленном будущем почти не проявляется. Правда, выяснился один момент, для осмысления которого потребуются дополнительные исследования. В обоих случаях соотношение уверенных и неуверенных среди тех, кто живет в гражданском (незарегистрированном) браке, выше, чем у холостых/незамужних — в отношении завтрашнего дня, соответственно 3,4 : 1 и 2,9 : 1; в отношении будущего — 3,7 : 1 и 1,4 : 1. Возможно, сказывается то, что в отличие от многих взрослых (даже принимающих гражданский брак как «возможное», но зачастую сохраняющих недоверие к нему), у молодых людей с ним связывается какая-то жизненная определенность.

В оценках студентов, проживавших до вуза *в разных типах поселения*, сохраняется общая тенденция — их уверенность в завтрашнем (постковидном?!) дне ниже, чем в отдаленном будущем. Степень такой уверенности в обоих случаях различна. Можно понять, почему она выше у жителей Екатеринбурга, других мегаполисов (соотношение уверенных и неуверенных в завтрашнем дне — 2,3 : 1, в будущем — 2,9 : 1) и крупных городов (более 100 тыс. жителей) (соответственно, 2,1 : 1 и 2,8 : 1). Однако объяснить, почему она у студентов-жителей сел и ПГТ (2 : 1 и 2,6 : 1) выше, чем у студентов, проживавших до вуза в малых и средних городах (до 100 тыс. жителей) (1,6 : 1 и 2 : 1), достаточно сложно. Одно из возможных объяснений: для первых в большей мере, чем для вторых, поступление в университет означает «точку невозврата», что в период карантина и обучения в режиме онлайн они особенно ощутили. Это проявилось и в оценке влияния пандемии на уверенность в будущем: студенты-жители сел и ПГТ чаще своих однокурсников-жителей малых и средних городов отмечали, что она «окрепла» (11 % — в сравнении с 6 %) или «осталась такой же» (55 % и 48 %), и реже — что она «ослабла» (24 % и 36 %). Конечно, проблема требует дальнейшего более глубокого изучения.

Во многом за уверенностью/неуверенностью в ближайшем и отдаленном будущем стоят *проблемы планирования жизни, разработки жизненных стратегий* (рис. 12).

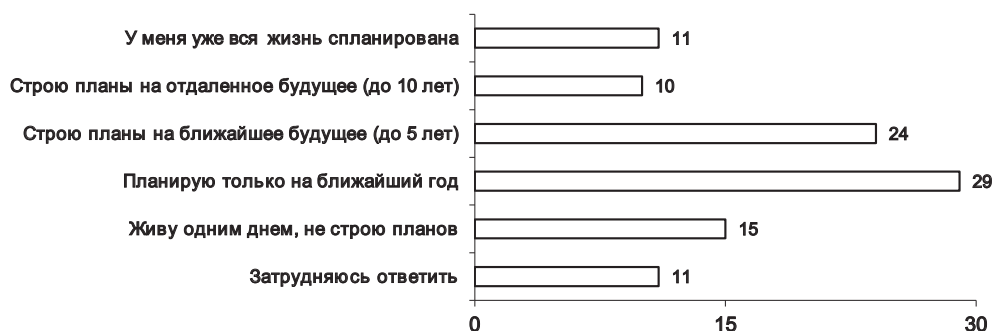

Рис. 12. На какой период вы предпочитаете строить планы на жизнь?

Хотя — и это важный позитивный результат нынешнего исследования в сравнении с предыдущими — основная масса респондентов (3 из 4) так или иначе планируют свою жизнь на перспективу, сама эта перспектива в основном — именно *завтра* («ближайший год»). Нельзя не отметить и еще один позитивный момент: доля тех, чей жизненный ориентир — *ноуви́зм*, достаточно высока — каждый седьмой, она снижается. Было бы неверно полностью поддержать позицию тех респондентов (1 из 9), чья жизнь уже сегодня четко «запланирована», ведь мы живем в «обществе риска», неопределенность трендов и перспектив развития которого постоянно возрастают. И «запрограммированность» поведения может натолкнуться на необходимость постоянно адаптироваться к меняющимся условиям и не привести к желаемым жизненным целям. Но целеустремленность — важное качество современного человека. И похвально, когда уже в юности люди отказываются жить по принципу «проб и ошибок»¹.

Такая «запрограммированность» и перспективное планирование чаще, по их самооценкам, присуща *жителям мегаполисов и крупных городов*. О планах на ближайшее будущее (до 5 лет) чаще других говорят жители малых и средних городов, их же (как и жителей сел и ПГТ) относительно больше среди тех, чей горизонт планирования ограничен ближайшим годом. И только по одному параметру различия между респондентами, проживавшими до университета в разных типах поселений, минимальны (в диапазоне 14–16 %) — среди тех, кто «живет одним днем, не строит планов».

¹ И все-таки важно помнить совет Ж. Лабрюйера: «Тот, кто ничего не предвидит, бывает часто обманут; кто предусматривает слишком много, всегда бывает несчастен».

Оценивая, что мешает молодежи планировать свое будущее, 3 из 5 респондентов (61 %) отметили объективную сложность — «значительную неопределенность, изменчивость ситуации». К тому же, как верно отметил в одной из своих последних статей О. Н. Яницкий, «современный мир развивается нелинейно, а также — изобилует неожиданными поворотами и качественными скачками (бифуркациями)¹. И в этих условиях особенно важно не просто формировать у молодежи стратегическое мышление (каждый девятый/11 %/выделил «отсутствие опыта и навыков планирования»), но с акцентом на идею И. Ансоффа о «слабых сигналах» вырабатывать умение видеть грядущие угрозы и проблемы, пока они лишь зарождаются и есть время смягчить их или подготовиться к их воздействию. По мнению каждого седьмого (14 %), молодым мешает планировать будущее и преобладающая в СМИ и общественном мнении «негативная, трагическая» окраска возможных сценариев будущего. Лишь 6 % считают, что ничто не мешает разработке долгосрочных жизненных планов и стратегий (но это даже меньше числа тех, кто такие планы разрабатывает).

Отношение к будущему — важная, но не единственная в системе темпоральных (от лат. *tempora* «времена», взаимосвязь моментов времени и временных характеристик) установок². Уверенность в будущем чаще всего основана на удовлетворенности настоящим³ и позитивной оценке перспектив его развития. В этом плане интересны ответы респондентов на соответствующие вопросы (рис. 13). Боль-

¹ Яницкий О. Н. Волонтерство в чрезвычайных ситуациях: теоретические и методические проблемы // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов. Сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / Отв. ред. В. А. Мансуров ; ред. Е. Ю. Иванова. М. : РОС ; ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5448–5462. С. 5453.

² Особый интерес в этом плане представляет мнение К. Ясперса о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего: «Видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как от прогнозирования будущего. Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее» (Ясперс К. Проблема будущего URL: http://www.astrodomain.ru/articles/Jaspers_Prognoz.htm (дата обращения: 21.08.2021)).

³ Вспомним мудрый совет В. А. Ядова: «Именно самовосприятие условий жизни есть факт, достойный самого пристального внимания социолога, ибо оно-то и образует «социальную реальность», побуждающую живого субъекта к социальному действию или бездействию» (Ядов В. А. «Господа, думайте о социальных следствиях проводимых реформ!» // Социологические исследования. 2001. № 5. С. 146).

шинство (7 из каждых 10) респондентов удовлетворены своей жизнью. Их в 4,4 раза больше, чем неудовлетворенных. Не очень много и тех (1 из 7), кто не смог определиться точнее. Вновь заметно, что девушки — в сравнении с юношами — удовлетворены в меньшей степени. Примечательное мнение, несколько отличное от расхожих оценок (и в чем-то неожиданное для нас, исследователей) высказали респонденты в отношении своей жизни и жизни своей (в основном — родительской) семьи по сравнению с предыдущим (2019?!) годом (рис. 14).

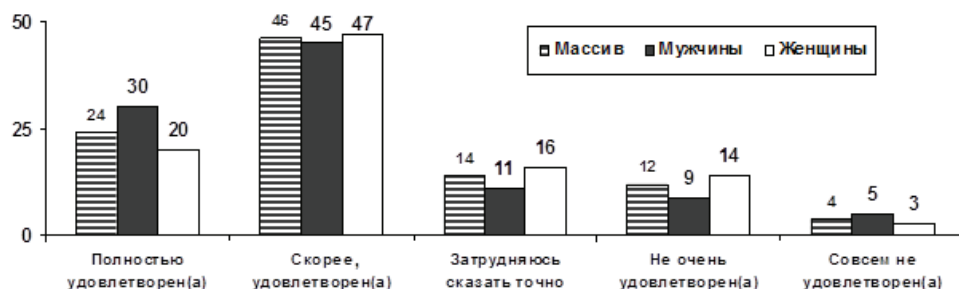

Рис. 13. Насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом?
(в % от числа ответивших)

Рис. 14. Вы и ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже? (в % от числа ответивших)

Как видим, в год, прошедший под знаком пандемии, в жизни каждого третьего (по самооценкам) ничего не изменилось (девушки отметили это в 1,3 раза чаще). Другая треть отметила даже некоторое улучшение (среди мужчин их даже больше — два из каждых пяти). И лишь один из четырех зафиксировал: стало немного или намного хуже. Вряд ли в указанных оценках могло проявиться стремление «приукрасить» ситуацию. Скорее всего, сказалось то, что дистантное обучение (мы не касаемся его влияния на качество обучения) во многих

жизненных вопросах (затраты на транспорт, питание и т. д.) для студентов (и не только иногородних) было менее затратным. Примечательно, что больше всего отметивших улучшения (намного и немного) среди респондентов-жителей села и ПГТ (на втором месте — жители Екатеринбурга).

Однако ограничения для предотвращения дальнейшего распространения пандемии так негативно повлияли на привычный образ жизни студентов, что свои преимущественно позитивные оценки (в ответах почти каждого второго — 45 %, в 4,5 раза чаще негативных) на ближайший год они соотносили с ее окончанием (рис. 15). Очевидно, что период пандемии эти возможности самореализации для молодежи несколько ограничивает, что и отразилось в студенческих оценках оптимизма. Но молодые люди все-таки по-прежнему с надеждой смотрят в будущее, и оценка перспектив ближайшего года не снизилась.

Рис. 15. Как вы думаете, в ближайшем году вы и ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже? (в % от числа ответивших)

Вопросы *про уверенность в своем будущем, со сравнением своей жизни с прошлым годом и предположение о жизни в следующем году* относятся к показателям *индекса оптимизма* как одному из трех основных компонентов при оценке социального самочувствия по методике Н. И. Лапина¹. Именно уровень оптимизма представляет собой доминирующее восприятие действительности в связке настоящего и будущего.

Поскольку вопросы из портретной методики Н. И. Лапина впервые включены в анкету студенческого мониторинга, то сравнение возможно лишь с данными опроса населения от 18 лет Свердловской области в 2008 г., где была выделена подвыборка студентов и учащихся

¹ Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация-2010). М.: ИФ РАН, 2010. 135 с.

очного обучения (табл. 9), хотя строгое сравнение результатов невозможно, но определенные выводы очевидны.

Таблица 9

Составляющие индекса социального самочувствия

Вопросы	2020	2008*	
	Студенты	Студенты, учащиеся	Все население
Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?	0,62	0,67	0,54
Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?	0,55	0,63	0,57
Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня, или хуже?	0,68	0,68	0,60
Индекс социального оптимизма	0,62	0,66	0,57

**Примечание.* Построено по данным базы «Социокультурный портрет Свердловской области» (N = 1004 человек, 2008), собранной под руководством И. А. Коха¹. Доступ к базе получен А. Н. Тарасовой, участницей «портретного движения» в России.

Во-первых, несмотря на то, что между представленными замерами — 12 лет, оптимизм среди студенческой молодежи Свердловской области не только не вырос, но даже и немного снизился. Во-вторых, очевидно, что сильнее всего «просел» индикатор по самооценке того, стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже, что, вероятнее всего, как раз связано с переживаемым в 2020 г. периодом пандемии коронавируса. В-третьих, как отмечают тюменские коллеги², фиксирующие показатель социального самочувствия населения в своем регионе с 2007 г. каждые 3—4 года, оптимизм определяется не только субъективными характеристиками респондентов (например, уровень оптимизма у молодых всегда значительно выше, чем в прочих возрастных группах), но и теми возможностями, которые имеются в регионе для улучшения жизни. Если человек видит возможности реализации своих способностей, считает, что люди в его регионе жи-

¹ См.: Кох И. А. Управление социокультурными изменениями в регионе. Екатеринбург: УраГС, 2011. 204 с.

² Социокультурная динамика — портрет Тюменской области: коллективная монография/науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Изд-во Тюменского гос.ун-та, 2015. 358 с. С. 88.

вут лучше, чем в других регионах, то и уровень его социального оптимизма будет выше. Очевидно, что период пандемии эти возможности самореализации для молодежи несколько ограничивает, что и отразилось в студенческих оценках оптимизма. Но молодые люди все-таки по-прежнему с надеждой смотрят в будущее, и оценка перспектив ближайшего года не снизилась.

Однако позиция наших респондентов далека от благодушия. Они довольно реалистичны в своих оценках, в частности, тех трудностей, с которыми сталкивается наше общество, наша страна (рис. 16).

Рис. 16. Мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, или они уже позади, или еще впереди?

Лишь 1 из 10 считает, что эти трудности уже позади, для каждого четвертого характерно соотношение «тяжелых времен» с текущим моментом. Треть уверена — «они еще впереди». Учтем и большое (29 %) число тех, кто затруднился с ответом.

Весьма информативны и ответы респондентов о тех конкретных опасностях, с которыми они сталкиваются, об ощущении защищенности (или незащищенности) от этих угроз (табл. 10). Заметно (и должно быть отнесено к позитивным результатам VIII этапа нашего мониторинга), что уральские студенты крайне редко (в диапазоне 6–16 %) лично сталкиваются с проявлениями дискриминации на этнической, конфессиональной, возрастной и гендерной почве.

Несколько иначе стоит оценить опасность *одиночества*. Конечно, мы не можем прямолинейно сравнивать с результатами предыдущих этапов, где проблема «как избавиться от одиночества, скуки, потери интереса к жизни» стояла в ряду личных проблем, которые особенно волнуют, и была отмечена 13 % (2012 г.) и 10 % (2016 г.). Поэтому треть (31 %) респондентов, не считающих себя защищенными от угро-

зы одиночества, — это не больше или меньше. Это — сигнал организаторам работы с молодежью, студентами об остроте данной проблемы. Выясняется (особенно в специфических условиях 2020 г.): социальные сети далеко не всем молодым людям могут заменить *дефицит общения*, даже в поколениях У и Z.

Таблица 10

Сегодня вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?

От каких опасностей	Да	Скорее, да	Трудно сказать	Скорее, нет	Нет	И _{защ} *
ущемления из-за Вашей национальности	65	18	11	3	3	0,85
притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	59	18	14	4	5	0,81
притеснений из-за Вашего возраста или пола	44	25	15	11	5	0,73
одиночества и заброшенности	29	22	18	13	18	0,58
экологической угрозы	18	20	25	24	13	0,52
преступности	22	16	24	18	20	0,50
преследований за политические убеждения	27	11	22	13	27	0,49
безработицы	19	17	25	18	21	0,49
бедности	19	20	21	16	24	0,48
произвола правоохранительных органов	22	14	24	15	25	0,48
произвола чиновников	15	8	24	20	33	0,38

* *Примечание.* И_{защ} — индекс защищенности по методике Н. И. Лапина (См.: Лапин Н. И., Беляева Л. А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России (Модификация — 2010). М. : ИФ РАН, 2010) — средневзвешенный показатель частных индексов защищенности, рассчитанный по шкале от 0 (нет чувства защищенности) до 1 (есть чувство защищенности).

Вновь — по мере растущей автомобилизации и — самое главное — возрождения традиционной промышленности Урала (*реиндустриализация*) усиливается *экологическая угроза*, что и отразилось в оценках студентов. Примерно по равной доле респондентов ощущают и не ощущают эту угрозу. Была гипотеза, что чувство защищенности от экологической угрозы у студентов из разных типов поселений будет отличаться, но она не подтвердилась. Статистически значимых отличий

в оценках между жителями мегаполиса, жителями других крупных или малых городов и жителями сельских поселений не отмечено.

Уже привычным стало осмысление значительной частью студенчества сложностей трудоустройства и опасности стать бедным. Для молодежи, у которой трудовой опыт или мал, или вообще отсутствует, в известной мере «естественна» незащищенность от безработицы, которая коррелирует с незащищенностью от бедности (коэффициент Спирмана = 0,7 максимально статистически значим, ошибка < 0,001). При этом уже раньше и в наших исследованиях, и в исследованиях наших коллег-социологов подчеркивалось своеобразие отношения молодежи к труду и его оплате — акцент на *принцип справедливости*. Поэтому студенты беспокоятся не столько о невозможности найти работу после окончания вуза, сколько о том, позволит ли им эта работа реализовать и развить свой потенциал (трудовой, инновационный, образовательный и т. д.). А «бедность» в их понимании — не нищета, а незаслуженно низкая («недостойная», не учитывающая их квалификацию) оплата труда.

Интересно, что несмотря на пандемию и некоторые проблемы на рынке труда, связанные с ней, защищенность студентов Свердловской области оказалась на том же уровне, что у молодежи Тюменской области в 2019 г., т. е. до распространения коронавируса и связанных с этим негативных последствий¹. Сравнение с 2008 г. тоже не показывает какого-либо значимого роста незащищенности, показатель примерно на том же уровне. Исходя из этого можно сделать вывод, что, возможно, молодежь воспринимает пандемию коронавируса как краткосрочное явление, с надеждой оценивая перспективы ближайшего года, студенты пока не осознают происходящее как серьезную угрозу своему будущему трудоустройству, а соответственно, и материальному положению.

Использование новой методики позволило по-новому посмотреть на некоторые проблемы. Выявилась высокая степень ощущения неза-

¹ Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А. Динамика составляющих социального самочувствия молодежи и предикторы доверия // Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов : Сборник докладов/статей участников XV Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (Санкт-Петербург, 09–11 октября 2019 г.). СПб. : Реноме, 2019, С. 185–199. С. 188.

щищенности от преследований за политические убеждения (отметили 2 из 5), произвола правоохранительных органов (2 из 5) и произвола чиновников (каждый второй). Если первые два из отмеченных параметров несут отблеск «феномена Навального», где — особенно в условиях Екатеринбурга — в действиях многих молодых людей преобладал не столько «протестный» акцент, сколько «коммуникативный» (тусовка), то в отношении третьего сыграл роль и негативный личный опыт (хотя, учитывая ограниченность непосредственного взаимодействия молодежи с чиновниками, в основном в ответах респондентов отразились стереотипы общественного мнения). Понятно, что мнения молодых людей и их опасения требуют пристального внимания и организаторов работы с молодежью, и властных структур (причем, не только органов по делам молодежи и молодежной политики).

Кстати, использование на VIII этапе мониторинга методики Н. И. Лапина показало, что опасение о возможном преследовании за политические убеждения усиливается. А вот ощущение молодыми людьми незащищенности от произвола чиновников и правоохранительных органов — не является феноменом сегодняшнего дня. Уже в 2008 г., по данным «портретов регионов» (в том числе — Свердловской и Тюменской областей), оно было на 1 месте рейтинга проблем-опасностей (табл. 11). Тревожно, что за прошедшие 12 лет практически никаких значимых изменений не наблюдается. Стоит отметить, что проблема незащищенности от произвола чиновников, а также правоохранительных органов характерна не только для студентов Свердловской области, но и для молодежи и всего населения других регионов России¹. Можно лишь отметить, что в данном случае молодежь в своих оценках скорее всего фиксирует даже не свой собственный опыт взаимодействия с властными структурами, сколько представляет общественное мнение в целом.

¹ Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования / И. И. Бойко [и др.] ; под ред. И. И. Бойко, А. П. Долговой. Чебоксары, 2018. 280 с. С. 54–55 ; Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А. Динамика составляющих социального самочувствия молодежи и предикторы доверия // Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов : Сборник докладов/статей участников XV Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» (Санкт-Петербург, 09–11 октября 2019 г.). СПб. : Реноме, 2019, С. 185–199. С. 188.

Таблица 11

Составляющие индекса защищенности от проблем-опасностей

Проблемы-опасности	Свердловская область			Тюменская область*	
	2020	2008*		2018	
	Студенты	Студенты, учащиеся	Все население	Студенты, учащиеся	Все население
От произвола чиновников	0,38	0,37	0,35	0,43	0,46
От произвола правоохранительных органов	0,48	0,44	0,41	0,54	0,54
От бедности	0,48	0,47	0,37	0,49	0,46
От безработицы	0,49			0,47	0,47
От преследований за политические убеждения	0,49	0,60	0,62	0,60	0,64
От преступности	0,50	0,40	0,34	0,54	0,49
От экологической угрозы	0,52	0,45	0,36	0,57	0,51
От одиночества и заброшенности	0,58	0,55	0,52	0,65	0,62
От притеснений из-за Вашего возраста или пола	0,73	0,67	0,60	0,80	0,69
От притеснений из-за Ваших религиозных убеждений	0,81	0,77	0,79	0,80	0,77
От ущемления из-за Вашей национальности	0,85	0,79	0,81	0,82	0,77
Индекс защищенности	0,57	0,55	0,52	0,61	0,59

*Примечание. Доступ к базам Свердловской области 2008 г. и Тюменской области 2018 г. «Социокультурные портреты регионов России» получен А. Н. Тарасовой, участницей «портретного движения» в России.

Выделяя *красные зоны* применительно к студенчеству в целом, важно не упустить и проблемы отдельных групп. Так, за общим ощущением защищенности от дискриминации по демографическим признакам стоит различие между *юношами* (среди них ощущают незащищенность в данном отношении лишь 8 %) и *девушками* (у которых ее отметили почти в 3 раза чаще — 22 %, каждая пятая). При общем ощущении незащищенности от произвола чиновников чаще других об этом говорят респонденты — *жители малых и средних городов* (свою защищенность они отмечают в 1,4 раза реже, чем в среднем). Наиболее незащищенность от безработицы ощущают *гуманитарии* (среди них — будущие

педагоги — каждый второй) и обучающиеся по *естественнонаучному профилю* (в том числе — медики, аграрии — два из каждых пяти).

Оценивая *уровень социального самочувствия* студенчества в целом, можно отметить, что несмотря на нынешнее непростое время социальное самочувствие остается устойчивым и относительно высоким (во всяком случае не отмечается его значимого падения по сравнению с 2008 г. (табл. 12).

Таблица 12

Сводный индекс социального самочувствия и его компоненты

Индекс	2020	2008*	
	Студенты	Студенты, учащиеся	Все население
удовлетворенности жизнью $I^{уд}$	0,69	0,70	0,56
защищенности $I^{защ}$	0,57	0,55	0,52
социального оптимизма $I^{опт}$	0,62	0,66	0,57
Сводный индекс социального самочувствия I^{Σ}	0,63	0,64	0,55

*Примечание. Построено по данным базы «Социокультурный портрет Свердловской области» (N = 1004 человек, 2008), собранной под руководством И. А. Коха¹. Доступ к базе получен А. Н. Тарасовой, участницей «портретного движения» в России.

Современная молодежь, несмотря на существующие трудности в настоящем и ожидаемые в ближайшем будущем проблемы, все же где-то в глубине души уверена, что она сможет благополучно реализоваться и устроиться в жизни. Современное студенчество отличается достаточно высоким уровнем дифференциации. Заметны гендерные отличия: социальное самочувствие девушек статистически значимо ниже, чем у молодых людей. Играют роль исходные условия: чем они лучше, тем выше уровень социального самочувствия. Например, у жителей крупных городов или городов-мегаполисов уровень социального самочувствия выше, чем у выходцев из малых или средних городов (табл. 13). Большую роль для социального самочувствия студентов играют *факторы обучения*, т. е. каков профиль подготовки студента, удовлетворен ли он выбранной профессией, удовлетворен ли он выбранным вузом, а также тем, какую профессиональную подготовку получает в университете. Это вполне закономерное явление, пожалуй,

¹ Кох И. А. Управление социокультурными изменениями в регионе. Екатеринбург : УрАГС, 2011. 204 с.

в дополнительных комментариях не нуждающееся, ведь именно текущее обучение определяет перспективы будущего.

Таблица 13

Индекс социального самочувствия и его компоненты в разрезе различных социально-демографических групп студентов*

Параметры сравнения		И ^{уд}	И ^{защ}	И ^{опт}	И ^Σ
Пол	Муж.	0,72	0,61	0,66	0,67
	Жен.	0,67	0,55	0,61	0,62
Семейное положение	Женат (замужем)	0,73	0,63	0,66	0,67
	Холост (не замужем)	0,68	0,57	0,62	0,64
	Живем в гражданском браке	0,72	0,57	0,65	0,66
Профиль обучения	Гуманит.	0,66	0,51	0,59	0,60
	Соц.-экон.	0,72	0,63	0,66	0,68
	Математ., естеств., мед.	0,64	0,51	0,57	0,59
	Техн.	0,69	0,58	0,64	0,64
Удовлетворенность вузом*	Да, скорее, да	0,72	0,60	0,65	0,66
	Нет, скорее, нет	0,55	0,46	0,53	0,52
Удовлетворенность профессией*	Да, скорее, да	0,72	0,60	0,65	0,66
	Нет, скорее, нет	0,56	0,48	0,54	0,54
Вы учитесь*	На бюджете	0,68	0,56	0,62	0,63
	По целевому набору	0,76	0,66	0,73	0,73
	По контракту	0,69	0,58	0,61	0,63
Где вы жили до поступления в вуз?*	Екатеринбург (другой мегаполис)	0,70	0,59	0,65	0,66
	Другой крупный город (> 100 тыс. чел)	0,71	0,58	0,63	0,65
	Малый или средний город (до 100 тыс.)	0,66	0,54	0,59	0,60
	Село (поселок городского типа)	0,68	0,61	0,64	0,65
Где вы живете в настоящее время?*	С родителями	0,69	0,59	0,64	0,65
	Общежитие	0,69	0,56	0,61	0,63

*Примечание. Отмечаются статистически значимые отличия по группам.

Отношение к будущему конкретизировалось с помощью выявления *образов будущего* в представлениях студентов. При этом разграничивалось *желаемое* и *ожидаемое (вероятное)* будущее. Оказалось, что эти образы существенно отличаются. Картина ближайшего (3 года) будущего написана мрачными «черно-серыми» красками (табл. 14).

Таблица 14

С вашей точки зрения, наступление каких событий наиболее вероятно в ближайшие три года? (вопрос поливариантный, выбор ограничивался тремя параметрами, учтены положительные ответы по каждому параметру)

№	События	Да, вероятно
1	Рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня	66
2	Экологические аварии, ухудшение состояния окружающей среды	57
3	Политические беспорядки, протесты, митинги в стране	48
4	Конфликты, ухудшение отношений с другими странами	41
5	Наступление авторитаризма или тоталитаризма в стране	20
6	Развитие наукоемких отраслей и инноваций	19
7	Увеличение информационной открытости, свободы в обществе	17
8	Рост бюрократизации, формализма	16
9	Принятие законов и программ, способствующих развитию бизнеса и предпринимательства	12
10	Успешные экономические и социальные реформы	4

Наиболее вероятной перспективой развития страны на ближайшие 3 года респонденты назвали углубление экономического кризиса (рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня) (2 из 3), ухудшение экологической ситуации (3 из 5), обострение политической ситуации и внутри страны (каждый второй), и на международной арене (2 из 5). О позитивных переменах упоминалось гораздо реже. Причем в своих оценках и юноши, и девушки очень близки. О каких-то значимых различиях можно говорить лишь о бóльшей уверенности первых в усилении проявлений авторитаризма (в 1,5 раза) и бóльшей обеспокоенности девушек из-за возможного ухудшения экологической ситуации. Нет серьезных различий и в оценках студентов-жителей разных типов поселения. Разве что жители села и ПГТ меньше других отмечают перспективу роста бюрократизации и развития авторитаризма.

Иной по тональности и характеру была оценка желаемого будущего (табл. 15).

Наши респонденты хотели бы в перспективе жить в обществе, где обеспечено экономическое благополучие и высокий (достойный) уровень жизни (3 из 4), где соблюдаются права человека и утвердятся не формальная, а реальная демократия (3 из 5); в обществе, основными принципами которого станут равенство (не уравниловка, а равенство возможностей) и справедливость (почти каждый второй). Для

них, выросших в условиях становления рыночных отношений, альтернативы рынку нет, и они хотели бы более быстрого перехода к эффективной рыночной экономике. Даже после патриотического подъема (2014 г. — «Крым наш!», 2020 г. — «Спасибо прадеду за Победу») лишь для 1 из 5 значимо возвращение России роли великой державы. Возможно, стоило бы упрекнуть представителей «цифрового» поколения в недооценке перспектив развития «информационного» общества. Но скорее они считают эту характеристику будущего общества само собой разумеющейся.

Таблица 15

**На ваш взгляд, к чему должна стремиться наша страна в будущем?
(вопрос поливариантный, выбор ограничивался тремя параметрами,
учтены положительные ответы по каждому параметру)**

№	События	Да
1	К достижению высокого жизненного уровня, экономического благополучия	75
2	соблюдению прав человека, демократическому обществу	58
3	равенству и справедливости	45
4	эффективной рыночной экономике	37
5	толерантности, уважению прав меньшинств	27
6	значительному развитию высоких технологий, сферы IT	27
7	обществу, с которым считаются другие страны	20
8	сильной государственной власти	15
9	распространению гуманистических ценностей	15
10	обществу, где высоко ценят традиции, опыт поколений	12

Исследование в очередной раз выявило перекося в темпоральных установках студентов — чем ближе оценка к личным проблемам, тем она более оптимистична. Возможно, сказывается тренд, выявленный М. К. Горшковым и его коллегами на общенациональном уровне¹: «российский социум довольно динамично, по историческим меркам, движется в сторону современного общества потребления, в котором зависимость населения от власти постепенно снижается, а личные, индивидуальные интересы начинают превалировать над общественными». В ракурсе нашего мониторинга особенно важен вывод, что «само-

¹ Российское общество и вызовы времени/М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. ФАНО, Ин-т социологии РАН. Кн. 4. М. : Весь Мир, 2016. 398 с. С. 15.

достаточная часть общества» локализуется в основном среди молодых и хорошо обеспеченных россиян, а также тех граждан, которые отличаются выраженными достигательными установками и стремлением к самореализации»¹. Отмеченный выше тренд не смогла поколебать и пандемия. Об этом говорят материалы опроса ВЦИОМ, опубликованные под характерным названием «Россияне оценивают собственную жизнь выше, чем ситуацию в стране в целом»².

Завершить общий анализ представлений уральских студентов о будущем хотелось бы их оценкой возможного влияния молодежи на развитие нашего общества (рис. 17).

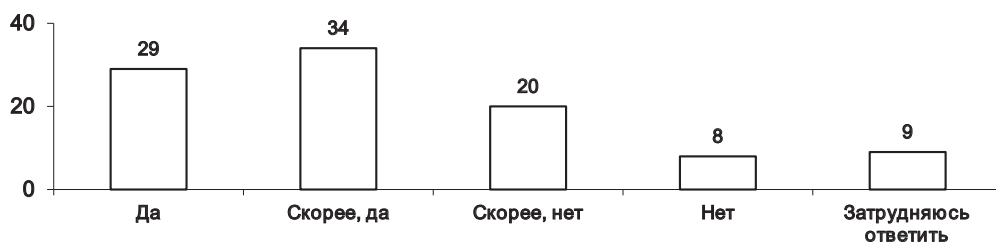

Рис. 17. Есть ли у молодежи сегодня возможность повлиять на развитие нашего общества, добиться изменений к лучшему?

Как видим, эта оценка достаточно высока. Молодежь высоко оценивает свой потенциал. И обществу важно обеспечить условия, чтобы молодежь стала *реальным драйвером* социального развития.

¹ Российское общество и вызовы времени/М. К. Горшков [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова и В. В. Петухова. ФАНО, Ин-т социологии РАН. Кн. 4. М. : Весь Мир, 2016. 398 с. С. 15.

² К концу 2020 г. россияне чаще удовлетворены или частично удовлетворены жизнью, которую они ведут — 47 %. Отчасти удовлетворены, а отчасти нет своей жизнью 25 % россиян. Не устраивает актуальная ситуация в их жизни 26 % опрошенных. В конце трудного пандемического года россияне оценивали сложившуюся в стране ситуацию двойственно: 47 % называли ее скорее хорошей, 48 % — скорее плохой (См.: Россияне оценивают собственную жизнь выше, чем ситуацию в стране в целом. 13 января 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-nastroenija-monitoring> (дата обращения: 20.03.2021).

5. Будущее не придет само — без нашего участия

Задано ли будущее или находится в процессе непрерывного построения? В этом вопросе заключена глубокая дилемма для всего человечества, поскольку время — фундаментальное измерение нашего существования.

И. Пригожин

Важной социокультурной характеристикой молодого поколения в любой стране является его *гражданская культура, культура гражданской ответственности*¹. В этом бесспорном утверждении сосредоточены разные грани критического осмысления включенности молодежи, особенно российского студенчества в противоречивое поле *взаимодействия государства и гражданского общества* или *гражданского общества* как основы государства. Активизация геополитических процессов, нарастающая событийная повестка внешней политики, директивность и прямолинейность в реализации основных направлений внутренней политики в нашей стране существенно осложняют и усложняют процессы осознания и эмоционального восприятия, а также действия молодого поколения, которые все чаще

¹ Вишневский Ю. Р., Трынов Д. В., Шапко В. Т. Гражданская культура студентов. Тенденции и проблемы формирования // Социологические исследования, 2009. № 4. С. 108—116 ; Вишневский Ю. Р., Путинцева О. В., Трынов Д. В. Динамика развития гражданской культуры студенчества // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 269—291 ; Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 244 с.

подводят к выбору между приоритетами развития личности (индивидуальности) и доминированием интересов государства, общности как коллектива граждан.

Складывающаяся в стране, мире ситуация все чаще лишает молодежь возможности сохранения определенного внутреннего баланса, противопоставляя ценности, права, свободы граждан государственным и политическим интересам. Определенные сложности возникают и при осознании молодежью происходящих трансформаций в устройстве социальных институтов, в стиле и практиках их функционирования при усилении разнонаправленных информационных потоков, государственной пропаганды, альтернативных и «свободных» СМИ, сравнительно новых сетевых лидеров общественного мнения в молодежной среде при ослаблении влияния на молодых россиян традиционных институтов семьи и образования.

В этом контексте противоречий и сложностей эксперты, политики и исследователи поднимают вопрос о *гражданственности* в логике осознания и реализации индивидами своих прав и обязанностей по отношению к другим членам общества, государству, которое, с одной стороны, направляет действия своих граждан, с другой, — должно создавать возможность политического участия для развития и обеспечения перспектив объективно востребованных изменений властных отношений, совершенствования политической системы.

Во время предыдущих этапов мониторинга мы уже обращали внимание на то, что авторитарные социальные системы зарождались в рамках *формально* демократических обществ. Однако импульс для авторизации системы отношений порождался не происходящими на институциональном уровне структурными изменениями, а процессами, происходящими в сознании людей на уровне индивидуальной психологии и личностной культуры¹. Внешний враг страны, постоянно присутствующий в официальном дискурсе, влияет на коллективное сознание большинства россиян. С другой стороны, в молодежной среде циркулирует информация о *социальной несправедливости*, усиливающимся неравенстве, социальных и экономических разрывах между богатыми и бедными, власть имущими и обывателями.

¹ Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общей редакцией Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 904 с. С. 465

Упрощенные паттерны восприятия и информационные образы проникают в социальные отношения, отражаются, тиражируются и искажаются в коммуникации, получают ценностно-нормативное выражение, формируя *определенный тип культуры* личности и общества, в одних случаях оправдывающий бездействие самих людей, в других, — легитимирующий происходящие преобразования социальных систем в сторону закрытости и усиления авторитарности. В связи с происходящими событиями увеличиваются *риски социальной исключенности*, идеологических столкновений вместо диалога и конструктивного обсуждения, разобщенности в молодежной среде и сегрегации внутри поколения, снижения обобщенного и межличностного доверия, проявление межпоколенческих конфликтов. В этих условиях крайне важно фиксировать происходящие в сознании и действиях молодежи изменения, их культуры гражданственности, включающей в себя политическое и социальное участие, доверие к социальным институтам, в том числе государству, отношение к политике, ориентации на гражданскую активность, демократические ценности и ценности государственности, включенность в общественно-политические структуры и политически окрашенные события.

На данном этапе мониторинга мы оцениваем не только ценностное измерение и субъективные оценки студентов Свердловской области в отношении происходящих социально-политических событий, но и включенность молодых людей и девушек в систему общественного взаимодействия и политических действий, тот потенциал, который выражает возможности участия молодежи в жизни страны, региона, реалистичность их участия в решении проблем конкретных людей или своих собственных.

По нашему мнению, в гражданской культуре *феномен участия* занимает одну из центральных позиций в силу ряда следующих причин. Участие во всех его проявлениях социально по своей природе, оно соединяет потребности и желания людей как *граждан* с управлением. *Гражданское участие* (политическое и социальное) — фундамент социальных связей в сообществах, «источник удовлетворения управлением/правлением (государственным, муниципальным, организационным и т. д.)»¹. Участие молодых граждан в обществен-

¹ Verba S., Nie N. H. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. Chicago : University of Chicago Press, 1987. 452 p. P. 16.

ной жизни связано с развитием местных сообществ (*participation of citizen*)¹ как объединений людей, проживающих на одной территории и имеющих определенные, исторически обусловленные связи между собой, чьи действия или бездействие во многом определяют будущее этих сообществ и территорий. В этом случае речь идет о двух важнейших направлениях. Во-первых, это политическая роль граждан, которую они реализуют через участие в системных политических структурах и процессах (голосовании, участии в деятельности политической партии), а также в прямых или косвенных политически окрашенных действиях. Во-вторых, важно участие граждан в общественных акциях и мероприятиях, их вовлечение в работу различных общественных организаций².

В зарубежной и отечественной социально-политической мысли сформировались два основных подхода в осмыслении феномена политического участия³. Первый представлен западной, в первую очередь американской политологической традицией (Г. Алмонд, С. Вербы, Х. Годе, Д. Найджелла и др.). В его основе лежит понимание политического участия как «действий частных граждан с целью прямого или косвенного влияния на отбор государственных управленцев и их деятельность»⁴. Д. Найджелл определяет политическое участие как «действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности»⁵. В инструментальной трактовке политического участия его переменными становятся объект и объем влияния, а рациональный индивид,

¹ Manoharan A. P., Mosse S. Citizen participation // E-Government and Information Technology Management: Concepts and Best Practices. 2020. PP. 98–120. URL: https://www.researchgate.net/publication/344103086_CITIZEN_PARTICIPATION (date of accesses: 09.05.2021).

² Participation of citizens in local public life. Local and regional authorities in Europe. 2000. № 72. URL: <https://book.coe.int/en/root/1947-participation-of-citizens-in-local-public-life-local-and-regional-authorities-in-europe-no72.html> (date of assesses: 01.01.2020).

³ Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования (Обзор отечественной литературы). URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kholmetskaya-1999-5.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).

⁴ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М. : Мысль. 2014. 500 с. С. 123.

⁵ Nagel J. N. Participation. New Jersey, Prentice-Hall: Englewood Cliffs, 1987. 188 p. PP. 1–2.

выступая субъектом политической деятельности, стремится максимизировать полезность своих действий. Важную роль в политическом участии играют структуры гражданского общества, которые могут целенаправленно влиять на государственную политику, компенсируя отсутствие политической власти сплоченными продуманными действиями индивидов. В связи с этим Г. Алмонд и С. Верба разграничивали две формы участия «простого человека» «в процессе принятия политических решений» — в качестве «*влиятельного гражданина*» или «*участвующего подданного*»¹.

В работах российских исследователей широко используется деятельностный подход к сущности политического участия (Р. Г. Апресян, Д. В. Ольшанский, А. И. Тюленев, Е. Б. Шестопап и др.). Центральное место в нем отводится исследованию политического участия при определенных условиях социальной среды, с одной стороны как политической активности личности, с другой — как участию граждан в управлении государственными делами². Участие предполагает «включение или вовлечение управляемых в управление общественными делами, а также, насколько это возможно, государственными делами»³. Таким образом, для понимания содержания понятия политического участия в рамках данного подхода ключевыми категориями становятся политическая активность, то есть «деятельность социальных групп или индивидов, связанная с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий политический или социально-экономический порядок и соответствующие политические институты»⁴.

¹ Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры (I) // Полития. 2010. № 2 (57). С. 123–144. С. 125.

² См.: Шестопап Е. Б. Личность и политика: Критические очерки современных западных концепций политической социализации. М. : Мысль, 1988. 203 с. ; Политическая социализация российских граждан в период трансформации / под ред. Е. Б. Шестопап. М. : Новый хронограф, 2008. 551 с.

³ Апресян Р. Г. Гражданское общество: участие и ответственность // Гражданское участие: ответственность, сообщество, власть. Неконцептуальный сборник / под ред. Р. Г. Апресяна. М. : Аслан, 1997. С. 31. URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/GU/4.html> (дата обращения: 21.03.2021).

⁴ Ольшанский Д. В. Основы политической психологии. Екатеринбург : Деловая книга. 2001. 496 с. С. 21.

Интегрируя два обозначенных подхода, определим политическое участие как «совокупность проявлений внешней (наблюдаемых действий, таких как голосование на выборах/уклонение от него, участие в демонстрациях, акциях протеста и т. д.) и внутренней (позиции, убеждения, идентификация, мотивация) активности институциональных и неинституциональных, индивидуальных и групповых акторов, отражающие различные отношения индивидов и групп к политической реальности и многообразные способы их выражения»¹. *Политическое участие молодежи* приобретает различные формы, параметры которых задаются, с одной стороны, возможностями политической системы и ее институтов, а с другой — субъективными запросами молодого поколения на реализацию своих интересов посредством политики.

Ю. В. Уханова определяет практики политического участия через политическую вовлеченность, внимание к политике, т. е. различные каналы участия в политической жизни, и идентифицирует такие из них, как голосование, обращение к власти, спонсорство в отношении политических партий и организаций, различные протестные акции, например посещение демонстраций и присоединение к бойкотам, участие населения в сфере электронного правительства по принятию решений в политических и управленческих процессах².

Социальное участие как горизонтальное взаимодействие в сообществах включает в себя все виды деятельности, прежде всего направленные на помощь другим вне семьи, общее благо или решение проблемы сообщества: просоциальное (помогающее) поведение, пожертвование денег или поддержка в натуральной форме, волонтерство, участие в работе неправительственных организаций и т. д.»³.

Важно еще раз подчеркнуть, что в культуре гражданственности участие как гражданская активность опирается на определенные ценности личности и ценностные ориентации. Регулятором же ее социальной активности молодежи, ее интенсивности и направленности являются смысловые представления о реальности. Наиболее отчетливо они

¹Трынов Д. В. Политическое участие молодежи: поддержка vs протест//Социодинамика. 2019. № 12. С. 298—314.

²Уханова Ю. В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах)//Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88—107.

³Там же.

проявляются в социальных установках, руководствуясь которыми молодые люди проявляют те или иные формы активности¹.

Ориентации на гражданскую активность — в *развитие*, а не *разрушение* сложившихся социальных отношений, тесно сопряжены с осознанием того, что *человек является носителем или получателем гражданских прав и свобод*. Как активный гражданин он должен адекватно сопоставлять общественное благосостояние и сложившийся порядок со своими собственными взглядами, выгодами и потребностями². Последнее во многом определяется *внешним институциональным контекстом*, а именно теми нормами, которые легитимны и общеприняты, закреплены в нормативно-правовом поле, обеспечивают дееспособность многих социальных институтов. Культура гражданственности включает в себя не только культуру участия в легитимных политических действиях, но и *культуру реального включения* в процесс выработки и реализации управленческих решений, публичной политики, определенное отношение к тем формальным общепринятым на государственном уровне нормам, которые регулируют повседневную жизнь граждан.

Именно поэтому мы проанализировали отношение студентов Свердловской области к *обязательности соблюдения законов*. Как это ни печально констатировать, но тревожное обобщение, сделанное еще в 2007 г., что в ответах студентов отражается одна из самых глубоких и серьезных проблем становления гражданского общества и гражданской культуры — *отношение к закону, как к чему-то необязательному* — остается справедливым и сегодня. Если с 2007 г. ситуация немного изменилась и число законопослушных студентов постепенно увеличивалось (в 2007 г. — 25 %, в 2012—30 %, в 2016—35 %), то в 2020 г. этот процесс остановился. Отвечая на вопрос: «Как вы считаете, допустимы ли нарушения законов?», только 35 % респондентов выбрали альтернативу «нет, закон всегда закон», каждый десятый уверен в том, что это допустимо, и 55 % студентов отметили, что все зависит от ситуации. В гендерном измерении также сохранилась диспропорция в сторону законопослушности девушек, 40 % из них согласны с тем, что закон

¹ Зубок Ю. А., Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на востоке России. 2020. № 2 (91). С. 89–105. С. 92.

² Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М. : Мысль. 2014. 500 с. С. 37.

всегда закон, 55 % выбрали альтернативу ответа «все зависит от ситуации», тогда как точно допускают нарушение закона только 5 %. Среди молодых людей законопослушных только 30 %, ситуативность допускают 54 % респондентов, как норму воспринимают нарушение закона 16 % студентов-юношей.

В свете принятия изменений в законодательстве РФ, ограничивающих массовые протестные действия, все больше увеличиваются риски вовлечения в общественные волнения именно молодых людей. Данный риск возрастает и *в связи с профилем обучения*. Среди студентов, обучающихся по направлению технических наук и инженерного дела (преимущественно мужские специальности), число законопослушных существенно меньше, а именно только 25 % респондентов, чем среди студентов других направлений (табл. 16).

Таблица 16

**Распределение ответов студентов разных профилей подготовки на вопрос:
«Допустимо ли, по вашему мнению, нарушение законов?», в % (2020)**

Варианты ответов	Гуманит.	Соц.-экон.	Математ., естеств., мед.	Техн.
Да	6	7	3	17
Все зависит от ситуации	57	49	57	58
Нет, закон всегда закон	37	44	40	25
Всего:	100	100	100	100

Достаточно показательной характеристикой сохранения большого числа незаконопослушной студенческой молодежи является расширение числа тех, кто выбирает те или иные, оправдывающие свою позицию причины. Распределение ответов студентов на вопрос: «Порой допустимость нарушения законов соотносится с рядом моментов. С какими из них вы согласны?» в разрезе разных волн мониторинга отражено в табл. 17.

Таблица 17

**Причины, оправдывающие нарушение законов, в оценках студентов
Свердловской области в разрезе разных волн исследования, %**

Варианты ответов	2007	2012	2016	2020
Нет, закон всегда закон	23	32	36	24
Некоторые законы ограничивают права личности	23	26	22	41
Многие законы непонятны и поэтому часто нарушаются	22	15	11	32
Во имя пользы дела	17	17	15	19
Порой в законах реально заложены невыполнимые нормы	15	14	4	19

Окончание табл. 17

Варианты ответов	2007	2012	2016	2020
Законодательство по ряду аспектов неустойчиво, происходит быстрая смена законов	7	7	3	20
Многие законы пишутся не для всех	—	—	7	28
Нередко законы носят характер декларации	—	—	3	10

Резкое увеличение числа студентов, которые выбирают для себя причины оправдания в ситуациях, когда нарушается закон, является ярким свидетельством того, что студенты чувствуют *социальную несправедливость*, однако в полной мере не могут осознать все происходящее в стране и мире, самостоятельно дать адекватную оценку событиям, тем изменениям, которые обусловлены пандемией, вынужденной цифровизацией повседневной жизни, гибридной информационной войной, которая ведется сегодня между странами.

С 2016 г. практически в два раза (с 22 % до 41 %) увеличилось число тех студентов, кто согласен, что некоторые законы ограничивают права личности. При том, что в школах произошло увеличение часов по обществознанию, в три раза (с 11 % до 32 %) увеличилось число студентов, кто не понимает российские законы и считает, что поэтому их нарушение оправдано, в пять раз (с 4 % до 18 %) стало больше студентов, которые уверены, что в российских законах закладываются реально невыполнимые нормы. В сознании студенчества Свердловской области отчетливо фиксируются признаки дисфункциональности правовой системы в нашей стране, порождающей социальную несправедливость и ограничения дееспособности многих социальных институтов, в том числе судебной системы.

В четыре раза за четыре года (с 7 % до 28 %) увеличилось число студентов, уверенных в том, что законы пишутся не для всех, каждый десятый согласен с тем, что они часто носят декларативный характер. Печально, что во многом студенты, скорее, правы. Каждый пятый из числа всех опрошенных согласен с тем, что происходит очень быстрая смена законов и законодательство по ряду причин неустойчиво. Последнее скорее соответствует российским реалиям, а главное, влияет на качество вновь создающихся нормативно-правовых документов, порождающих их разночтения, неоднозначность трактовки многих норм, а соответственно, и увеличение рисков их невыполнимости.

Наши данные свидетельствуют, что сегодня *менее* выражена *тенденция инструментализации и прагматизации* в объяснении возможности нарушения законов со стороны молодежи. С тем, что во имя пользы дела можно нарушать закон, согласны 19 % студентов, в 2016 г. таких респондентов было 15 %.

Чуткость студенчества к *социальной несправедливости* отражается и на изменении отношения молодых уральцев к политическим и социальным институтам, *доверии* к ним. *Социальное доверие* — сложный социальный феномен. В социологической и социально-психологической трактовке сложилось несколько основных подходов, объясняющих сущность и функции социального доверия. Согласно Н. Луману, доверие часто предстает как механизм, способствующий сокращению ненадежности и риска в сложном жизненном мире¹. По Э. Эриксону доверие человека к миру выступает базовой, фундаментальной социальной установкой личности, которая определяет дальнейшее развитие всех других видов отношений личности к миру, себе и другим². С точки зрения социологии доверие — это сложное по своей структуре социальное взаимодействие, которое включает нормативные представления действующего субъекта о другом (партнере, коллеге, конкуренте, власти имущем, чиновнике и т. п.).

Наши коллеги из НИУ ВШЭ справедливо утверждают, что базовое доверие к миру, или *культура доверия*, в обществе отражает не только актуальное состояние институтов, но также коренится в менталитете различных слоев и когорт общества³. Другими словами, доверие — это универсальный инструмент саморегуляции социального поведения людей.

Важнейшая особенность VIII этапа мониторинга — *снижение доверия студентов почти ко всем социальным и политическим институтам* (табл. 18). Низкое доверие населения к большинству общественно-политических институтов является привычным состоянием общественного сознания россиян. Данный феномен просматривался на всем протяжении институционального измерения общественного мнения в России начиная с 1988 г. Изменениям подвергались лишь конфигу-

¹ Luhmann N. Trust and Power. Chichester (England) : Wiley, 1979.

² Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб. : Речь, 1996. 589 с.

³ Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / под ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М. : НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.

рация недоверия и отдельные его компоненты. Если оценивать в целом характеристики структуры недоверия студентов социальным институтам, то здесь следует отметить несколько тенденций.

Таблица 18

Индекс доверия студентов Свердловской области политическим и социальным институтам в разрезе разных волн мониторинга

Социальные и политические институты	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Армия	—	−0,59	−0,54	−0,32	−0,32	+0,06	−0,24
Государственная дума	−0,56	−0,62	−0,66	−0,46	−0,58	−0,30	−0,40
Губернатор Свердловской области	−0,26	−0,50	−0,32	−0,36	−0,46	−0,22	−0,10
Законодательное собрание Свердловской области	−0,33	−0,65	−0,42	−0,42	−0,40	−0,14	−0,14
Некоммерческие организации	—	—	—	—	—	−0,42	−0,08
Политические партии, движения	−0,57	−0,83	−0,68	−0,66	−0,56	−0,58	−0,40
Правительство РФ	−0,40	−0,29	−0,04	−0,02	−0,34	+0,06	−0,32
Правоохранительные органы	−0,46	−0,68	−0,36	−0,28	−0,28	—	−0,20
Президент РФ	−0,48	+0,31	+0,32	+0,18	−0,26	+0,44	−0,26
Профсоюзы	—	—	—	—	—	−0,14	−0,06
СМИ	+0,04	−0,43	−0,38	−0,52	−0,42	−0,62	−0,52
Церковь, религиозные организации	−0,12	−0,26	−0,02	+0,02	−0,04	−0,32	−0,54

Примечание. Индекс рассчитывался как результат суммирования позитивных (да, доверяю; +1) и негативных (нет, не доверяю; −1) оценок/100.

Наибольший уровень недоверия респондентов просматривается к религиозным организациям, СМИ и органам власти федерального уровня (Госдума, президент, правительство). Причем если в отношении некоторых институтов такой индекс доверия является привычным, например, показатель доверия Правительству РФ на всех этапах мониторинга находился в красной зоне), то для института *президентства* это нетипичный феномен.

Президент России — это особая позиция в системе политической власти страны. Она скрепляет всю политическую систему, организует и контролирует взаимодействие ветвей власти, представляет государство на международной арене. В институте президентской власти очень много символического, а потому она отождествляется с лично-

стью ее носителя. Таким образом, доверие институту президента следует рассматривать, хотя и частично, через призму личности первого лица государства.

Трижды за все время нашего мониторинга институт президенства оказывался в *красной зоне недоверия* — 1999 г., 2012 г., 2020 г. Ситуация 1999 г. довольно легко объясняет показатель недоверия Б. Н. Ельцину — только что произошедший дефолт подорвал хрупкие надежды на восстановление российской экономики, а государственная власть вновь потерпела неудачу в деле социально-экономического реформирования.

2012 год был ознаменован возвращением В. В. Путина в президентское кресло. Происходило это на фоне массовых протестов против фальсификации выборов 2011–2012 гг., «белоленточного движения» и роста недовольства в связи с ухудшением социального положения на фоне экономического кризиса. Возвращение В. В. Путина в Кремль (перестановка в «тандеме») было воспринято частью общества как покушение на демократию и сменяемость власти. В этом смысле ситуация 2020 г. схожа с тем, что происходило в 2012 г.

Снижение доверия — это синдром обманутых ожиданий, а в случае с Путиным таковых было довольно много, что не исключает его выдающейся роли в возрождении России после «лихих 1990-х» (характерны высокие оценки на этапах мониторинга в 2003–2007 гг.). Но сегодняшние студенты в те годы были еще детьми. На их восприятие политики Путина последних лет повлиял целый ряд непопулярных решений, ответственность за которые лежит лично на нем: увеличение пенсионного возраста, введение ряда ограничительных мер, допущение преследования оппозиции, изменение статей Конституции, которые дали зеленый свет обнулению сроков президенства лично для В. В. Путина¹.

На фоне снижения показателей доверия *федеральным органам* власти обратную динамику демонстрируют *региональные власти*. Хотя их индекс доверия и находятся в красной зоне, тем не менее доверие к губернатору и Законодательному собранию Свердловской области пока-

¹ Позиция наших респондентов отражает более общий тренд. По данным опросов Левада-центра в 2018–2021 гг. уровень доверия к Президенту России В. В. Путину среди молодежи (от 18 до 24 лет) за последние годы снизился больше чем в три раза — с 58 до 18 % (Молодежь перестала доверять президенту // Советская Россия, 2021. 2 апреля).

зало положительную динамику по сравнению с предыдущим этапом мониторинга. С нашей точки зрения это связано не столько с позитивной оценкой деятельности региональных властей, сколько со снижением влияния региональной власти как таковой. «Вертикализация» управления, то есть выстраивание пресловутой «вертикали власти» в масштабах государства, привела к тому, что региональные власти лишились значительной доли своей автономии. Функциональные возможности региональных властей сейчас, действительно, крайне незначительны, особенно в решении экономических проблем. Следовательно, в глазах обычных граждан они утратили возможности влиять как положительно, так и отрицательно на жизнь обычных людей. Почему же они не рассматриваются как простой придаток федеральной власти? Одна из ярких особенностей общественно-политического сознания россиян — явное преобладание значимости общефедеральной повестки над региональной. Характерны показатели явки на выборы. При относительно высокой явке избирателей на выборы в Государственную думу РФ и Президента РФ явка на региональных и муниципальных выборах традиционно заметно ниже. На выборы губернатора Свердловской области (2017 г.) пришло 37,1 % избирателей, на выборах президента РФ (март 2018) явка свердловчан составила более 50 % избирателей. Влиятельность того или института является чуть ли не главным ориентиром для определения оснований доверия.

В этом же ключе можно объяснить близкие к нейтральным показатели доверия НКО и профсоюзам. Принцип — «меньше влияния — меньше вреда — меньше недоверия», похоже, стал главным для определения студентами оснований для доверия. На фоне резкого падения доверия молодежи к Президенту РФ, Правительству РФ (индексы ушли к отрицательному значению 2012 г.) чуть вырос индекс доверия студентов к некоммерческим организациям, политическим партиям и профсоюзам. Несмотря на отрицательный модус значений, наше исследование позволяет зафиксировать ряд следующих моментов. Фактором снижения доверия к государственным институтам власти и президенту является непопулярная среди населения законотворческая деятельность на федеральном уровне, в том числе введение в стране новых ограничений в сети Интернет, затрагивающих во многом молодое поколение, которое чаще всего не в состоянии дать адекватную оценку этим нормам. В этой ситуации именно слабая надежда на от-

носителем независимых от власти институты, такие как профсоюзы и некоммерческие организации, чуть сдвинула отрицательный индекс доверия к ним в позитивном направлении.

Рост недоверия к социально-политическим институтам у студентов резко отличается от настроения населения в целом (табл. 19).

Таблица 19

**Сравнение индексов доверия политическим
и социальным институтам**

Социальные и политические институты	2020	
	Студенты СО	Население в целом
Армия	–0,24	+0,58
Государственная дума	–0,40	+0,02
Губернатор субъекта РФ	–0,10	+0,15
Законодательное собрание субъекта РФ	–0,14	+0,15
Некоммерческие организации	–0,08	+0,24
Политические партии, движения	–0,40	–0,04
Правительство РФ	–0,32	+0,15
Правоохранительные органы	–0,20	+0,15
Президент РФ	–0,26	+0,33
Профсоюзы	–0,06	+0,04
СМИ	–0,52	+0,12
Церковь, религиозные организации	–0,54	+0,21

Примечание. Индекс рассчитывался как результат суммирования позитивных (да, доверяю; +1) и негативных (нет, не доверяю; –1) оценок/100. Расчет произведен авторами на основе данных всероссийского опроса общественного мнения, проведенного специалистами Левада-центра 20–26 августа 2020 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1601 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ¹.

Сопоставление данных, полученных нами, с данными всероссийского опроса общественного мнения, проведенного специалистами Левада-центра, позволяет выделить еще одну грань ситуации с доверием. Заметно, что в отличие от студенческой молодежи, население страны в целом гораздо более доверчиво к государственным институтам, главными столпами которых выступает армия (доверяют два

¹ Доверие институтам//Левада-центр: [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 01.04.2021).

из трех), президент (доверяют три из пяти) и органы госбезопасности (доверяет каждый второй)¹.

Следовательно, в отношении общественного мнения по поводу доверия социальным институтам просматривается та же закономерность, что и в отношении студенчества, только в перевернутом виде: «чем социальный институт более влиятелен, тем он больше заслуживает доверия». Разумеется, эта закономерность не просто линейный механизм воспроизводства общественного сознания. Более влиятельные структуры имеют гораздо больше возможностей и ресурсов манипуляции, воздействуя на массовое сознание. В конечном счете в этом и состоит особенность возможностей власти наращивать свой авторитет. Но в связи с этим возникает важный вопрос о том, *откуда* черпает социально значимую информацию та или иная аудитория. Студенчество достаточно чувствительно к негативному событийному фону. Пребывая в информационной реальности Интернета и социальных сетей, *студенческая молодежь потребляет качественно иной контент, нежели старшие возрастные когорты*. Особенно это касается политической информации, содержание и направленность которой в Интернете сильно отличается от официальных общедоступных источников печати или телевидения. Попытки цензурировать или поставить под контроль социальные сети и интернет-СМИ со стороны государства вряд ли могут добавить оптимизма и увеличить доверие молодежи к власти. Таким образом, выбор источников информации об общественно-политических событиях частично объясняет и различия в уровне доверия/недоверия социальным институтам. Отношения доверия связаны с умением людей устанавливать горизонтальные связи, объединяться и действовать солидарно для решения общих проблем, тем самым закладывая основу *гражданского общества*.

Сегодня гражданское общество рассматривается как «индикатор демократизации Российской Федерации»². Фундаментальная ценность гражданского общества — демократия (как оптимальный — в сравнении с авторитаризмом и тоталитаризмом — политический режим). При

¹ Доверие институтам. Опрос Левада-центра по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1601 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/> (дата обращения: 01.04.2021).

² Левин А. А. Гражданское общество как индикатор демократизации Российской Федерации // Вестн. Заб. гос. ун-та, 2016. Т. 22. № 2. С. 55–62.

этом особо выделяются: характер запретов, осуществляемых властью; отношение людей к власти; характер политического поведения власти и масс. Дискуссии о демократии занимают важное место в понимании сущности, принципов и мотивов политического участия людей. Представления о демократии как «*диктатуре большинства*», преобладающие в массовом сознании на протяжении длительного времени, были последовательно развенчаны в XX в. Отсутствие единого понимания демократии как принципа политической системы приводит к многочисленным толкованиям не только разновидностей демократии, но и ставит под сомнение возможность «единственно верной» модели демократии.

Для социологии важны *следующие черты демократии*:

- сочетание прав, обязанностей, процедур, гарантирующих права и обеспечивающих положение, при котором обязанности выполняются или могут быть выполнены;
- система, при которой руководящие должности в государстве замещаются на основе прямых, тайных, конкурентных выборов, при гарантированном равенстве доступа к пассивному и активному избирательному праву, а сами выборы обеспечивают механизм систематической смены власти;
- развитые механизмы взаимодействия индивидов, регулируемые сетью представляющих интересы групп внутри данного общества социально-политических институтов (гражданского общества) в целях установления общего согласия;
- конкуренция групп при балансе влияния. Каждому индивиду предоставляется право политического влияния, но оно становится действительно значимым лишь в том случае, если индивид присоединяется к группе. В ней находит свое воплощение единство свободы и социального контроля, это — свобода, ограниченная законом. В центре внимания социологов — функционирование демократии как относительно эффективного механизма взаимодействия политических элит, лидеров и масс.

Так или иначе, демократия — это единственный тип политического режима, в котором участие граждан является жизненно важным условием для стабильного функционирования политической системы. Существенное значение приобретает факт оценки гражданами возможностей демократических институтов при решении общественных проблем, общих принципов их функционирования в выработке навы-

ков эффективного взаимодействия с государственными структурами. Политическое участие соотносится с проблемой демократии как политического режима, гарантирующего наиболее широкие возможности общества оказывать влияние на правящий класс.

Однако *демократия* — весьма многогранное, многоаспектное явление. Утверждение такого понимания демократии — процесс длительный и противоречивый. Федеральное исследование РОС о *гражданской культуре* студентов (2007 г.) позволило увидеть динамику такого понимания и зафиксировать основные тенденции этих изменений¹. Уже в 2007 г. мы отмечали, что из четырех выделяемых студентами приоритетных компонентов демократии, как и среди выделяемых параметров свободы, есть *прагматичные* (возможность граждан оказывать влияние на решение государственных вопросов, законность и правопорядок), *гуманитарные* (свобода личности) и *социальные* (равноправие граждан). Среди второй группы компонентов демократии студенты отметили *социально-политический* (власть народа, возможность защищать свои права законным образом) и *социокультурный* (свобода слова, мнений). Наименее значимы, по мнению студентов, ответственность и подконтрольность власти; право избирать руководителей разных уровней; учет интересов меньшинства.

Изменения в понимании населением, в том числе и студенчеством, демократии и ее ценностей фиксировались социологами с начала 1990-х гг. В конце XX столетия речь шла о приоритетах свободы личности, ее активного влияния на принятие управленческих решений над законностью и порядком. Демократия крайне прагматично рассматривалась как инструментальная ценность и путь к благополучию и в первом десятилетии XXI в. И это отражалось в ценностных установках студенческой молодежи — и в 2012 г., и в 2016 г. в оценках студентов Свердловской области выделялся приоритет свободы личности перед законностью и правопорядком. Все меньше в демократии студенты ценили свободу слова, мнений и СМИ, равенство прав и свобод, ответственность и подконтрольность власти (табл. 20).

¹ См.: Гражданская культура современного российского студенчества / Айвазян А. А. [и др.]. Ин-т социологии Российской акад. наук, Российское общество социологов, Уральский гос. технический ун-т — УПИ. Екатеринбург : Маска, 2007. 318 с.

Таблица 20

**Распределение ответов студентов Свердловской области на вопрос:
«Что, на ваш взгляд, самое главное в демократии?»
в разрезе разных волн мониторинга**

Ценности демократии	2012	2016	2020
Свобода личности	36	25	21
Законность, правопорядок	28	17	18
Власть народа	27	23	16
Равенство прав и свобод	25	18	16
Справедливость	—	—	14
Свобода слова, мнений, СМИ	19	6	7
Ответственность и подконтрольность власти	11	5	5
Учет интересов меньшинства	7	2	2
Частная собственность	7	2	1

Примечание. Ранжирование по 2020 г. Вариант ответа «справедливость» был включен в анкету в 2020 г.

Простейшее понимание основ демократического устройства, заключающееся в принципе народовластия, разделяет лишь один из шести респондентов 2020 г. Значит ли это что «*власть для народа*» и «*власть народа*» с точки зрения студенчества разные вещи? Вероятно, да. В такой низкой оценке просматривается определенная зрелость в понимании основ демократии, ведь демократические институты суть сложные механизмы, включающие в том числе отбор на высокопоставленные должности в политике. В то же время «власть народа» звучит как уличный лозунг несведущей толпы, который вызывает естественные сомнения довольно взыскательной и критически мыслящей студенческой молодежи.

Самое распространенное суждение о демократии связано с ее либеральной и социал-либеральной трактовкой. Просматривается запрос на личную свободу (у каждого пятого), а также свободу слова, мнений, СМИ и т. д. (7 %). При сокращении числа ответов почти по всем параметрам (по ряду из них — значительном) все-таки в главном *структура понимания демократии сохранилась*. И в приоритетах — возможность граждан влиять на решение вопросов управления государством; свобода личности. И в сохраняющейся недооценке ряда важных параметров демократии — свобода слова, мнений, СМИ; ответственность и подконтрольность власти; учет интересов меньшинства.

Доверие к социальным и политическим институтам тесно сопряжено с *правовой культурой молодежи*, которая, по мнению Ю. А. Зубок

и В. И. Чупрова, охватывает «совокупность знаний, ценностей и установок личности относительно прав и возможностей их практического осуществления, реализуемых в процессе взаимодействия субъектов правовых отношений»¹. Правовая культура интегрирована в сложный комплекс явлений общественной жизни, где правовые нормы, принципы внедряются как в правосознание, так и в правоотношения и правовое поведение, детерминируемое жизненными установками молодежи. Произошедшие за последние 25 лет изменения в политическом устройстве страны во многом связаны с трансформацией принципов государственного управления, а главное его идеологических оснований. Резкий переход к демократическим основам после социалистического прошлого детерминировал не только изменение правового поля, где в новом формате была принята Конституция РФ и переписано законодательство страны, начало меняться и сознание россиян, где гибридизация политических ценностей демократии и традиционных российских представлений об устройстве общественной жизни приводили к постоянным противоречиям *декларируемого* и *реального*.

Перечень форм *политического участия*, предложенных в нашем опросе, включает наиболее распространенные виды активности молодежи, встречающиеся в современных российских реалиях. Как можно увидеть по динамике ответов респондентов, в этой сфере произошли заметные изменения по сравнению с предыдущим этапом мониторинга (табл. 21).

Таблица 21

Управление обществом — сложный процесс. Приходилось ли вам в последние 2–3 года участвовать в общественно-политической жизни, и если «да», то в какой форме?

Варианты ответов	2016	2020
Участие в выборах в органы власти различного уровня и избирательных кампаниях	21	33
Подписание обращений, петицией по поводу событий в стране, регионе, городе	9	20
Участие в работе волонтерских организаций	17	20

¹Зубок Ю. А., Чупров В. И. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 37–46. С. 37 ; Зубок Ю. А., Чупров В. И. Правовая культура молодежи в ракурсе трансформационных стратегий // Социология образования. 2006. № 12. С. 21–23.

Окончание табл. 21

Варианты ответов	2016	2020
Участие в деятельности молодежных общественных организаций и объединений	16	18
Участие в деятельности студенческих отрядов	11	13
Участие в деятельности общественных (правозащитных, благотворительных, экологических и т. д.) организаций	7	11
Сбор средств, вещей для людей, попавших в тяжелое положение	8	10
Участие в акциях, направленных на пропаганду здорового образа жизни	12	8
Участие в митингах, демонстрациях, пикетах	8	8
Коллективное благоустройство территорий, подъездов, домов, детских площадок	3	6
Участие в деятельности политических партий, движений, организаций	3	3
Участие в деятельности религиозных организаций	1	3
Участие в работе домкомов, кооперативов, территориальном общественном самоуправлении	3	2
Нет, ни в чем подобном участвовать не приходилось	47	35

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов превышает 100 %. Ранжирование по 2020 г.

Во-первых, обращает на себя внимание факт *сокращения числа студентов, которые не принимали участия ни в каких видах социально-политической жизни*. Это является основным позитивным сдвигом последних 4 лет. Соответственно, почти по всем направлениям произошло увеличение показателей участия. Исключением выглядит лишь сокращение числа участвующих в акциях, направленных на пропаганду здорового образа жизни. За последние 2–3 года вовлечены в ту или иную форму общественного, как социального, так и политического участия были, по их самооценкам, практически 65 % респондентов или двое из трех студентов вузов региона. В 2016 г. мы фиксировали общественно-политическую активность каждого второго студента (53 %).

Во-вторых, очевиден запрос именно на *политическое* участие как таковое, выраженное во включении студенчества в реальные политические процессы. Об этом свидетельствует и увеличение числа студентов-соискателей выборных должностей в представительные органы власти, и увеличение (пусть и незначительное) активистов различных общественно-политических организаций. Данные нашего опроса *не подтвердили* расхожее мнение о том, что в студенческой среде рас-

тет *протестная активность*, выраженная в готовности к участию в акциях протеста. Вопреки представлению о том, что именно молодежь выступает самой массовой группой, поддерживающей протесты последних лет, процент участников митингов и других протестных акций остался неизменен по сравнению с предыдущим этапом мониторинга. Это свидетельствует о том, что картина, транслируемая в СМИ с крупнейших протестных акций, не всегда может трактоваться однозначно в пользу мнения о молодом «бунтарском поколении». Рост обеспечивают не столько *коллективные* формы организации молодежной общественно-политической активности, хотя они, безусловно, реализуются, сколько возросший среди студенчества интерес к политике, а именно участие в легитимных политических процедурах — выборах (в 1,5 раза — с 21 % до 33 % соответственно), и новые формы политического участия — вовлеченности студенчества в протестную деятельность в формате онлайн. Данные нашего мониторинга подтверждают выводы российских исследователей о том, что довольно существен потенциал формирования конвенциональных форм гражданского активизма в онлайн-сетевом пространстве, поскольку выявлен относительно высокий интерес значительной части молодежи к установлению широкого публичного онлайн-диалога о социальных, правовых и прочих аспектах развития российского общества¹.

В-третьих, более чем двукратное увеличение числа тех, кто обращался с петициями по поводу событий в стране, регионе, городе свидетельствует о развитии самосознания студенческой молодежи как активного общественного субъекта, стремящегося к улучшению условий жизнедеятельности. Вместе с тем это означает и увеличение *запроса на полноценный диалог с властью и структурами гражданского общества*.

Медленно, но верно увеличиваются показатели включенности студенческой молодежи Свердловской области в организованные формы социальной активности. За последние четыре года увеличились показатели вовлеченности студентов в волонтерские и общественные организации, молодежные объединения, студенческие отряды и практики благотворительности. В 2020 г. 36 % студентов были привлечены к акции патриотической направленности, помогали организовывать онлайн-шествие

¹ Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования) // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 51–58. С. 57.

«Бессмертный полк» или сами участвовали в нем, оказывали помощь ветеранам, помогали проводить парады и демонстрации для ветеранов.

Отношение к политике является базовым компонентом общественного сознания, фиксирующим все многообразие смыслов, ценностей, функций политических отношений в обществе. Заметим, что на всех этапах проведения мониторинга отношение к политике студенчества сохраняло определенные устойчивые доминанты (рис. 18).

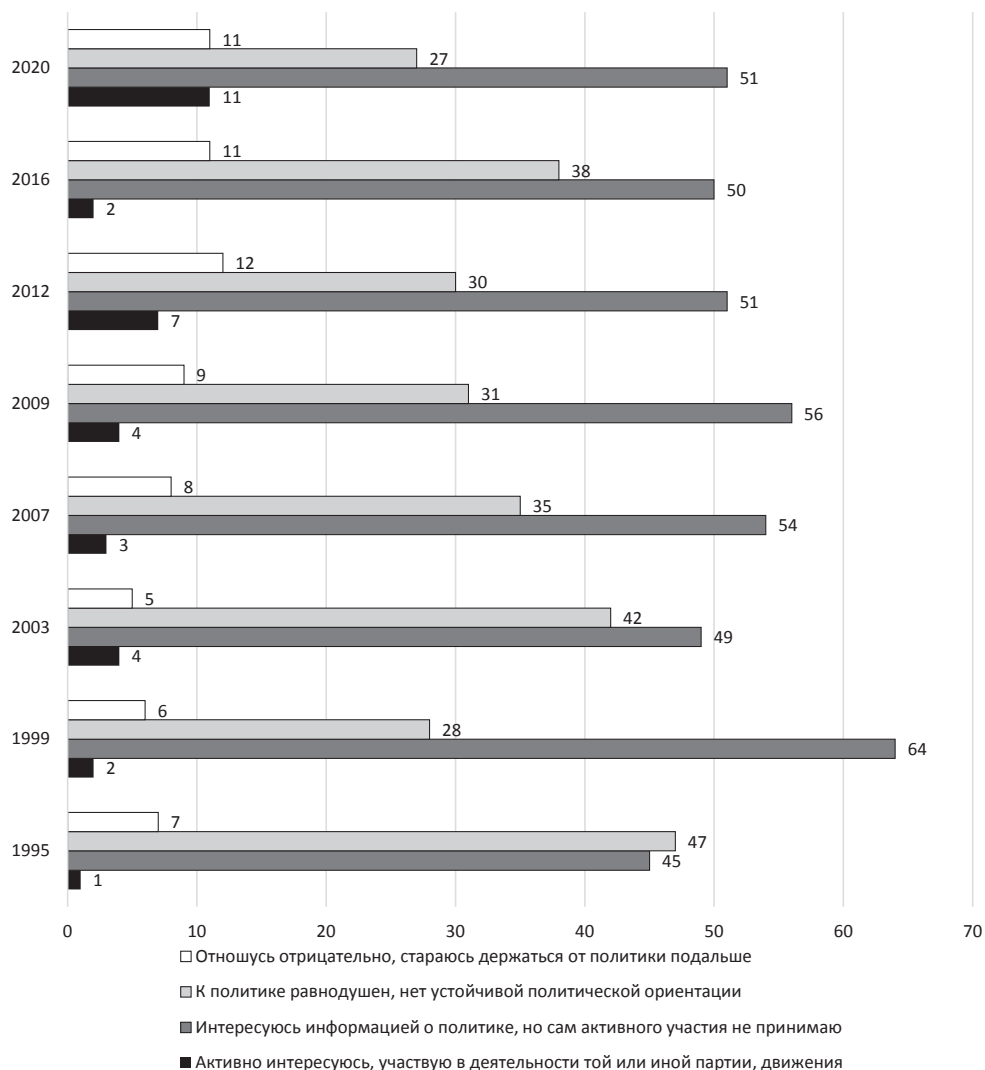

Рис. 18. Ответы респондентов на вопрос «Каково ваше отношение к политике?» — в динамике за годы мониторинга (в % от числа опрошенных)

Рассматривая *отношение к политике* в рамках гражданской культуры, культуры участия, мы учитываем отмеченный Д. Сартори еще в 1970 г. феномен «растяжения» политики: «В известном смысле политика становится объективно шире — в связи с тем, что мир все больше политизируется (растут участие, мобилизация и — в любом случае — государственное вмешательство в прежде негосударственные сферы»¹.

Нормой поведения в современной студенческой среде стала роль *умеренно интересующегося наблюдателя*. С этой структурой отношения к политике себя ассоциировал в 2020 г. каждый второй респондент. Можно сказать, что эта группа респондентов «нормальна» по своему отношению к политике и характеризуется средним уровнем вовлечения.

В отношении к политике просматриваются два примерно равных по количеству ответов респондентов «полюса мнений». Первый — *активистско-позитивное* отношение к политическому участию, характеризующееся высоким уровнем вовлечения в политику, участием в деятельности различных общественно-политических организаций и движений. Второй — *пассивно-негативное*, выраженное в отрицании возможностей положительно участвовать в политическом процессе и попытке осознанного устранения от него.

В опросе 2020 г. число респондентов, сообщивших о своем активном политическом участии, было наибольшим за все время наблюдения, что свидетельствует о *политизации молодежи*. Это может быть и результатом усилий государства по целенаправленному вовлечению молодежи в разнообразные структуры пробного политического участия: молодежные парламенты, правительства, общественные палаты и пр. Однако политизация молодежи становится и результатом преобладания ряда негативных общественно-экономических тенденций, воздействующих на ухудшение социального самочувствия молодого поколения. Об этом члены нашего авторского коллектива сообщали ранее в своих исследовательских работах². Общие контуры полити-

¹ См.: Сартори Д. Искажение концептов в сравнительной политологии (I) // Полис. Политические исследования. 2003. № 3. С. 67–77. URL: <https://www.politstudies.ru/article/3206> (дата обращения: 21.03.2021).

² См.: Трынов Д. В. Влияние социального самочувствия на протестную активность молодежи // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы V Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 22–23 апреля 2019 г.). В 2-х т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. Т. 1.

зации молодежи, таким образом, отражаются в конфронтации с властью, стремлении к участию в акциях прямого действия, организационной силой которых выступают структуры «несистемной оппозиции».

Интерес к политике преимущественно возрастает среди *юношей*. Если в 2016 г. активно вовлеченных в политические события и деятельность политических институтов среди них было всего 2 %, то в 2020 г. их стало уже 16 %. Именно среди юношей практически в два раза (с 32 % до 16 % соответственно) сократилось число равнодушных к политике (табл. 22).

Таблица 22

Распределение ответов девушек и юношей из вузов Свердловской области на вопрос: «Как вы относитесь к политике?» в разрезе двух последних волн мониторинга

Отношение к политике	2016		2020	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Активно интересуюсь, участвую в деятельности той или иной партии, движения	2	2	16	7
Интересуюсь информацией о политике, но сам активного участия не принимаю	55	46	56	49
К политике равнодушен, нет устойчивой политической ориентации	32	41	16	34
Отношусь отрицательно, стараюсь держаться от политики подальше	11	11	12	10
Всего:	100	100	100	100

Если проводить сравнение между студентами, получающими высшее образование по разным профилям, то интересующихся политической существенно меньше среди математиков, будущих врачей, химиков, биологов, чем среди студентов других профилей, в той или иной

С. 159–166 ; Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего и инновационный потенциал / Я. В. Дидковская, Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина [и др.]. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 215 с. ; Трынов Д. В., Дидковская Я. В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. № 3 (191). С. 118–127 ; Дидковская Я. В., Трынов Д. В. Политически активная молодежь: стратегии политического участия в контексте образа социального будущего // Logos et Praxis. 2019. Т. 18. № 3. С. 88–101 ; Дидковская Я. В., Трынов Д. В. Политически активная молодежь: стратегии политического участия в контексте образа социального будущего // LOGOS ET PRAXIS. Т. 18. № 3. 2019. С. 88–101 ; и др.

степени интерес к политике среди них проявляют 56 % респондентов. Среди гуманитариев и будущих педагогов таких студентов 63 %, среди студентов специальностей, входящих в укрупненную группу «науки об обществе», — 67 %, среди будущих инженеров — 61 % респондентов (табл. 23).

Таблица 23

Распределение ответов студентов вузов Свердловской области разных профилей подготовки на вопрос: «Как вы относитесь к политике?», 2020, % от числа ответивших в группе

Отношение к политике	Профиль обучения			
	Гуманит.	Соц.-экон.	Математ., естеств., мед.	Техн.
Активно интересуюсь, участвую в деятельности той или иной партии, движения	7	12	8	14
Интересуюсь информацией о политике, но сам активного участия не принимаю	56	55	48	47
К политике равнодушен, нет устойчивой политической ориентации	27	27	31	26
Отношусь отрицательно, стараюсь держаться от политики подальше	10	6	13	13
Всего:	100	100	100	100

В 2020 г. наименьшее число респондентов за время мониторинга (27 %) сообщило о своем безразличном отношении к политике, что является свидетельством определенных позитивных сдвигов в политическом сознании студенчества. Существенными факторами увеличения интереса к политике следует считать активизацию политической жизни в обществе, обострение конфликтов внутри правящего класса и борьбу за политическую власть. В этом смысле знаковым был 1999 г., когда росли ожидания и всеобщее напряжение по поводу грядущей смены государственной власти. На этом этапе мониторинга был зафиксирован самый высокий уровень интереса студенческой молодежи к политике. Однако не стоит сбрасывать со счетов, что политика остается для определенной части молодежи «запретной зоной», вход на которую сопряжен с моральными издержками и нежелательными последствиями.

Как показывают массовые опросы общественного мнения, молодежь демонстрирует самый высокий уровень готовности ко всем орга-

низационным формам политического участия¹. Вместе с тем, далеко не всегда эта готовность принимает форму реального действия. Причина состоит в том, что различные объективные и субъективные факторы становятся реальными преградами для более активного политического участия молодежи.

Заслуживает особого внимания такой показатель, как *социальная оценка причин аполитичности молодежи*. Хотя индикатор оценки аполитичности считается субъективным, в действительности он помогает социологам выявить наиболее существенные проблемы общественной жизни, с которыми сталкивается молодежь в процессе ее политического участия.

С IV этапа (2007 г.) в анкету мониторинга был включен вопрос: «Каковы, на ваш взгляд, могут быть мотивы аполитичности молодых людей?». Респонденты могли определить, взглянув на свое поколение со стороны, сочетая при этом оценку своей позиции и обобщенные представления о своем ближайшем окружении, с чем сегодня связана аполитичность молодых россиян (табл. 24).

Таблица 24

Порой молодежь упрекают в аполитичности. Каковы, на ваш взгляд, могут быть ее мотивы у молодых людей? (в % от числа опрошенных)

Мотивы аполитичности	2007	2009	2012	2016	2020
Недоверие к политикам, низкий престиж многих из них в сознании молодых	25	25	31	26	57
Неуверенность, что личное участие может иметь какое-либо влияние	35	30	40	32	55
Отсутствие интереса к политике	25	30	37	38	41
Наличие других, более значимых интересов	25	21	20	26	40
Слабая осведомленность о политических явлениях, процессах, событиях	19	20	25	34	36
Отношение, что «политика — «грязное дело», и от нее надо быть подальше	12	10	17	13	29
Безразличие к политике как к делу, весьма далекому от жизненных проблем	16	16	19	19	28

На первом месте среди причин низкого уровня политического участия — недоверие к политикам (выражено в ответах трех из каж-

¹ Гражданское участие. Данные опроса Аналитического центра Ю. Левады // Левада-центр : [сайт]. URL: <https://www.levada.ru/2019/11/12/21751/> (дата обращения: 23.03.2021).

дых пяти респондентов) и неуверенность, что личное участие может иметь какое-либо влияние (присуще более половины респондентов).

Здесь следует обратить внимание на две причины, которые могут приводить к данной оценке. Во-первых, это социально-психологическое восприятие собственной компетентности в политических вопросах, которые требуют большого личного и профессионального опыта. Молодежь воспринимает себя в качестве *второстепенного* участника политического процесса, отдавая несомненное предпочтение более возрастным и ресурсным группам. Во-вторых, оценка структур гражданского общества как эффективных каналов воздействия на власть. Действительная проблема состоит в том, что влиятельных независимых институтов гражданского общества, которые могли бы выступать равноправными партнерами в диалоге с властью, очень немного. В свою очередь дистанцирование от вопросов политики для гражданина всегда соотносено с проявлением апатии (аполитичности).

Важным наблюдением можно считать увеличение частотности ответов на вопрос о причинах аполитичности молодежи. Если на предыдущих этапах мониторинга средний показатель ответов на вопрос составлял 1,7–1,8, то в 2020 г. приблизился к 3. Как можно интерпретировать значительный рост этой переменной? Данный факт, на наш взгляд, может свидетельствовать о поиске оправданий со стороны большинства студентов своей исключенности из сферы политических событий и действий. С одной стороны, поколение рефлексировало возрастающую несправедливость и дисфункциональность политической системы, с другой, — пытается найти оправдание своей позиции в этой ситуации. Прежде всего следует предположить, что вся политическая проблематика вызывает живую реакцию студенческой молодежи. Отклик, который мы получили, говорит об остроте проблем в социально-политической сфере, накопившейся за последние годы. По всей видимости, можно судить и об отчужденности молодежи от политики, но отчужденности не добровольной, а вынужденной.

Апатичное отношение к политике связано с тем, что молодежь не видит связи между *реальной жизнью и политикой*. Эта оторванность может порождать отсутствие интереса к политике в целом, а также недоверие к различным политическим институтам и отдельным политикам. Последние, в свою очередь, действительно пользуются низкой поддержкой молодежи. Да и поток информации, формирующий у молодежи представление о политике как «грязном деле», не сокра-

щается — ни по официальным каналам, ни по неофициальным (включая и социальные сети).

На VIII этапе мониторинга (2020) вновь, как и в 2012 г. произошло *перераспределение приоритетности объясняющих аполитичность причин* — в сторону *проблем политической системы*, а не самого *поколения*. В мотивации аполитичности переплетаются субъективные и объективные факторы. Уже в 2007–2009 гг. при незначительности расхождений в оценке отдельных мотивов сохранялась структура мотивации, ее приоритеты. Четко выделились два аспекта проблемы. С одной стороны, подчеркивались и доминировали по частоте выбора респондентов *свойства самой молодежи*: отсутствие интереса к политике (отметил каждый третий/2009/ — четвертый/2007/), слабая осведомленность о политической жизни (каждый пятый), наличие других интересов (каждый четвертый/2007/ — пятый/2009/). С другой стороны, респонденты отмечали и *низкое реальное качество российской политической жизни*. В 2020 г. политическую пассивность и аполитичность студенческой молодежи респонденты преимущественно соотносили со вторым фактором. Если в 2009 году каждый третий респондент был не уверен, что личное участие молодого человека может как-то повлиять на принимаемые политические решения, то в последней волне уже более половины (55 %) студентов разделяли это мнение. У каждого четвертого в 2009 г. это дополнялось недоверием к политикам. В 2020 г. такой позиции придерживаются уже три из пяти (57 %) респондентов-студентов вузов Свердловской области. В том, что политика — это «грязное дело», согласен уже практически каждый третий респондент (30 %).

В результатах мониторинга обращает внимание, что на первый план в оценках респондентов начинает выходить не негативное или безразличное отношение к политике, не отсутствие интереса к ней, а *недоверие к политической системе в целом и тому, что в ней происходит*. Выявленные в исследовании тенденции отражают реальную *политическую отчужденность* большей части молодого поколения, особенно из числа студенчества, от легитимной политической жизни.

Отсутствие широких возможностей для *диалога* и вариативности мнений, тем более публичного их обсуждения на фоне ужесточения правил распространения информации в сети Интернет, ограничений деятельности НКО, ведения просветительской деятельности при сжигании политической системы в стране практически до одной правя-

щей партии лишает молодежь выбора, альтернатив участия в политической жизни страны.

Данные нашего мониторинга, как и ранее доказывают, что политическая активность молодежи, особенно студенческая, растет настолько, насколько политическая жизнь позволяет (или не позволяет) ей почувствовать себя субъектом политических процессов и перемен, насколько реальные политики вызывают (или не вызывают) ее доверие, защищают (или не защищают) ее жизненные интересы (в данном случае перекося почти всех политических сил России в предвыборных ориентациях на электорат более старшего возраста весьма показателен)¹. Очевидно и нарастание политического напряжения в молодежной среде.

Политическое участие студенчества своеобразным образом делит молодое поколение на тех, кто лоялен к действующей политической власти и поддерживает существующий политический режим, и тех, кого не устраивает экономическая обстановка в стране. Для улучшения и стабилизации положения в данной сфере молодые люди считают допустимой резкую смену политического курса². В этом случае политическая культура или культура гражданственности молодежи, согласно теории Г. Алмонда и С. Вербы выражается в определенных, допускаемых в системе политических действиях и при этом уравнивается некоторой долей пассивности и неучастия³. Ключевым политическим событием России в 2020 г., в котором каждый мог реализовать свое участие, стало всенародное обсуждение и голосование за поправки в Конституцию РФ.

По данным нашего опроса, в голосовании за поправки участвовал каждый второй студент вузов Свердловской области, соответственно, половина студенчества проигнорировала это неоднозначное, но в мно-

¹ См. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общей редакцией Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 904 с. С. 465.

² Вардикян М. С., Николаева А. А., Савченко И. А. Социологическое исследование протестных настроений современной молодежи // Власть. 2021. № 1. С. 118–122. С. 120 ; См.: Марин Е. Б. Молодежные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества) // Вестник Института социологии, 2018. № 26. С. 63–82.

³ Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/1992–4-Almond_Verba.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

гом определяющее политическое будущее страны событие. Очевидным видится факт, что в политической системе современной России сделана попытка удержать баланс между согласием и разногласием в обществе через популяризацию и широкую информационную кампанию, в которой каждый мог своим поведением выразить согласие или несогласие с определенными общественными нормами. Сама процедура открытого и всеобщего голосования, несмотря на свою иллюзорность, была призвана продемонстрировать обществу существование солидарности и возможностей отказа от политического единомыслия.

Между *политическим* и *социальным* участием тонкая грань. Объединяющим началом организованной общественной активности молодого поколения в нашей стране являются молодежные общественные организации. *Молодежные некоммерческие организации* имеют свою историю, сложившиеся традиции функционирования. В отношении них сформированы определенные представления в массовом сознании россиян, сопряженные с личным опытом, а также оценками, которые складываются в процессе взаимодействия с современной молодежью. Важно отметить, что по данным всероссийского опроса общественного мнения практически два россиянина в возрасте от 18 до 24 лет уверены в том, что молодежные организации в нашей стране оказывают реальную поддержку молодежи, помогают в решении проблем и достижении поставленных целей и только 31 % респондентов данной возрастной группы полагают, что эти организации работают формально. Важно отметить, что среди других возрастных групп, которые помнят опыт работы этих структур в свои молодые годы и чаще всего могут лишь домысливать сейчас о реальном положении дел как наблюдатели со стороны, в том, что молодежные организации действительно дееспособны уверены не более 40 % респондентов. Среди тех, у кого есть дети и внуки, одобрили бы их участие в молодежных организациях 69 % россиян¹.

Об отношении свердловских студентов к *общественным молодежным организациям* можно судить по их ответам на вопрос: «Как вы относитесь к молодежным общественным организациям?». Их нецелесообразность для студенческой молодежи отметили только 5 % респондентов, выбрав альтернативу ответа «студенты должны учить-

¹ Молодежный активизм — общественная польза/Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozhnyj-aktivizm-obshhestvennaya-polza> (дата обращения: 21.02.2021).

ся, а не заниматься общественной работой». Каждый третий из числа всех опрошенных (33 %) уверен, что организации должны отстаивать интересы молодежи. А каждый четвертый (24 %) полагает, что организации не должны быть политизированными. Для 14 % респондентов организации важны, так как они помогают студентам развивать лидерские и организаторские качества. По мнению каждого девятого (11 %), молодежные организации должны заниматься конкретными делами, 10 % видят в них организующее начало для молодежной активности и досуга, лишь 3 % уверены в том, что нужно возродить комсомол или создать его аналог.

В соответствии с официальными данными федерального агентства «Росмолодежь», в 2020 г. в стране работали 9 009 общественных объединений, в том числе 4 690 региональных и 4 319 местных, включенных в реестр детских и молодежных объединений, пользующихся государственной поддержкой. На базе общеобразовательных организаций функционировали 69 833 общественных объединения, на базе профессиональных образовательных организаций — 9 880, на базе высших учебных заведений — 14 216 организаций. В общей сложности в деятельность этих общественных молодежных объединений вовлечено 7 528 035 молодых людей или девушек, в среднем это составляет 27,5 % от числа всей российской молодежи с 14 до 30 лет¹.

Деятельность молодежных объединений в Свердловской области регулируется четырьмя федеральными² и двумя областными

¹ Росмолодежь. Статистика : [сайт]. URL: <https://fadm.gov.ru/activity/statistic> (дата обращения: 21.02.2021).

² Об общественных объединениях: Федер. закон Рос. Федерации от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 апреля 1995 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/ (дата обращения: 21.03.2021) ; О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений Федер. закон Рос. Федерации от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 26 мая 1995 г. С изм. и доп. от 22 августа 2004 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7041/ (дата обращения: 21.03.2021) ; О некоммерческих организациях: Федер. закон Рос. Федерации от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 декабря 1995 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 21.03.2021) ; О молодежной политике в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 14 апреля 1995 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 21.03.2021);

законами¹. По данным Министерства образования и молодежной политики Свердловской области, в 2020 г. на территории региона осуществляли свою деятельность 3 652 молодежных организации и объединения, в которых состояли 248 659 человек. В мероприятия этих организаций и объединений было вовлечено 495 925 человек.

По данным нашего мониторинга, 48 % студентов Свердловской области не состоят ни в каком общественном объединении. Принимают участие в деятельности творческих объединений 15 % студентов, каждый десятый (10 %) включен в спортивные клубы и ассоциации, в деятельности социально ориентированных организаций и объединений принимают участие 27 % респондентов, в том числе экологической направленности — 4 %, волонтерской — 2 %, военно-патриотической — 3 %, этно-национальной и религиозной — 2 %.

Включенность в контекст организованной общественной деятельности сопрягается с реализацией молодыми людьми и девушками их собственного потенциала в процессе выстраивания индивидуальных жизненных стратегий. Несмотря на то, что в этом случае социальная активность студенчества выходит за рамки их личной (частной) жизни, в первую очередь она отражает их ценности и приоритеты². Именно поэтому и не удивительно, что первые позиции по популярности среди студенчества занимают творческие и спортивные объединения, позволяющие молодежи не только реализовывать свои увлечения, проявлять креативность и творчество, но и проводить досуг.

С 2016 г. по всей стране проходит широкомасштабная информационная и организационная кампания по популяризации волонтерской деятельности среди молодежи. В Послании Президента РФ Законодательному собранию (01.12.2016) было прямо указано на «необходимость снять все барьеры для развития волонтерства, оказании все-

¹ О государственной поддержке некоммерческих организаций в Свердловской области: закон Свердл. обл. № 4-ОЗ от 27 января 2012 г. Принят Зак. Собранием Свердл. обл. 25 января 2012 г. Гарант.Ру: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/35189580/> (дата обращения: 23.04.2021) ; О реализации молодежной политики на территории Свердловской области: закон Свердл. обл. № 113-ОЗ от 29 октября 2013 г. Принят Зак. Собранием Свердл. обл. 29 октября 2013 г. Гарант.Ру : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/20989989/> (дата обращения: 23.04.2021).

² Зубок Ю. А., Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 96.

сторонней помощи социально ориентированным некоммерческим организациям»¹.

Если в 2016 г. поддержка добровольческой деятельности осуществлялась целенаправленно в 62 субъектах РФ, то в 2020 г. это реализовалось повсеместно. Ежегодно проводятся форумы, слеты, конкурсы поддержки добровольческих проектов, конкурсы на звание лучшего добровольца или добровольческого объединения на федеральном, окружном, региональном и муниципальном уровнях управления. Определенный вклад в популяризацию волонтерской деятельности среди молодежи внесли деятельность Ассоциации волонтерских центров, а также федеральный конкурс «Доброволец России».

В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации внесена поправка, затрагивающая гражданское общество и добровольчество. Статья 114 новой редакции Конституции РФ гласит: «Правительство РФ: ... осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики; осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности». Таким образом, сегодня практически в каждом регионе развивается институциональная инфраструктура волонтерства. Вопросы регулирования добровольчества в Свердловской области осуществляются на основании федерального закона № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» и областного закона № 113-ОЗ «О реализации молодежной политики на территории Свердловской области». В 2019 г. в регионе был принят Порядок взаимодействия исполнительных органов государственной власти Свердловской области, подведомственных им государственных учреждений с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями. Указом Губернатора Свердловской области от 23.01.2020 № 12-УГ запущен в действие межведомственный совет по развитию добровольчества (волонтерства) и социально ориентированных некоммерческих организаций в Свердловской области. С 2020 г. в регионе разработана межведомственная программа «Развитие добровольчества (волонтерства) в Свердловской

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию. 01.12.2016 // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207978/ (дата обращения: 12.12.2020).

области на 2020—2024 гг. ». В сентябре 2020 г. был утвержден Порядок взаимодействия Министерства здравоохранения Свердловской области, подведомственных государственных учреждений здравоохранения Свердловской области с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями». Разработано и утверждено положение о системе нематериального поощрения граждан, занимающихся добровольческой (волонтерской) деятельностью на территории Свердловской области. В Свердловской области развивается и организационная инфраструктура волонтерской деятельности, в Ассоциацию волонтерских центров входят четыре добровольческих (волонтерских) организации региона. В целях поддержки добровольческой деятельности Федеральным агентством по делам молодежи с 2020 г. проводится Всероссийский конкурс лучших региональных практик поддержки волонтерства «Регион добрых дел». По итогам конкурса в 2020 г. Свердловская область вошла в число победителей и получила субсидию из федерального бюджета в размере 6 177,70 тыс. рублей, бюджет Свердловской области составил 464,99 тыс. рублей (уровень софинансирования мероприятий из средств федерального бюджета — 93 %). Субсидия направлена на реализацию в регионе шести лучших региональных социальных проектов по развитию добровольчества (волонтерства).

С 2012 г. в анкету мониторинга был включен вопрос: «Принимали ли вы участие в волонтерской деятельности за последний год?». Если в предыдущих волнах мы фиксировали, что практически половина студентов третьего курса вузов Свердловской области не имела такого опыта (в 2012 г. — 46 %, в 2016—50 %), то в 2020 г. число таких респондентов сократилось до 36 % от числа всех опрошенных. По данным исследования, можно констатировать не только увеличение количества студенческой молодежи, вовлеченной в добровольческую деятельность, но и определенные изменения в качественных характеристиках последней (табл. 25).

Таблица 25

Регулярность волонтерской деятельности студентов вузов Свердловской области в разрезе разных волн мониторинга, % от числа ответивших в группе

Варианты ответов	2012	2016	2020
Да, я постоянно работаю как волонтер	15	8	19
Да, время от времени участвую в волонтерских проектах	50	46	47
Да, участвовал случайно один раз	35	46	34

В 2016 г. мы выявили сокращение практически в два раза (на 7 %) числа тех, кто занимался волонтерством регулярно, не реже чем 1–2 раза в месяц. Уменьшилась и доля студентов, работавших волонтерами время от времени (на 4 %). Было определено увеличение доли случайного участия, так называемого разового волонтерства. Однако на текущий момент разовое участие может рассматриваться как первая ступень знакомства с новой для ряда студентов социальной практикой, которая при определенных благоприятных объективных условиях (именно они сегодня активно и создаются для студенческого волонтерства) и субъективном комфорте в роли волонтера могут стать частью повседневной жизни последних. Важно отметить, что за четыре года увеличилась доля тех, кто с определенной регулярностью работает как волонтер, сократилось число тех, кто занимался добровольчеством одноразово или случайно. Среди студентов вузов Свердловской области, имеющих опыт волонтерства, регулярно работает в качестве добровольца каждый пятый, время от времени — почти половина третькурсников. Выявленные в мониторинге изменения характера волонтерской деятельности студентов вузов Свердловской области, на наш взгляд, достаточно позитивны. Согласно материалам разных социологических исследований, только добровольческий труд на регулярной основе или продолжительная по времени волонтерская деятельность могут по своей сути приносить обществу и самому волонтеру определенную пользу.

Определенная регулярность волонтерской деятельности влияет на *субъективное благополучие людей*. Чем дольше люди занимаются волонтерством, тем больше увеличивается их позитивная оценка субъективного благополучия¹. Волонтерская работа на систематической основе помогает людям ощущать собственную эффективность и успешность через понимание результативности того, как они проводят свое время².

Еще одно важное изменение добровольческой активности студенческой молодежи Свердловской области связано с тем, что постепенно начинает решаться проблема гендерного дисбаланса, характерная

¹ Binder M., Freytag A. Volunteering, subjective well-being and public policy // Journal of Economic Psychology. 2013. № 34. P. 97–113.

² Mogilner C., Chance Z., Norton M. I. Giving Time Gives You Time // Psychological Science. 2012. № 23 (10). P. 1233–1238.

в принципе для волонтерского сообщества в целом. С 2016 г. существенно сократился разрыв между девушками и юношами по показателям их добровольческого участия. Если в 2016 г. опыт добровольческой деятельности отсутствовал у 58 % юношей и 45 % девушек, то в 2020 г. такого опыта нет у 39 % молодых людей и 34 % девушек (табл. 26). Кроме того, важно констатировать, что практически не изменилась доля тех третьекурсников, кто принимал участие в волонтерских проектах одноразово или случайно, но существенно увеличилась доля тех юношей, кто с определенной регулярностью работает как волонтер. На постоянной основе этим занимаются 18 % юношей и 9 % девушек, время от времени каждый четвертый студент (24 %) и каждая третья девушка-студентка (34 %).

Таблица 26

**Регулярность волонтерской деятельности студентов вузов Свердловской области
в разрезе разных волн мониторинга, % от числа ответивших в группе**

Варианты ответов	2016		2020	
	Муж	Жен	Муж	Жен
Да, я постоянно работаю как волонтер	5	4	18	9
Да, время от времени участвую в волонтерских проектах	19	26	24	34
Да, участвовал случайно один раз	18	25	19	23
Нет, никогда не приходилось	58	45	39	34
Всего:	100	100	100	100

Таким образом, одним из важных показателей успешности развития молодых людей и девушек с опытом волонтерства является *ресурс времени*, которое они тратят и могут отдавать обществу или своему учебному заведению на безвозмездной основе, принося практическую пользу. Чем больше времени молодой волонтер тратит на безвозмездную работу в интересах общества, тем больше у него возможностей расширять социальное поле своего взаимодействия. Чем регулярнее его добровольческая деятельность, тем более устойчивыми становятся его социальные связи¹.

Данные нашего мониторинга показывают, что волонтерство как социальное участие за четыре года становится более политизированным, а вовлеченность студентов вузов Свердловской области корре-

¹ Певная М. В., Калинина А. Н. Международное волонтерство как ресурс российских университетов // Высшее образование в России. 2016. № 10. С. 154–161.

лирует с опытом общественно-политической деятельности молодежи, с разными его видами за исключением безвозмездного труда.

В 2016 г. по итогам опроса студентов-третьекурсников была выявлена статистически значимая зависимость между переменными *опыт общественно-политической деятельности* и *регулярность волонтерства*. Наличие опыта такой деятельности повышало уровень вовлеченности (систематичность и регулярность) студентов в волонтерство. Среди тех, кто постоянно участвовал в добровольческом движении, 91 % имел опыт общественно-политической работы, среди тех, кто занимался волонтерством время от времени, их доля сократилась до 57 %, а среди эпизодических волонтеров уже только один из пяти (22 %) имел опыт политического участия. Но тренд не стал устойчивым: в 2020 г. число студентов с опытом общественно-политической деятельности, которые на постоянной основе еще и успевают работать как волонтеры, сократилось на 20 % — до 73 %. При этом выросло до 82 % число политических активистов среди тех, кто время от времени участвует в волонтерских проектах, и почти втрое (65 %) их стало больше среди эпизодических волонтеров. Так как наш инструментарий не позволяет выявить причины изменения ситуации, более глубокий анализ взаимосвязи волонтерства и общественно-политического участия — задача дальнейших исследований.

Для общества и самих молодых людей и девушек важно, чтобы волонтерская деятельность молодежи оставалась не только *фактом настоящего*, но и входила в *жизненные планы молодого поколения*, оставаясь частью их *повседневной* активности. В этом ключевое место занимает мотивация третьекурсников и те мотивы, которые смогли бы определить не только их намерения, но и реальную деятельность в будущем. В 2020 г. существенно сократилось число тех третьекурсников, кто ни при каких условиях не станет заниматься волонтерством. Если в 2012 и 2016 гг. таких было 16 %, то в 2020 г. противников безвозмездного труда стало уже 11 %. С 2012 г. в мониторинге респонденты отвечали на поливариантный вопрос: «При каких условиях вы согласились бы стать волонтером?» (табл. 27).

Во-первых, в 2020 г можно говорить о повышении *важности* для студентов мотивации волонтерской деятельности, соответственно, и обдуманности своих планов в этом направлении. Если в предыдущих волнах из трех возможных мотивов студенты в целом выбирали

1,4—1,6 альтернатив, то в последней волне в среднем каждый респондент отметил 2 важных для продолжения этой деятельности мотива.

Таблица 27

Мотивация студентов Свердловской области к занятию волонтерством в будущем в разрезе разных волн мониторинга, % от числа респондентов*

Варианты ответов	2012	2016	2020
Зная, что моя помощь нужна каким-то конкретным людям	44	46	43
Зная, что работа волонтера будет интересной, хорошо организованной	30	29	42
Если бы научился чему-то новому	14	25	32
Если это поможет мне сделать успешную карьеру	8	19	24
Если бы у меня появились новые интересные друзья	19	16	23
Если бы кто-то все организовал и пригласил меня поучаствовать	11	12	20
Если это поможет мне в учебе, освоении профессии	15	14	19

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов превышает 100 %. Ранжирование по 2020 г.

Во-вторых, данные свидетельствуют о *сохранении приоритетности* ряда мотивов в сложной структуре мотивации добровольчества при увеличении числа респондентов, для которых они становятся определяющими в будущем занятии волонтерством. На первом месте по частоте упоминания третьекурсниками остается *альтруистический* мотив: «информированность о том, что помощь нужна конкретным людям», его важность отметили двое из каждых пяти респондентов. Остальные четыре приоритетных мотива носят условно прагматичный характер. Для двух из пяти респондентов важно знать, что работа будет интересна и хорошо организована, для каждого третьего — важно научиться чему-то новому, каждому четвертому это будет интересно, если в будущем поможет в успешной карьере.

Высоко *профессиональная организация* деятельности волонтеров в противовес самодеятельности и самоорганизации становится одним из ведущих условий добровольческой деятельности современного студенчества в их будущем. При этих обстоятельствах в развитии инфраструктуры добровольчества одним из ключевых его системных элементов выступают организованные движения, ресурсные центры, специализированные некоммерческие молодежные организации, где труд волонтеров систематизирован, профессионально сопровождает-

ся организаторами их деятельности и тим-лидерами (от англ. *team* — команда) в организованном сообществе.

По данным мониторинга в 2020 г., как и в предыдущих волнах мониторинга, выявлена корреляционная связь между переменными «членство в общественном молодежном объединении или молодежной организации» и «наличие опыта волонтерства». Среди тех, кто является участником какого-либо молодежного движения или членом молодежной организации, опыт добровольческой деятельности имеют 82 % респондентов. Среди тех, кто не включен в деятельность таких структур, волонтерством когда-либо занимались 55 % респондентов данной группы. Организованный характер молодежной активности стимулирует и волонтерский опыт за счет разных условий, повышения информированности молодежи о возможностях и социальных запросах к волонтерам, за счет организационного начала, которое, как было установлено выше, важно для многих молодых людей и девушек в структуре их мотивации к добровольческому труду.

Опыт общественной активности, а главное — ролевые характеристики активности — определяют вероятность молодежного волонтерского участия. Среди третьекурсников Свердловской области 40 % не интересуются общественными движениями и не включаются в деятельность общественных молодежных объединений, 45 % иногда не против поучаствовать в общественных мероприятиях, 8 % — активные участники, 4 % респондентов являются членами разных организаций и только 3 % — их лидерами.

Среди тех, кто идентифицирует себя как лидера общественных молодежных объединений, волонтерский опыт имеют 91 % респондентов, среди активистов движений таких 89 %. Среди рядовых членов разных молодежных организаций волонтерством когда-либо занимались 84 % молодых людей и девушек. 67 % третьекурсников, которые просто когда-либо присоединялись к мероприятиям молодежных общественных организаций, имеют опыт волонтерства. И только каждый второй из числа тех, кто вообще отстраняется от организованных форм молодежной общественной активности, участвовал ранее в волонтерских проектах.

В условиях пандемии вклад молодых волонтеров в решение проблем людей, находящихся в изоляции, в помощи врачам, психологам и социальным работникам был действительно неocenim. Организованное всероссийское движение «МыВместе» по всей Свердловской

области привлекало к своим акциям молодежные организации, молодых волонтеров, в том числе из студенческой среды. Однако число студентов в этих акциях было достаточно ограничено в силу ряда объективных причин. Соответственно, многие студенты ни по личному опыту участия, ни по информированности о такой активности со стороны своего ближайшего окружения не могли судить о том, насколько эта деятельность была важна и нужна конкретным людям. Об этом свидетельствуют ответы респондентов нашего мониторинга на вопрос: «Как вы считаете, волонтеры оказывают скорее существенную или скорее несущественную помощь населению в условиях распространения коронавируса?». Практически каждый пятый третьекурсник затруднился дать ответ на этот вопрос, 62 % респондентов ответили положительно и 16 % придерживаются мнения, что помощь волонтеров населению, скорее, несущественна.

По данным опроса ВЦИОМ среди россиян в возрасте 18–24 лет 87 % полагают, что волонтеры оказывают населению, скорее, существенную помощь, 12 % уверены в обратном и только 1 % затруднились с ответом на этот вопрос (рис. 19)¹.

Рис. 19. Мнения студентов Свердловской области и молодых россиян о том, какую помощь (существенную/несущественную) оказали волонтеры в условиях распространения коронавируса

Ограниченный уровень информированности студенчества Свердловской области о деятельности волонтеров в период пандемии, а также о возможностях организованного волонтерского участия в регионе косвенно подтверждается показателями безвозмездной помощи нуж-

¹ Волонтеры против коронавируса. Опрос от 24.04.2020 г. ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-protiv-koronavirusa> (дата обращения: 21.01.2021).

дающимся в пандемию и готовности третьекурсников к такого рода безвозмездной деятельности в дальнейшем. Практически каждый четвертый третьекурсник Свердловской области ответил положительно на вопрос: «Приходилось ли вам в последнее время оказывать безвозмездную помощь пожилым людям или тем, кто находится на домашнем карантине в связи с коронавирусом? Среди них каждый третий — юноша (33 %) и практически каждая пятая (22 %) — девушка. Не оказывали такую помощь 66 % респондентов, 8 % затруднились с ответом. По данным всероссийского опроса ВЦИОМ¹, среди российской молодежи 18–24 лет помощь пожилым и изолированным оказывали лишь 13 % молодых людей и девушек (рис. 20).

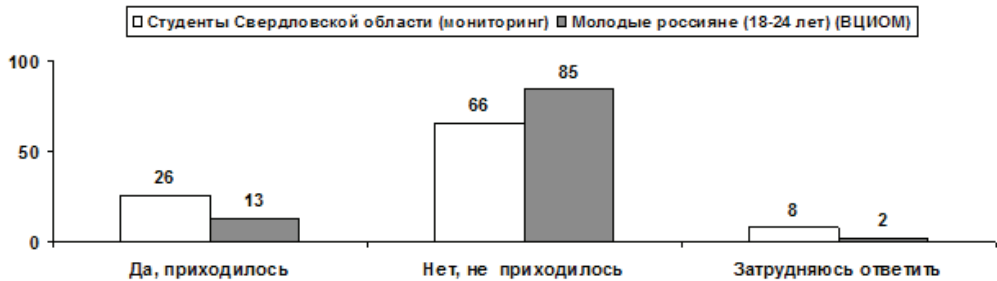

Рис. 20. Опыт студентов Свердловской области и молодых россиян 18–24 лет в оказании безвозмездной помощи пожилым людям или тем, кто находился на домашнем карантине в связи с коронавирусом

Как и в целом по российским данным, среди студентов Свердловской области положительно ответили на вопрос: «Вы лично готовы или не готовы оказывать помощь людям, находящимся на карантине, в том числе — одиноким людям?» — 53 % третьекурсников. Скорее не готовых в нашем регионе оказалось на 16 % меньше, чем в целом среди всей российской молодежи (27 % и 43 % соответственно). Однако каждый пятый среди респондентов регионального опроса затруднился дать ответ на этот вопрос (рис. 21).

Молодежное волонтерское участие высоко ресурсных групп горожан (именно такими и являются студенты вузов Свердловской области) крайне востребовано в интересах регионального развития. Свердлов-

¹ Добровольческая активность россиян: отчет по результатам количественного исследования // Добро. Университет : [сайт] URL: <https://edu.dobro.ru/upload/uf/03d/03d5fee7ffd578ef7eae335e5143027e.pdf> (дата обращения: 21.01.2021).

ская область традиционно является международным центром проведения большого числа международных и всероссийских культурных, научных, спортивных и бизнес-мероприятий. *Событийное волонтерство студенчества* с 2012 г. входит в число приоритетных и распространенных среди уральской молодежи направлений добровольческого участия. В связи с этим в мониторинге были определены уровень информированности третьекурсников о том, что буквально в ближайшее время в 2023 г. в Свердловской области пройдут Всемирные летние студенческие игры (табл. 28).

Рис. 21. Готовность студентов Свердловской области и молодых россиян 18–24 лет к оказанию помощи людям, находящимся на карантине

Таблица 28

Информированность студентов Свердловской области о том, что в 2023 году в регионе пройдут Всемирные летние студенческие игры

№	Варианты ответов	%
1	Хорошо знаю	34
2	Что-то слышал	33
3	Впервые слышу	33

Ничего не слышала о данном событии международного уровня треть третьекурсников вузов Свердловской области, что-то слышала в общем еще треть и 34 % хорошо информированы об Универсиаде. Выяснялась и их потенциальная готовность к волонтерской работе на Универсиаде. Почти треть респондентов (31 %) ни при каких условиях не хотела бы быть волонтерами Универсиады. Остальные конкретизировали свою готовность, ответив на вопрос: «По какому направлению вы смогли и хотели бы работать волонтером на всемирных летних студенческих играх?» (табл. 29).

Таблица 29

Направления работы, по которым студенты Свердловской области могли и хотели бы работать волонтерами на Универсиаде (в % от числа тех, кто такую готовность проявил)

№	Варианты ответов	2020
1	Встречать и сопровождать спортсменов, гостей города	22
2	Помогать спортсменам и официальным лицам категории VIP	17
3	Оказывать первую медицинскую помощь	17
4	Помогать в проведении церемоний открытия и закрытия соревнований	13
5	Помогать в организации спортивной программы	9
6	Взаимодействовать со СМИ	9
7	Организовывать работу других волонтеров	7
8	Помогать в аккредитации	6

Данные мониторинга показывают, что готовность к волонтерскому участию в проведении Универсиады у студентов третьего курса вузов Свердловской области достаточно высока. По самооценке третьекурсниками своих возможностей, а главное личного желаний практически все направления, которые требуется закрывать волонтерским трудом в соответствии с международными нормами организации международных спортивных соревнований, привлекательны для тех или иных студентов. Особо отметим, что среди них и те, которые предполагают и определенный опыт волонтерства, и соответствующую подготовку.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Представление о молодежи как далекой от политики группе — это устаревший миф, не применимый к современному поколению студентов. Мы получили одни из самых высоких результатов социально-политического участия студенческой молодежи за все время проведения нашего мониторинга. Политическая апатия присуща менее трети респондентов, что не укладывается в прежнюю канву представлений о молодежи как «аполитичной» социальной группе.

Низкая политическая активность студенчества связана с факторами, лежащими в плоскости социальных отношений, возможностей политической системы и их низкой оценкой студентами. При относительно высоком уровне готовности политического участия просматриваются устойчивые преграды для выражения политической активности. Закономерно выглядят протестные настроения, которые, впрочем, не выливаются до поры в активные действия. Подтвердил-

ся — на конкретном примере студенчества одного из крупных промышленных регионов — более общий вывод, что «для современного общественного и гражданского участия в России характерны более высокие значения участия населения в «коротких» и акционных практиках и низкие значения практик, требующих длительной деятельности формализованного и неформализованного типа, а также массовых практик политического и гражданского риска, что соответствует современным мировым характеристикам постмодернистского проекта»¹.

Студенческая молодежь представляет собой социальную группу, которой присущи наиболее крайние оценки недоверия социальным институтам по сравнению с другими группами населения. Дело здесь не только в наступлении общества потребления и его следствии — культуры консюмеризма, но и в чисто российских факторах, таких как обманутые ожидания, негативные образы будущего и пр. Критический настрой по отношению к институтам управления обществом сказывается на доверии к ним.

Студенты вузов Свердловской области достаточно положительно относятся к организованным формам работы с молодежью. В общественных молодежных организациях, объединениях и движениях они видят вариативность возможностей, которые могут помочь им реализовать себя в разных ситуациях. На текущий момент опыт реального участия в деятельности какого-либо молодежного объединения имеет каждый второй студент третьего курса.

По данным исследования можно констатировать не только увеличение количества студенческой молодежи, вовлеченной в добровольческую деятельность, но и определенные изменения в качественных характеристиках их добровольческого труда. Произошло сокращение разового волонтерского участия, серьезно увеличилась доля студентов (каждый пятый), работающих на регулярной основе в качестве волонтера.

За счет особенностей периода пандемии в сообществе молодых волонтеров из числа студенчества постепенно нивелируется гендерный дисбаланс, увеличивается доля юношей, имеющих опыт волонтерской деятельности и работающих безвозмездно на регулярной основе.

¹ Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. С. 50.

Волонтерство как социальное участие за четыре года стало более политизированным, а вовлеченность студентов вузов Свердловской области коррелирует с опытом общественно-политической деятельности молодежи. При этом политическая активность студенчества сокращает у них временные ресурсы на добровольческое участие, что отражается в уменьшении числа регулярно работающих волонтерами среди активных в общественно-политической сфере студентов.

Мотивация волонтерского участия продолжает оставаться гибридной с доминированием в ее структуре ряда прагматических мотивов. Выросло число тех студентов, которые ориентированы на включение волонтерства в свое личностное и карьерное развитие, а также число тех, для кого важным оказываются управленческие условия добровольческого труда, его хорошая организация.

В период жестких ограничений пандемии ресурс волонтерского участия студентов был востребован ограниченно. При слабой информированности о волонтерстве в пандемию и возможностях добровольческого участия студенты имеют высокий потенциал готовности к такого рода деятельности.

Мониторинг показал, что студенты вузов Свердловской области позитивно оценивают свои возможности и желания в отношении волонтерства на Всемирных летних студенческих играх в 2023 г. и могут обеспечить обслуживание всех необходимых направлений.

6. Будущее профессий и профессиональное будущее

Важно не то место, которое мы занимаем,
а то направление, в котором мы движемся.

Л. Толстой

Нет профессий с большим будущим, но есть
профессионалы с большим будущим.

И. Ильф, Е. Петров

Научный интерес к проблематике будущего важнейшей сферы общественных отношений — труда и профессий — концентрируется вокруг нескольких исследовательских подходов.

Во-первых, это попытка дать прогноз на будущее, отталкиваясь не только от текущих событий настоящего, но и принимая во внимание *историческую ретроспективу*. Здесь наиболее известной является теория профессиональных революций британского историка Г. Перкина¹, согласно которой появляется новая форма организации современных профессионалов — сетевая, способствующая *третьей профессиональной революции*. Ее результатом прогнозируется появление сообществ людей, готовых и умеющих работать в различных профессиональных средах для решения комплексных проблем — *транспрофессионалов*. Традиционным профессионалам массовых и свободных профессий нужно будет адаптироваться к новой транспрофессиональной среде. Соответственно, одной из задач ближайшего будущего, по мнению Перкина, является решение проблемы профессиональной ресоциа-

¹ Perkin H. The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. L. : Routledge, 1996. 253 p. ; Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. L. : Routledge, 1996. 272 p.

лизации и формирования многофункциональных команд через профессиональные сети. Изменения, затрагивающие профессиональные сообщества, отражаются еще в одном тренде, исследуемом в течение последних двух десятилетий, — формировании особой категории занятых — транснациональных профессионалов. Этот тренд наблюдается в связи с глобализационными процессами в сфере образования и труда, ростом мобильности и неопределенностью современных обществ¹. *Транснациональные профессионалы (transnational professionals)* обладают особыми характеристиками: они сочетают в себе абстрактные знания высокого уровня, высокую мобильность между странами и организациями, социальный и культурный капитал.

Во-вторых, грядущие изменения в мире труда и занятости, вызывающие определенную тревогу, связываются с действием совокупности глобальных тенденций — *виртуализация реальности, развитие профессиональных сетей, роботизация технологий, цифровизация экономики, глобализация рынка, старение населения и социально-демографические сдвиги, индивидуализации ценностей* и др. Согласно глобальным экономическим и демографическим прогнозам в ближайшем будущем с достаточно большой долей вероятности будет наблюдаться остановка экономического роста в глобальном масштабе и сопряженный с этим процессом рост структурной безработицы и высвобождение свободного времени людей на фоне цифровизации и роботизации технологических процессов². Все это осложнится перекосом демографической структуры в силу старения населения и приведет к усилению прекаризации труда, особенно среди молодежи³. В силу этого

¹ Harrington, B., Seabrooke, L. Transnational Professionals // Annual review of sociology, 2020. Vol. 46: Annual Review of Sociology. PP. 399—417 ; Nowicka M. Transnational Professionals and their Cosmopolitan Universes / U. Beck (foreword). Berlin : Verlag, 2006. 260 p. ; Gender and Family among Transnational Professionals / A. Coles, A.-M. Fechter [et al.]. L. : Link, 2007, 320 p. ; Transnational Professional Experience-The Way to Progress. URL: <http://www.adam-europe.eu/adam/project/view.htm?prj=8084> (date of assesses: 21/04/2021).

² Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн [и др.]. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с. ; Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ad Marginem, 2014. 328 с.

³ Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. 400 с. ; Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография. М. : Наука, 2018. 350 с. ; Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала // Вестник Института социологии. 2016. № 18. С. 57—69.

в социальных науках, и в том числе в социологии, активно поднимается вопрос о прекарной занятости среди молодого поколения как одна из проблем, на решении которой предстоит сосредоточиться обществу в ближайшей перспективе.

В-третьих, выделим и более оптимистические прогнозы развития сферы труда и профессий под влиянием бурных технологических изменений, касающихся не только экономики, но и *социальных отношений*. Они происходят прежде всего под влиянием процесса цифровизации и роботизации, которые рассматриваются как наиболее значимые факторы общественных изменений в современном мире. Речь идет об изменениях в социально-профессиональной структуре общества в связи с исчезновением старых и появлением новых профессий и видов занятости. По оценкам американских социологов Фрэй и Осборн (*Frey & Osborne*) около 47 % рабочих мест в США могут совсем скоро подвергнуться автоматизации, возможно, в течение следующих десяти лет, что означает, что большое количество современных профессий и видов занятости окажутся не нужными, поскольку место людей займут искусственный интеллект и автоматизированные системы. Риску, в основном, подвержены большинство рабочих, занятых в сфере транспорта и логистики, большая часть офисных и административных вспомогательных работников, а также работники производственных профессий и сферы обслуживания¹. 65 % (двое из каждых трех) сегодняшних школьников будут заняты на работе, которой еще не существует². С другой стороны, для людей откроются новые, пока неизвестные профессии. Кроме того, прогнозируются существенные *изменения в структуре занятости* — сокращение одних и выдвижение других, как правило, связанных с инновационной деятельностью, профессиональных кластеров по объему предоставления вакансий. В докладе *Jobs of Tomorrow* на Всемирном экономическом форуме говорится, что рост профессий будущего стимулируется спросом как на «*цифровые*»,

¹ Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. V. 114. P. 254–280. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (дата обращения: 23.05.2021).

² Чего ждать на рынке труда. HR-тренды до 2050 года. РБК : [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/604f2e5e9a79478fdd40d2ce> (дата обращения: 23.05.2021).

так и на «человеческие» навыки¹. Среди профессий с наиболее высокими темпами роста по объему рабочих мест в ближайшем будущем называются специалисты по искусственному интеллекту и обработке данных, ассистенты социальных сетей, техники по обслуживанию ветряных турбин, специалисты по экологическому маркетингу. При этом некоторые профессиональные кластеры, такие как работа с *big data* и искусственным интеллектом, инженерия и облачные вычисления, требуют опыта в области цифровых технологий, другие быстро-растущие профессии уделяют больше внимания бизнес-навыкам или специализированным компетенциям.

Отражаются ли эти прогнозы на выборе молодежью профессии и будущей работы? Какие мотивы и ценности лежат в основе этого выбора? Какое профессиональное будущее планируют современные студенты и что они готовы делать для его наступления? Эти вопросы, охватывающие важный для молодого поколения процесс профессионального самоопределения, приобретает новую актуальность. Именно вокруг этих вопросов строился наш анализ профессиональных планов, мотивов и установок студентов Екатеринбурга.

Профессиональное самоопределение — процесс, который может продолжаться всю жизнь человека, но ключевые его моменты приходится на молодость. Именно через самоопределение, подразумевающее свободный выбор, молодежь определяет свое *профессиональное будущее*.

В традиции отечественной социологии, заложенной М. Титмой, Б. Шубкиным и Ф. Филипповым, профессиональное самоопределение рассматривается как длительный социальный процесс, который включает в себя вопросы формирования образовательных и профессиональных ориентаций, мотивации профессионального выбора, выработки профессиональных стратегий, поиска профессиональной идентичности, а также проблемы, связанные с профессиональным самочувствием, удовлетворенностью выбранной профессией, проблемы трудоустройства и первичной профессиональной адаптации².

¹ Jobs of Tomorrow Mapping Opportunity in the New Economy // WEF. 2020. January. 29 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Jobs_of_Tomorrow_2020.pdf (дата обращения: 23.05.2021).

² Титма М. Х. Выбор профессии как социальная проблема. М. : Мысль, 1975. 198 с. ; Титма М. Х., Саар Э. А. Молодое поколение. М. : Мысль, 1986. 254 с. ; Филиппов Ф. Р. Высшая школа: социальная ориентация и социальные перемещения молодежи // Высшее образование в жизненных планах молодежи. М. 1975. С. 95–99 ;

Еще в 1960—1980-е гг. сформировался определенный целостный подход к исследованию процесса профессионального самоопределения как процесса вхождения молодого поколения в социальные и профессиональные структуры общества, который регулируется различными социализирующими институтами, прежде всего институтом образования. Наиболее последовательно данный подход воплощен в концепции «*пирамид профессий*» В. Н. Шубкина.

В исследованиях В. Н. Шубкина профессиональной и территориальной мобильности выпускников средних и неполных средних школ процесс профессионального самоопределения предстает как соотношение индивидуальных профессиональных намерений и общественных потребностей со стороны разных сфер занятости, анализируется на уровне массовых социальных процессов и общества в целом. Шубкиным и его коллегами была сопоставлена пирамида ранжированных профессий по степени их престижности и привлекательности для индивидов со структурой потребностей общества в профессиональных кадрах¹. На основании этого удалось выявить ключевое противоречие профессионального самоопределения: число желающих работать по наиболее престижным профессиям и занятиям значительно превышает потребности в этих работниках.

Современная российская социология продолжает реализовывать подход к профессиональному самоопределению как процессу интеграции молодого поколения в социальную и профессиональную структуру. «Социальное конструирование профессиональных стратегий личности» определяет направленность профессионализации личности². Акцентируется характер социально-профессионального самоопределения как «поэтапного процесса включения молодежи во все сферы

Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению. М. : Мысль, 1989. 237 с. ; Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Молодежь и образование: методологические вопросы. М. : Наука, 1977. 133 с. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность / В. Н. Шубкин, В. И. Переведенцев, Г. А. Чередниченко [и др.] ; Отв. ред. В. Н. Шубкин. М. : Наука, 1984. 214 с. ; Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь (социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М. : Мысль, 1985. 240 с. ; и др.

¹ Шубкин В. Н., Бабушкина Т. А. Оценка профессии: общее и специфическое // Выбор профессии: мотивы и их реализация. М. : Знание, 1986. С. 27—52.

² См.: Солнышкина М. Г. Профессиональные стратегии личности в условиях трансформации российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. М. : РГСУ, 2006. 398 с.

общественной жизни», что придает социально-стратификационной структуре относительно равновесное состояние¹. Выбор профессии рассматривается как условие жизненного самоопределения личности и ее успешной интеграции в общество².

В рамках *структурно-ориентированного подхода* особое внимание исследователи уделяют роли внешних институциональных факторов профессионального самоопределения. Доказано, что в наибольшей степени на процесс профессионального самоопределения молодежи воздействуют социальные институты семьи, занятости и образования. Среди регуляторов процесса профессионального самоопределения также обычно выделяют рынок труда и образовательных услуг, организационные условия, представления об общественном престиже профессий, деятельность массмедиа, психологические особенности детерминации деятельности индивида (мотивации, ценности, ожидания).

Исследование внутренних регуляторов процесса профессионального самоопределения предпринимается с позиций несколько иного подхода, который начал развиваться в отечественной социологии с 1990-х гг. и интерпретирует профессиональное самоопределение в аспекте акцентирования смысла на приставку «само-». Данный подход, назовем его *личностно-ориентированным*, пытается проследить сложную взаимосопряженность профессионального самоопределения с процессами, связанными с проявлением активности субъекта в социальном и жизненном мире, — *самоактуализацией, саморазвитием, самореализацией*.

Современные концепции профессионального самоопределения, разрабатываемые в русле личностно-ориентированного подхода, перекликаются с концепцией призвания М. Вебера и опираются как на работы отечественных ученых (теорию формирования и развития И. С. Кона, диспозиционную теорию саморегуляции В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова), так и зарубежных исследователей (критическую теорию социализации К. Роджерса и А. Маслоу, теорию символического капитала П. Бурдьё, теорию П. Бергера и Т. Лукмана).

¹ Букин В. П. Самоидентификация провинциальной молодежи в контексте социально-статусной принадлежности // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 93–100.

² Выборнова В. В., Дунаева Е. А. Актуализация проблем профессионального самоопределения молодежи // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 99–105.

Характерной чертой данного подхода является трактовка профессионального самоопределения в контексте процесса *социализации* либо *адаптации*. На связь самоопределения с социализацией указывает В. А. Ядов, который отмечает, что «...потребность человека во включении в социальные связи заставляет его активно или пассивно самоопределяться в системе групп и общностей»¹. И. С. Кон полагал результатом социализации формирование ценностных ориентаций личности — целей жизни и средств достижения этих целей. Это означает, что в основании профессионального самоопределения лежат *смысложизненные ориентиры*, интернализованные ценности общества, ставшие ценностными ориентациями личности. Для понимания сущности лично-ориентированного подхода особо значимо подчеркнутое Коном: «Понимание индивидуальной изменчивости и вариабельности жизненного пути — серьезное предупреждение против абсолютизации ценности жесткой идентификации личности с той или иной профессиональной ролью или положением»². Профессиональное самоопределение предстает как «сложный динамический процесс формирования субъектом личностно-значимой системы основополагающих отношений к профессиональной деятельности»³.

Другая особенность лично-ориентированного подхода — это акцентирование внимания на активности субъекта, проявляется в сознательном выборе вариантов своего вхождения в общество в целом и профессиональную среду в частности. Так, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, если в процессе первичной социализации преобладают социально заданные факторы (не подконтрольные индивиду), то вторичная социализация предполагает, что личность уже творит собственный мир типизированных образов и действует в соответствии с ними⁴.

¹ Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. URL: <http://www.socjournal.ru/release/article29> (дата обращения: 28.04.2021).

² Кон И. С. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Социологическая психология М.; Воронеж., 1999. С. 254–268. С. 267. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/konsps/05.php (дата обращения: 23.04.2021).

³ Левицкая И. А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58) Т. 2. С. 136–140. С. 136.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с. С. 213, 225.

Таким образом, профессиональное самоопределение является двунаправленным процессом в системе индивид — общество и протекает в результате сложного переплетения внешних и внутренних факторов.

Наиболее значимым для корректировки и углубления — в теоретическом и эмпирическом плане — нашего анализа профессионального самоопределения студенчества Среднего Урала в рамках мониторинга был *подход социологов ИС РАН* (Д. Л. Константиновский, Г. А. Чередниченко, Г. А. Ключарев, Е. Д. Вознесенская, Е. С. Попова и др.)¹. В рамках его была обоснована идея образовательных и профессиональных траекторий, их различий и взаимосвязи, выявлены наиболее распространенные в молодежной среде траектории, раскрыто — как отражение возросшего социального расслоения российского социума — неравенство шансов их реализации. Исследователи, на наш взгляд, справедливо (и обоснованно), отвергли мнение, что «молодежь ведет себя безответственно при выборе собственного будущего», отметив «отсутствие надлежащих связей между рынком труда и его кадровым ресурсом». Добавим к их аргументации и качественное изменение «*философии университета*» в условиях становления рыночных отношений: «философия университета, понимаемая как его базовая, фундаментальная идея, становится все более утилитарной и прагматичной. Антропология этой философии выстраивается не вокруг человека, а вокруг экономики. Человек же становится функцией, главная задача которой приспособляться под стремительно меняющиеся условия»².

¹ См.: Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие : монография / Д. Л. Константиновский, Е. Д. Вознесенская, Г. А. Чередниченко. М. : ЦСПиМ, 2014. 548 с. ; Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37–48 ; Чередниченко Г. А. Российская молодежь: от образования к труду (на материалах социологических исследований образовательных и профессиональных траекторий) : монография. СПб. : РХГА, 2016. 392 с. ; Голиусова Ю. В., Ключарев Г. А. О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2017. Вып. 15. С. 72–90 ; Чередниченко Г. А. Система образования и пути молодежи Дежина И. Г., Ключарев Г. А. Российское образование для инновационной экономики: «болевы́е точки» // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 40–48 ; Чередниченко Г. А. Положение на рынке труда выпускников вузов (по материалам опроса Росстата РФ) // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 95–105 ; и др.

² Касаткин П. И. 2018. Аксиология образования: архитектура современного образовательного пространства. М. : МГИМО-Университет. 2018. 252 с. С. 136.

Исходным, запускающим процесс внутренним элементом в профессиональном самоопределении является *потребность индивидов в поиске и выборе своей профессиональной идентичности* в процессе профессионального саморазвития. Заметим, что в течение двух последних десятилетий многие постмодернистские социологические и философские концепции говорят о кризисе идентичности, в том числе и профессиональной, который приобретает непредсказуемый характер в результате роста неопределенности общества. По словам В. А. Ядова, неустойчивое, лабильное состояние социальной идентичности становится нормой современных обществ, в том числе и российского¹. С этим перекликается идея З. Баумана о необходимости выработки новой жизненной стратегии, которую он определяет как *flexibility* — гибкость — и подозрение ко всем долговременным обязательствам: «рекомендуется не принимать долгосрочных обязательств, потому что они будут ограничивать новые шансы, новые возможности, которые неизбежно появятся в будущем»². Поскольку идентичность вынуждена постоянно пересматриваться, существует постоянная необходимость ее выбора. И сегодня проблема общества заключается не в сохранении индивидами, социальными или профессиональными группами обретенной идентичности, а в способности ее менять посредством нового индивидуального выбора и переориентации. Пересмотр функций и роли идентичности в целом, и профессиональной в частности, в современном обществе связывает ее с постоянным процессом самоопределения индивидов. Поскольку само общество слишком изменчиво и мобильно, на наш взгляд, сегодня в понимании профессионального самоопределения молодежи важнее не столько акцент на интеграции индивидов в некую социально-профессиональную структуру, сколько фокусирование на поиске молодыми людьми своей профессиональной идентичности, который востребован, но и одновременно осложнен противоречиями современного динамичного общества.

Со стороны общества (извне) профессиональное самоопределение молодежи регулируется постоянными изменениями в соци-

¹ Ядов В., Данилова Е. Контекстуально-лабильная социальная идентичность — норма современных динамичных обществ // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 27–30.

² Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 г. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 30.03.2021).

ально-профессиональной структуре общества (появлением новых профессиональных групп и кластеров, изменениями социально-экономического статуса и престижа профессий и др.), институтами образования и занятости, предоставляющими индивидам определенную структуру учебных и рабочих мест и формирующими определенные возможности реализации молодежью своих профессиональных намерений.

В процессе выбора молодыми людьми профессионального и жизненного пути их внутренние диспозиции (ценности, мотивы, ориентации и намерения) могут вступать в противоречивое взаимодействие с внешними условиями. Находясь в ситуации выбора, молодой человек соизмеряет свои внутренние резервы и интенции с внешними условиями, оценивая возможности реализации своего выбора, в результате происходит планирование, постановка профессиональных и жизненных целей и определение способов их достижения. Таким образом, процесс профессионального самоопределения приобретает замкнутый в системе взаимодействия общество — индивид характер: возникая на микроуровне как внутренняя потребность в поиске профессиональной идентичности, он раскрывается на макроуровне как противоречивое взаимодействие внутренних диспозиций людей и меняющихся институционально-структурных условий и завершается разрешением данных противоречий на микроуровне путем формирования и реализации молодыми людьми стратегий своего профессионального выбора.

Профессиональное самоопределение для молодежи, в особенности на этапе поступления и учебы в вузе, концентрируется вокруг выбора вуза и направления обучения, специальности. Этот выбор аккумулирует в себя и представления о желаемой профессии и будущей работе, и актуальные запросы к высшему образованию и учебному заведению, и внутренние стимулы, побуждающие к действию — оценки своих возможностей, способностей, ресурсов, амбиции молодых людей.

Оценивая мотивы выбора вуза екатеринбургскими студентами, мы условно разделили их на внутренние побуждения, связанные с реализацией стремления к профессиональному развитию, самоактуализации, и преломленные в их сознании внешне заданные детерминанты. Данные опроса показывают, что среди доминирующих, наиболее значимых для студентов мотивов присутствуют и те, и другие (табл. 30).

Таблица 30

**Что побудило вас поступить в вуз, в котором вы учитесь?
(2020 г., % от числа респондентов)**

№	Иерархия мотивов поступления в вуз	Массив
1	Интерес к профессии	46
2	Желание получить диплом о высшем образовании	44
3	Возможность поступления на бюджет	34
4	Перспектива найти хорошую работу после вуза	34
5	Возможность обеспечить хорошее материальное положение в будущем	33
6	Возможность поступить согласно моим баллам ЕГЭ	28
7	Наличие способностей именно в этой области	22
8	Привлек престиж, авторитет вуза	21
9	Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения	14
10	Повлияла семейная традиция, родители	11
11	Возможность получить отсрочку от службы в армии	8
12	Совет учителей, специалистов по профориентации	3
13	Учеба в специализированном классе, колледже, училище	3

Примечание. Вопрос поливариантный (не более 3 вариантов), поэтому сумма ответов превышает 100 %.

Интерес к будущей профессии был важен при выборе вуза и специальности почти для половины (46 %) опрошенных студентов, однако почти также значимо получить диплом о высшем образовании (44 %). Для существенного числа молодых людей при выборе вуза учитывались возможности достичь прагматичных жизненных целей в *будущем* — перспектива найти хорошую работу (34 %) и обеспечить себе хорошее материальное положение (33 %). Многие студенты, опрошенные в 2020 г., напротив, исходили из своих текущих возможностей, *более актуальных для настоящего, нежели для будущего*, — их выбор связан с возможностями поступить на бюджет (34 %) или согласно полученным баллам ЕГЭ (28 %).

Особых различий мотивации в гендерном плане нет. Понятно, что отсрочка от службы в армии — предмет интереса для юношей (у них этот мотив значим для каждого пятого). Предпринятые в последние годы меры по совмещению учебы и воинской службы могут в дальнейшем привести к сокращению роли этого мотива. Юноши чуть чаще (в 1,3 раза) соотносят выбор вуза с достижением в будущем (после его

окончания) более высокого уровня материального благополучия. Для девушек относительно более значимыми выступают стремление поступить на бюджет (в 1,2 раза) и желание получить диплом о высшем образовании (в 1,3 раза).

Среди значимых различий в мотивации в зависимости от профиля обучения заметна лишь меньшая значимость для будущих инженеров интереса к профессии (в 1,3 раза в сравнении со средним по массиву) и наличия способностей именно в этой области (в 1,6 раза) и, напротив, гораздо большее стремление поступить на бюджетное место (в 1,4 раза, а в сравнении с теми, кто обучается по гуманитарному и социально-экономическому профилю, — в 2 раза). И вновь обратим внимание на то, как чутко абитуриенты реагируют на «оптимизацию» стратегии приема в вузы.

Судя по данным опроса, особенно если смотреть в сравнении с предыдущими этапами мониторинга, в современном обществе ценность высшего образования и «сигнальной» функции диплома повышается, наличие университетского диплома становится необходимым атрибутом жизненного успеха (табл. 31). Вернее сказать, он играет роль стартовой площадки для последующих достижений, и молодежь все более осознает этот момент. Если анализировать мотивацию профессионального самоопределения в динамике, можно отметить несколько любопытных тенденций.

Таблица 31

Динамика мотивации профессионального выбора, в %

Мотивы поступления в вуз	1995	2007	2009	2012	2016	2020
Интерес к профессии	45	53	54	49	44	46
Желание получить диплом о высшем образовании	9	26	21	19	26	44
Возможность поступления на бюджет	—	—	—	—	—	34
Перспектива найти хорошую работу после вуза	30	30	32	27	29	34
Возможность обеспечить себе хорошее материальное положение в будущем	—	—	—	22	25	33
Возможность поступить согласно моим баллам ЕГЭ	—	—	—	—	—	28
Наличие способностей именно в этой области	33	25	26	17	16	22
Привлек престиж, авторитет вуза	32	32	34	30	31	21
Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения	4	9	9	4	8	14

Окончание табл. 31

Мотивы поступления в вуз	1995	2007	2009	2012	2016	2020
Повлияла семейная традиция, родители	22	18	14	13	10	11
Возможность получить отсрочку от службы в армии	17	7	7	6	8	8
Совет учителей, специалистов по профориентации	5	6	6	4	4	3
Учеба в специализированном классе, колледже, училище	15	15	13	10	5	3

Во-первых, как мы уже говорили, в мотивации профессионального самоопределения студенческой молодежи *резко возросла роль внешних детерминант* — мотивов достижения высоких социально-статусных позиций, а такие возможности, по мнению студентов, дает диплом о высшем образовании: если в 1995 г. желание «иметь диплом» мотивировало только 9 % респондентов, то в 2007 г. — уже 26 % (для каждого четвертого), а сейчас это один из доминирующих мотивов выбора, значимый для двух из пяти респондентов. Ориентация на *внутренние мотивы*, например на наличие у себя определенных способностей, склонностей к профессиональной деятельности в выбранной области, напротив, несколько снижается с 33 % в 1995 г. до 22 % в 2020 г.

Во-вторых, уменьшается влияние таких важных в 1990-е гг. причин поступления в вузы как возможность получения отсрочки от армии и мнение и пример родителей. А вот ориентация на настоящую и будущую среду общения в 2020 г. стала более значимой, что возможно, объясняется возрастающей ценностью стилевых и статусных особенностей поведения и коммуникации для молодежи — ценности общности кругозора, менталитета, уровня жизни, мировоззренческих установок и информационных потребностей.

В-третьих, по-прежнему как в 1990-е, так и в 2000-е и сейчас при выборе вуза молодежь практически не ориентируется на советы учителей и специалистов по профориентации, что с одной стороны, конечно, может говорить о том, что учителя средних школ и работники, отвечающие за профориентацию, не входят в число референтных сообществ, чье мнение для молодежи ценно в случае принятия решений, а с другой стороны, показывает сохранение дисфункциональности системы профориентации в школе, ее формального характера.

Интересно, что в 2020 г. в сравнении с предыдущими периодами несколько снизилось значение престижа и авторитета выбираемого вуза (примерно с 30 до 20 %). Эту тенденцию (если она подтвердится на последующих этапах мониторинга) еще предстоит осмыслить, но, возможно, она связана с тем, что в общественном сознании начинает размываться связь между статусом, престижностью учебного заведения и качеством образования, и уж тем более перспективами трудоустройства и карьеры после окончания вуза. В условиях утраты многими университетами профильного характера, возможно, сказывается и дифференциация в них качества подготовки по разным направлениям.

У большинства студентов сам момент выбора будущей профессии приходится на этап учебы в старших классах школы (в 10–11 классе) при выборе профильных дисциплин ЕГЭ (рис. 22).

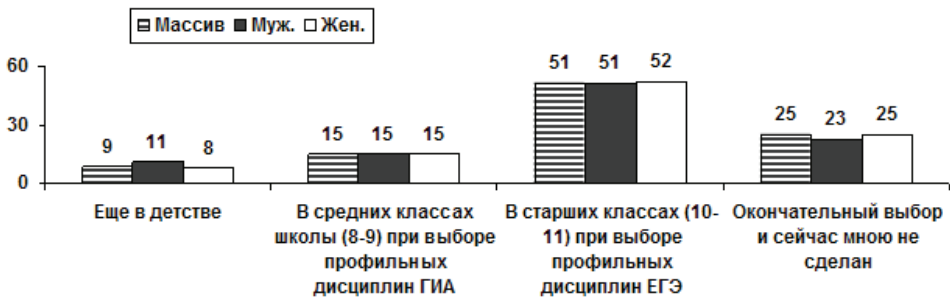

Рис. 22. Когда вы выбрали свою будущую профессию (в %, по группам)

И это вполне понятно, поскольку выбор дисциплин ЕГЭ означает сужение поля дальнейшего выбора до ограниченного числа альтернатив. В целом, оценивая момент принятия решения о профессиональном выборе, можно отметить его гибкость и неустойчивость в условиях неопределенности социально-экономической среды: четвертая часть студентов третьего курса до сих пор окончательно не определилась с выбором профессии. Это в принципе соответствует мировому и общероссийскому тренду на *отложенное* самоопределение среди молодежи, когда выбор будущей профессии не совпадает с поступлением в университет и получением первичной профессиональной подготовки и реализуется уже на последующих этапах построения карьеры.

Насколько студенты удовлетворены сделанным *выбором вуза и профессии*? По данным нашего опроса суммарная удовлетворенность *вы-*

бором вуза довольно высокая, она составила 82 % (четверо из пяти, что включает 31 % студентов, полностью удовлетворенных избранным вузом и 52 % — скорее удовлетворенных, чем нет). 17 % респондентов в той или иной мере разочаровались сделанным выбором (14 % скорее не удовлетворены и 3 % совсем не удовлетворены). Почти на том же уровне находятся показатели удовлетворенности осваиваемой профессией: 35 % респондентов удовлетворены выбранной профессией и еще 45 % скорее удовлетворены (80 % оценивает свой выбор позитивно), пятая часть студентов (20 %) разочаровались (14 % и 6 %).

Сравнение показателей удовлетворенности выбором вуза у студентов разных университетов выявило статистически значимые различия. Можно было бы попытаться оценить эти различия в баллах и определить «средний балл», на основе которого сопоставить университеты Екатеринбурга по шкале удовлетворенности их студентов своим выбором. Но в конечном счете решили отказаться от публикации такого «рейтинга университетов», даже с акцентом на его условность, субъективность.

Во-первых, понимая, что результаты опроса в итоге отразили применительно *ко всем вузам* удовлетворенность большей части студентов (соотношение удовлетворенных и неудовлетворенных своим выбором в среднем составило 4,9 : 1, а по отдельным вузам колебалось в диапазоне 6 : 1—4 : 1). Хотя за время мониторинга методика выявления удовлетворенности/неудовлетворенности несколько изменилась, тренды сохранились и отношение стало более позитивным (табл. 32).

Таблица 32

**Динамика соотношения удовлетворенности/неудовлетворенности выбором вуза
за годы мониторинга**

Значение	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Удовлетворенные вузом/ неудовлетворенные вузом	4 : 1	4 : 1	5 : 1	4 : 1	4,5 : 1	4 : 1	4 : 1	4,9 : 1

Во-вторых, опасаясь абсолютизации любых данных без глубокого анализа причинно-следственных связей и памятуя о печальном опыте «оптимизации вузов», когда, например, в Свердловской области был превращен в филиал Нижнетагильский педагогический институт (на тот момент — НТСПА), закрыты многие филиалы вузов. Не отвергая заботы о качестве высшего образования, мы на всех этапах мони-

торинга отмечали важную социальную роль университетов и их филиалов в других городах области.

Наконец, к удовлетворенности/неудовлетворенности респондентов своим выбором вуза вполне может быть применена формула американского психолога У. Джеймса: *самоуважение = успех/притязания*. И многое в оценке респондентов, достигли ли они в выбранном ими университете желаемого или нет, зависит от характера, масштаба их притязаний, которые — как показал анализ мотивации — были весьма разнообразными.

Сходные моменты можно выделить и рассматривая общую динамику удовлетворенности/неудовлетворенности выбором профессии (табл. 33).

Таблица 33

Динамика соотношения удовлетворенности/неудовлетворенности выбором профессии за годы мониторинга

Удовлетворенность профессией	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
удовлетворены / не удовлетворены	1,6 : 1	3 : 1	2,8 : 1	4 : 1	3,8 : 1	3,2 : 1	3,2 : 1	4 : 1

Удовлетворенность выбором профессии устойчиво чуть ниже в сравнении с выбором вуза, но достаточно высока и в 2020 г. даже усилилась в сравнении с двумя предыдущими этапами мониторинга (2012–2016 гг.). Удовлетворенность выбранной профессией не зависит от профиля обучения (табл. 34).

Таблица 34

Удовлетворенность профессией в зависимости от профиля обучения, %

Удовлетворены ли вы сейчас осваиваемой профессией?	Гуманит.	Соц.-экон.	Математ., естеств., мед.	Техн.	Σ
да	36	38	32	33	35
скорее да, чем нет	41	44	52	48	45
скорее нет, чем да	18	16	11	16	16
нет	5	3	5	3	4

Однако можно отметить, что студенты гуманитарных и педагогических специальностей несколько менее довольны получаемой профессией, а студенты, специализирующиеся на математических, естественных и медицинских науках, более удовлетворены выбором будущей профессии.

Помимо прямого измерения удовлетворенности выбором профессии, мы также использовали прожективный вопрос: «Повторили бы вы свой выбор профессии, если бы представилась такая возможность?» Ответы респондентов с применением косвенной методики показывают менее позитивный результат: только 66 % готовы повторить свой выбор, а остальные 34 % пересмотрели бы его, если бы представилась такая возможность (рис. 23), что опять-таки говорит о неустойчивости профессионального выбора и отложенном характере профессионального самоопределения студенчества, следовательно, и важности для молодых людей иметь возможность профессиональной переориентации.

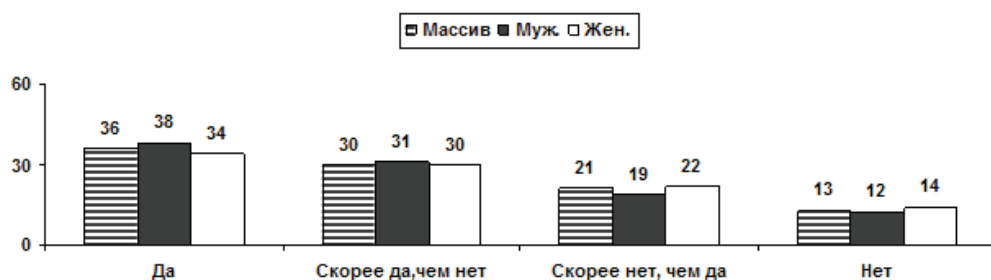

Рис. 23. Повторили бы вы свой выбор профессии, если бы представилась такая возможность? (2020, % от числа опрошенных)

В гендерном плане *юноши* (в сравнении с *девушками*) проявляют несколько бóльшую удовлетворенность своим профессиональным выбором. В какой-то мере это можно соотнести с тем, что в ситуации *феминизации* высшего образования девушки все чаще выбирают некогда *мужские* профессии.

Эти ответы интересно осмыслить в контексте информированности студентов о получаемой профессии. Как известно из работ психологов и педагогов, одним из противоречий профессионального самоопределения, его осложняющих, является конфликт между необходимостью принимать решение о выборе профессии (при выборе дисциплин ЕГЭ, в частности) и низкой информированностью молодежи о содержании и специфике труда по выбираемой профессии¹.

¹ См.: Зеер Э. Ф., Рудей О. А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности : учеб. пособие. М. : Изд-во Московского психолого-социального института ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2008. 256 с. ; Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э.

Согласно результатам опроса, за время обучения в вузе для существенного числа студентов представления о своей будущей профессии значительно расширяются, образ профессии становится более конкретным и понятным (табл. 35).

Таблица 35

Представляли (-ете) ли вы содержание, характер и специфику будущей профессии? %

Уровень информированности о профессии	При поступлении в вуз	Сегодня
да	31	51
скорее да, чем нет	37	38
скорее нет, чем да	24	9
нет	8	2

Если при поступлении четко представляла себе содержание, характер и специфику будущей профессии только треть молодых людей (согласно их ретроспективным оценкам), то к III курсу таких становится уже более половины. В целом, доля неинформированных о выбранной профессии студентов с момента поступления к третьему курсу сокращается вдвое (с 32 % до 11 %). У студентов-третьекурсников сложился скорее позитивный имидж своей будущей профессии (табл. 36). Респонденты особо выделяют то, что их профессия дает возможность достичь признания, уважения и приносит реальную пользу людям, что она интересна и соответствует их способностям и умениям. Однако инструментальные функции своей профессии (что получаемая профессия позволяет обеспечить достойное существование, востребована на рынке труда даже в условиях кризисов, престижна и поможет реализовать жизненные планы) респонденты оценили более осторожно: четверть опрошенных не считает, что их профессия обладает этими свойствами. Какие ценности ориентируют молодежь на поиск и выбор будущей работы? Значимые профессиональные ценности, которые лежат в основе выбора будущей работы — *доход и карьера* (что тоже в сознании людей тесно сопряжено с ростом дохода), — по-прежнему важны

Профориентология личности: учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. 186 с. ; Сыманюк Э. Э. Психологические барьеры профессионального развития личности. Практико-ориентированная монография / Под ред. Э. Ф. Зеера. М. : МПСИ, 2005. 252 с. ; Трудности и перспективы становления профессионала: Сборник научных трудов / под ред. Е. А. Климова. М. : МГУ, 2012. 224 с. ; Урутина Т. М., Агеева Л. Г. Типичные трудности и ошибки при выборе профессии у старшеклассников // Молодой ученый, 2015. № 15. С. 555—558 ; и др.

для молодежи более всего. Вкупе к этому растет значимость возможности занимать высокие посты и должности (с 17 % в 1995 г. до 26 % в 2020 г.), а важность связи работы с новейшими технологиями плавно снижается (с 20 % до 10 %).

Таблица 36

Что для вас самое важное в будущей работе? %

Приоритеты будущей профессиональной деятельности	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Возможность получать большие заработки, высокие доходы	77	80	65	58	56	59	63
Возможность построить карьеру	47	48	41	36	51	51	48
Возможность полнее реализовать свой потенциал	32	35	31	30	30	28	40
Возможность постоянного самосовершенствования	—	—	—	—	—	—	40
Возможность принести пользу людям	32	22	25	28	27	27	34
Хорошие условия труда	—	—	—	—	—	30	33
Творческий, интересный характер работы	56	60					31
Возможность достичь признания, уважения в профессиональном сообществе	34	36	30	33	25	26	30
Самостоятельность, независимость	36	30	19	16	20	15	30
Возможность работать в хорошем, дружном коллективе	51	53	38	33	29	23	28
Возможность занять высокий пост, должность	17	15	14	17	24	22	26
Соответствие работы моим способностям, знаниям, умениям	46	38	40	36	18	13	20
Стабильность занятости	—	—	—	—	—	8	19
Высокий престиж профессии	18	18	17	20	19	17	15
Связь с современной техникой, новейшими технологиями	20	15	15	14	8	5	10

Ориентация студентов на возможности реализовать свой потенциал и самостоятельность усилились в 2020 г., однако творческий характер работы оказался важен сегодня лишь для 31 % студентов, это значительно (вдвое!?) ниже, чем в 1995–2007 гг., когда доля респондентов, разделяющих эту ценность, варьировала в пределах 56–60 %. Кроме того, к последнему этапу мониторинга (с 2016 по 2020 г.) возросла значимость стабильности занятости, возможно, это связано с обострением рисков потери работы и снижения доходов в ситуации пандемии и локдауна.

Тем не менее общая картина ценностных ориентаций студентов, играющих важную роль в выборе будущей работы, указывает на их довольно *утилитарный и прагматичный характер*, более соответствующий *индустриальному* этапу развития общества, нежели *информационному*. Полученные результаты не позволяют говорить о том, что переход от материалистических ценностей к *постматериалистическим* (по Р. Инглхарту), необходимый для успешного экономического и инновационного развития, осуществился даже среди наиболее перспективной и квалифицированной группы российской молодежи — студенчества.

Уточняя особенности современных профессий, респонденты оценивали приоритетные качества современного профессионала (табл. 37).

Таблица 37

Оцените, какие качества современного профессионала вы считаете наиболее важными — в целом по массиву и по полу (2020, % по группам)

Качества	Σ	Муж.	Жен.
Нестандартное мышление	50	49	50
Коммуникативные компетенции, соответствующие международным стандартам	44	42	46
Устойчивая мотивация к труду по полученной специальности	42	42	42
Широкий профессиональный и культурно-нравственный кругозор	42	38	44
Глубокая фундаментальность образования	30	32	29
Интерес и навыки исследовательской деятельности	28	29	27
Навыки профессионального общения на английском языке	25	23	26
Высокая квалификация в сфере прикладных наук	24	28	22
Социально ответственное мировоззрение	20	21	20

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов превышает 100 %. Ответы ранжированы по массиву.

Оценивая «портрет» современного профессионала, «нарисованный» респондентами, можно заключить, что студенты отдают предпочтение более широким и гибким компетенциям, таким как нестандартное мышление, коммуникативные компетенции, высокая мотивация к труду, профессиональный и культурно-нравственный кругозор, нежели узким специальными навыками — общения на английском языке, квалификации в сфере прикладных наук и др., ко-

торые можно при необходимости «добрать» через тренинги, курсы, вебинары и какие-либо еще формы дополнительного образования. Заметно сходство общих очертаний «портрета» в гендерном ракурсе. Различия (очень незначительные) связаны лишь с большим акцентом девушек на коммуникативные навыки, а юношей — на значимость прикладных знаний.

Социально ответственное мировоззрение является для студентов наименее важным качеством профессионала среди оцениваемых (только пятая часть респондентов считает, что это важно). И это, на наш взгляд, очень симптоматично. В ответах студентов прослеживается явление, о котором достаточно часто говорят социологи и обществоведы, характеризуя современное состояние российского социума — его атомизация и разобщенность, неспособность к общественной (не механической, мобилизующейся под влиянием угроз и принуждения, а органической, по Дюркгейму) солидарности. Разговоры о социальной ответственности бизнеса так и остаются разговорами, претензии на социальное государство остаются декларативными заявлениями политиков, консолидация социальной активности в рамках структур гражданского общества чрезвычайно затруднена сегодня из-за подавления и дискриминации этих структур со стороны власти. Атомизация проявляется и на уровне индивидуального сознания: молодежь не готова на себя примерять социальную ответственность, и, соответственно, не считает ее важной при достижении профессионального успеха.

«Портреты» современного профессионала, «нарисованные» студентами разных профилей обучения, различаются сильнее (табл. 38). У *гуманитариев и экономистов* на более высокие места, чем в среднем, выходит широкий кругозор, у первых — это еще и навыки профессионального общения, для *будущих инженеров* большее, чем для других, значение имеет квалификация в сфере прикладных наук, студенты *естественно-научного профиля* «продвигают» фундаментальность образования. Наиболее широкий диапазон оценок по параметрам «высокая квалификация в сфере прикладных наук» (разрыв между крайними оценками в 1,5 раза) и «широкий профессиональный и культурно-нравственный кругозор» (в 1,4 раза).

Важным моментом, характеризующим профессиональное будущее молодых людей как в плане построения ими своей индивидуальной жизненной траектории, так и формирования обобщенного образа будущего социума, являются их *представления об отдаленных*

профессиональных и жизненных целях. Среди опрошенных студентов имеют какую-либо отдаленную (более 5 лет) профессиональную цель почти 40 %, более четверти (26 %) не имеют такой цели и еще 34 % затруднились с ответом, то есть у большинства студенческой молодежи имеются трудности в определении *стратегической профессиональной цели*, а значит, их профессиональное будущее туманно и неопределенно.

Таблица 38

Оцените, какие качества современного профессионала вы считаете наиболее важными — по профилю обучения (2020, % по группам)

Качества	Гуманит.	Соц.-экон.	Математ., естеств., мед.	Техн.
Нестандартное мышление	51	49	46	50
Коммуникативные компетенции, соответствующие международным стандартам	52	43	44	41
Устойчивая мотивация к труду по полученной специальности	42	43	37	43
Широкий профессиональный и культурно-нравственный кругозор	47	44	35	38
Глубокая фундаментальность образования	26	32	37	30
Интерес и навыки исследовательской деятельности	27	25	32	30
Навыки профессионального общения на английском языке	29	25	27	23
Высокая квалификация в сфере прикладных наук	19	22	24	29
Социально ответственное мировоззрение	20	22	19	19

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов превышает 100 %. Сохранено ранжирование по массиву.

Отмеченные студентами профессиональные цели мы условно разделили на две группы: *цели развития*, предполагающие ту или иную самоактуализацию в профессиональной сфере, изменение себя, либо окружающей среды в рамках профессиональной деятельности, и *цели функционирования*, предполагающие достижение и приобретение посредством профессиональной занятости утилитарных атрибутов — денег, статуса, престижа, карьеры, комфортных жизненных, психологических или бытовых условий, стабильности (табл. 39).

Таблица 39

**Отдаленные профессиональные цели, 2020, % от числа ответивших,
что имеют перспективную профессиональную цель**

Цели функционирования	%	Цели развития	%
Иметь высокий уровень дохода	32	Творчески самореализоваться в работе, заниматься интересными проектами	17
Построить карьеру, иметь хорошую должность	10	Состояться как профессионал, добиться высокого уровня профессионализма	10
Иметь стабильную работу, позволяющую содержать семью	2	Достичь желаемого уровня свободы в профессии, располагать собой и своим временем	9
Просто хорошо выполнять свою работу, свои обязанности	1	Добиться успеха в своем бизнесе, успешно реализовать свой бизнес-проект	8
Другое	9	Пользоваться авторитетом и уважением в профессиональном сообществе	2

В принципе, суммарные доли студентов, поставивших перед собой на перспективу цели функционирования или цели развития примерно одинаковы. Основная часть (треть) респондентов преследует своей целью достижение высокого уровня дохода; ориентируются на творческую самореализацию примерно в два раза меньше студентов — один из шести; для определенной части (каждого десятого) приоритетна карьера и достижение высокого уровня профессионализма; небольшая доля студентов (8 %) стремится в будущем реализовать свой бизнес-проект и добиться успеха в бизнесе, т. е. среди поставивших перед собой какую-либо цель (а всего таких, напомним, меньше половины из всех опрошенных), большая часть молодежи стремится к различного рода достижениям, приоритетным из которых ожидаемо является *экономический статус*, что отражает рассмотренную нами выше структуру ценностных ориентаций студентов, в топе которой находятся ценности благосостояния и потребления. Готовых ограничиться в будущем просто стабильной работой, позволяющей содержать семью, добросовестным выполнением рабочих обязанностей, авторитетом коллег и профессионального сообщества совсем немного (не более 2 %).

Для достижения своей цели студенты готовы на многое (табл. 40). На первом месте среди избранных средств достижения цели — *готовность учиться*, так или иначе повышать свой образовательный уровень, учить иностранные языки, получить второе высшее образование. До-

бавим к этому и тех, кто готов освоить новую профессию, переквалифицироваться. И это позволяет сделать вывод, что, по крайней мере, для трети сегодняшних студентов III курса свердловских вузов перспектива непрерывного образования — осознанная необходимость.

Таблица 40

Что вы готовы предпринять для достижения своей цели (2020, % от числа ответивших, что они имеют перспективную профессиональную цель; по каждому параметру учтена доля тех, кто ответил «да»)

Качества	Σ	Муж.	Жен.
Повышать свой образовательный уровень (курсы, тренинги и другие формы обучения)	87	84	89
Выучить иностранный язык	76	75	77
Тяжело работать, тратить много сил и энергии, работать сверх положенного времени	71	64	77
Поменять несколько мест работы, организаций пока не найду то, что устроит	63	61	65
Первое время работать на малооплачиваемой работе, набираться опыта	62	58	65
Освоить новую профессию, переквалифицироваться	61	57	63
Получить второе высшее образование	53	49	56
Отложить создание семьи, рождение детей на более поздний срок	51	49	53
Поступиться, если потребуется, своими моральными принципами	24	27	21
Терпеть несправедливость и плохое отношение начальства	11	14	9

Распространена и готовность работать — тяжело и сверх положенного времени, на малооплачиваемой работе, чтобы набраться опыта. Однако в ответах респондентов нужно видеть и предпосылки на перспективу неустойчивости трудоустройства молодых специалистов — слишком велика готовность менять места работы. Получает распространение и другая готовность — отложить создание семьи и рождение детей на более поздний срок (более того — девушки отмечали такую готовность чуть чаще).

Готовность поступиться, если потребуется, своими моральными принципами и согласие терпеть несправедливость и плохое отношение начальства ради достижения своей цели ушли в самый низ рангового ряда. И это, конечно, позитивный момент, если не подчеркивать,

что эти параметры выбрали отнюдь не единицы (особенно — среди юношей).

Таким образом, судя по результатам опроса студентов третьекурсников Екатеринбурга, профессиональное будущее российской молодежи обозначено довольно противоречивыми тенденциями. Исходя из того, что тенденции будущего вызревают в настоящем и даже прошлом, мы проанализировали ретроспективную мотивацию поступления в вуз. И анализ показал, что студенты руководствовались как внутренними мотивами интереса к профессии, так и внешними стимулами: получением диплома, возможностью поступления на бюджет, прохождения по баллам ЕГЭ и др. Учитывая невысокий уровень информированности о будущей профессии на момент выбора вуза, трудно сказать, насколько такая конфигурация мотивов в будущем определит удовлетворенность сделанным выбором и поможет найти студентам свою профессиональную идентичность. В принципе, большая часть третьекурсников довольна выбором вуза и профессии (хотя, как мы выяснили, эти показатели варьируют в зависимости от конкретного вуза и профиля обучения). Однако уже сейчас существенная часть студентов повторно не выбрала бы получаемую профессию, если бы у них имелась такая возможность.

Оценивая ответы респондентов в динамике с 1995 г., мы отмечаем рост роли внешних детерминант в поведении молодежи — усиление мотивов достижения высоких социально-статусных позиций, возможности поступления на бюджет или согласно набранным баллам ЕГЭ и снижение роли внутренних мотивов, таких как осознание своих способностей, склонностей к профессии. Профессиональное самоопределение как поиск своей профессиональной идентичности зачастую подменяется попытками вписаться в социальную и социально-профессиональную иерархию, достичь статуса, определенной позиции. В контексте тренда на размывание этих позиций в современном нестабильном обществе, перехода от профессиональной среды с вертикальными иерархичными структурами к среде, где более значимую роль играют гибкие горизонтальные связи, выглядит не особо перспективным и потенциально может быть чревато для молодых людей как кризисом профессиональной идентичности, так и дезадаптацией к меняющимся условиям социальной жизни.

По-прежнему (с 1990-х гг.) для студентов характерна прагматизация ценностного сознания, обуславливающая соответствующую кон-

фигурацию мотивов и критериев выбора будущей работы, а именно доминирование в структуре профессионально значимых ценностей дохода и материального благополучия, что определяет и основные долгосрочные профессиональные цели Екатеринбургских студентов. Исследование выявило дисфункциональность профессионального самоопределения, обусловленную институциональными сбоями, нерешенностью социально-экономических и гражданско-политических проблем молодежи и общества в целом, которые находят отражение в сознании и поведении молодых людей. Эта дисфункциональность проявляется в отсутствии стратегического планирования своего профессионального будущего с учетом актуальных тенденций у более половины опрошенных, определенной узости и утилитарности жизненных целей у тех, кто все-таки пытается их поставить перед собой, размывании «моральных пределов» действия (допустимости нарушения моральных и нравственных норм при определенных условиях), неготовности принимать на себя социальную ответственность в профессии.

В то же время мы видим и позитивные моменты, связанные с ориентациями и установками молодежи, — готовность учиться и переучиваться, осваивать новые профессии, желание творчески самореализоваться и саморазвиваться в профессии — у существенной части студенчества. Задача власти, привлекая и стимулируя бизнес-структуры и структуры гражданского общества, — создавать нужные условия и тем самым расширять возможности молодежи реализовывать свои жизненные цели и намерения, профессиональный и инновационный потенциал.

7. Трансформации рынка труда и перспективы трудоустройства выпускников вузов

Даже если вы не хотите принимать решение, на самом деле вы его уже приняли. Вы решили, что все должно оставаться по-старому.

Бодо Шефер

Особенность профессионального самоопределения студентов III курса состоит не только в оценке уже совершенного выбора университета и специальности, но и в построении *профессиональных планов на будущее*, «примеривании» к рынку труда, получении первого опыта профессиональной деятельности. В современной социологии первичный вход молодежи на рынок труда рассматривается как острая проблема не только самой изучаемой группы, но и общества в целом¹. О возрастающем интересе социологов к этой проблеме говорит исследование сотрудников Государственного академического университета гуманитарных наук (рук. М. К. Горшков) «*Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе*» (2017–2019)². Общую картину на федеральном уровне наш монито-

¹Черныш М. Ф. Поиск работы по неформальным каналам как социальной дифференциации в молодежной среде // Информационно-аналитический бюллетень. 2019, № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 21–38.

²Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении // ИНАБ №2–2017/М.К. Горшков[идр.]; отв. ред. М. К. Горшков. М.: Ин-т социологии ФНИСЦ РАН, 2017. 129 с.; Молодежь: конструирование трудовой биографии / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. М. К. Горшков. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. 148 с.;

ринг детализирует и конкретизирует на уровне важного индустриального региона — Среднего Урала — применительно к одной из самых ресурсных групп молодежи — студенчества.

Высшее профессиональное образование ценится молодежью из-за возможности получить в будущем интересную и высокооплачиваемую работу, из-за понимания того факта, что молодые люди не найдут хорошую работу с высокой зарплатой без надлежащего образования¹. В условиях глобализации такой подход становится присущим студентам разных стран. В этом плане характерны итоги недавнего опроса Международной организации *Chegg.org* (более 16 тыс. студентов из 21 страны мира): «Основная мотивация — это возможность получить желаемую работу. Каждый пятый из опрошенных считает, что высшее образование расширяет перспективы трудоустройства. Столько же уже знают, какую карьеру хотят сделать и что это невозможно без степени бакалавра или магистра. 14 % думают об увеличении уровня заработка после завершения университета. В целом студентов с такой мотивацией больше половины»².

Применительно к России еще в середине 2010-х гг. Д. Л. Константиновский зафиксировал, что наша «молодежь предпочитает поступление в вузы другим вариантам образовательной траектории, это относится к детям из семей с различным социально-профессиональным статусом родителей»³.

По данным Евростата⁴, в то время как молодые люди в последние годы сталкиваются с растущими трудностями при переходе от образо-

Социальная адаптация молодежи на рынке труда // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ), 2019, № 4. 132 с.

¹ Молодежь: конструирование трудовой биографии / М. К. Горшков [и др. ; отв. ред. М. К. Горшков. М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. 148 с. ; Голубев И. А. Образовательный потенциал современной студенческой молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015, № 5. С. 68–73 ; Образовательные и карьерные стратегии студентов старших курсов российских вузов. Информационный бюллетень. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. 52 с.

² Опрос студентов: 7 % учатся в университетах, потому что так хотят родители. Освіторія: [сайт]. URL: <https://osvitoria.media/ru/opinions/shho-dumayut-studenty-pro-suchasnu-osvitu-2/> (дата обращения: 13.05.2021).

³ Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015, № 11. С. 37–48.

⁴ Eurostat. Your key to European statistics. Статистическая служба Европейского Союза. Евростат : [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 01.05.2021).

вания к работе, выпускники высших учебных заведений зафиксировали самые высокие показатели трудоустройства. Их показатели выше, чем показатели занятости для выпускников с общей или профессиональной квалификацией почти во всех странах ЕС.

По данным выборочного наблюдения трудоустройства российских выпускников, проведенного Федеральной службой государственной статистики, данных общероссийской базы вакансий «Работа в России» и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, чем выше уровень образования выпускников, тем более выгодное положение на рынке труда они занимают (тем выше уровень занятости и ниже уровень безработицы)¹. Зарботная плата выпускников вузов в среднем на 22 % превышает заработную плату выпускников программ СПО. Отмеченная достаточно устойчивая ориентация молодежи на высшее образование четко проявляется и на характере рабочей силы, определяя довольно высокую долю лиц с высшим образованием в общей численности занятых в РФ (рис. 24).

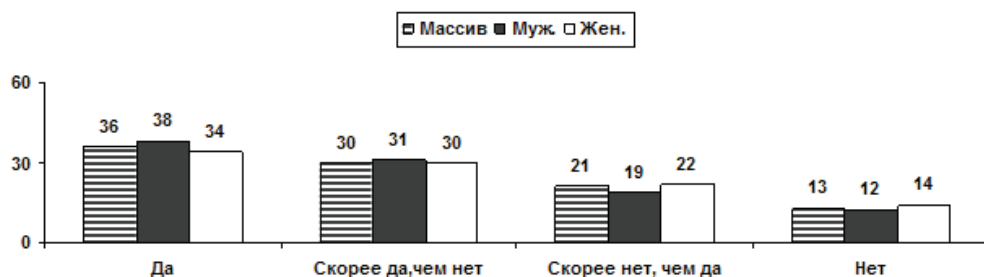

Рис. 24. Доля лиц с высшим образованием среди занятых в РФ в 2017–2019 гг. в целом и по полу²

Оценивая процессы интеграции молодежи в социально-трудовую сферу общества, нужно принимать во внимание особенности и вызовы современного рынка труда, как общемировые тенденции, связанные с активным распространением цифровых технологий, условиями и последствиями пандемии, так и специфические российские

¹ Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда : информационный бюллетень / М. В. Лопатина, Л. А. Леонова, П. В. Травкин [и др.]. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 18, 34.

² Российский статистический ежегодник — 2020. С. 126. Демоскоп : [сайт]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2021/0889/biblio03.php> (дата обращения: 05.09.2021).

проблемы занятости. В международной практике до сих пор не сложилось общепринятое определение цифровой экономики. В нормативно-правовых документах цифровая экономика определяется как хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде¹. Для целей статистического измерения развития цифровой экономики исследователи предлагают определять цифровую экономику как деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг, а цифровые технологии как технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде². По оценкам международной компании *The Boston Consulting Group* (BCG), специализирующейся на управленческом консалтинге, к 2025 г. от 9 до 50 % всех существующих в настоящее время профессий могут измениться/исчезнуть, а 19 % всех рабочих могут быть на 81 % замещены роботами³. В этих условиях стоит прислушаться к мнению Т. Коуэна о необходимости «изменения конфигурации образовательных систем, чтобы подготовить молодежь физически и психологически к будущему, определяемому безжалостной конкуренцией за все более дефицитные рабочие места и ресурсы»⁴.

Цифровизация трансформирует существующие рабочие места, требуя от работников новых навыков для выполнения новых задач, которые вызывают необходимость постоянного повышения квалификации, обретения новых знаний на протяжении всей жизни, навыков в пользовании новым программным обеспечением, новыми технологически-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Информационно-правовой портал Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 30.04.2021).

² Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: доклад к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества (Москва, 9–12 апр. 2019 г.) / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг [и др.]. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 13.

³ См.: Россия 2025: от кадров к талантам. Маркетинг для практиков : [сайт]. URL: <http://marketing-course.ru/wp-content/uploads/2017/11/Sberbank-BCG-issledovanie> (дата обращения: 30. 04.2021).

⁴ Cowen T. *Average is Over: Powering America Beyond the Age of the Great Stagnation*. New York: Dutton Adult, 2013. 304 p. P. 24 ; Коуэн Т. Среднего более не дано. Как выйти из эпохи Великой стагнации / пер. с англ. А. Матвеевко, ред. Е. Попова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.

ми процессами — автоматизированными и роботизированными. Такие трансформации требуют быстрого переобучения работников или их замены работниками, которые уже имеют соответствующие знания и умения. В последние годы цифровизация также привела к появлению такой нетипичной занятости, как работа на основе интернет-платформ (например, водители, работающие на платформе *Uber*, Яндекс-такси и т. п.). Возник термин «*работник платформы*»¹, используемый для обозначения тех физических лиц, которые предлагают свой труд на интернет-платформе. В большинстве российских и зарубежных источников подчеркивается, что в настоящий момент происходит смена поколений работников, меняются представления работников об «идеальном месте работы», увеличиваются их требования к работодателям. Кроме того, по наблюдениям HR-практиков, успех в карьере больше не определяется рамками «одной профессии», гораздо большее значение имеют различные «опыты» и способности к постоянному обучению.

Дискуссия о *депрофессионализации* или *транспрофессионализме* в последние годы — под влиянием цифровизации (и экономики, и образа жизни в целом) — получает новое направление — *навыки вместо профессии*: «Человечество достаточно быстро приспосабливается к технологическим укладам. С одной стороны, создается новое качество жизни, с другой — рождаются новые виды деятельности. Однако в этом контексте имеет смысл вести речь не столько о профессиях, в которые можно будет «сбежать» и «надежно спрятаться», сколько о наборе конкретных навыков, освоив которые работники смогут закрепить в той или иной деятельности будущего и быть востребованными»².

При этом в характеристике самих навыков акцент смещается с *навыков «жестких»* (англ. *hard skills*), связанных с конкретными объектами, областями деятельности, основанные на предметных знаниях, умениях», на развитие *soft skills* («*гибких*», «*мягких*» *навыков*)³, которые

¹ Костенко Е. П. Современные тренды в управлении персоналом: отечественный и зарубежный опыт // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). Vol. 9, N. 4. 2018. С. 119–120.

² Уразов Р. Навыки вместо профессий: как изменится российский рынок труд // РБК. Мнение. 18.10.2017: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/business/18/10/2017/59e75a959a794776fde701b7> (дата обращения: 23.04.2021).

³ Отмечается разнообразие их определений: *employability skills* (навыки для трудоустройства), *people skills* (навыки общения с людьми), *non-professional skills* (непро-

взаимосвязаны с личностными качествами и ценностными установками, а не с конкретной предметной областью (неспециализированные, *надпрофессиональные навыки*). Они обеспечивают успешность и высокую эффективность деятельности (учебной, производственной и пр.), в том числе в незнакомой, меняющейся среде. Это — умение «ориентироваться в мире информации, мыслить критически, выстраивать коммуникацию, сотрудничать, принимать решения, учиться и переучиваться и пр.»¹. Ученые из Гарварда, Стэнфорда и Фонда Карнеги выяснили, что «гибкие навыки» — это 85 % успеха человека в профессии, жесткие составляют только 15 %².

Наряду с общемировыми тенденциями изменений структуры занятости на положение российской молодежи определенное влияние оказывает продолжающаяся трансформация социальных институтов и практик и, как следствие, сохранение *транзитивного состояния* российского социума³. Ведущие российские исследователи отмечают такие его значимые характеристики: антиномичность общественного сознания, проявляющуюся в сосуществовании в обществе противоположных ценностей и моделей поведения (Ж. Т. Тощенко); усиление рисков социальной интеграции молодых людей, связанное с ее

фессиональные навыки), *key skills* (основные навыки), *skills for social progress* (навыки для социального развития), *навыки XXI-го века*; *life skills* (жизненные навыки) (См.: Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 3. С. 350–363. С. 350–351).

¹ Ермаков Д. С. Персонализированная модель образования: развитие гибких навыков. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/personalizirovannaya-model-obrazovaniya-razvitiye-gibkih-navykov> (дата обращения: 01.08.2021). См.: Жилин Д. М. Инструктивизм и конструктивизм — диалектически противоположные стратегии обучения // Педагогика. 2011, № 5, С. 26–36; Жилин Д. М. Навыки XXI века и наука XXI века — противоречие или соответствие? // Естественнонаучное образование: взгляд в будущее. М.: Издательство МГУ, 2016. 240 с. С. 76–90; Петров А. Ю., Махароблидзе А. В. Soft skills современного менеджера: командообразование и лидерские навыки. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 188 с.; Matteson M. L., Anderson L., Boyden C. Soft Skills: A Phase in Search of Meaning // Portal: Libraries and the Academy. 2016. Vol. 16, № 1. P. 71–88.

² Soft skills — 85 % успеха в профессии. Как их прокачать — советы из Гарварда. URL: <https://clck.ru/YZ8gb> (дата обращения: 01.08.2021).

³ См.: Пасовец Ю. М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2019. Т. 12, № 4, С. 183–199.

неопределенностью, асимметричностью и альтернативной направленностью (Ю. А. Zubok, В. И. Чупров); увеличение социальных дистанций между социальными слоями и группами в обществе, приводящее к напряжениям социального пространства и затрудняющее социальную мобильность (Л. А. Беляева)¹.

Сохранение этих особенностей социума увеличивает вероятность дисфункциональных проявлений занятости молодежи: распространение неформальной занятости, дискриминации прав работников, ослабление уверенности в своем положении на рынке труда, Исследователи обнаруживают ослабление у российской молодежи уверенности в своем положении на рынке труда, увеличение числа тех, кто готов к работе без оформления письменного трудового договора и на невыгодных условиях². Сказываются противоречивые тенденции в «мире профессий» (усиление внутрипрофессиональной дифференциации, возможно, даже до уровня, когда она начинает превышать межпрофессиональную и межотраслевую³) и во взаимосвязи рынка труда и профессионального образования («формальный уровень образованности работников в среднем повышается быстрее, чем того требуют нужды рынка труда»⁴).

Оценивая воздействие пандемии на занятость, нужно заметить, что российский рынок труда сохранил относительную стабильность в сравнении с западными странами. Удалось избежать резкого скачка безработицы, в том числе в результате мер поддержки, принятых Правительством РФ. Спад числа вакансий и рабочих мест больше всего отмечался в следующих отраслях: фитнес и индустрия красоты, автомобильный бизнес, транспорт (ограничение работы общественного транспорта, авиарейсов и железнодорожного транспорта). Соответственно, рост спроса на труд появился лишь по тем направлениям,

¹ См.: Пасовец Ю. М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2019. Т. 12, № 4, С. 183–199.

² Козырева П. М., Смирнов А. И. Российская молодежь на рынке труда в условиях экономического кризиса // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 15. М. : Новый хронограф. 2017. С. 49–71.

³ Н. Е. Тихонова. См.: Демиденко С. Ю. Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола») // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 25–43. С. 26.

⁴ Титаренко Л. Г. Новые и старые проблемы качества образования в Беларуси // Социология. 2014. № 2. С. 104–112.

в которых можно работать удаленно: наука, образование, Интернет, телеком, маркетинг, реклама, юриспруденция, банки, инвестиции¹. Переход на дистанционную работу был характерен в первую очередь для крупных городов и предприятий бюджетной сферы. Аналитики сервисов по поиску работы и подбору сотрудников прогнозируют *сохранение спроса на дефицитных специалистов: медиков, квалифицированных рабочих, строителей, сотрудников ИТ-сферы*. Кризис приносит и положительные изменения на рынке труда. Прежде всего это распространение удаленных форм занятости, развитие новых технологий организации бизнес-процессов, использование новых цифровых и управленческих технологий в области коммуникации, защиты данных, организации работы. В обозримом будущем всем компаниям предстоит двигаться в сторону цифровизации, ибо рынок труда уже никогда не будет прежним.

В 2020 г. на региональном рынке труда Екатеринбурга *уровень безработицы* подскочил почти в 12 раз в сравнении с предыдущим годом. Такого количества безработных не было с начала 1990-х. По данным *Superjob*², лишь в 35 % случаев от общего числа тех, кто реально ищет работу, стоят на учете в центре занятости. В результате опроса более 150 работодателей, проведенного крупнейшей российской компанией в сфере интернет-услуг по поиску работы *HeadHunter*, было выяснено, что в 2020 г. каждая десятая компания планировала сократить персонал вследствие неблагоприятной финансово-экономической ситуации и доходности бизнеса.³ На начало апреля 2021 г. на рынке труда Свердловской области уровень регистрируемой безработицы был 3,31 % (на 1 апреля 2020 года — 1,06 %), а уровень общей безработицы составил 5,1 % (на 1 марта 2020 года — 4,3 %)⁴. Начинают все сильнее сказываться и последствия «демографической ямы» в 1990-х гг. (к ко-

¹ Макарова Е. С. Трансформация рынка труда в условиях пандемии // Наука без границ. 2021. № 1 (53). С. 36. URL: <https://nauka-bez-granic.ru/No-1-53-2021/1-53-2021/> (дата обращения: 02.08.2021). For citation: Makarova E. S. Transforming the labor market in the context of a pandemic // Science without borders, 2021, № 1 (5), PP. 36–41.

² Основатель Superjob Захаров дал совет по поиску работы в 2021 г. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-69676741.html (дата обращения: 02.08.2021).

³ Бондаренко Н. Е. Российский рынок труда в условиях пандемии // Инновации и инвестиции. 2020. № 7. С. 63–69.

⁴ Занятость и безработица в Свердловской области. 2021. № 3. Интерактивный портал Департамента по труду и занятости населения Свердловской области. URL: <https://www.szn-ural.ru/content/> (дата обращения: 05.08.2021).

торым в 2020 г. добавились и последствия пандемии). За 2020 г. число трудоустроенных россиян снизилось на 1,65 млн человек, из них 1,01 млн — молодые работники в возрасте до 30 лет. Причем количество молодых сотрудников в России сокращалось и раньше: в 2017 г. — на 512 тыс. человек, в 2018 г. — на 839 тыс., в 2019 г. — на 849 тыс.¹.

Влияние изменившейся ситуации на рынке труда не могло не повлиять на профессиональные планы будущих выпускников, нынешних третьекурсников (табл. 41).

Таблица 41

Профессиональные планы выпускников (в % от числа опрошенных)

№	Профессиональные планы	2016	2020
1	Работать по специальности	34	40
2	Работать не по специальности	6	5
3	Продолжить образование (магистратура, второе высшее)	21	20
4	Учиться в аспирантуре, заниматься наукой	1	1,2
5	Основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством	14	12
6	Посвятить себя дому, семье, не работать	1	0,7
7	Поехать за границу работать или учиться	6	8
8	Работать фрилансером (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов)	1	6
9	Еще нет никаких планов на будущее	8	8

Прежде всего отметим, что большинство студентов профессиональные планы имеют. Планируя будущую занятость после окончания обучения, два из пяти (а в 2020 г. почти каждый второй) опрошенных третьекурсников предполагают получить статус наемных работников, и лишь один из пяти респондентов планирует трудиться в статусе самозанятого, в том числе 12–14 % респондентов собираются заняться предпринимательством, а 6 % хотели бы работать как фрилансеры, самостоятельно искать и реализовывать услуги, проекты (при все еще малой доле их отметим рост за четыре года).

Российская система образования перешла на *компетентностный подход*, что означает переход на *обучение по направлениям подготовки*. Поэтому понятие *работа по специальности* становится не в полной

¹ Цветкова Н. Кадры стареют: в России все меньше молодых работников, и это плохо // Комсомольская правда. 14 апреля 2021. URL: <https://www.kp.ru/daily/27265/4398222/> (дата обращения: 01.10.2021).

мере соответствующим новым реалиям, точнее говорить *о соответствии работы уровню квалификации*. Получить работу, соответствующую уровню квалификации, в 2020 г. планируют не 34 %, как в 2016 г., а до 40 % третьекурсников. Анализ статданных позволяет сделать вывод, что реальное число выпускников, выбирающих работу по профилю подготовки, больше планируемого. К старшим курсам, к выпуску их число увеличивается. Так, в 2016 г., по данным Росстата, 53 % недавних выпускников российских вузов работали *по специальности*, при этом 52 % работали по специальности и на первой работе после окончания вуза. Еще 13 % работают, скорее, по специальности. Скорее, не по специальности работают 5 % выпускников. При этом 28 % выпускников, или около 2,5 млн человек, работают по профессии, которая никак не связана с полученным образованием¹.

Каждый пятый из числа опрошенных третьекурсников, как и четыре года назад, планирует продолжить образование в магистратуре. Посвятить себя научной деятельности, поступить в аспирантуру предполагают единицы (чуть более 1 %), чаще других это студенты естественнонаучного профиля подготовки.

Отличия в профессиональных планах *по полу* не существенны: чуть более явно выражено желание основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством у мужчин, а работать как фрилансер — у женщин. По профилю подготовки отличий чуть больше: по направлению подготовки готовы работать экономисты и «технари», среди них многие планируют заняться предпринимательством. По данным Росстата, на практике чаще всего трудоустраиваются по специальности студенты медицинских и педагогических вузов. Это связано в первую очередь с тем, что во время обучения они приобретают набор специфических навыков, которые трудно применить в других сферах занятости².

Интересна взаимосвязь профессиональных планов с типом поселения студента до вуза: выше среднего уровня стремление работать по специальности у жителей крупных городов и особенно — у жителей сел и ПГТ (45 %); больше нацелены на продолжение образова-

¹ Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда : информационный бюллетень / М. В. Лопатина, Л. А. Леонова, П. В. Травкин [и др.]. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 22–46. С. 35.

² Там же.

ния — в сравнении с другими группами — жители малых и средних городов. У жителей сел и ПГТ в 1,5 раза выше среднего доля тех, кто еще не имеет профессиональных планов.

Среди ресурсов, которые студенческая молодежь планирует задействовать для реализации своих планов на рынке труда, первое место по значимости занимает получаемое профессиональное образование и способности, личностные качества (характер, кругозор, трудолюбие, обучаемость, а также собственные связи, знакомства, умение налаживать контакты (табл. 42).

Таблица 42

**Оценка ресурсов, способствующих реализации профессиональных планов,
2016–2020 г., % ответивших**

№	Варианты ответов	2016	2020
1	Полученное образование (знания, навыки по профессии)	65	71
2	Мои способности, личностные качества (характер, кругозор, трудолюбие, обучаемость)	54	70
3	Собственные связи, знакомства, умение налаживать контакты	30	39
4	Прохождение практики на предприятии, в организации	19	30
5	Дополнительные виды обучения (бизнес-школы, курсы, образовательные программы т. п.)	10	24
6	Диплом, репутация вуза	19	21
7	Материальная поддержка родителей, родственников	10	12
8	Связи родителей, родственников	22	9
9	Участие в научной работе во время учебы в университете	4	6
10	Система гарантий, льгот для молодежи	4	3
11	Программы академической мобильности студентов	2	3
12	Работа в инновационных предприятиях при вузе	2	3

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов превышает 100 %; ранжирование по 2020 г.

Роль этих ресурсов в 2020 г. оценивается выше, чем четыре года назад, до пандемии. На треть выросла оценка значимости личных способностей. Полученные данные подтверждаются выводами авторов исследования «Молодежь на рынке труда: стратегии профессионализации и занятости молодежной когорты в современном российском обществе». Было установлено, что коммуникативные компетенции и навыки молодежи становятся стратегическим преимуществом на рынке труда и помогают выдерживать высокий уровень конкуренции при тру-

доустройстве, являются залогом получения работы с более высоким потенциалом и ресурсным преимуществом¹.

Для развития, наращивания этих преимуществ, расширения кругозора будущих выпускников увеличивается востребованность дополнительных видов обучения (бизнес-школы, курсы, образовательные программы т. п.). В условиях активного развития дистантного образования, массовых открытых онлайн-курсов (МООК) возможности прохождения дополнительных курсов значительно расширились. По данным опроса 2020 г. значимость этих ресурсов выросла в два раза, самая высокая востребованность наблюдается у студентов-гуманитариев.

В полтора раза выросло значение производственной практики, особенно она важна для «технарей» и естественников. На ответы будущих врачей повлияло активное участие студентов-медиков в практической работе по борьбе с пандемией². По «технарям» этот вывод подтверждается данными опросов студентов инженерных профилей подготовки УрФУ³. Среди факторов, оказывающих влияние на качество профессиональной подготовки, приоритетная ценность для будущих инженеров — практикоориентированность инженерной подготовки.

Стоит обратить внимание на еще одно значимое изменение оценок возможных ресурсов будущего трудоустройства — сокращение в два раза доли студентов, *рассчитывающих на связи родителей и родственников*. Исследование роли неформальных социальных связей при трудоустройстве студентов как проявление социальной дифференциации в студенческой среде позволило выявить ряд особенностей перехода к занятости будущих специалистов. Первая особенность вполне прогнозируема: молодые люди, имеющие протекцию, устраивающиеся на работу при поддержке друзей или родственников, сталкиваются с заведомо меньшим числом барьеров при поиске работы и прохождении предварительных процедур, чем те, кто ищет работу самостоя-

¹ Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда : информационный бюллетень / М. В. Лопатина, Л. А. Леонова, П. В. Травкин [и др.]. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 22–46.

² Мурашко назвал число студентов-медиков, помогающих в борьбе с COVID-19 // РИА Новости 01.12.2020 : [сайт]. URL: <https://ria.ru/20201201/studenty-1587159037.html> (дата обращения: 21.12.2020).

³ Воспроизводство кадров для инновационной экономики: компаративный анализ : монография / под общ. ред. Л. Н. Банниковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 235 с. С. 137–138.

тельно¹. Но одновременно выяснилось, что выпускники, получившие работу через неформальные социальные связи, чувствуют себя менее удовлетворенными работой, условиями труда и возможностями профессионального роста. В группе работников, трудоустроенных через друзей и знакомых, беспокойство относительно потери работы выше, чем среди их сверстников, получивших работу другим образом². И наконец, далеко не всегда неформальные каналы трудоустройства обеспечивают преимущество в доходах. Важно сочетание социальных связей и культурного капитала семьи: чем выше культурный капитал семьи, тем больше вероятность того, что ее система социальных связей более эффективна в плане обеспечения следующему поколению выгодных стартовых позиций на рынке труда³.

Сохраняются низкие оценки значимости для успешного трудоустройства таких ресурсов, как *система гарантий льгот для молодежи, участие в программах академической мобильности студентов*. Однако академическая мобильность важна для приобретения опыта в иных академических и социальных условиях, что создает предпосылки для более широкой профессиональной мобильности и востребованности на рынке труда. Проблема совершенствования программ академической мобильности остается весьма актуальной для российских университетов. Тормозит ее развитие отсутствие стратегии поддержки академической мобильности на национальном уровне, неготовность студентов нести расходы в период пребывания в зарубежном вузе, языковые барьеры⁴. Только 6 % респондентов в качестве перспективного ресурса формирования профессиональной карьеры рассматривают участие в научной работе во время учебы в университете, всего 1 % планирует поступление в аспирантуру. Серьезнее других

¹ Черныш М. Ф. Поиск работы по неформальным каналам как фактор социальной дифференциации в молодежной среде // ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 21–38. С. 34.

² Креховец Е. В., Шпилев Д. А. Роль неформальных социальных связей при трудоустройстве студентов и выпускников // Социологические исследования, 2020. № 8. С. 78–89.

³ Черныш М. Ф. Поиск работы по неформальным каналам как фактор социальной дифференциации в молодежной среде // ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 21–38. С. 34.

⁴ Воспроизводство кадров для инновационной экономики: компаративный анализ : монография / под общ. ред. Л. Н. Банниковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 235 с. С. 134–135.

этот ресурс оценивают студенты естественнонаучного направления подготовки.

Наличие прожективных профессиональных планов, оценка ресурсов, необходимых для реализации этих планов, не позволяют с уверенностью утверждать о наличии *сформированной образовательной стратегии* у большинства (почти у 2/3) респондентов. Образовательная стратегия как устойчивая линия поведения индивида предполагает наличие перспективной образовательной цели, на основе которой и осуществляется реальный выбор средств для ее достижения. Наличие такой цели отметили 42 % респондентов. Каковы же эти цели, показывает табл. 43.

Таблица 43

Студенты о перспективной профессиональной цели (в % к числу отметивших наличие перспективной профессиональной цели; 2020, N = 843)

Варианты ответа	Σ	Муж.	Жен.
Получить работу, позволяющую иметь высокий уровень дохода	32	33	30
Творчески самореализоваться в работе, заниматься интересными проектами	17	14	21
Построить карьеру, иметь хорошую должность	10	10	11
Состояться как профессионал, добиться высокого уровня профессионализма	10	10	9
Достичь желаемого уровня свободы в профессии, располагать собой и своим временем	9	8	10
Добиться успеха в своем бизнесе, успешно реализовать свой бизнес-проект	8	8	7
Пользоваться авторитетом и уважением в профессиональном сообществе	2	4	1
Иметь стабильную работу, позволяющую содержать семью	2	2	2
Просто хорошо выполнять свою работу, свои обязанности	1	2	1

Примечание. Ранжировано по массиву.

Студенческая молодежь мало верит в профессионализм как гарант жизненного успеха. Только один из пяти респондентов указал в качестве отдаленной профессиональной цели «состояться как профессионал, добиться высокого уровня профессионализма» и, более того, «достичь желаемого уровня свободы в профессии, располагать собой и своим временем». На наш взгляд, столь скромные оценки профессионализма (часто воспринимаемого не столько как накопление ком-

петенций, а как развитие в рамках профильного формального образования) в качестве канала достижения жизненного успеха, связано с тем, что сегодня наличие профильного профессионального образования не является гарантом занятости. Один из пяти-шести опрошенных, чаще девушки-гуманитарии, планируют заниматься интересными проектами, творчески самореализовываться, совсем не обязательно в выбранном профессиональном поле.

Для половины опрошенных *трудовая деятельность* является инструментальной ценностью, труд воспринимается как способ удовлетворения потребностей, лежащих вне сферы трудовой деятельности, в первую очередь, как способ достижения материального достатка. Каждый третий респондент планирует получить доходную работу, еще пятая часть респондентов в качестве основной профессиональной цели указала получение хорошей должности, успешный бизнес и стабильность занятости.

На наш взгляд, сложно ожидать от студентов III курса приверженности выбранной профессии, наличия оформленной образовательной стратегии в условиях, когда у четверти из них еще не сделан окончательный профессиональный выбор, половина респондентов сделала такой выбор на выходе из школы, при выборе профильных дисциплин для сдачи ЕГЭ. Практически все респонденты — вчерашние школьники без опыта работы. В период обучения половина респондентов не работала (52 %), еще для трети (32 %) характерна неустойчивая, нерегулярная, скорее, *прекарная занятость*¹, чаще всего не связанная с получаемой профессией. Лишь один из шести респондентов (17 %) работал до пандемии постоянно. В условиях эпидемии неустойчивость студенческой занятости усилилась: четверть студентов, имевших работу до пандемии, потеряла ее, так как ухудшились условия и режим работы или работодатель отказался от услуг (табл. 44).

В процессе проведенного мониторинга была зафиксирована устойчивость недостаточной связи работы с осваиваемой в вузе профессией: лишь у одного из шести работающих студентов она полностью связана, у каждого четвертого эта связь есть, но лишь частичная. В большей

¹ Голиусова Ю. В. Прекарная занятость молодежи (по результатам социологических исследований) // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие : сборник статей Международного форума Будущее сферы труда: достойный труд для всех (Уфа, 4–5 февраля 2019 г.) / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа : Мир Печати, 2019. С. 184–188.

степени постоянную работу имеют студенты, обучающиеся по техническим специальностям, а временную работу — студенты социально-экономического профиля. Выводы VII этапа мониторинга справедливы и для ситуации 2020 г. Студенческую занятость можно рассматривать только лишь как получение практики поиска работы на реальном рынке труда, как приобретение определенного социального опыта какой-либо занятости, но не как приобщение к профессии, которое ведет к усилению конкурентных позиций среди профессионалов на рынке труда¹.

Таблица 44

Насколько работа связана с профессией (в % от числа опрошенных, отметивших, что они совмещали учебу с постоянной или нерегулярной работой)

Варианты ответов	2016	2020
Не связана	54	50
Связана частично	25	28
Связана	19	16
Не могу сказать определенно, нет ответа	2	6

Все чаще исследователи делают выводы о *девальвации* роли опыта *вторичной занятости* обучающихся как их конкурентного преимущества в сфере социально-трудовых отношений; непродуктивности выполняемой работы для профессионализации у большинства работающих студентов. Включение в трудовую деятельность одновременно с осуществлением учебной деятельности предполагает более высокую физическую и психологическую нагрузку на студенческую молодежь, что нередко приводит к снижению учебной успеваемости. В случае несовпадения профиля получаемого образования и имеющейся работы возможна потеря интереса к осваиваемой в учебном заведении профессии, девальвация ее личной ценности для студента².

Несмотря на отсутствие у части студентов осознанной образовательной стратегии³, сформированной отдаленной профессиональной

¹ Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 904 с. С. 373–374.

² Пасовец Ю. М. Вторичная занятость студентов как фактор профессионализации и социальной интеграции молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 4. С. 183–199.

³ Варшавская Е. Я. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространенность и эффективность // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 56–66.

цели, практически все респонденты имеют представления о тех *проблемах*, с которыми им предстоит столкнуться в скором времени: о способах трудоустройства, требованиях будущего работодателя (табл. 45).

Таблица 45

Оценка способов трудоустройства (в % к опрошенным)

Варианты ответов	2016	2020
Продолжение работы там, где проходил(а) практику или работал(а) во время обучения	53	62
Самостоятельный поиск вакансий и размещение резюме в Интернете	35	53
Рассылка резюме по организациям	27	40
Помощь родителей, знакомых, друзей	42	38
Распределение выпускников	37	35
Молодежные биржи труда, ярмарки вакансий, дни карьеры	24	28
Целевая подготовка по заказу предприятия	31	26
Обращение в кадровые службы предприятий	17	18
Обращение в службу занятости	11	12
Обращение в кадровое агентство	8	12

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов превышает 100 %; ранжирование по 2020 г.

Выбор тех или иных каналов выхода на рынок труда во многом схож со студенческими оценками своих ресурсов. Оценка выбираемых способов трудоустройства позволяет сделать вывод о сохранении несформированности *института трудоустройства* выпускников. Институт трудоустройства советского периода (распределение выпускников) не исчез из памяти родителей студентов, остался и в студенческом арсенале (35 % выборов) возможных каналов выхода на рынок труда. Вариантом такого централизованно-государственного, точнее корпоративного, распределения остается целевая подготовка специалистов по заказу предприятия.

Приоритетное значение (62 %), по оценкам студентов, имеет возможность продолжения работы там, где они проходили практику или работали во время обучения. Современные способы трудоустройства (поиск вакансий и размещение резюме в Интернете, рассылка резюме, рекруитмент, обращение в кадровое агентство, молодежные биржи труда и ярмарки) набирают популярность у будущих выпускников. Эффективность этих каналов во многом зависит от личностных качеств

кандидата, их коммуникационных способностей (отмечает треть респондентов), а главное, по оценкам 2/3 студентов, от наличия хорошего портфолио, опыта работы, в том числе и по профилю подготовки.

Наряду с институционально оформленными каналами трудоустройства не теряют своего значения социальный и культурный капитал родительских семей, усиливая *социальное неравенство* выпускников на старте профессиональной карьеры. Помощь родителей, знакомых, друзей важна либо для выхода на рынок, получения постоянной работы, либо для занятия вакансии с более высокими стартовыми возможностями¹.

Наибольшее беспокойство у молодежи (как и в прежние годы исследования) вызывает отсутствие опыта работы по профессии: четверо из пятиерых считают эту проблему наиболее важной (табл. 46).

Таблица 46

**Студенты о проблемах перехода на рынок труда после окончания вуза
(в % к числу опрошенных)**

Варианты ответа	2016	2020
Отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии	75	81
Низкий уровень оплаты	48	48
Несоответствие уровня профессиональной подготовки требованиям работодателя	38	47
Отсутствие открытых вакансий	43	42
Отсутствие информации о предприятиях, где нужна профессия	28	37
Конкуренция с другими категориями работников (работники со стажем, пенсионеры и др.)	22	33
Несоответствие уровня оплаты и полученной профессиональной подготовки	16	28
Большой неоплачиваемый (низкооплачиваемый) испытательный срок	18	26
Слабое взаимодействие органов занятости, вузов, колледжей и организаций	15	22
Жилищные проблемы (трудности с общежитиями, служебным жильем и т. п.)	25	21

¹Черныш М. Ф. Поиск работы по неформальным каналам как социальной дифференциации в молодежной среде // Информационно-аналитический бюллетень. ИНАБ. 2019. № 4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. С. 21–38. DOI: 10.19181/inab.2019.4.2.

Окончание табл. 46

Варианты ответа	2016	2020
Невозможность пройти практику на профильном предприятии по направлению подготовки	11	17
Недостаточно коммуникативных навыков, умения работать в команде	8	13
Недостаточно организационно-управленческих качеств у молодых специалистов	8	12
Отсутствие квот на трудоустройство отдельных категорий молодежи	5	11

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов превышает 100 %; ранжирование по 2020 г.

Анализ студенческих оценок проблем будущего трудоустройства высвечивает все более актуализирующуюся проблему отсутствия сформированного института трудоустройства выпускников. Самая «больная» проблема перехода на рынок труда для выпускников — «отсутствие трудового стажа, практического опыта работы по профессии», поскольку часто нет информации о предприятиях, где нужна профессия, нет открытых вакансий и высока конкуренция с другими категориями персонала, слабое взаимодействие органов занятости, вузов, колледжей и организаций, отсутствуют квоты для отдельных слабо защищенных категорий молодежи.

Не прописаны меры поддержки и защиты молодых специалистов от произвола ряда работодателей. Как следствие — большой неоплачиваемый (низкооплачиваемый) испытательный срок, невозможность пройти практику на профильном предприятии по направлению подготовки, жилищные проблемы (трудности с общежитиями, служебным жильем и т. п.), несоответствие уровня оплаты и полученной профессиональной подготовки.

Несмотря на оптимизм молодости в оценке своих возможностей занять прочное место на рынке труда в ближайшем будущем, в постпандемический период более половины респондентов (56 %) отметили, что ситуация с трудоустройством усложнится, треть из них все-таки надеется, что особых изменений не случится. В то, что будет *проще* найти работу, верят единицы (менее 5 %).

В 2016 г., оценивая возможности найти работу по своей специальности, студенты проявляли осторожный оптимизм: большинство из них считали, что найти работу по специальности не очень легко, но можно (60 %). Студенты технического и естественно-научного про-

филя подготовки более оптимистичны, нежели гуманитарии и студенты социально-экономических специальностей¹. В анкете VIII этапа мониторинга формулировки вариантов ответов были частично изменены с акцентом на востребованность тех или иных профессий. Поэтому сравнение по всему массиву невозможно. Но в 2019 г. перед пандемией в опросе студентов инженерно-технического профиля подготовки был задан такой же вопрос². Через год их осторожный оптимизм значительно уменьшился, хотя у студентов других профилей обучения он был еще меньше. При этом возросла и доля тех, кто затруднился оценить ситуацию в изменившихся условиях (табл. 47).

Таблица 47

Оценка возможностей трудоустройства (в % к числу опрошенных)

Варианты ответа	Σ	Будущие инженеры	
	2020	2019	2020
Да, выпускники легко могут найти работу профессии и получать хорошую зарплату	19	28	23
Да, найти работу по профессии легко, таких специалистов не хватает, но только с невысокой зарплатой	30	36	26
Нет, эта профессия не востребована, у выпускников могут возникнуть сложности с трудоустройством	15	8	12
Эта профессия в моем городе (поселении) вообще не нужна, и найти работу по ней практически невозможно	3	1	2
Трудно сказать	33	28	36

Значительно реже, чем в среднем, о легкости найти работу по профессии (с хорошей зарплатой) говорили респонденты — жители малых и средних городов. Жители сел и ПГТ, напротив, чуть чаще отмечали, что найти работу легко, но... с невысокой зарплатой. Жители крупных городов чаще других затруднялись с оценкой ситуации.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы.

Первичный вход студенческой молодежи на рынок труда в настоящий период оценивается исследователями как острая проблема не только самой изучаемой группы, но и общества в целом. Для вы-

¹ Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала. Екатеринбург : УрФУ, 2017. С. 390.

² Воспроизводство кадров для инновационной экономики: компаративный анализ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 175.

пускников вузов (как становящегося субъекта рынка труда) сокращение переходного периода — возможность избежать угрозы precarious (неустойчивой) занятости. В ситуации постпандемии временная занятость может быть воспринята молодежью как возможность избежать безработицы. В то же время результаты исследования образовательных стратегий нестабильно занятой (precarious) молодежи в России свидетельствуют о том, что молодые прекарии не видят необходимости увеличивать свой индивидуальный человеческий капитал на рабочем месте, рискуют со временем накопить отрицательный человеческий капитал, препятствующий росту качества жизни индивида, развитию общества и личности. В связи с этим возникает возможность рассматривать российских молодых прекариев как контрресурсный слой общества, потенциал которого никаким образом не используется в экономике России¹. Для выпускников успешное трудоустройство не только дополнительный шанс для самореализации, но и важнейший фактор успешности жизненной стратегии в целом.

Актуализируется значимость институционального становления *института трудоустройства выпускников вузов*. Значительная доля выпускников вуза при выборе места работы предоставлена сами себе, что существенно снижает шансы для выбора подходящего места работы. Формирование *культуры трудоустройства*, поддержка и развитие меритократических принципов получения рабочего места как направления смягчения социальной дифференциации в молодежной среде. Это и повышение эффективности формальных каналов трудоустройства, оперативное, открытое информирование об имеющихся вакансиях, в том числе и немассовых, законодательные ограничения и профилактика злоупотреблений работодателей, активное участие и ответственность за организацию практик и трудоустройство университетов и работодателей, формирование коммуникативных компетенций и навыков культурного трудоустройства студентов.

Самостоятельной и чрезвычайно значимой сегодня проблемой является массовый феномен работающего студента как одного из каналов трудоустройства и направления профессиональной социализации. Совмещение работы и обучения в практике подготовки студентов скорее реализуется по инициативе самих студентов и не чаще,

¹ Молодежь: конструирование трудовой биографии / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. С. 88–95.

чем для трети работающих студентов. Такое совмещение не работает на углубление профессиональной подготовки, не повышает конкурентоспособности будущего специалиста, остается средством заработка, приобретения социальных навыков. Организация совмещения обучения и работы выгодна и студентам, и работодателям. Однако отсутствие прочных связей с рынком понижает мотивацию обучения, ибо даже диплом с отличием не гарантирует успешного трудоустройства. В этих условиях объяснима неготовность студентов взять ответственность за свое обучение, становиться субъектом образовательного процесса, выстраивающим на основе выбора свою индивидуальную образовательную траекторию.

8. Высшее образование как конструктор будущего современной молодежи

Если мы будем учить сегодняшних студентов так же, как вчерашних, мы украдем у них будущее.

Дж. Дьюи

Представленная в качестве эпиграфа цитата наглядно демонстрирует то противоречивое положение, в котором оказалось сегодня высшее образование. С одной стороны, все понимают, что *современных студентов* — поколение «цифровых аборигенов» (*digital natives*¹), чья жизнь уже с раннего детства неотделима от компьютеров и телефонов, уже нельзя обучать так же, как раньше, к ним должны быть применены новые подходы, иные методы обучения. С другой стороны, так же очевидно, что эти новые подходы и методы должны учитывать не только (и даже не столько) особенности этого нового цифрового поколения, сколько быть ориентированы на то, чтобы позволить сформировать у этих студентов необходимые для их успешного будущего компетенции. Но какие именно? Эта проблема все более остро встает перед системой высшего образования, ведь главная задача любого вуза — дать студентам необходимые для жизни и будущей специальности навыки и компетенции, набор возможностей и инструментов, которые помогут им сконструировать

¹ Prensky M. Teaching digital natives: partnering for real learning. 1st ed. Corwin, 2010. 224 p. ; Prensky M. From digital natives to digital wisdom: hopeful essays for 21st century learning. 1st ed. Corwin, 2012. 240 p.

свое успешное будущее. По мнению самой молодежи, для достижения их жизненного успеха высшее образование очень важно¹.

Исходя из этого фокус внимания университетов, государства, исследователей должен быть сосредоточен не только на вопросе *как учить?* это новое поколение (ответ на этот вопрос, конечно, тоже важно получить), но и на том, куда мы вообще хотим прийти, *на какую модель будущего предполагаем ориентироваться*. Сейчас мир меняется настолько стремительно, что невозможно спрогнозировать ближайшие несколько лет, а тем более то, что будет через 10–20 лет. Но целевые ориентиры обязательно должны быть выставлены. Указом Президента РФ в качестве таких национальных целей развития России на период до 2030 г. определены²:

- а) сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- б) возможности для самореализации и развития талантов;
- в) комфортная и безопасная среда для жизни;
- г) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- д) цифровая трансформация.

Эти цели находят свое отражение в национальном проекте «Образование»³, где применительно к высшему образованию среди прочих задач обозначены такие, как:

- создание к 2024 г. современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней;
- модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ.

Ориентация на выполнение этих задач и определила основные тренды развития высшего образования. Рассмотрим их более детально.

¹ Константиновский Д. Л. Новая молодежь в новой реальности образования // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2016. № 1. С. 106–162.

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474. Официальные ресурсы Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 21.07.2021).

³ Паспорт национального проекта «Образование». URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjFOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 21.07.2021).

Тренд, который красной линией проходит не только в сфере образования, но и в других сферах — экономике, государственном управлении — это *цифровизация*. О необходимости трансформации системы высшего образования в контексте цифровизации, а также о том, что в ведущих странах мира цифровая трансформация вузов уже запущена, исследователи начали говорить еще лет 5–7 назад. Но естественно, пик научного интереса пришелся на 2020 г., когда пандемия коронавируса заставила систему образования активно внедрять и использовать цифровые технологии и вдруг планируемое «будущее наступило вчера»¹. На рис. 25 показано, как меняется число публикаций, выданных по запросу «цифровизация образования» по годам на сайте научной электронной библиотеки².

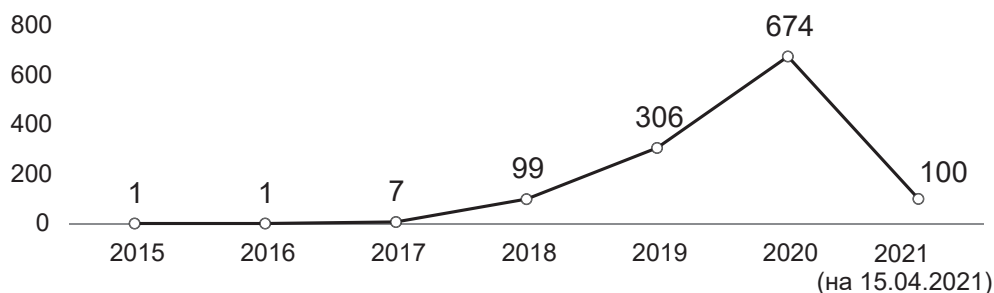

Рис. 25. Число публикаций по запросу «цифровизация образования» в научной электронной библиотеке *Elibrary.ru*³

Интересно было проследить, как менялся тон публикаций от года к году. До 2017–2018 гг. исследователи преимущественно отмечали появление такого тренда в западных странах и оценивали готовность российского образования к таким цифровым трансформациям, цифровизация в это время рассматривалась как вызов. Отмечалось, что недостаточно ограничиться созданием электронных учебников, когда

¹ Образование 2020–2030: будущее наступило вчера // Блог компании Учи.ру. URL: https://habr.com/ru/company/uchi_ru/blog/512690/ (дата обращения: 23.03.2021).

² Научная электронная библиотека : [сайт]. URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp?> (дата обращения: 23.10.2021).

³ Поиск осуществлялся по ключевому слову «цифровизация образования» в названии, аннотации и ключевых словах публикаций среди статей в журналах и книгах; отчеты, диссертации и материалы конференций не включались в поисковый запрос.

печатный вариант просто меняется на электронный, или переходом в виртуальную среду общения, необходимо изменение самого подхода к образованию, перестройка всего образовательного контента, методов и принципов самой дидактики¹.

В мае 2018 г. вышел Указ президента РФ, в котором одной из стратегических задач стало обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере². Это повлекло соответствующий отклик исследователей. Начались попытки детального осмысления и изучения проблемы, чтобы выработать систему действий для развития цифровизации образования в России. Общий контекст публикаций 2018–2019 гг. — «цифровизация — тренд или необходимость?»³.

В 2020 г. пандемия коронавируса спровоцировала необходимость перехода в онлайн. И та самая цифровизация, о которой спорили еще год назад, рассуждая, как она должна проходить, каковы ее последствия, плюсы и минусы, внезапно буквально ворвалась в нашу жизнь, заставив «на бегу» перестраивать образовательный контент. Основная масса публикаций этого периода посвящена изучению возникающих противоречий «ожиданий и реальности», оценке сложившихся реалий и проблем перехода на дистанционное обучение⁴.

¹ См.: Ладыжец Н. С., Неборский Е. В. Университетский барометр: мировые тенденции развития университетов и образовательной среды // Интернет-журнал Наукосоведение. 2015. Т. 7, № 2 (27). URL: <https://clck.ru/Ya6Vo> (дата обращения: 23.03.2021); Балацкий Е. В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 72–98; Лихачева Т. Инновационные перспективы развития российского образования в условиях глобализации // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2016. № 13. С. 56–63; Тульчинский Г. Л. Цифровая трансформация образования: вызовы высшей школе // Философские науки. 2017. № 6. С. 121–136; Трансформация образования в цифровую эпоху / П. В. Терелянский, Н. В. Кузнецов, К. В. Екимова, С. А. Лукьянов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 22 (6). С. 36–43. С. 41; и др.

² О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. Официц. сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 23.08.2021).

³ См.: Васильева Л. Л. Цифровизация образования. Тренд или необходимость // Вопросы педагогики. 2019. № 12–1. С. 41–44; Левина Е. Ю. Цифровизация — условие или эпоха развития системы высшего образования? // Казанский педагогический журнал. 2019. № 5 (136). С. 8–14.

⁴ См.: Строков А. А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 2 (31). URL: <https://clck.ru>

Пандемия COVID-19 внесла неопределенность и неуверенность перед будущим. Нынешний период для студенческой молодежи весьма специфичен. С одной стороны, это новые формы обучения, новые возможности, с другой остается непонятным, как сама молодежь воспринимает тот набор возможностей и инструментов, которые дает им вуз для конструирования их будущего. Рассмотрим, как сами студенты воспринимают онлайн-обучение, насколько допустимым они считают дистанционное обучение.

Интересно, что исследования, проводимые до пандемии¹, показывали, что университетские работники, несмотря на активное обсуждение и понимание необходимости внедрения цифровизации в вузе, «всерьез перспективу мгновенного прыжка в мир дистанционного образования не рассматривали». Результаты опроса студентов в Государственном университете управления в 2018 г., т. е. за два года до перевода всех на дистант, также показывают критичное отношение к онлайн-образованию². По мнению респондентов, уровень знаний при классической форме образования выше, чем при онлайн-обучении: 44 % посчитали, что при классической форме обучения уровень знаний высокий и скорее высокий и 7 % — низкий, скорее низкий, при онлайн-обучении это соотношение 35 % и 26 %, т. е. в 3,5 раза чаще респонденты считают, что при онлайн уровень знаний низкий. Но в этом же исследовании отмечается, что несмотря на то, что предпочтение отдается классическому образованию, опрошенные студенты оказались весьма лояльны к возможности совмещения двух моделей образования: 52 % респондентов готовы совмещать оба вида образования при одинаковых ценовых условиях³.

гу/УабVo; Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 235–248 ; Стариченко Б. Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 49–58.

¹ Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора / Р. Н. Абрамов, И. А. Груздев, Е. А. Терентьев [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 2. С. 59–74. С. 70.

² Классическое и онлайн-образование: что выбирают студенты? // Государственный университет управления. URL: https://guu.ru/news_ru/54841/ (дата обращения: 23.08.2021).

³ Там же.

Всеобщий тест-драйв дистанционного обучения в 2020 г. показал, что в целом, несмотря на ряд трудностей, вузы в большинстве своем справились с организацией такого обучения. Как показал опрос более 35 тыс. студентов из более чем 400 вузов России, проведенный НИУ ВШЭ совместно с Томским государственным университетом (ТГУ), большинство студентов удовлетворены тем, как организовано дистанционное обучение в вузах: полностью или скорее удовлетворены 69 % опрошенных в начале пандемии (1 волна) и 64 % после снятия ограничений (2 волна)¹. Но при этом также большинство (75 % в первой волне и 86 % — во второй) сталкивались с теми или иными трудностями при онлайн-обучении. Чаще отмечались технические проблемы и перебои с Интернетом (52 %), недостаток общения с одногруппниками (43 %), нехватка очных дискуссий с преподавателями (41 %), сложность обучения дома (39 %), проблемы с концентрацией при самостоятельном изучении материала (36 %), сложность отвечать в онлайн (34 %). Исследователи отмечают, что первокурсники, не успевшие пройти адаптацию и получить опыт офлайн, испытывали наибольшие сложности при дистанционном обучении. Получив соответствующий опыт дистанционного обучения, 65 % опрошенных посчитали, что оно менее эффективно, чем обычное, т. е. по-прежнему предпочтение отдается именно классическому обучению.

Наше исследование студентов вузов города Екатеринбурга (VIII этап мониторинга, 2020 г.) показывает, что сторонников и противников дистанционного обучения примерно поровну: 12 и 9 % соответственно (рис. 26). Остальные же студенты готовы к совмещению дистанционной и классической формы обучения в той или иной пропорции. Оценивая описательные статистики по этому вопросу (табл. 48), можно отметить, что четверть опрошенных допускает до 30 % дистанта, половина — до 50 %, три четверти — до 77,5 %, в среднем признается допустимым 51,4 %, но при этом оценки неоднородны, разброс их очень велик.

¹ Губернаторов Е. Студенты назвали основные проблемы онлайн-обучения // РБК от 19.08.2020. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41> (дата обращения: 24.05.2021) ; Опрос студентов российских вузов об условиях дистанционного обучения. Высшая школа экономики : [сайт]. URL: <https://cim.hse.ru/covidsurvey> (дата обращения: 24.07.2021).

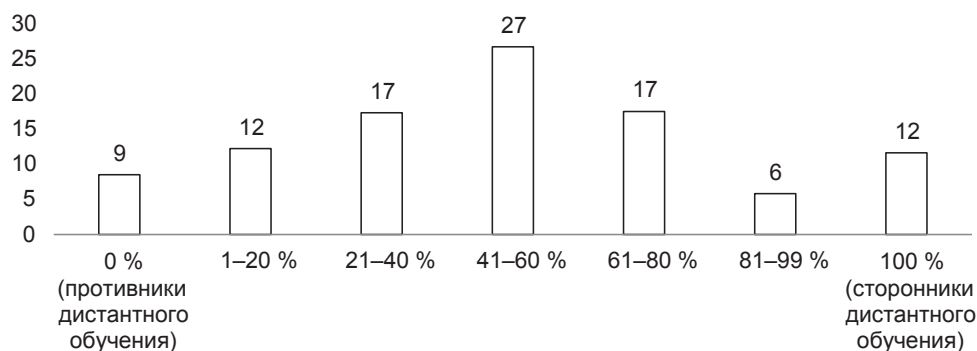

Рис. 26. Группировка ответов на вопрос «Какой процент дистанционного обучения вам кажется допустимым в вашей учебе?» (в % от опрошенных, N = 2000 человек, 2020 г.)

Таблица 48

Описательные статистики «Какой процент дистанционного обучения вам кажется допустимым в вашей учебе?»

№	Показатель		Количество
1.	Среднее значение		51,4
2.	Медиана		50
3.	Мода		50
4.	Стандартная отклонения		30,6
5.	Минимум		0
6.	Максимум		100
7.	Процентили	25	30
8.		50	50
9.		75	77,5

Значимы различия в оценках по профилям подготовки студентов. Так, среди студентов *специальностей математических, естественных, медицинских наук* меньше всего сторонников дистантного обучения и выше доля тех, кто против или отмечает его в пределах 20 %. У них соотношение «противников дистанта» (не более 40 %) и его «сторонников» (61–100 %) наивысшее 2,8 : 1. (табл. 49).

Больше всего сторонников дистантного обучения среди студентов, осваивающих *гуманитарные* специальности (у них указанное выше соотношение 1,1 : 1 в «пользу» сторонников дистанта). Это, вероятно, связано с тем, что самостоятельное изучение гуманитарных предметов в онлайн-курсе проще, чем дисциплин естественных или медицин-

ских наук, где часто требуются и лабораторное оборудование, и специальные условия для занятий. Однако такое объяснение не охватывает всей полноты факторов, определяющих отношение к дистанту. К гуманитариям в этом плане оказались ближе «технари» (у них соотношение такое же — 1,1 : 1), а не студенты социально-экономического профиля обучения (у них соотношение тоже 1,1 : 1, но... в пользу противников дистанта).

Таблица 49

Группировка ответов на вопрос «Какой процент дистантного обучения вам кажется допустимым в вашей учебе?» в разрезе профилей подготовки в вузе (в % от числа опрошенных по профилю, 2020 г.)

Группировка ответов	Профили обучения			
	Гуманит.	Соц.-экон.	Математ., естеств., мед.	Техн.
100 %	17	12	4	11
от 81 до 99 %	5	7	4	5
от 61 до 80 %	16	16	11	22
от 41 до 60 %	26	26	30	27
от 21 до 40 %	17	15	20	19
от 1 до 20 %	9	15	22	9
0 %	9	9	11	8
Всего	100	100	100	100

Предполагалось, что *приезжие* студенты будут более лояльны к дистантному обучению и отметят более высокий процент его допустимости в учебе, но эта гипотеза не подтвердилась. Дисперсионный анализ не показал статистически значимых отличий между группами по месту жительства. И жители мегаполиса, и жители других крупных, средних и малых городов и сельских поселений (а это преимущественно *приезжие*) дали примерно одинаковые ответы, все расхождения — в пределах ошибки выборки.

А вот *отношение к получаемой профессии* оказалось весьма значимым фактором. Среди тех, кто не удовлетворен получаемой профессией, доля противников дистанта такая же, как среди тех, кто выбранной профессией доволен (9 %), а вот число сторонников дистанционного обучения почти в два раза выше (18 % против 10 %). Удовлетворенность профессией часто определяет и отношение к учебе. Соответственно, при отсутствии достаточного интереса к учебе (варианты ответов «учиться мне трудно — недостаточная довузовская подготовка» и «осо-

бых усилий к учебе не прилагаю, но стараюсь не «вылететь» из университета») число сторонников дистантного обучения также возрастает в среднем в 2 раза по сравнению с прочими группами (табл. 50).

Таблица 50

Группировка ответов на вопрос «Какой процент дистантного обучения вам кажется допустимым в вашей учебе?» в разрезе групп с разным отношением к учебе (в % от числа опрошенных по группе, 2020 г.)

Участники опроса, %	Отношение к учебе			Всего
	Отсутствие интереса к учебе: учиться трудно, лишь бы не вылететь	Выборочный интерес	Активный интерес к учебе: выход за рамки обязательного	
Сторонники дистанта (100)	20	11	9	12
от 81 до 99	5	6	6	6
от 61 до 80	15	19	16	18
от 41 до 60	29	28	23	27
от 21 до 40	16	17	19	18
от 1 до 20	7	11	17	12
Противники дистанта (0)	8	8	9	8
Всего	100	100	100	100

Отмеченный результат вполне закономерен. Другими исследователями подтверждается тот факт, что эффективное применение онлайн-обучения обязательно предполагает два необходимых условия: студент должен обладать 1) высокой степенью самостоятельности и 2) высокой мотивацией к овладению знаниями, иначе различные технологии дистанционного обучения приводят к профанации образовательного процесса¹.

Таким образом, студенты в целом готовы к применению онлайн-технологий в учебе, но выступают за *здоровый компромисс дистанционного и классического обучения*, обеспечивающий наибольшую эффективность обучения. Студентами осознается факт, что дистанционное

¹ Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора / Р. Н. Абрамов, И. А. Груздев, Е. А. Терентьев [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 2. С. 59–74. С. 66.

образование не может полностью заменить обучение в традиционной форме. Привлекает дистант преимущественно тех, кто не особо ориентирован на учебу, на получаемую профессию.

Наши данные совпадают с результатами исследований других авторов¹, отмечающих проблемы при использовании технических средств, невозможность передачи неявного знания, сложности контроля при обучении и др. Высказывается и опасение, что среди возможных эффектов цифровизации будет усугубление системных проблем, связанных с распространенностью практик академического мошенничества среди студентов, снижение ценности самого образовательного процесса и возрастание значимости получения диплома «для галочки»². Остается также масса других проблем, связанных с влиянием цифровой среды на профессиональное обучение. Это и эффект когнитивной редукции (снижение памяти, умственной работоспособности), и явления *цифрового алармизма* (от англ. *alarm* — тревога, страх) и игромании, и коммуникативная деструкция (проявление агрессии в общении)³, которые отрицательно сказываются на формировании профессиональной культуры, а соответственно, и будущем трудоустройстве. Нужно помнить, что дистантная форма обучения — это всего лишь *средство*, а не *самоцель*, и важнейший вопрос развития российского образования должен быть связан с современной концепцией содержания образования и целями образования⁴. При этом важным фактором, определяющим эффективность

¹ Вольчик В. В., Ширяев И. М. Дистанционное высшее образование в условиях самоизоляции и проблема институциональных ловушек // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 235–248 ; Акимова, Н. А., Иволгина Н. В. Цифровая экономика и цифровизация образования // Modern Economy Success. 2020. № 3. Р. 110–118.

² Университетские преподаватели и цифровизация образования: накануне дистанционного форс-мажора / Р. Н. Абрамов, И. А. Груздев, Е. А. Терентьев [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. 2020. Т. 24, № 2. С. 59–74.

³ Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма [и др.] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 228–251 ; Буряковская В. А. Стратегии деструктивного коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования 2019. Т. 6. № 3. С. 620–629.

⁴ Громыко Ю. В. Современные проблемы российского образования // Стратегические приоритеты. № 1–2 (25–26). 2020. С. 137–157.

как дистантного, так и традиционного обучения, является мотивация самого студента, его отношение к учебе. И здесь мы выходим еще на один тренд современного высшего образования — ориентации на самостоятельность и осознанность студентов.

Не только в российском, но и мировом образовании обозначился еще один важный тренд — предоставление студентам возможности выбирать, какие предметы они хотят изучать и как, т. е. на *индивидуализацию обучения*¹. При этом ставка делается на свободу и ответственность студентов², предполагается, что студенты осознанно относятся к своему обучению, обладают необходимым уровнем ответственности и вовлеченности. Данный тренд соответствует и целевым установкам развития образования в России: согласно Федеральному закону от 29.12.2012 г. № 273–ФЗ «Об образовании в РФ»³ необходимо создавать условия, способствующие развитию личностных качеств, которые помогут человеку осмысленно принимать решения и строить конструктивный жизненный путь. Но насколько уральские студенты удовлетворены возможностью выбрать индивидуальные траектории обучения и насколько высока их готовность брать на себя ответственность за свое обучение?

Результаты опроса студентов Екатеринбурга в 2020 г. показывают, что большинство опрошенных (62 %) удовлетворены возможностью выбора индивидуальной образовательной траектории в своем вузе, не удовлетворен такой возможностью примерно каждый седьмой (14 %). Следует отметить, что данная «опция» от университета более привлекательна для студентов с более высоким уровнем ответственности и осознанности. Наличие взаимосвязи между формированием жизненной перспективы и отношением студентов к процессу обучения подтверждается и исследованиями других авторов⁴.

¹ Черепанова Ю. Школа будущего: пять трендов, которые совершат революцию в высшем образовании // Forbes. 2020. URL: <https://clck.ru/Ya6tY> (дата обращения: 22.03.2021).

² Балацкий Е. В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 72–98.

³ Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29.12.2012 № 273–ФЗ (ред. от 24.03.2021). Принят Гос. Думой 21.12.2012. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/> (дата обращения: 22.03.2021).

⁴ Ковдра А. С. Психологические особенности жизненной перспективы студентов вуза // Гуманизация образования. 2012. № 2. С. 30–35.

В общей выборке четверть (24 %) студентов очень ответственно подходит к своему обучению, не ограничивается только учебным материалом, а старается изучать дополнительный материал (табл. 51).

Таблица 51

**Распределение ответов на вопрос «Каково ваше отношение к учебе?»
(в % от опрошенных, N = 2000 человек, 2020 г.)**

№	Отношение к учебе	%
1	Не ограничиваюсь освоением учебного материала, стремлюсь самостоятельно изучать и то, что выходит за рамки учебных программ и планов	24
2	Стараюсь своевременно отчитываться по всем изучаемым дисциплинам, но основной мой интерес не связан с осваиваемой профессией	33
3	Разграничиваю учебные дисциплины на нужные и не нужные, первые стараюсь осваивать глубоко и добросовестно, ко вторым подход — «от сих до сих»	30
4	Особых усилий к учебе не прилагаю, но стараюсь не «вылететь» из университета	8
5	Учиться мне трудно — недостаточная довузовская подготовка	3
6	Другое	2

Большинство же студентов (64 % — почти две трети) подходят к процессу обучения избирательно. С одной стороны, они стараются своевременно отчитываться по учебе, не допуская долгов, с другой, — более ориентированы на изучение того, что им интересно, что они считают более важным и нужным для себя, причем для трети опрошенных студентов (34 %) этот интерес при получении высшего образования вообще оказывается не связанным с осваиваемой профессией. Доля тех, кому трудно учиться в вузе, находится в пределах ошибки выборки в 3 %, появление таких молодых людей в вузе — это скорее проблема фильтра поступления, чем особенностей организации обучения. И почти десятую часть студентов (8 %) можно условно назвать «весельчаками»: они не прилагают особых усилий к учебе, период обучения в вузе воспринимают как время свободы, развлечений, разгульной студенческой жизни, но при этом стараются не «вылететь» из университета, выполняя некий необходимый минимум для этого.

Дальнейший анализ, направленный на выявление различий в отношении к учебе у разных групп респондентов, позволил выйти за рамки расхожих суждений. В частности, не подтвердилось распростра-

ненное мнение, что *девушки* относятся к учебе более добросовестно и ответственно (табл. 52).

Таблица 52

**Распределение ответов на вопрос «Каково ваше отношение к учебе?» по полу
(в % от опрошенных по группам)**

№	Отношение к учебе	Муж	Жен
1	Не ограничиваюсь освоением учебного материала, стремлюсь самостоятельно изучать и то, что выходит за рамки учебных программ и планов	28	22
2	Стараюсь своевременно отчитываться по всем изучаемым дисциплинам, но основной мой интерес не связан с осваиваемой профессией	28	37
3	Разграничиваю учебные дисциплины на нужные и ненужные, первые стараюсь осваивать глубоко и добросовестно, ко вторым подход — «от сих до сих»	29	31
4	Особых усилий к учебе не прилагаю, но стараюсь не «вылететь» из университета	10	6
5	Учиться мне трудно — недостаточная довузовская подготовка	3	2
6	Другое	2	2

Гендерные отличия в ответах на вопрос об отношении к учебе не очень велики, но показательны. Интересно, что наиболее ответственное отношение к учебе чуть более распространено среди молодых людей, а не девушек (в соотношении 1,3 : 1), хотя в обыденном представлении распространена иная точка зрения. При этом большинство молодых людей, отличающихся таким высокоответственным отношением к учебе, ориентированы в будущем на работу по специальности (трое из пяти), либо на продолжение учебы в магистратуре, аспирантуре, в том числе за границей (каждый четвертый), либо открытие своего бизнеса. Среди девушек выше доля тех, кто отметил, что они своевременно отчитываются по учебе, но их интерес не связан с осваиваемой профессией (соотношение такое же 1,3 : 1, но уже в «пользу» девушек). Такой результат, вероятно, объясняется большей ориентированностью женщин в будущем на семью и семейные отношения, а не на карьеру. Кроме того, у девушек этот ответ сопрягается с отсутствием каких-либо планов на будущее, т. е. с неопределенностью интересов к чему-то вообще. Период обучения в университете — это еще и поиск себя, профессиональное самоопределение. Лишь каждый десятый, не имеющий четких планов на будущее, ответственно относится

к учебе, стараясь максимально расширить свои горизонты. За тем, что девушки реже юношей отмечают стремление к более широкому и глубокому освоению учебных материалов и, напротив, чаще не связывают свой интерес с осваиваемой профессией, возможно, стоят и негативные последствия феминизации высшего образования (женщины все активнее обучаются по традиционно «мужским» профессиям, а спрос на рынке труда меняется гораздо медленнее).

На бытовом уровне есть мнение, что те, кто учатся *по контракту*, просто покупают диплом, совершенно никаких усилий к учебе не прилагая, особым усердием не отличаясь. Звучит и противоположная точка зрения: те студенты, которые сами (или с помощью родителей) оплачивают свое обучение в университете, более ответственно относятся к учебе — ведь у них стоит задача окупить в будущем эти затраты. Однако, как показал анализ, ни одна из этих позиций не является верной. Отношение к учебе оказывается примерно одинаковым у бюджетников, целевиков и тех, кто учится по контракту. Никакой статистически значимой разницы между этими группами студентов не обнаружено, разница в распределении частот в пределах ошибки выборки.

Есть отличия по профилям подготовки. Среди «естественников» (математические и естественные науки, медицинские науки, сельскохозяйственные науки) и «технарей» (инженерное дело, технологии и технические науки) меньше доля тех, кто стремится к самостоятельному изучению материала, старается не ограничиваться тем, что дают на занятиях, а среди «гуманитариев» (гуманитарные науки, педагогические науки и образование, искусство и культура) и «экономистов» (науки об обществе) такой подход к учебе более распространен (табл. 53).

Таблица 53

Распределение ответов на вопрос «Каково ваше отношение к учебе?» по профилям подготовки студентов (в % от опрошенных по группам)

	Профиль обучения			
	Гуманит.	Соц.-экон.	Математ., естеств., мед.	Техн.
Не ограничиваюсь освоением учебного материала, стремлюсь изучать и то, что выходит за рамки учебных программ	26	29	19	20
Стараюсь своевременно отчитываться по учебе, но мой интерес не связан с осваиваемой профессией	29	33	25	39

Окончание табл. 53

	Профиль обучения			
	Гуманит.	Соц.-экон.	Математ., естеств., мед.	Техн.
Разграничиваю учебные дисциплины на нужные и ненужные	32	30	39	26
Особых усилий к учебе не прилагаю, но стараюсь не «вылететь» из университета	9	4	10	10
Учиться мне трудно — недостаточная довузовская подготовка	2	2	5	3
Другое	2	2	1	1

Предположительно такой результат связан не с тем, что последние более ответственно и осознанно подходят к своему обучению, а с тем, что гуманитарные и социально-экономические предметы все же проще изучать самостоятельно, чем технические дисциплины. Среди «естественников» выше доля тех, кто разграничивает дисциплины на нужные и ненужные (два из каждых пяти), а среди «технарей» — тех, кто отметил, что его интерес не связан с осваиваемой профессией (аналогично — два из каждых пяти). К тому же и у «естественников», и у «технарей» более высокий уровень технологизации и операционализации осваиваемых умений и навыков.

Как правило, уровень осознанности меняется по курсам обучения: чем старше студенты, тем выше уровень осмысленности жизни и отношение к своему обучению. Как отмечает в своем исследовании Л. С. Самсоненко, представления о будущем у первокурсников достаточно «размыты», у студентов старших курсов обучения жизненная перспектива более четко сформирована¹. Поэтому вновь подчеркнем, что объект нашего исследования — студенты III курса и опрос проводился в I (осеннем) семестре.

В отношении к учебе имеет значение и *семейное положение*. У женатых/замужних студентов и студенток (хотя их число и невелико) отмечается более ответственное отношение к учебе, чем у их холостых коллег: выше доля тех, кто стремится изучать что-то самостоятельно сверх программы (33 % в сравнении с 24 %), чуть меньше доля тех, кто особо не учится, просто старается не «вылететь» из университета

¹ Самсоненко Л. С. Изучение представлений о будущем у студентов на разных этапах обучения // АНИ: педагогика и психология. 2019. № 4 (29). С. 358.

(5 % в сравнении с 8 %) и в три раза меньше тех, кому трудно учиться (1 % против 3 % среди холостых). Такая картина вполне закономерна. Вступление в семейную жизнь — это достаточно серьезный шаг, в результате которого человек становится ответственным не только за свое будущее, но и за будущее своего супруга, а также детей, которые есть или могут появиться в семье. Соответственно, меняется и отношение к своему обучению как основе этого будущего.

Было предположение, что жители *сел и малых городов* будут более ответственны в учебе, ведь для многих это возможность подняться по социальному лифту. Однако эта гипотеза не подтвердилась. По территории проживания до поступления в университет статистически значимых отличий не отмечается¹. И выходцы из крупных городов, и приезжие из малых городов, сел имеют похожие структуры отношения к учебе, и доли высокоответственных, и тех, кто просто старается не вылететь из университета, примерно одинаковы.

Таким образом, можно отметить противоречие: с одной стороны, развитие высшего образования идет в направлении индивидуализации обучения и повышении у студентов ответственности за свое образование, с другой, — проявляется неготовность части студенчества к такой ответственности. Е. В. Балацкий уверен, что предоставление студентам свободы выбора своего личного образовательного трека должно привести к появлению новой мотивации у учащихся, когда они уже не будут получать готовый образовательный комплект (вузы, дисциплины, сроки и т. п.), а получают возможность его корректировать в разных направлениях². Но что будет, если такого изменения мотивации не произойдет? И число студенческой молодежи, качество которой соответствует задачам и требованиям современного высшего образования, будет уменьшаться?

У научно-педагогического сообщества, университетского менеджмента, родителей и работодателей вызывает тревогу рост числа неуспешных студентов в вузах³. Г. Е. Зборовский и П. А. Амбарова определяют *образовательную неуспешность студентов* как интегративное

¹ Хи-квадрат Пирсона = 7,175 с асимптотической значимостью (2-сторонней) 0,518.

² Балацкий Е. В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 89.

³ Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 539 с. С. 512.

понятие, включающее в себя проявления учебной, профессионально-ориентационной и личностной неуспешности в сфере образования. Для неуспешных студентов характерны низкий уровень подготовленности к обучению, плохая успеваемость, низкая образовательная мотивация, склонность к девиациям, отсутствие интереса к научной активности, несформированность профессиональной ориентации. При этом подчеркивается преемственность неуспешности от одного уровня образования к другому, т.е. от школы к колледжам и вузам, а затем к сфере труда¹. Соответственно, придя в вуз с отсутствием четких профессиональных целей (такие планы есть только у 39 % опрошенных студентов в 2020 г.), со слабой образовательной мотивацией (только один из четырех/24 %/респондентов демонстрирует готовность активно изучать материал, выходящий за рамки учебного плана), эти молодые люди попадают в группу неуспешных. При отсутствии соответствующей работы с такими студентами в вузе эта неуспешность усиливается и в будущем приводит к последующему закреплению неуспешности в профессиональной трудовой сфере, несмотря на предоставление вузом различных траекторий развития и возможностей для конструирования своего будущего.

Для оценки уровня успешности (точнее, только ее мотивационной составляющей) построен индекс осознанности и ответственности студентов, который рассчитан в шкале от 0 до 1 как средневзвешенное от следующих показателей:

- отношение к учебе, где 1 — ответственное отношение, стремление самостоятельно изучать не только учебный материал, но и то, что выходит за рамки учебных планов и программ; 0,5 — умеренно ответственное отношение, своевременное выполнение важных заданий, более добросовестное отношение к нужным дисциплинам, остальные по остаточному принципу; 0 — учиться трудно, особых усилий к учебе не прилагается, стремление просто «не вылететь» из университета;
- наличие профессиональной цели, где 1 — есть отдаленная профессиональная цель; 0 — такой цели нет;
- понимание содержания и специфики осваиваемой профессии: от 1 — да, есть понимание до 0 — нет такого понимания.

¹ Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 539 с, с. 507.

Сводный индекс осознанности и ответственности студентов невысок, но оказывается чуть выше срединного уровня (0,59), что не может не внушать оптимизма. Выделив 3 равных интервала — высокий уровень ответственности и осознанности с индексом свыше 0,66, средний — с индексом от 0,33 до 0,66 и низкий уровень с индексом до 0,33, — получили распределение студентов по этим уровням (рис. 27).

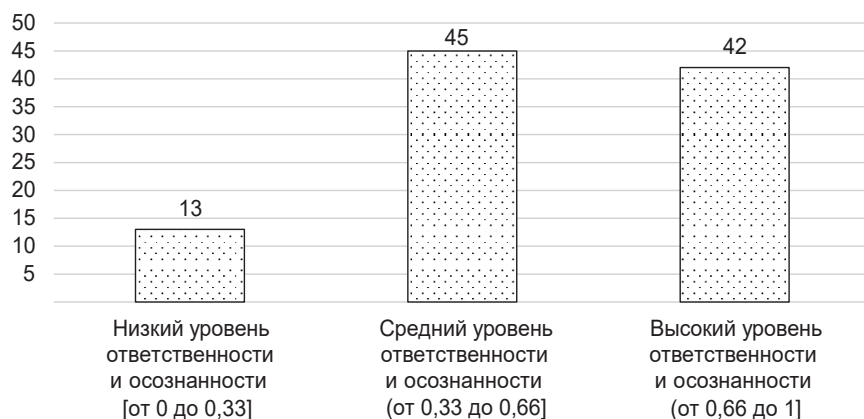

Рис. 27. Доля студентов с разным уровнем ответственности и осознанности (в % от опрошенных, N = 2000, 2020 г.)

Хотя используемая методология оценки успешности/неуспешности ограничена только *мотивационной составляющей и не учитывает реальные результаты обучения*, но полученная доля неуспешных студентов (13 %) близка к той проблемной группе, что обозначили в своем исследовании Г. Е. Зборовский и П. А. Амбарова — 15 % тех, кто не хочет и не может учиться¹. Подтверждаются также отмеченные ими закономерности:

а) существуют отличия по типу места жительства: среди сельской молодежи доля студентов с низким уровнем осознанности (а соответственно, и успешности) выше, чем среди горожан, что связано с усилением образовательного неравенства, проявляющемся в территориальном плане;

б) выше доля неуспешных (имеющих низкий уровень ответственности осознанности) среди студентов технических специальностей,

¹ Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 539 с. С. 513.

что связано с относительно невысоким проходным баллом и достаточно большим количеством бюджетных мест на эти специальности;

в) весьма существенны отличия по вузам, согласно нашему исследованию, где доля студентов с низким уровнем осознанности (неуспешных) варьируется от 4 до 18 %, что связано с селективной политикой и конкуренцией вузов за талантливую успешную молодежь. Вузы стимулированы на работу с талантливой, мотивированной молодежью в ущерб планомерной, системной работе над реальным повышением качества образования всех студентов. По словам исследователей, в некоторых вузах доля неуспешных студентов на I–II курсе может достигать 85–90 % от всех обучающихся¹, но поскольку наше исследование проводилось на III курсе, когда основной отсев уже произведен, ни в одном из вузов Екатеринбурга эта доля не превысила 18 %.

А вот доля студентов с высоким уровнем ответственности и осознанности оказалась даже ниже (42 %), чем доля студентов, которые хотят учиться в типологии Г. Е. Зборовского и П. А. Амбаровой (55 %). Учитывая, что используемая нами методология фиксирует только уровень осознанности и ответственности, но не включает все составляющие неуспешности (например, способности к обучению) произвести более четкий замер доли наиболее высокоэффективной, успешной группы студентов, т. е. тех, кто не только хочет, но и может учиться, не удалось.

Таким образом, университеты должны не только предоставлять студентам выбор индивидуальных траекторий обучения, а также различных других форм обучения, соответствующих современным мировым трендам (проектное обучение, активные методы обучения и др.). Они также должны быть ориентированы на то, чтобы работать со всеми группами молодежи, разрабатывая различные способы снижения образовательной неуспешности студентов.

Одновременно нужно быть готовыми к неоднозначной мотивации учебы и — как следствие этого — дифференцированному составу студентов. Наше исследование вновь подтвердило, что «изменение ценностей в обществе потребления предъявляет образовательной системе *новый тип «человеческого материала»* — с одной стороны, ра-

¹ Анализ масштаба и причин отсева студентов в техническом университете / А. Ф. Смык, В. И. Прусова, Л. Л. Зиманов, А. А. Солнцев // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 6. С. 52–62.

стущая доля студентов, которые не видят особой ценности в образовании и имеют низкую мотивацию к обучению; с другой, — растущая доля сознательных студентов, которые понимают смысл саморазвития, готовы ставить свои собственные цели и не готовы брать «пакетные решения»¹.

Именно вузу отводится решающая роль помочь молодым людям осознать возможные направления своего профессионального развития, в некоторых случаях «разжечь» в них интерес к получаемой специальности, объяснить, что получаемые компетенции станут той конструктивной основой, на которой будет построено их будущее. Так, Ю. В. Громыко подчеркивает *важность образования в конструировании будущего человека*², поскольку оно, вооружая новыми инструментами познания и принципами саморазвития, раскрывает личностный потенциал и формирует более содержательную и осмысленную жизнь. И следует заметить, что большинство студентов (61–62 % — три из каждых пяти) удовлетворены связью получаемых ими в вузе знаний и компетенций с их жизнью и будущей трудовой деятельностью, которая хоть и имеет статистически значимые связи с составляющими индекса осознанности и ответственности студентов, но отмеченные корреляции слабые (табл. 54).

Соответственно, влияние личной осознанности как субъективного фактора, детерминирующего в сознании молодых людей связь обучения в настоящем с тем, что их ждет после завершения обучения в будущем, проявляется слабо. Гораздо большее влияние оказывает вуз, что будет рассмотрено далее. Именно действия вуза, предлагаемые им возможности двигаться в разных направлениях, должны помогать активизировать новую мотивацию у студентов. Отсюда логичным продолжением становится третий тренд развития высшего образования — это ориентация на активные методы обучения и развитие так называемых гибких навыков, или *Soft Skills*.

¹ Будущее образования: глобальная повестка. Re-Engineering Futures Group. 26.12.2016. URL: http://rusinfo-guard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF_Agenda_ru_full.pdf (дата обращения: 30.12.2020).

² Громыко Ю. В. Современные проблемы российского образования // Стратегические приоритеты. 2020. № 1–2 (25–26). С. 137–157. С. 141. Более подробно эта позиция обоснована в: Громыко Ю. В. Российская система образования сегодня: решающий фактор развития или путь в бездну? Образование как политическая технология. М. : Ленанд, 2019. 368 с.

Таблица 54

**Корреляционные зависимости между составляющими индекса осознанности
и ответственности студентов и удовлетворенностью связью получаемых знаний,
навыков, компетенций с будущим студентов**

	Ин- декс	Коэффициент корреляции с удов- летворенностью связью получаемых знаний, навыков, компетенций*	
		с жизнью	с будущей работой
Отношение к учебе	0,57	0,221	0,222
Наличие профессиональной цели	0,39	0,101	0,103
Понимание содержания и специ- фики осваиваемой профессии	0,79	0,239	0,269
Сводный индекс осознанности и ответственности студентов	0,59	0,222	0,227

Примечание. Рассчитан коэффициент корреляции Спирмана, все представленные коэффициенты статистически значимы (на уровне $< 0,001$).

Итак, еще одна тенденция, проявляющаяся в высшем образовании — это свобода и гибкость образовательных технологий, форм и методов обучения, ориентация на *интерактивное взаимодействие преподавателя и студентов* на занятии¹. Исследователи отмечают кризис института лекций, говорят о том, что современный лектор вынужден находиться в состоянии деструктивной информационной конкуренции с портативными устройствами своих слушателей и переключить внимание студентов с гаджетов на лекционный материал очень сложно, в результате лекция становится бессмысленным занятием для студентов². Именно поэтому сейчас все чаще говорят о том, что занятие должно быть интерактивным. И эта интерактивность не в том, что студенты могут задать пару вопросов лектору, а в том, что занятие становится площадкой для дискуссии, совместного исследования, практи-

¹ Деброк Л. Новая эра очного образования: масштабируемая система интерактивного взаимодействия / пер. с англ. // Вопросы образования. М. 2018. № 4. С. 44–59.

² Балацкий Е. В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 72–98. Начиная анализ противоречий в развитии университетской системы с «кризиса института лекций», автор обращает внимание на слова Дж. Лондона («Студент отказывается слушать профессора, который читает лекцию так, будто втолковывает ее малым детям в детском саду. Его бесит стремление длинно объяснять все, даже совершенно очевидное») и подчеркивает, что сегодня они еще более актуальны, чем 100 лет назад.

ки. Становятся популярны такие форматы, как проблемные занятия, деловые игры, дискуссии, решение кейсов и т. п. Предполагается, что студент не выступает больше в роли пассивного слушателя, а самостоятельно ищет решения, анализирует информацию и делает выводы¹.

Педагогами разрабатываются и предлагаются новые форматы обучения в рамках цифровизации образовательного пространства. К примеру, обосновывается целесообразность *геймификации* (от англ. *game* — игра; использование игровых форм, практик и технологий в неигровых процессах) в высшем образовании, описываются широкие перспективы ее внедрения в образовательный процесс вузов². Однако нужно всегда помнить о том, «куда же мы хотим прийти», и вдумчиво относиться к использованию тех или иных образовательных технологий. Не всегда то, что нравится и интересно молодым, поможет собрать нужный вариант будущего. Вот сейчас часто говорят о возникшей под влиянием цифровых гаджетов *клиповости* мышления современной молодежи, которая проявляется в том, что молодые люди не способны долго удерживать внимание, хорошо реагируют на яркие, движущиеся образы, но тяжело воспринимают текст³. И некоторыми преподавателями предлагается перестроить обучение с учетом этих особенностей. Отмечая, что мышление современной молодежи отличается поверхностностью, фрагментарностью, обладает алогичностью, нарушением

¹ Черепанова Ю. Школа будущего: пять трендов, которые совершат революцию в высшем образовании // Forbes. 2020. URL: <https://clck.ru/Ya6tY> (дата обращения: 15.07.2021).

² Банних Г. А. Геймификация в университетском образовании: сравнительный анализ практик // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы III Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 апреля 2017 г. В 2-х т. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. Т. 1. С. 277–280 ; Золкина А. В., Ломоносова Н. В., Петрусевич Д. А. Оценка востребованности применения геймификации как инструмента повышения эффективности образовательного процесса // Science for Education Today. 2020. Т. 10, № 3. С. 127–143 ; Чурзина Е. Ю., Советкина Т. Ф. Геймификация — новый тренд в образовании как средство повышения успеваемости студентов // Современное педагогическое образование. 2019. № 5. С. 45–50; и др.

³ Докука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. 2013. № 2. С. 169–176 ; Семеновских Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 5 (24). С. 134 ; Старицына О. А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 270–274.

причинно-следственных связей, авторы предлагают в контексте клипового мышления пересмотреть содержательную составляющую учебного материала, структурировать информацию в виде клипов, видоизменить формат изложения, применить яркие, четкие и наглядные презентации с понятными и образными запоминающимися формулировками¹. В принципе, какие-то знания передать через такие «видосики», как их называет молодежь, возможно. Но если в будущем для выполнения тех или иных профессиональных обязанностей необходима концентрация внимания, умение читать длинные инструкции и выделять в них главное, умение сосредоточиваться длительное время на выполнение какой-то операции и т. п., то подобная «ориентированность» на молодежь в обучении сейчас может в будущем «выйти боком» как для самих молодых людей, так и для общества в целом. Можно согласиться с тем, что важно учитывать особенности клипового мышления у современных студентов², но, наверное, стоит прежде всего исходить из того, чтобы дать студенту необходимые для их будущего компетенции, умение концентрироваться, выделять главное в большом массиве информации.

Применение активных методов обучения ориентировано в первую очередь на формирование у студентов так называемых *компетенций для трудоустройства*, или *soft skills*. В российских публикациях их называют и «мягкими навыками»³ и «гибкими навыками»⁴, но чаще используют именно англоязычный термин *soft skills*. Появившись лет 20 назад, концепция *soft skills* достаточно быстро завоевала популярность. И это неудивительно. При существующей скорости изменений

¹ Семеновских Т. В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 5 (24). С. 134.

² Старицына О. А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7, № 2 (23). С. 270–274.

³ Жадько Н. В., Безруких М. М. Формирование «мягких» навыков в профессиональном обучении // Профессиональное образование. Столица. 2011. № 8. С. 14–15; Сорокопуд Ю. В., Амчиславская Е. Ю., Ярославцева А. В. Soft skills («мягкие навыки») и их роль в подготовке современных специалистов // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 194–196.

⁴ Яркова Т. А., Черкасова И. И. Формирование гибких навыков у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2016. Т. 2. № 4. С. 222–234.

информационной среды, когда знания устаревают через пару-тройку лет, а в некоторых сферах и того быстрее, студенты, выходя на рынок труда, уже не соответствуют его требованиям. И решение проблемы увидели в том, чтобы давать студенту не готовые знания (которые «на выходе» из университета уже не актуальны), а формировать некие общие компетенции, которые помогут ему адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам рынка труда.

Во многих странах мира университеты начали пересмотр своих учебных планов и программ и включение в них этих навыков. Страны-члены Европейского Союза приняли ряд документов, унифицирующих классификацию *soft skills* для Единого европейского экономического пространства, в 2018 г. принято 11 директив по внедрению новых методов обучения для развития у студентов университетов ЕС этих компетенций, особенно связанных с цифровой и технологической деятельностью¹. В образовательной практике российских (в том числе уральских) вузов *soft skills* как стратегическим компетенциям XXI в. также уделяется достаточно много внимания, например при формировании магистерских программ в УрФУ тщательно обсуждается включение и соотношение не только жестких и мягких компетенций (*hard* и *soft skills*), но и *опережающих компетенций (future skills)*².

Однако несмотря на такую популяризацию использования термина *soft skills*, единого понимания его содержания среди авторов нет. Л. К. Раицкая и Е. В. Тихонова провели классификацию преобладающих в литературе упоминаний *soft skills* и выделили три основные категории:

1) *социально-коммуникативные навыки*: коммуникативные навыки, межличностные навыки, групповая работа, лидерство, социальный интеллект, ответственность, этика общения;

2) *когнитивные навыки*: критическое мышление, навыки решения проблем, новаторское (инновационное) мышление, управление интеллектуальными нагрузками, навыки самоучения, информационные навыки, тайм-менеджмент;

¹ Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 350–363.

² Яшин А. А., Ключев А. К., Багирова А. П. Предпринимательское образование в магистратуре: текущее состояние и новые вызовы // Современная конкуренция. 2018. Т. 12. № 2–3 (68–69). С. 41–51.

3) *атрибуты личности и составляющие эмоционального интеллекта*: эмоциональный интеллект, честность, оптимизм, гибкость, креативность, мотивация, эмпатия¹.

Сходную классификацию дают Э. Ф. Зеер и Л. Н. Степанова, выделив три основные группы *soft skills*:

1) *базовые коммуникативные навыки* (навыки публичного выступления; навыки самопрезентации; информационная грамотность; умение убеждать и слушать; способность аргументировать; толерантность к неопределенности; способность к командной работе; эффективное поведение в неопределенных, критических ситуациях);

2) *навыки эффективного мышления* (гибкость; аналитичность; осознанность; инновативность; перспективность; доказательность; прогностичность; креативность);

3) *навыки self-менеджмента* (навыки целеполагания; инициативность; управление собственными ресурсами/саморазвитие, самообразование, самоорганизация/; управление эмоциями; способность к планированию; навыки тайм-менеджмента; рефлексия)².

Несмотря на некоторые расхождения в классификации *soft skills*, исследователи единодушны в том, что это все те навыки, которые необходимы для успешного перехода от университетского образования к рынку труда.

Интересно рассмотреть, как оценивают преподаватели и студенты вклад различных дисциплин или отдельных методов обучения в развитие *soft skills*. К сожалению, в анкете для уральских студентов это не предусматривалось, но в статье Л. К. Раицкой и Е. В. Тихоновой³ такие данные приводятся. С точки зрения преподавателей, наиболее эффективны для развития данных навыков такие дисциплины, как теория коммуникации/межкультурная коммуникация (82 %) иностран-

¹Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 350–363. С. 355.

²Степанова Л. Н., Зеер Э. Ф. Soft skills как предикторы жизненного самоосуществления студентов // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 8. С. 65–89.

³Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3, С. 350–363. С. 357–358. Авторами проведен опрос 135 преподавателей из 6 университетов России и 312 студентов.

ные языки (82 %), социология (62 %), менеджмент (61 %) и социально-гуманитарные науки в целом (60 %). У студентов рейтинг такой: социально-гуманитарные науки в целом (80 %), менеджмент (75 %), иностранные языки (74 %), естественнонаучные дисциплины (55 %). Отметим социологию как дисциплину, вносящую вклад в развитие *soft skills*, только 47 % студентов. При этом большинство и преподавателей (90 %), и студентов (71 %) отметили, что на развитие навыков больше влияет не содержание конкретной дисциплины, а *используемые в обучении методы*.

Представим рейтинг эффективности методов обучения при формировании *soft skills* с точки зрения студентов и преподавателей (рис. 28).

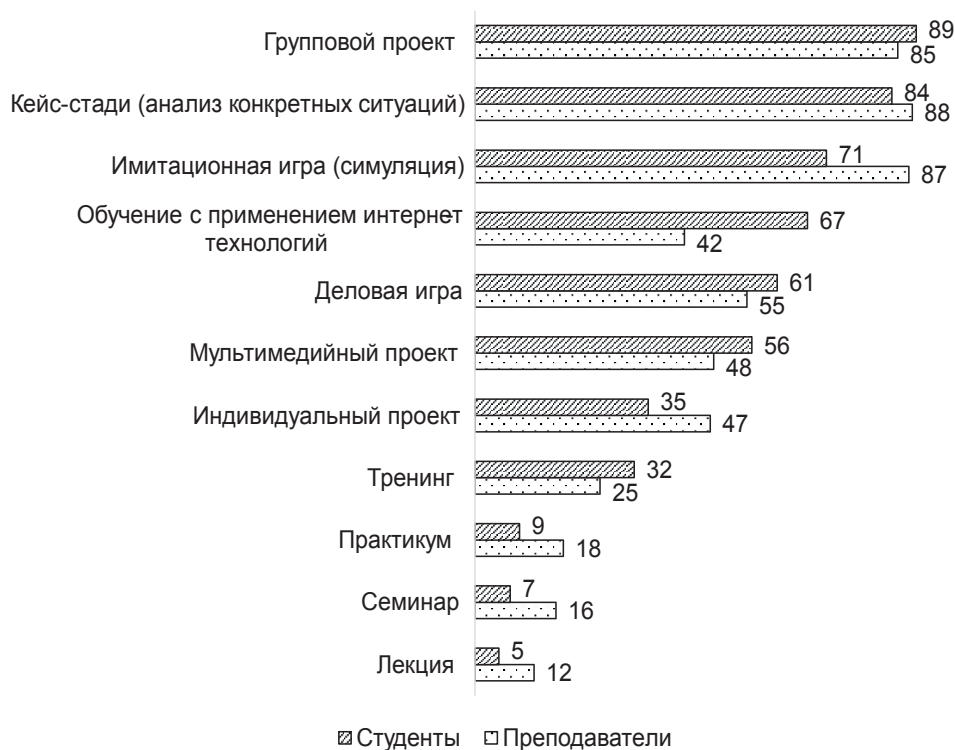

Рис. 28. Эффективность методов обучения в формировании *soft skills* (% положительных ответов)¹

¹ Построено по: Раицкая Л. К., Тихонова Е. В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 3. С. 350–363. С. 358.

Результаты показывают, что традиционные методы (лекции, семинары, практикумы) не воспринимаются эффективными в формировании гибких навыков, предпочтение отдается инновационным и активным методам обучения (проектам, кейсам, игровым технологиям). Реагируя на такой «запрос», вузы начинают постепенно внедрение этих форм в повседневную практику. Еще несколько лет назад *проектная деятельность*, если и велась, то преимущественно в форме индивидуальных проектов, сейчас в процесс обучения активно вводится проектная деятельность в командах (*team*).

В более отдаленной перспективе и акцент на «мягкие навыки» может оказаться недостаточным. Размышляя об образовании для сложного мира¹, исследователи обосновывают перспективную классификацию навыков:

- *контекстные/специализированные навыки* — развиваются и применяются в конкретном контексте — профессиональные, физические и социальные навыки;
- *кроссконтекстные навыки* — их можно применять в более широких сферах социальной или личной деятельности (навыки чтения, письма, тайм-менеджмента, работы в команде);
- *экзистенциальные навыки* — их можно применять на протяжении всей жизни и в различных жизненных контекстах личности — способность ставить цели и достигать их (сила воли), самосознание/способность к саморефлексии (осознанность, метапознание), способность учиться/разучиваться/переучиваться (саморазвитие).

В рамках мониторинга уральского студенчества отслеживались показатели удовлетворенности студентов различными формами обучения, в том числе традиционной, применением инновационных форм обучения, внедрением проектного подхода в учебный процесс, возможностью выбрать индивидуальную образовательную траекторию, участием в научно-исследовательской работе. Как показали результаты исследования 2020 г., вузы Екатеринбурга в той или иной мере предоставляют выбор индивидуальных траекторий обучения, а также различные другие формы обучения, соответствующие современным

¹ Лукша П. Образование для сложного мира. Презентация книги ММСО (20 апреля 2018 г.) // Global Education Futures Report : [сайт]. URL: https://futuref.org/educationfutures_ru (дата обращения: 07.05.2021).

мировым трендам (проектное обучение, активные методы обучения и др.), и большинство опрошенных студентов такими возможностями полностью удовлетворены (рис. 29).

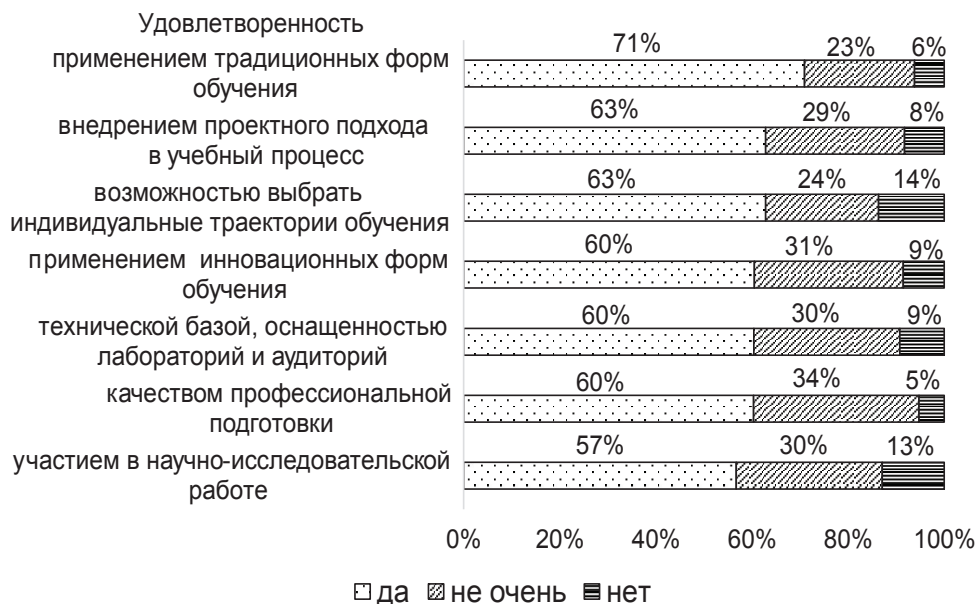

Рис. 29. Удовлетворенность применением различных форм и средств обучения (в % от опрошенных, N = 2000 человек, 2020 г.)

Согласно полученным результатам, выше всего удовлетворенность применением традиционных форм обучения (71 %), использованием инновационных форм обучения удовлетворены 60 % опрошенных студентов. В то же время почти треть (29 %) не очень удовлетворена тем, что дает им вуз, и примерно каждый десятый (9 %) совершенно не удовлетворен.

По сравнению с данными прошлых лет¹, оценки удовлетворенности немного снизились, что скорее всего связано с удаленным форматом обучения в 2020 г., наложившим отпечаток на возможности участия студенческой молодежи в НИР, проектной деятельности, на возможности применения тех или иных инновационных образовательных тех-

¹ СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общей редакцией Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 904 с.

нологий, что, несомненно, сказалось на качестве подготовки. Однако какого-то значительного падения удовлетворенности теми или иными аспектами обучения не наблюдается¹. При этом отмечается значительная разница в оценках между группами с разным отношением к учебе. Так, среди высокоответственных студентов, которые и сами много делают для освоения учебной программы, доля неудовлетворенных качеством профессиональной подготовки в университете оказалась меньше ошибки выборки (2 %), в то время как среди студентов, не прилагающих никаких собственных усилий в учебе, почти каждый шестой (17 %) качеством профессиональной подготовки не доволен (табл. 55). Доля удовлетворенных среди ориентированных на учебу студентов, напротив, в 2 раза выше, чем среди тех, кто просто «старается не вылететь» из университета.

Таблица 55

Удовлетворенность качеством профессиональной подготовки в разрезе групп студентов с разным отношением к учебе (в % от опрошенных по группе)

Как вы относитесь к учебе?	Удовлетворены ли качеством проф-подготовки			Σ
	да	не очень	нет	
Не ограничиваюсь освоением учебного материала, стремлюсь изучать и то, что выходит за рамки учебных программ	73	24	2	100
Стараюсь своевременно отчитываться по учебе, но мой интерес не связан с осваиваемой профессией	58	39	3	100
Разграничиваю учебные дисциплины на нужные и ненужные	59	35	6	100
Особых усилий к учебе не прилагаю, но стараюсь не «вылететь» из университета	37	46	17	100
Учиться мне трудно — недостаточная довузовская подготовка	62	31	7	100
Массив	60	34	5	100

На основе отдельных показателей удовлетворенности различными аспектами обучения рассчитан сводный индекс удовлетворенности предлагаемыми вузом возможностями, определяемый как сред-

¹ К тому же прямое сопоставление затруднено, так как оценочная шкала 2012, 2016 гг. (да — нет) в 2020 г. была расширена (да — не очень — нет). И, как видим, каждый третий-четвертый выбрал промежуточную оценку.

невзвешенное от частных индексов удовлетворенности в шкале от 0 (все не удовлетворены) до 1 (все полностью удовлетворены) и проведена проверка на наличие корреляции этого индекса с удовлетворенностью связью получаемых знаний, навыков и компетенций с будущим (табл. 56).

Таблица 56

Удовлетворенность предлагаемыми вузом возможностями (в % от опрошенных)

Удовлетворенность	Индекс	Коэффициент корреляции с удовлетворенностью связью получаемых знаний, навыков, компетенций*	
		с жизнью	с будущей работой
качеством профессиональной подготовки	0,78	0,459	0,495
технической базой, оснащенностью лабораторий и аудиторий	0,76	0,261	0,288
применением традиционных форм обучения	0,82	0,345	0,354
применением инновационных форм обучения	0,76	0,293	0,296
внедрением проектного подхода в учебный процесс	0,77	0,388	0,359
возможностью выбрать индивидуальные траектории обучения	0,75	0,409	0,340
участием в научно-исследовательской работе	0,72	0,378	0,395
сводный индекс удовлетворенности предлагаемыми вузом возможностями	0,77	0,550	0,550

Примечание. Рассчитан коэффициент корреляции Спирмана, все представленные коэффициенты статистически значимы (на уровне $< 0,001$).

Таким образом, у студентов сейчас есть возможность собрать свой уникальный набор компетенций. И большинство в целом этими возможностями удовлетворены, хотя отмечаются некоторые отличия по вузам и профилям подготовки. Самый низкий уровень удовлетворенности предоставляемыми вузом возможностями у студентов гуманитарных специальностей, а также сферы педагогических наук и образования, искусства, культуры (сводный индекс удовлетворенности 0,73). Наиболее высок этот показатель у студентов, чей профиль подготовки в вузе — инженерное дело, технологии и технологические науки, науки об обществе (0,78). Стоит отметить, что уровень

удовлетворенности различными аспектами обучения сильно зависит от понимания содержания и специфики осваиваемой профессии: среди тех, кто имеет представление об особенностях получаемой профессии, уровень удовлетворенности оказывается статистически значимо выше (сводный индекс удовлетворенности 0,78 против 0,64). Это свидетельствует о том, что новые формы обучения предъявляют и более высокие требования к ответственности студентов за свое образование.

В целом анализируя удовлетворенность студентов связью между получаемыми знаниями, навыками и компетенциями, можно отметить, что она достаточно высока (рис. 30), причем чем выше уровень ответственности студента, понимание специфики получаемой профессии, удовлетворенность профессией, тем выше этот показатель.

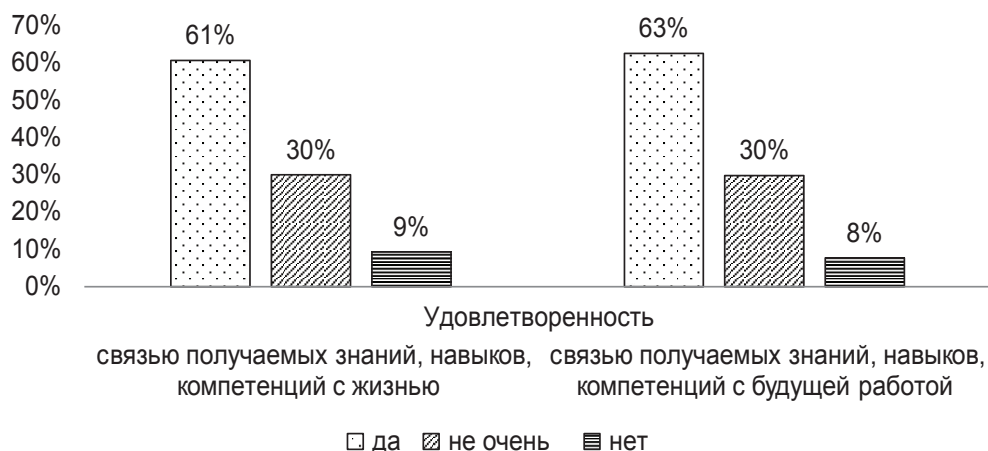

Рис. 30. Удовлетворенность связью получаемых знаний, навыков, компетенций с будущим (в % от опрошенных)

Есть также некоторые отличия по профилю подготовки студентов: у студентов, изучающих науки об обществе, уровень удовлетворенности связью получаемых знаний и компетенций с будущей работой и жизнью на 5–7 % выше, чем у всех остальных направлений. Стоит отметить, что удовлетворенность связью получаемых знаний, навыков, компетенций *с жизнью* сильнее коррелирует с удовлетворенностью вузом, а удовлетворенность их связью *с будущей работой* — с удовлетворенностью осваиваемой профессией. Данный факт подтверждает, что университет дает не только профессиональную подготовку, позволяющую молодежи реализоваться на рынке труда, но и предлагает некие

дополнительные навыки и компетенции, позволяющие добиться успеха в жизни даже вне полученной профессии.

Не снимая с повестки дня *важность дальнейшего совершенствования и реформирования высшей школы* (не путать с недавней «оптимизацией» и «болонизацией»), подчеркнем, что приоритетное отношение студенчества Среднего Урала к своим университетам — *удовлетворенность*. Она во многом близка к оценкам российского общественного мнения. Три из пяти (61,4 %) респондентов общероссийского социологического исследования, проведенного в 2015 г. в 22 субъектах РФ, оценили нашу систему высшего образования положительно (находится в хорошем состоянии; состояние в целом удовлетворительное, хотя имеются и проблемы), лишь один из шести — отрицательно¹.

Как отмечает Е. В. Балацкий, «университеты являются хранителями высокого когнитивного уровня»², где студентам прививаются навыки точной аргументации и критической оценки любой поступающей информации, понимание возможностей альтернативных подходов к решению той или иной проблемы и т. п., что может быть полезно в жизни в будущем.

Во время проведения мониторинга было выделено две группы факторов: *объективные* (набор возможностей, предоставляемых вузом) и *субъективные* (личная ответственность и осознанность студентов). Именно от их сочетания зависит, воспринимает ли студенческая молодежь свое обучение как актуальное для своего будущего, т. е. отмечает ли наличие связи получаемых знаний, навыков, компетенций с будущей жизнью и работой. Корреляционный анализ показал, что удовлетворенность связью получаемых знаний, навыков и компетенций с будущим статистически значимо зависит как от объективных факторов (набор возможностей, предлагаемых вузом), так и субъективных (личная ответственность и осознанность). При этом сила связей выше все-таки именно с объективными факторами, что свидетельствует о том, что вуз не только дает некий набор возможностей для построения своего будущего, но и мотивирует «пользоваться» этим набором. И в этом наиболее значима роль преподавателей как основных аген-

¹ Савинков В. И., Бакланов П. А. Востребованность и оценка населением качества образования. Научное издание / Под ред. акад. Г. В. Осипова. М. : ИСПИ РАН, 2017. 296 с. С. 104.

² Балацкий Е. В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 72–98. С. 92.

тов профессиональной социализации и главных инструкторов по использованию вузовского конструктора возможностей.

Значимость преподавателя для формирования будущей успешности студентов отмечалась многими исследователями¹. В нашем исследовании выявлена статистически значимая корреляционная связь *удовлетворенности взаимодействием с преподавателями* и *удовлетворенности разными аспектами обучения* (применением инновационных и традиционных форм, внедрением проектного подхода, участием в НИР, качеством профессиональной подготовки), а также связь с будущим.

В современных условиях цифровых трансформаций в высшем образовании функции преподавателя расширяются, у него появляются новые роли, которых ранее не было в учебном процессе. Так, помимо традиционной роли лектора, преподаватель сейчас еще и ментор, тьютор, куратор проектного обучения, куратор контента, аналитик, практик цифрового обучения, навигатор². Пожалуй, изменение функций и места преподавателя в учебном процессе можно отнести к еще одному тренду современного высшего образования. При этом одни исследователи говорят о том, что при использовании современных информационных технологий между студентом и преподавателем возникает новый псевдосубъект учебной деятельности — информационно-образовательная среда (ИОС), в результате чего происходит обезличивание их взаимодействия, а преподаватель для студентов становится уже не носителем уникального знания, а скорее методистом-консультантом³. Другие исследователи отмечают (и эта точка зрения нам ближе), что эффективная передача знаний, навыков, компетенций невозможна без личного взаимодействия преподавателя и студента, а личная харизма препода-

¹ Мурованая Н. Н. Преподаватель высшей школы и его роль в реализации инновационной политики в сфере образования // Педагогический вестник. 2018. № 1. С. 56–57 ; Ушева Т. Ф. Роль преподавателя в вопросах рефлексивного сопровождения студентов в образовательном процессе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2017. Т. 9, № 1. С. 42–51 ; Шалыгина И. В. Информатизация высшей школы и трансформация роли преподавателя // Совет ректоров. 2015. № 6. С. 50–56. С. 52.

² Косицкая Ф. Л. Основные тренды в современном российском высшем образовании (по материалам зимней школы преподавателей — 2020) // Научная электр. библ. «КиберЛенинка». URL: <https://clck.ru/Ya7uG> (дата обращения: 02.11.2021).

³ Шалыгина И. В. Информатизация высшей школы и трансформация роли преподавателя // Совет ректоров. 2015. № 6. С. 50–56. С. 52.

вателя и порождаемый ею эмоциональный настрой не могут быть полностью воспроизведены при дистанционном обучении¹. Особенно важен личный контакт при работе с мало мотивированными студентами с низким уровнем ответственности и осознанности. Именно поэтому важно сохранение этого личного интерактивного взаимодействия преподавателей и студентов в процессе обучения при широком внедрении информационных технологий в вузы. Студенты должны иметь возможность задать вопрос преподавателю и получить необходимые разъяснения и помощь при изучении материала и выполнении заданий, получить необходимую им консультацию.

Таким образом, было выделено несколько ключевых трендов развития высшего образования, которые определяют так или иначе возможности современной молодежи в конструировании своего будущего. Во-первых, современное образование ориентировано на цифровизацию и внедрение онлайн-платформ в качестве дополнения к очным занятиям. И опрос уральских студентов показывает, что они готовы к такому смешанному формату обучения: в среднем в своей учебе они считают допустимым около 50 % дистантного обучения.

Во-вторых, активно расширяются возможности выбора студентами индивидуальных образовательных траекторий. Среди екатеринбургских студентов большинство (62 %) полностью удовлетворены возможностями такого выбора и примерно каждый седьмой (14 %) таким выбором не удовлетворен.

В-третьих, современное высшее образование делает ставку на свободу и ответственность студентов, предполагая, что студенты осознанно относятся к своему обучению, обладают необходимым уровнем ответственности и вовлеченности. Наше исследование показало, что около 13 % студенческой молодежи Екатеринбурга (в разных вузах этот показатель колеблется от 4 до 18 %) имеют низкий уровень осознанности и ответственности, высокий уровень у 42 % опрошенных.

В-четвертых, получают активное распространение различные активные методы и инновационные формы обучения. Повсеместно начинается внедрение проектного подхода в учебный процесс. В целом среди студентов отмечается высокая доля удовлетворенных внедрением данных методов обучения (около 60 %).

¹ Балацкий Е. В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24, № 4. С. 72–98. С. 92.

В-пятых, современное образование ориентировано не только на профессиональную подготовку, но и на формирование у студентов гибких навыков (коммуникативных, когнитивных, социальных), которые призваны помочь быстро адаптироваться под изменения рынка труда. Получаемое в настоящее время высшее образование в большей степени является не специальным, а универсальным, ориентированным на получение студентами компетенций, которые помогут им реализоваться в новой структуре экономики.

В-шестых, меняется место и роль преподавателя в учебном процессе, а соответственно, и формы его взаимодействия со студентами, что обусловлено действием вышеперечисленных тенденций. В заключение отметим, что несмотря на пандемию и связанную с ней ситуацию неопределенности большинство студентов удовлетворены тем набором условий, возможностей и инструментов, которые дает им вуз для конструирования их будущего. Восприятие предоставляемых вузом возможностей зависит от отношения к учебе: если сам студент проявляет активность в изучении нового, то он отчетливее видит связь получаемых им в вузе компетенций со своим будущим (со своей будущей работой и жизнью). Удовлетворенность связью получаемых знаний, навыков и компетенций со своим будущим (жизнью, работой) определяется и объективными факторами (тем, что дает вуз), и субъективными (тем, насколько осознанно сам студент относится к построению своего будущего). Современный тренд в развитии высшего образования предполагает, что студент свободен в выборе своей образовательной траектории и ответственен за этот выбор, но часто студент даже не знает, в каком направлении ему двигаться (при поступлении в вуз треть студентов не представляет даже содержание выбранной профессии, более половины не имеет какой-либо профессиональной цели). И именно университету принадлежит решающая роль не только в предоставлении новых образовательных возможностей, но и в формировании осознанности и ответственности студентов, и, следовательно, конструировании их будущего.

Чтобы вуз действительно помогал студентам строить будущее, а не просто выступал неким фильтром для отбора успешных студентов, важно, чтобы была организована работа со всеми группами студенческой молодежи, осуществлялся поиск новых форм работы с неуспешными студентами. Как совершенно справедливо отметили Г. Е. Зборовский и П. А. Амбарова, успешные студенты должны «выращиваться»,

а не «отбираться», а органам государственной власти предлагается осуществлять поддержку тех вузов, которые работают с «трудным» контингентом¹. Учитывая, что каждый десятый третьекурсник до сих пор не представляет специфику и содержание осваиваемой профессии, такая работа со студентами очень важна.

Частью студентов в настоящее время высшее образование воспринимается не только и не столько как способ приобрести определенную специальность/профессию, актуальную для их будущего, сколько как некую ценность саму по себе — способ ухода от проблем настоящего (например, чтобы не забрали в армию, при отсутствии возможности трудоустройства) и/или возможность приобретения неких артефактов и общих компетенций (диплом о высшем образовании, социальные связи, получение навыков *soft skills*), которые потом помогут лучше устроиться в жизни даже вне профессии. И такому контингенту университет тоже должен помочь «найти себя». Предлагая различные возможности, используя различные новые формы обучения, вуз помогает молодежи реализоваться не только в конкретной специальности, но и позволяет (через развитие тех же навыков *soft skills*) добиться успеха на каком-то ином поприще.

¹Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 539 с. С. 520.

9. Доверие как предпосылка уверенности студентов в будущем

Взятые в комплексе, доверие и уважение позволяют проследить темпоральные аспекты социальных отношений: влияние оценок прошлых достижений на реальные сегодняшние и ожидаемые в будущем характеристики действий институциональных и индивидуальных социальных агентов, когда заслуженное в прошлом уважение становится основой для доверия в будущем.

Н. Н. Зарубина

Проблема доверия в сфере высшего образования — актуальное исследовательское направление. Она достаточно активно разрабатывается в социологии образования и ее развивающейся подотрасли — социологии высшего образования¹. В то же время, являясь междисциплинарной, задействует исследовательский потенциал широкого спектра дисциплин социо-гуманитарного и экономического профилей. В этой главе уделено внимание одной из разновидностей доверия — *общностному* доверию как инструменту, условию и фактору, определяющему образовательную деятельность студента, процесс его профессионального становления, отношение к институту профессионального образования, его нормам и стандартам, закладывающему основы профессионального и личного будущего студенческой молодежи.

Проблематика исследования доверия в обществе широко представлена в социологии классическими концепциями Н. Лумана, А. Селиг-

¹ См.: Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования : монография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. 539 с. С. 335—359.

мена, Ф. Фукуямы, П. Штомпки¹. Доверие в образовательной сфере исследуется как институциональная проблема высшего образования², как индикатор, отражающий уровень взаимодействия и характер отношений между субъектами образовательного процесса, образовательными общностями, прежде всего³ как показатель наличия социального консенсуса, способ согласования интересов социальных субъектов⁴. Изучается культура доверия, ее институциональные функции и факторы формирования в высшей школе⁵, осуществляется ана-

¹ Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб. : Наука, 2007. 641 с. ; Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y. : Free, 1995. 457 p. ; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М. : АСТ ; Ермак, 2004. 730 с. ; Seligman A. The problem of Trust. Princeton. New Jersey : Princeton University Press, 1997. 224 p. ; Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 214 p. ; Штомпка П. Доверие — основа общества / Пер. с пол. В. Морозовой. М. : Логос, 2016. 440 с.

² Шуклина Е. А., Певная М. В. Доверие как институциональная проблема высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 6. С. 120—131.

³ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е., Шаброва Н. В. «Старое» и «новое» доверие в высшем образовании // Образование и наука. Т. 21, № 1. 2019. С. 9—36 ; Колпина Л. В., Реутов Н. Н., Третьякова Л. А. Социальное доверие в системе высшего образования Белгородской области: эмпирический анализ // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 6. С. 25—32.

⁴ Кузнецов И. С. Доверительные стратегии согласования интересов в образовании // Социологический журнал. 2019. Т. 25, № 2. С. 138—152 ; Gibbs P., Dean A. Do higher education institutes communicate trust well? // Journal of Marketing for Higher Education. 2015. Vol. 25, No. 2—3. P. 155—170 ; Meer N, Chapman A. Assessment for confidence: exploring the impact that low-stakes assessment design has on student retention // The International Journal of Management Education. 2014. Vol. 12, No. 2. P. 186—192.

⁵ Константиновский Д. Л., Кузнецов И. С. Доверие в исследовании выбора вуза // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 2. С. 82—101 ; Матушак А. Ф. Прогнозирование культуры доверия участников образовательного процесса в высшем профессиональном образовании // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 5. С. 120—125 ; Доверие и недоверие в условиях гражданского общества. М., 2013. 382 с. ; Токарева С. Б., Голубь О. В. Деформация институционального доверия в современном образовательном пространстве: причины и проявления // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2015. № 4. С. 134—138 ; Институциональное доверие в высшей школе и качество образования / С. Б. Токарева, О. В. Голубь, Т. С. Горина, Н. А. Калашникова. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2015. 142 с. ; Григорьев В. Е. Изменение доверия к науке у студентов научных специальностей // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6, № 4. С. 138.

лиз доверия к высшему образованию со стороны работодателей и бизнес-сообществ, их оценки способности высшей школы формировать у выпускников профессиональные знания и компетенции, соответствующие современным запросам общества и потребностям рынка труда¹, исследуется широкий спектр проблем управления высшей школой в условиях реформирования и серьезных трансформаций², доверие в сфере высшего образования является объектом межстранового сравнения³ и др. Отдельный аспект данной проблематики — рассмотрение доверия в контексте феномена «общества риска» (У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, Ю. Хабермас и др.)⁴ и социальной неопределенности (И. Бесстужев-Лада, Ж. Тощенко, О. Яницкий).

В последнее время комплексный анализ доверия как фундаментальной проблемы российского высшего образования был осуществлен исследовательским коллективом УрФУ под руководством Г. Е. Зборовского⁵ в рамках масштабного исследования, проведенного в вузах Уральского региона в 2018–2020 гг. Изучалось влияние доверия на эффективность функционирования высшей школы как социального института; культура доверия образовательных общностей; их отношение к элементам институциональной среды высшего образования, ее институциональным нормам; внутри- и межобщностное доверие; исследовался управленческий аспект культуры доверия, определяющей стратегии управления высшим образованием на разных уровнях от федерального до вузовского.

¹ Ревина Е. В. О доверии к высшему образованию: экономический взгляд на проблему // Управление экономическими системами. 2015. № 11. URL: <http://uecs.ru/marketing/item/3810-2015-11-19-11-40-46> (дата обращения: 01.04.2021) ; Bstieler L., Hemmert M., Barczak G. The changing bases of mutual trust formation in inter-organizational relationships: A dyadic study of universityindustry research collaborations // Journal of business research. 2017. Vol. 74. P. 47–54.

² Балацкий Е. В. Ловушка аудиторных часов и новая модель образования // Высшее образование в России. 2017. № 2. С. 63–69 ; Бюрократизация и адаптивное поведение в сфере высшего образования / В. В. Вольчик, Ю. В. Филоненко, Е. С. Аверкиева, И. М. Ширяев // Journal of Economic Regulation. 2016. Т. 7, № 4. С. 57–71.

³ Зеленев И. А., Прохода В. А. Доверие и высшее образование: сравнение России и других европейских государств // Философские науки. 2016. № 10. С. 108–109.

⁴ Beck U. From Industrial Society to the Risk Society // Theory, Culture and Society, February 1992, V. 9, № 1, P. 97–123 ; Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1991. 256 p.

⁵ Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования : монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских [и др.] / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. 382 с.

Во время исследования рассмотрено внутри- и межобщностное доверие студенчества как элемент институционального доверия в сфере высшего образования как способ производства настоящего и будущего. Общностное доверие — это один из центральных показателей культуры доверия, сформированной в вузе, которая, функционируя и развиваясь, трансформирует все виды деятельности студенчества как в образовательной организации, так и за ее пределами. Через установление общностного доверия в вузе формируется институциональная среда, обуславливающая процесс становления будущего специалиста.

В основе методологии нашего исследования — понятие *общностного доверия* как взаимодействия образовательных общностей, обуславливающих функционирование и развитие социального института образования, воспроизводящих его нормативные регуляторы и организационные структуры посредством устойчивых взаимных ожиданий и деятельности, на них основанной. Другими словами — внутри- и межобщностное доверие в образовательной среде есть процесс производства будущего как самого института образования, так и субъекта образовательной деятельности.

Особое значение феномена общностного доверия заключается в том, что, воспроизводя институциональную среду, оно в то же время производит и индивида или «человека обучающегося». При том, что проходящие в последние десятилетия реформы образования имели своей целью преимущественно нормативные и организационные преобразования, осуществляющиеся административно-бюрократически без видимой апелляции к возможностям людей к ним адаптироваться, учета фактора межобщностного доверия, формирующего институциональную ткань образования, основанную на реальных практиках взаимодействия всех участников образовательного процесса, эти преобразования представляют собой необходимый управленческий ресурс.

Доверие/недоверие между институциональными субъектами образования является как фактором их развития, так и показателем оценки результата этого развития, т. е. жизнеспособности институциональных трансформаций, их функциональности/дисфункциональности.

Межобщностное недоверие может выступать, входя в противоречие с институциональными нормами и организационными структурами как тормозом инноваций, так и фактором развития, может препятствовать архаичной традиционности сложившихся отноше-

ний и организационных структур, либо поддерживать ее, отрицать неработающие институциональные нормы, либо «реанимировать» их через реальные практики взаимодействия. Именно поэтому *культура доверия* — это тот комплекс ценностей и норм взаимодействия социальных субъектов, который обеспечивает необходимый баланс доверия/недоверия, обуславливающий движение через взаимные ожидания социальных субъектов к реализации *желаемого будущего*.

С позиций социологического подхода *доверие в образовании* — это сущностная характеристика межличностных, внутри- и межобщностных отношений, которая не только обеспечивает стабильность функционирования и развития института образования, но и напрямую сказывается на отношении к обществу в целом, доверию его многообразным социальным институтам, социальным общностям и группам, институциональным нормам, правилам, стандартам и традициям. Кризис доверия в образовании связан с кризисом доверия в обществе в целом, и наоборот.

Доверие — это «мягкий» культурный ресурс (П. Штомпка), обуславливающий взаимодействие образовательных общностей между собой и с институциональными структурами. Его формирование осуществляется разными способами. С одной стороны, доверие — это способ предвидеть будущее, выстраивать стратегию его достижения. С другой — оно формируется как результат устойчивых, уже сложившихся взаимодействий, поэтому образовательные общности постоянно пребывают в ситуации конфликта и риска доверия.

Образовательные общности подвержены *различным рискам*:

- абитуриент и его родители (риск на входе в систему высшего образования);
- студент (риски процесса обучения и профессионального становления);
- выпускник (риски трудоустройства, карьеры, профессионального соответствия требованиям работодателя и условиям трудовой деятельности);
- общность преподавателей (широкий спектр рисков профессиональной деятельности и связанный с ними комплекс проблем экономического, социально-психологического, индивидуально-личностного плана);
- общность представителей образовательного менеджмента (риски выбора стратегии управления, условий и процесса ее ре-

ализации, результата и социальных последствий управленческой деятельности).

При этом важным является понимание, что механизмы снятия рисков доверия достигаются за счет формальных и неформальных процессов, протекающих как в иерархизированных, так и в сетевых взаимодействиях. Во многом открытыми остаются вопросы их соотношения в образовательной сфере, обеспечивающие эффективность «работы» доверия как инструмента регулирования межличностных и межгрупповых взаимодействий. Их концептуализация, анализ, эмпирические исследования являются важным вкладом в формирование стратегии управленческой деятельности разных уровней, адекватной реальным запросам всех социальных субъектов, включенных в образовательную сферу, и обеспечивающей их развитие в соответствии со своим и социальным проектом будущего.

Эмпирическое исследование, затрагивающее проблему общественного доверия студенчества в рамках проекта «Студент — 2020», предполагало использование ряда статистических методов анализа. Был применен двухэтапный кластерный анализ. Доверие измерялось показателями удовлетворенности отношениями студентов с однокурсниками, преподавателями, администрацией вуза, факультета (института), кафедры, которые образовали три входных поля.

Было сформировано два кластера (качество кластеров «хорошее»). Первый — 50,5 % (1004 респондента) — кластер «доверяющих», второй — 49,5 % (983 респондента) — кластер «не доверяющих».

Далее были использованы элементы корреляционного анализа для характеристики каждого кластера. Это позволило рассмотреть внутри- и межобщностное доверие студенчества как условие их образовательной деятельности и фактор профессионального становления, выявить взаимосвязь общественного и институционального доверия, их влияние на социальную активность студентов.

В ходе исследования был применен вторичный анализ данных, полученных в рамках реализации исследовательского проекта в 2017–2018 гг.¹, включавшего массовый опрос студентов Уральского федерального округа. Выборка квотная, N = 1860 чел.; а также результаты

¹ Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе: монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских [и др.]; под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. 400 с.

массового опроса студентов семи вузов г. Екатеринбурга, проведенного в 2019 г. Выборка квотная, N = 368 чел.¹.

В первом исследовании институциональное доверие в методике реализованных опросов измерялось через субъективные оценки доверия общности студентов к образовательной политике, реализованной на федеральном, региональном и локальном (вузовском) уровнях.

Во втором использовалась сложная авторская методика измерения доверия студентов институциональным регуляторам образовательной среды «на входе», в процессе реализации образовательной деятельности, и на «выходе» — при оценке результативности обучения. Кроме того, доверие студентов институциональным нормам рассматривалось в трех аспектах: эмоциональном, когнитивном, поведенческом. В итоге был сформирован комплекс из 42 показателей.

Рассмотрим взаимосвязь доверия и отношения студентов к процессу и результату образовательной деятельности через анализ различий между группой студентов с высоким (1 кластер) и сниженным уровнем доверия (2 кластер). В ходе анализа данных зафиксирована связь между уровнем межобщностного доверия и отношением студентов к организационным условиям и ожидаемым результатам обучения в вузе (табл. 57).

Таблица 57

Студенты об отношении к условиям и результатам образовательной деятельности в вузе, в зависимости от типа кластера (% от размера кластера)

Удовлетворены ли вы...?	Уровень общностного доверия	
	высокий (1 кластер)	сниженный (2 кластер)
качеством профессиональной подготовки	76	45
связью получаемых знаний, навыков, компетенций с жизнью	74	47
связью получаемых знаний, навыков, компетенций с будущей работой	77	48
применением традиционных форм обучения	83	59
применением инновационных форм обучения	70	51
внедрением проектного подхода в учебный процесс	76	50

¹ Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования : монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских [и др.] / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. 382 с.

Окончание табл. 57

Удовлетворены ли вы...?	Уровень общественного доверия	
	высокий (1 кластер)	сниженный (2 кластер)
возможностью выбрать индивидуальные траектории обучения	73	52
участием в научно-исследовательской работе	71	42
технической базой, оснащённостью лабораторий и аудиторий	72	49

Примечание. Методика предполагала альтернативный вопрос с вариантами ответов: «да», «не очень», «нет». В таблице фиксируются ответы «да» и представлены только значимые связи.

Большая часть студентов с *высоким уровнем доверия* (1 кластер) удовлетворена условиями обучения (образовательными технологиями, методами, организацией научно-исследовательской работы, технической базой обучения), качеством подготовки и прогнозирует для себя позитивные результаты применения полученных знаний в профессиональной сфере и в жизни. Тогда как среди студентов *из кластера «недоверяющих»* (2 кластер), готовых позитивно оценить условия и результаты своей образовательной деятельности в вузе, меньше половины.

Данные группы студентов отличаются отношением к образованию и *мотивацией образовательной деятельности*. Так, в 1 кластере практически в два раза больше тех, кто, не ограничиваясь освоением учебного материала, стремится самостоятельно изучать и то, что выходит за рамки учебных программ и планов (31 и 18 % соответственно), и в два раза меньше тех, кто особых усилий к учебе не прилагает, стараясь при этом не «вылететь» из университета (5 и 11 % соответственно). Другими словами, эта группа студентов отличается более высоким уровнем мотивации учебной деятельности и низким уровнем потребности в оппортунистическом поведении, имитирующем образовательную активность.

Вторая группа находится в ситуации больших рисков, связанных с процессом и результатом обучения. Их будущее, по самооценкам респондентов, характеризуется в целом большей неопределенностью. Рассмотрим, в какой мере эта неопределенность обусловлена процессом профессионального становления.

Особенность студентов первой группы — их профессиональное самоопределение начинается раньше. Еще на этапе обучения в школе до поступления в вуз практически 80 % из них сделали свой профессиональный выбор. Испытывает неуверенность в этом выборе в настоящее время каждый пятый студент этой группы. Для второго кластера характерен пролонгированный профессиональный выбор, который не сделан окончательно и продолжается до сих пор в процессе обучения в вузе практически у каждого третьего студента (табл. 58).

Таблица 58

**Студенты о времени выбора будущей профессии в зависимости от типа кластера
(% от размера кластера)**

Время выбора профессии	Уровень общностного доверия	
	высокий (1 кластер)	сниженный (2 кластер)
Еще в детстве	10	9
В средних классах школы (8–9), при выборе профильных дисциплин ГИА	18	12
В старших классах школы (10–11), при выборе профильных дисциплин ЕГЭ	52	50
Окончательный выбор и сейчас мною не сделан	20	29
Итого	100	100

С одной стороны, это отражение общей ситуации неопределенности, характерной для современного общества и связанного с ней процесса профессионального становления молодежи, с другой — проявление недоверия к себе, своему профессиональному выбору, социальному институту профессии, институту профессионального образования и пр.

Далее рассмотрим, связано ли доверие/недоверие с процессом профессионального самоопределения студента в вузе (табл. 59).

В целом студенты удовлетворены осваиваемой в вузе профессией, их представления о ее содержании в ходе обучения практически не изменились, и большая часть готова была бы выбрать эту профессию снова. При этом вторая группа (с низким уровнем доверия) имеет статистически значимые отличия от первой в сторону более низких показателей выбора профессии и вуза, в котором осуществляется

процесс ее освоения, т. е. она в меньшей степени удовлетворена профессиональным становлением и сталкивается здесь с большими рисками для себя.

Таблица 59

**Студенты о процессе профессионального самоопределения в вузе
в зависимости от типа кластера (% от размера кластера)**

Вопросы	Уровень общностного доверия	
	высокий (1 кластер)	сниженный (2 кластер)
Удовлетворены ли вы сейчас избранным вузом?	92	73
Удовлетворены ли вы сейчас осваиваемой профессией?	88	73
При поступлении в вуз представляли ли вы содержание, характер и специфику будущей профессии?	73	64
А сегодня представляете ли вы содержание, характер и специфику осваиваемой профессии?	73	64
Повторили бы вы свой выбор профессии, если бы представилась такая возможность?	72	60

Примечание. Методика предполагала альтернативный вопрос с вариантами ответов: «да», «скорее да», «скорее нет», «нет». В таблице зафиксированы ответы «да» + «скорее да» и представлены только значимые связи.

Интересно при этом, что мотивация выбора профессии, ее роль в жизни оценивается представителями обоих кластеров одинаково. Также одинаково видятся обеими группами риски выхода на рынок труда:

- сходны по самооценкам риски найти работу по специальности;
- группы полностью идентичны в понимании проблем, с которыми сталкивается молодежь при трудоустройстве и оценке востребованности выбранной профессии на рынке труда;
- студенты также имеют одинаковые представления о наиболее эффективных стратегиях трудоустройства.

Остается предположить, что критическое отношение представителей второго кластера к процессу профессионального становления в вузе связано с индивидуально-личностными особенностями профессионального выбора, критическим отношением к организации образовательной деятельности и институту профессионального образования в целом, не гарантирующему студенту необходимые результаты обучения, определяющие его профессиональное будущее.

Характеризуя особенности внутри- и межобщностного доверия студенчества, мы оценили его взаимосвязь и взаимозависимость с рядом существенных характеристик института образования: принятыми нормами и формами организации образовательной и научно-исследовательской деятельности студента, выражающимися в стратегиях профессионального становления будущего специалиста, принципах связи образования и профессии, образовательных технологиях, способах и моделях реализации образовательного процесса. Их взаимозависимость несомненна, поскольку межобщностное доверие как взаимодействие между студентами, преподавателями и образовательным менеджментом есть такой же элемент института образования. Следовательно, можно с уверенностью говорить о двух типах общностного доверия как доверия студентов к институту высшего образования.

Далее мы рассмотрим взаимосвязь *доверия студентов институту образования и иным социальным и политическим институтам* (табл. 60). Статистический анализ данных позволяет сделать вывод, что такая взаимосвязь существует, но ее интерпретация не столь однозначна.

Таблица 60

**Уровень институционального доверия студентов в зависимости от типа кластера
(% от размера кластера)**

Доверяете ли вы разным политическим и социальным институтам?	Уровень общностного доверия	
	высокий (1 кластер)	сниженный (2 кластер)
Губернатору и правительству Свердловской области	53	37
Законодательному собранию Свердловской области	51	36
Профсоюзам	53	42
Некоммерческим организациям	51	42
Правоохранительным органам	48	30
Президенту РФ	48	28
Армии	44	31
Правительству РФ	41	26
Государственной думе, Совету федерации РФ	38	22
Политическим партиям, движениям	35	24
Средствам массовой информации	29	19
Церкви, религиозным организациям	28	18

Примечание. Методика предполагала альтернативный вопрос с вариантами ответов: «да», «нет». В таблице фиксируются ответы «да» и представлены только значимые связи.

Характеризуя рейтинги представителей первого кластера, нужно отметить, что студенты доверяют прежде всего региональным властям, профсоюзным и некоммерческим организациям, силовым структурам, президенту и правительству, политическим партиям, СМИ и церкви. Уровень институционального доверия представителей второго кластера ниже по всем показателям, оно имеет и иные качественные характеристики. Эта группа отдает предпочтение институтам гражданского общества (профсоюзным и некоммерческим организациям), затем управленческим структурам регионального уровня и далее другим социальным институтам. Для этих студентов характерно критическое отношение к институту образования, коррелирующее с такой же критикой других социальных и политических институтов. Данные характеристики свидетельствуют об определенных социальных приоритетах, с которыми студенты связывают свое будущее как специалистов-профессионалов и будущее страны в целом.

Рассмотрим более подробно представления студенческой молодежи о будущем и их самооценки возможности повлиять на него (табл. 61).

Таблица 61

**Представления студенческой молодежи о будущем в зависимости от типа кластера
(% от размера кластера)**

Корреляция вопроса и позиции. Доверяете ли вы разным политическим и социальным институтам?	Уровень общностного доверия	
	высокий (1 кластер)	сниженный (2 кластер)
о своей уверенности в завтрашнем дне	67	54
об уверенности в своем будущем	59	47
о возможности повлиять на развитие общества, добиться улучшений	68	58

Примечание. Методика предполагала альтернативный вопрос с вариантами ответов: «да», «нет». В таблице фиксируются ответы «да».

Для студентов «уверенность в завтрашнем дне» и «уверенность в своем будущем» — это, очевидно, разновидность краткосрочных и долгосрочных прогнозов. Первая группа более оптимистична в отношении своих перспектив, как ближайших, так и отдаленных, вторая делает более осторожные прогнозы. При этом представители обоих кластеров имеют одинаковые стратегии в построении планов на ближайшее будущее: каждый третий осуществляет планирование своей жизни на один год и каждый четвертый — на пять лет. Более долго-

срочных планов студенты не строят, не имея возможностей управлять их реализацией в условиях социальной нестабильности.

Большая часть студентов считает, что может повлиять на развитие общества, добиваясь явных улучшений в нем. Вторая группа («недоверяющих») настроена более пессимистично, хотя и среди них больше половины тех, кто сохраняет надежды на улучшение социальной ситуации, реализуемой благодаря собственным усилиям. При этом нужно отметить, что суждения студентов о социальных изменениях остаются на уровне деклараций. Для представителей обоих кластеров характерен одинаково невысокий уровень *социального участия*, реализуемого на практике. Другими словами, построение будущего через развитие и улучшение общества благодаря собственному участию остается пока для студентов отложенным проектом.

Институциональное доверие студенчества: сравнительные параллели в исследовательских проектах

В силу того, что методика изучения доверия в рамках «Студент — 2020» имела определенные ограничения, заданные форматом исследовательского проекта, рассмотрим результаты сходных по проблематике исследований, полученных автором и дополняющих сформированную картину. Каковы же особенности доверительного отношения студентов к субъектам образовательной деятельности и управленческой политики (табл. 62)?

Таблица 62

Студенты о доверии к субъектам образовательной и управленческой деятельности в сфере образования (в % от числа ответивших)

Испытываете ли вы доверие к...	Скорее, да	Скорее, нет	Затрудняюсь ответить	Индекс доверия
преподавателям	74	15	11	0,59
сокурсникам	74	18	8	0,52
администрации факультета	51	26	23	0,25
администрации вуза	41	30	30	0,11
профсоюзу студентов	37	32	31	0,05
образовательной политике, реализующейся в вузе в отношении студентов	35	32	33	0,03
образовательной политике, реализующейся в РФ в отношении высшей школы	27	35	38	–0,08

Примечание. Здесь и далее индекс рассчитан как условная средняя по порядковой шкале, колеблется в границах от –1 до +1.

Уровень доверия студенческой общности по отношению к управленческим структурам высшей школы и реализуемой ими политики в отношении студентов невысок. Ближе всего студентам деятельность администрации факультетов, менее выражено доверие внутривузовскому управлению и крайне осторожное отношение к образовательной политике, реализующейся в РФ. Оценки доверия управленческим структурам федерального и регионального уровней значительно ниже остальных.

Корреляционный анализ позволил выявить зависимость между показателями удовлетворенности студентов образовательной политикой вуза и их доверием субъектам этой политики (располагается по силе связи от максимума к минимуму):

- к администрации вуза (*Pearson Chi-Square = Value 776,134^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,465/0,549*);
- к университетскому профсоюзу (*Pearson Chi-Square = Value 683,089^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,435/0,525*);
- к администрации факультета/департамента (*Pearson Chi-Square=Value 591,325^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,405/0,497*);
- к преподавателям (*Pearson Chi-Square = Value 184,841^a, Asymp. Sig. (2-sided) 0,0; Cramer's V=0,226/0,305*).

Выявленная взаимосвязь показывает, что студенты возлагают ответственность за реализацию стратегии вузовского развития, успешность/неуспешность его трансформации на основных субъектах управленческой деятельности. При этом институциональное недоверие компенсируется межобщностным доверием между образовательными общностями студентов и преподавателей. Для студенчества наиболее значимым является коммуникативный аспект взаимодействия с преподавателями (табл. 63).

Таблица 63

**Качества преподавателей, вызывающие доверие студентов
(в % от числа ответивших)**

№	Качества преподавателей, вызывающие доверие студентов	%
1	Профессиональные коммуникативные навыки	65
2	Нравственные качества, носителями которых они являются (честь, долг, идеалы добра, справедливость)	61
3	Открытость, искренность, готовность помогать другим	61
4	Высокий уровень профессиональной культуры	60

Окончание табл. 63

№	Качества преподавателей, вызывающие доверие студентов	%
5	Методический профессионализм преподавателя (способность научить)	56
6	Ответственность, добросовестность	54
7	Терпимость, неконфликтность	50
8	Высокий уровень общегуманитарной культуры	36
9	Соблюдение норм профессиональной этики	35
10	Активность, оптимизм	31
11	Готовность к деловым партнерским отношениям	27
12	Верность своим убеждениям, принципиальность	26
13	Профессиональная требовательность	24
14	Независимость	11

Доверие к преподавателям в студенческом сообществе формируется прежде всего на основе межличностных контактов, у преподавателя высоко ценятся навыки профессионального общения (отметили 2 из каждых 3). Уважение к личности преподавателя, его человеческим, нравственным качествам (честь, долг, справедливость, идеалы добра), готовности вступать в контакт, оказывать помощь и поддержку, к высокому уровню его профессиональной культуры в сочетании со строгим следованием нормам профессионального поведения — основа в формировании межобщностного доверия и условие комфортной, творческой, профессионально-образовательной среды для становления молодого специалиста.

Такая среда и, прежде всего, доверительная коммуникация с преподавателями благотворно влияет на повышение готовности студентов к образовательным рискам. Вместе с тем, при росте недоверия студентов к административным структурам разного типа (администрации факультета, вуза и др.) эта готовность снижается. Недоверие студентов управленческим структурам снижает их адаптивный потенциал, приводит к пассивности в образовательной деятельности, склонности перекладывать ответственность за собственные неудачи на администрацию вуза, факультета, образовательную политику в целом, не проявляя готовности к самостоятельному решению проблем, возникающих в процессе обучения. Так, например, среди студентов, не доверяющих образовательной политике РФ, в два раза больше тех, кто возлагает ответственность за образовательные риски на государство (45 %), либо на вузы (43 %), но не на самих себя.

Студенты, имеющие высокий уровень институционального доверия (доверяющие административным структурам управления и образовательной политике РФ в целом), демонстрируют повышенную адаптивность и готовность справляться с образовательными рисками, %:

- 45 из них готовы справляться с этими рисками самостоятельно;
- 15 считают, что ответственность за риски должна ложиться на вузы;
- 15 уверены: такая ответственность должна ложиться на государство;
- 25 затруднились ответить.

В исследовании, посвященном изучению доверия как фундаментальной проблемы высшего образования, были выявлены сходные тенденции в оценке институционального доверия у студентов, принадлежащих двум кластерам¹. При этом группа студентов со сниженным уровнем доверия характеризуется критическим отношением к университету как структуре, базирующейся на гуманистических ценностях, реализующей образовательный процесс современными методами в соответствии с целями и ценностями студентов, обеспечивающей устойчивость и предсказуемость самой образовательной деятельности и будущего результата.

Для студентов с этим типом культуры доверия характерны проблемы в образовательной деятельности, связанные со снижением учебной мотивации, проблемы профессионального становления (освоения базовых элементов профессиональной культуры, профессиональных знаний, ценностей, идентификации с профессией, готовности работать по профессии). Они, как правило, используют поведенческие стратегии отстраненности, ограниченной активности в межобщностной коммуникации с преподавателями, представителями образовательного менеджмента, что снижает уровень адаптации к вузу и затрудняет образовательную деятельность.

Институциональное доверие в высшем образовании — комплексный, многоаспектный феномен. Оно представляет собой систему отношений образовательных общностей с нормативными регуляторами (нормами разного уровня, правилами, стандартами, социокультур-

¹ Кластеры сформированы по иным основаниям, поэтому прямые сравнения не целесообразны, но возможны некоторые параллели, демонстрирующие сходные тенденции.

ными эталонами, традициями, обуславливающими сложившиеся практики); с организационными структурами, обслуживающими образовательную деятельность и их ресурсами: образовательными организациями в целом, их структурными подразделениями, способами организации деятельности, (например, иерархическим, сетевым, проектным и пр.), системой управления и управленческими ресурсами (стратегиями, моделями, стилем управления), финансовыми, технико-технологическими, методическими и др. ресурсами; с социальными субъектами, включенными прямо или косвенно в образовательный процесс: образовательными общностями, родительским сообществом, сообществами выпускников, управленческими общностями разного уровня, стейкхолдерами как институциональными субъектами (работодателями, структурами гражданского общества, СМИ и пр.).

Характер отношений институционального доверия базируется на социальном консенсусе субъектов, включенных в образовательную сферу, на взаимных ожиданиях и моделях будущего развития событий, реализуемых посредством отношений и совместной деятельности. Другими словами, институциональное доверие — это условие, способ и инструмент (механизм) конструирования будущего как самих социальных общностей, так и всего социального института в целом.

Институциональное доверие в сфере образования пронизывает всю систему отношений и формируется под воздействием широкого спектра факторов. В целом систему доверительных отношений в образовании и по поводу образования, которая регулируется ценностями и нормами доверия/недоверия, можно назвать культурой доверия. Ее субъектами выступают все социальные общности, включенные в образовательную сферу, и сам институт образования, являющийся носителем этой культуры, ответственным за ее воспроизводство и развитие.

Студенческое сообщество попадает под регулятивное воздействие культуры доверия на «входе», в процессе реализации образовательной деятельности, и на «выходе» на конкретный результат. Особое значение в этом отнюдь не линейном движении приобретает сочетание регулятивной и прогнозной функции доверия. На всех этапах продвижения к будущему студенты сталкиваются с рисками доверия, за регулирование которых ответственность возлагается на управленческую политику, реализуемую на федеральном, региональном и локальном (вузовском) уровнях системы образования.

Результаты нашего исследования показали, что институциональное доверие студенчества является значимым фактором его образовательной деятельности. Чем выше уровень институционального доверия, тем выше адаптивный потенциал студента к вузу и образовательной деятельности в целом. Вместе с тем выявлено, что значимыми факторами снижения уровня доверия является неудовлетворенность реализацией социокультурной, гуманистической функции вуза, когда студенты оказываются разочарованными в воплощении гуманистических ценностей, заложенных в основу вузовской политики в отношении студента. Разочаровывающим фактором становятся и способ организации образовательной деятельности, и методы, не вполне соответствующие современным требованиям, целям и ценностям студентов, не обеспечивающие устойчивость и предсказуемость самой образовательной деятельности и ее будущего результата.

Общностное доверие «студент — преподаватель» является одним из краеугольных оснований внутривузовской культуры доверия, которая строится на социальной солидарности студентов и преподавателей. Оно обуславливает высокие показатели успешности учебной и научно-исследовательской деятельности студента, процесс его профессионального самоопределения, становления, освоения профессиональной культуры. Это зафиксировано результатами исследования. Вместе с тем в этой системе взаимодействия существуют сбои: от третьей части до половины студентов (по разным методикам исследования) констатируют наличие образовательных рисков, зависящих от способа организации взаимодействия с преподавателями. Как правило, это риски процесса обучения и недостижения ожидаемого результата. Студенты их связывают с формализацией, бюрократизацией образовательного процесса, его оторванностью от практики профессиональной деятельности, несоответствием своим потребностям и целям.

По результатам исследований снижение уровня доверия студентов к представителям образовательного менеджмента влияет на адаптивный потенциал, образовательную успешность, ответственность студента за результаты собственной деятельности, их готовность справляться самостоятельно с рисками получения образования и профессии. Недооценка важности доверительных отношений в университетской среде дисфункционально сказывается на формировании внутривузовской культуры доверия, а впоследствии — и на социальной эффективности результатов управленческих усилий. Вклад административных

структур в негативную оценку студентами вузовских преобразований является значительным, что требует изменения стиля и качества управления, организации социально приемлемого взаимодействия управленческих структур с базовыми образовательными общностями вузов.

В системе российского высшего образования недоверие становится латентным социокультурным фактором, прямо и косвенно влияющим на эффективность управленческой деятельности, поэтому формирование культуры доверия может и должно стать одним из трендов реализации взвешенной управленческой политики в вузе. Этот процесс предполагает комплекс разнонаправленных усилий: работу с ценностями и целями студентов, их изучение, поиск взаимного соответствия ценностям и целям других социальных общностей и организации в целом; формирование норм и правил организации с учетом возможностей студентов их усвоить и сделать частью образовательной и профессиональной культуры; создание условий для формирования устойчивых стратегий образовательной деятельности студента, понятных, эффективных, ориентированных на будущее индивидуальных траекторий; поиск адекватного («антибюрократического») языка образовательного менеджмента, позитивно влияющего на имиджевые характеристики вузов, профессий, профессиональной деятельности, не вызывающего отторжения у студентов, снижения их коммуникативной активности и адаптивных способностей и др.

В целом углубление межобщностного взаимодействия, выстраивание его на доверительных основаниях, поиск консенсуса между потребностями образовательной общности студентов и институциональными ресурсами образовательной организации — это путь формирования культуры доверия, поиска баланса доверия/недоверия, который обеспечит для студентов движение к желаемому и прогнозируемому будущему. Выявленные особенности культуры доверия студенческого сообщества еще раз свидетельствуют о необходимости осознанно и целенаправленно ставить задачи активного, адресного формирования культуры доверия образовательных общностей как значимого фактора повышения социальной эффективности высшей школы.

10. Будущее как ценность и ценности будущего: тренды развития ценностных установок

Судьба цивилизации в ближайшие десятилетия очень зависит от ценностей и способов их изменения, а также от лидеров, которые возьмут на себя ответственность за реализацию задач прогресса.

А. В. Турчин, М. А. Батин

Исследование ценностных ориентаций студенческой молодежи — традиционный раздел монографии по итогам очередного этапа нашего исследования, несмотря на то что пандемическая реальность внесла определенные исследовательские коррективы в традиционную для 25-летнего мониторинга методологическую и инструментальную преемственность. Распространенное экспертное высказывание *«мир уже никогда не будет таким, как прежде»*, его футурологичность и одновременно модальная неопределенность продуцируют новые исследовательские перспективы, *фреймворки* (от англ. *framework* — остов, каркас, структура; программное обеспечение, облегчающее разработку и объединение разных компонентов программного проекта) оценочных процедур:

- определение эпистемологических конструкторов и методологических предпосылок изучения ценностных ориентаций в условиях неопределенности пандемической реальности;
- выявление структуры и динамики ценностных ориентаций студенческой молодежи;
- оценка устойчивости изменений ценностных установок на основе онтологической, функциональной и темпоральной при-

роды ценностей в рамках сквозного коммуникативного дискурса, интегрирования всей базы данных мониторинга в их взаимной детерминационной связи;

- выявление внутриобщностных различий в ценностной структуре студенческой молодежи в диалектике общего и особенного.

Интерес к *ценностной* проблематике в период пандемии активизировался со стороны экспертного сообщества необычайно быстро и широко. Подобный повышенный спрос к аксиологии наблюдался, пожалуй, в конце 1990-х гг., когда произошла резкая смена идеологических приоритетов развития страны. Сегодня достаточно набрать в поисковой строке любого браузера ключевые слова «*влияние пандемии на ценности*», и перед читателем разворачивается масштабный междисциплинарный тематический дискурс¹. Каждый эксперт в рамках своей научной сферы с использованием соответствующего категориального аппарата пытается осмыслить происходящие перемены, сочетая профессиональную рефлексию с личным восприятием и эмоциональной реакцией.

Так, представителей *психологической науки* интересуют проблемы психологического здоровья личности. Исследование психологических эффектов и последствий COVID-19 осуществляется с использованием таких эмоциональных денотатов, как страх, депрессия, стресс, раздражительность, бессонница, гнев, эмоциональное истощение, сниженное настроение и раздражительность². Вечный *философский* вопрос об отношении человека к себе и миру в культурно-философских дискурсах трансформируется в дилемму ценностного предпочтения двух исторических типов культуры — западной «культуры достижения» или

¹ Бёнке К. Изменяются ли ценности во время пандемии COVID-19? Пример Германии и Великобритании. Центр социокультурных исследований : [сайт]. URL: <https://scr.hse.ru/news/414974428.html> (дата обращения: 02.05.2021) ; Литвинович В. Базовые ценности проходят переоценку. SB news. Беларусь сегодня : [сайт]. URL: <https://sb-by.turbopages.org/sb.by/s/articles/uroki-pandemii.html> (дата обращения: 02.05.2021) ; Похилько А. Д., Шабашова Н. М. Изменения общественного сознания под влиянием современной пандемии // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 75—80 ; Не ковидная участь: как пандемия влияет на социальные ценности. Опыт изучения Китая. Magna Tech Electronic Company : [сайт]. URL: <https://magna-tech.org/news/ne-kovidnaya-uchast-kak-pandemiya-vliyaet-na-sotsialnye-tsennosti-opyt-izucheniya-kitaya/> (дата обращения: 02.05.2021); и др.

² Федосенко Е. В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус Covid-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. № 15. С. 35.

восточной «культуры безопасности»¹. *Географы* отмечают эффект географической связанности, обсуждают процессы «релокализации (переноса в другое место) многих видов деятельности», появление «ковидного дауншифтинга» (от англ. *downshifting* — переход на низкую передачу; добровольное снижение социального статуса)². Представители *экономической* науки, оценивая динамику экономических последствий пандемии³, тестируют на выживание ценностные стратегии корпоративной культуры предприятий и учреждений. Измерение уровня доверия к политическим институтам общества — предмет оценок экспертов *политологии*⁴. *Педагогов* волнуют возможности и ограничения цифрового обучения⁵.

Общий экспертный вывод: «система ценностей в условиях пандемии стремительно меняется». И хотя сами эксперты артикулируют явный кризис экспертности, в их оценках пандемия предстает как интеллектуальный вызов, тестирование антропосферы крупнейших географических районов⁶.

Одной из первых попыток социологического изучения феноменов пандемии стал проект Фонда общественного мнения «Социология

¹ Каганский В. Ковид поставил вопрос о том, какими методами осмыслять длящуюся современность // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/kovid-postavil-vopros-o-tom-kakimi-metodami-osmyslyat-dlyashuyusya-sovremennost> (дата обращения: 20.04.2021).

² Там же.

³ Прокофьев А. Последствия пандемии vs ценности: кто кого? // Информационный портал Полит.РУ. URL: <https://polit.ru/article/2020/06/24/newideaspandemic/> (дата обращения: 18.04.2021).

⁴ Иванов М. Пандемия коронавируса изменила общественные настроения россиян. Они трансформировались не в лучшую сторону // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/rezhim-zhestkih-ogranichenij-zakonchilsya-no-stesnennost-soznaniya-prodolzhaet-oshushatsya> (дата обращения: 21.04.2021).

⁵ Сафронов И. Беседа о векторальной реальности в условиях пандемии, специфике авральной «удаленки» и возможностях адаптации к изменениям через взаимную поддержку // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/rezhim-zhestkih-ogranichenij-zakonchilsya-no-stesnennost-soznaniya-prodolzhaet-oshushatsya> (дата обращения: 20.04.2021).

⁶ Вахштайн В. Как пандемия влияет на нашу рутину и объединяет незнакомых людей // Интернет-издание «Бумага». 28.05.2020. URL: <https://paperpaper.ru/campus/kak-epidemii-menyayut-nashu-rutinu-i-form/> (дата обращения: 21.04.2021).

пандемии. Проект коронаФОМ». Социологи в стремлении осмыслить происходящие изменения в повседневных практиках людей обращаются к классическим и современным парадигмам социологического знания, оперируя такими категориями, как коллективные представления, социальное действие, социальные связи, социальное неравенство, социальная мобильность, социальное пространство и социальное время. Однако эта первичная социологическая рефлексия пока имеет явно *феноменологический* характер и ориентирована в большей степени на построение социологических индикаторов воздействия пандемии на изменения социального поведения, нежели (в силу отсутствия по понятным временным причинам масштабных сравнительных исследований) оценку устойчивости этих изменений, их последствий в разрезе моделирования будущего, общностных характеристик коллективных представлений.

В прогнозировании будущего бóльшими эвристическими возможностями обладают исследования такой социальной общности, как молодежь. Изучение динамики ценностных ориентаций студенческой молодежи, обладающей высоко ресурсными характеристиками и являющейся стратегическим агентом инновационного развития общества, может стать основой для выявления тенденций общественного развития, принятия и коррекции политических и управленческих решений в различных горизонтах планирования.

Ценностные ориентации¹ — это ключ, открывающий пространство исследовательских практик, разных методологических подходов и инструментов. Основной аргумент в пользу такового вывода — *онтологическая, функциональная и темпоральная* природа ценностных ориентаций. Ценностные ориентации являются производными от социальных (надивидуальных) ценностей. В рамках деятельностного подхода ценностные ориентации можно определить как специфическую ориентационно-проектировочную деятельность субъекта, в процессе которой осуществляются оценка и выбор социальных ценностей. В основе оценочной и избирательной процедур лежит отношение субъекта

¹ Не повторяясь (см.: Ценностные ориентации студентов // Студент 1995—2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : Монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 904 с. С. 391—454), мы стремимся углубить теоретико-методологический анализ ценностей и ценностных ориентаций с учетом общего акцента на VIII этапе мониторинга (2020 г.) на темпоральных установках студентов.

к значимости ценности, которая определяется ее общественной функцией, степенью удовлетворения различных потребностей и интересов субъекта. «Государство, — отмечал Г. Риккерт, — является для нас ценностью настолько, насколько хорошо выполняет оно для нас общественную функцию»¹.

Ценностные ориентации не только формируются в процессе деятельности, но и реализуются через деятельность. Присущие любому виду деятельности ценности выполняют по отношению к ней детерминирующую функцию. Объектом регуляции могут выступать сама деятельность, ее цель, средства, результат (основание для выделения *терминальных и инструментальных ценностей*); различные виды деятельности (основание для классификации ценностей *по видам деятельности*); сам субъект, его потребности и интересы; отношение различных потребностей друг к другу. Иначе говоря, ценности регулируют всю совокупность объективных и субъективных характеристик деятельности, образующих диапазон возможностей для деятельностного субъекта. Ценностное сознание субъекта в контексте его регулирующей функции предстает как мир согласующихся возможностей — в форме иерархической, рейтинговой структуры ценностных ориентаций.

Внутреннее согласование ценностных возможностей осуществляется в процессе их отбора: какие возможности могут быть реализованы, а какие — отклонены. Ценности всегда конкурируют за человеческое сознание. Их выбор осуществляется в ходе сложного и противоречивого процесса, соотнесенного с необходимостью выбора и свободой этого выбора. Диалектика необходимости и свободы в ценностном сознании проявляется в единстве и борьбе должного и сущего: между личностными смыслами субъекта, определяемыми в качестве базовых, непреложных ценностей, и практической оценкой, подчиняющей деятельность субъекта практической целесообразности; между объективными и субъективными условиями ценностного выбора, возможностями социальной среды и осознанием возможности выбора самим субъектом, его желанием делать выбор и критериями этого выбора.

Двойная контингентность ценностного выбора, определяемая как *возможность выбора и выбор возможностей*, в эмпирическом исследо-

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре : Пер. с нем. / Общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова ; Сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева ; Подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. М. : Республика, 1998. 413 с. С. 61.

вании отражается соотношением терминальных и инструментальных ценностей. *Ценности-цели* связаны с возможностью выбора субъектом ценностного самоопределения значимых для него сфер жизнедеятельности, пространства реализации его активностей. *Ценности-средства* определяют возможные и доступные средства достижения ценностно-целевых ориентиров.

Такая двойная контингентность ценностного выбора, его преемственности и изменчивости обусловила инициирование двух исследовательских гипотез в нашем эмпирическом исследовании. *В условиях пандемической реальности, существенно ограничивающих возможности социальной среды в проявлении значимых жизненных активностей:*

- *усиливается избирательность ценностного выбора студенческой молодежи — при сохранении релевантности и устойчивости универсальных жизненных ценностей (витальных, материальных, семейных) усиливается значимость установок на самореализацию и личную безопасность;*
- *изменяются приоритеты в иерархии инструментальных ценностей — в достижении жизненного успеха повышается значимость личностного потенциала студентов.*

Высокая степень неопределенности социальной ситуации актуализирует в исследовательской повестке определение степени устойчивости изменений ценностного сознания молодежи с опорой на *темпоральную* природу ценностных ориентаций и *темпоральные* характеристики социальной общности¹. В ценностной ориентации, как ориентационно-проектировочной деятельности, осуществляется ценностная регуляция текущего настоящего, которое детерминруется возможным будущим и усвоенным прошлым. *Прошое, настоящее и будущее* в ценностном сознании индивида существуют как определенное состояние субстанции — одно, содержащемся в другом и представляемым через это другое. Настоящее, репродуцируя прошлое, одновременно является формой возможного будущего. С одной стороны, ценностные приоритеты отражают актуальный статус личности, ее социально-психологическое самочувствие в данный конкретный период времени. С другой, ретроспективной точки зрения, на ценностные предпочтения взрослого индивида влияют социаль-

¹ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. *Время социальной общности : монография.* Екатеринбург : Гуманитарный университет. 2017. 347 с.

но-экономические условия, превалировавшие в годы его социализации. Наконец, ценностные ориентации включают в себя и прожективные элементы, отражающие те потребности, которые наименее удовлетворены сегодня, но являются значимыми в контексте будущих устремлений субъекта.

Будущее как ценность и ценности будущего находятся во взаимной детерминационной зависимости, в логике петлеобразного детерминизма — круговой причинности. Образ будущего, его содержание отражается в структуре ценностных ориентаций, точнее — в составе терминальных ценностей, которые можно квалифицировать как ценности будущего. Ценность будущего определяется эмоционально-чувственным отношением субъекта к будущему (степенью уверенности в собственном будущем и собственных возможностях; чувством оптимизма или пессимизма; ощущении релевантности настоящего и будущего) и выражается в горизонтах планирования будущего, зависящих от двойной контингентности ценностного выбора — устойчивости ценностей будущего и доступности декларируемых субъектом средств достижения ценностных устремлений в структуре инструментальных ценностей.

Любая социальная общность существует в социальном времени. Совокупность качеств, характеризующих отношение социальной общности ко времени, его свойствам и динамике, образует темпоральность социальной общности¹; «темпоральные ценности, способ эмоционального переживания времени... образуют темпоральные связи и отношения социальной общности». Темпоральные характеристики социальной общности являются своего рода маркером, обозначающим ее границы и специфику. В контексте общностного и ресурсного подходов социальная общность является носителем *капитала времени*.

В рамках темпорального подхода были сформулированы еще две гипотезы нашего исследования:

- *ценность будущего и горизонты его планирования обуславливаются социально-психологическими и новационными свойствами молодежи, которые ее отличают от других социально-демографических групп в любых общественных условиях в любые исторические эпохи (креативность, свобода мышления, готовность в но-*

¹ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. *Время социальной общности : монография.* Екатеринбург : Гуманитарный университет. 2017. 347 с. С. 130.

- воту, свобода, отсутствие страха перед ошибками, оптимизм, уверенность в собственных способностях и возможностях);*
- *в условиях экзистенциальной неопределенности пандемической реальности изменения в ценностном сознании студенческой молодежи носят нелинейный и временный, ситуативный характер.*

Ценность социальна по своей природе и складывается лишь на уровне большой социальной общности. У каждой малой социальной группы, конкретной личности есть свои специфические системы ценностных установок, которые приобрели в их жизни особую значимость. Индивидуальные (групповые) ценностные приоритеты складываются на основании общих и существуют наряду с ними в единстве общего и особенного. Ценность есть утверждение всеобщего в мире единичного бытия. Раскрывается ценность через многообразие оценок значений и смыслов ценности для разного рода субъектов. Даже такой «простейший» субъект как личность представляет собой достаточно сложную систему социальных ролей, в зависимости от которых меняется само отношение к социальным ценностям, их значимости. *Качество ценностного отношения, скорость и модальность его изменения* будут зависеть от изменения каждой составляющей субъекта, а сама ценность будет иметь относительный, субъективный характер. Установка на исследование ценностных ориентаций студенчества в диалектике абсолютного и относительного, общего и единичного предопределила последнюю гипотезу: *степень изменчивости ценностных ориентаций молодежи зависит от гендерной принадлежности респондентов.*

Обратимся к данным опроса студенческой молодежи на VIII этапе мониторинга. Состав *терминальных ценностей* представлен различными видами ценностей-целей: витальными (здоровье), семейными (семья родительская и своя собственная), материальными (деньги, богатство, стремление заниматься бизнесом, коммерцией), профессиональными (интересная, творческая работа), коммуникативными (общение с друзьями), ценностями самоутверждения (независимость, самостоятельность, свобода), образовательными (образованность, профессионализм), гедонистическими (получение от жизни удовольствий, в том числе в интимной жизни), экзистенциальными (личная безопасность), эстетическими (красота и физическое совершенство) и ценностями природы (общение с природой).

Многообразие ценностных установок не исключает их жесткой структурированности и иерархичности. Оцениваемые сферы жизне-

деятельности выстраиваются в упорядоченный ранжированный ряд, формируя *групповую матрицу ценностей*. В иерархии ценностных приоритетов можно выделить *ценностное ядро*, *ценностный резерв* и *ценностную периферию*¹.

Ядро ценностных ориентаций составляют общепринятые, социально одобряемые, идеологически нейтральные ценности частной жизни — семья и здоровье. Их устойчивость подтверждается на всех этапах мониторинга (рис. 31).

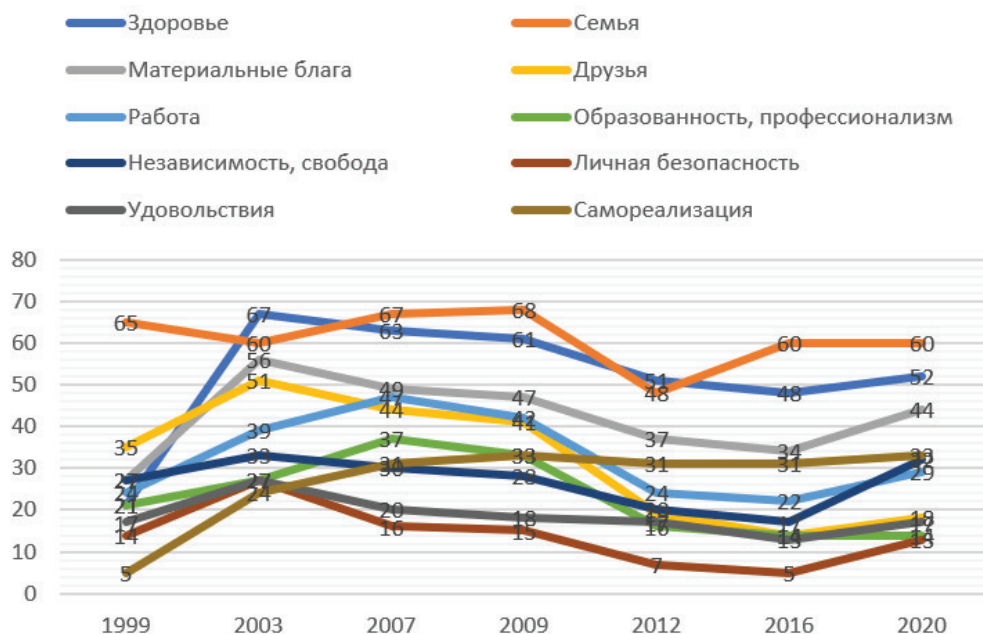

Рис. 31. Динамика терминальных ценностей (%)

Несмотря на то, что исследование 2012 года внесло существенные изменения в распределение удельного веса этих ценностей, они продолжают занимать самые верхние диспозиции в ценностном сознании молодежи. Традиционный отрыв ценностей частной жизни от всех остальных ценностных установок легко объясняется возрастными и социально-психологическими факторами. Давно наблюдаемый феномен отложенного взросления молодежи сказывается на их сильной при-

¹ Лапин Н. И. Базовые ценности населения и российская либерализация // Общество и экономика. 2002. № 12. С. 70–90.

вязанности к родительской семье и зависимости от нее, прежде всего материальной. Пандемия, ограничившая социальное пространство до конкретного места конкретного проживания, не повлияла на семейные ценности. Отношение к родительской семье в опросе 2020 г. сохраняет свою высокую значимость и в условиях самоизоляции (табл. 64). Вместе с тем установки молодежи на создание своей собственной семьи, рождение детей в период пандемии несколько снижаются в сравнении с данными предыдущего этапа мониторинга.

Таблица 64

Динамика терминальных ценностей (1999–2020, в % к числу ответивших)

Ценностные приоритеты	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Здоровье	21	67	63	61	51	48	52
Семья, дети	65	60	67	68	48	37	27
Семья, родители						33	33
Деньги, богатство	27	56	49	47	37	22	28
Иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией						12	16
Общение с друзьями	35	51	44	41	19	14	18
Интересная, творческая работа	24	39	47	42	24	22	29
Самостоятельность, независимость, свобода	22	33	30	28	20	17	32
Образованность, профессионализм	21	27	37	33	16	14	14
Личная безопасность	14	27	16	15	7	5	13
Получение удовольствий от жизни	17	27	20	18	17	11	16
Удовлетворенность в интимной жизни						2	5
Возможность реализовать свои способности	5	24	31	33	31	31	33
Красота, прекрасное	11	15	15	17	9	5	9
Общение с природой	13	12	10	9	4	3	6
Признание окружающих, престиж	2	12	10	12	6	6	6
Власть						6	7

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов в столбцах превышает 100 %.

Ожидаемое повышение ценности *здоровья*, сверхактуальной в период пандемии, не оправдалось. Ее количественное значение в последнем опросе остается неизменным. Студенчество сложное в эпидемиологическом плане время провело в онлайн-режиме. В сравнении с другими возрастными группами молодежь оказалась менее рискогенной и менее

алармистской. На устойчивость ценности здоровья, безусловно, большое влияние оказывают самооценки состояния собственного здоровья. В пик развития пандемии почти 70 % наших респондентов оценили свое состояние здоровья как отличное и хорошее; 76 % опрошенных, несмотря на ограниченные возможности для занятий физической культурой и спортом, придерживались здорового образа жизни.

В тройке ценностных лидеров пребывает и *материальное благополучие*. Материальные ценности (материальное благополучие) в двух последних этапах мониторинга были разведены на два эмпирических индикатора: «деньги, богатство» и «иметь свое дело, заниматься бизнесом, коммерцией». Суммарный вес этих индикаторов (рассчитанный в целях сравнительного анализа данных всего мониторинга) в 2020 г. повышается и воспроизводит данные опроса 2009 г., на которых сказались последствия мирового финансового кризиса. Экономические последствия коронавируса воспроизводят аналогичную ценностную ситуацию.

Считается, что высшие ценности, пребывающие в ядре ценностных ориентаций, имеют высокую степень кристаллизации¹ и стабильности. Так ли это, показывает линейный прогноз динамики трех ведущих ценностей (рис. 32). Ценности семьи, здоровья и материального благополучия сохранят свою стабильность и в будущем.

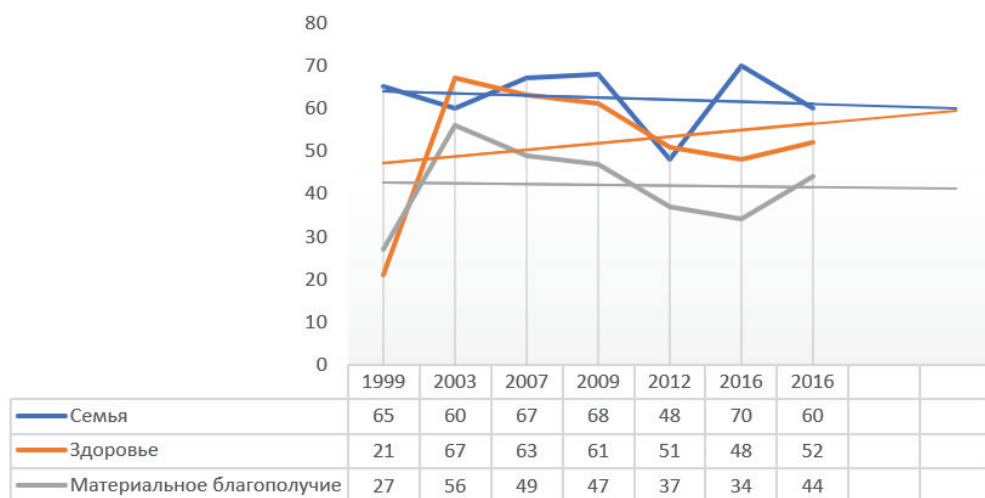

Рис. 32. Линейный прогноз семейных, витальных и материальных ценностей (%)

¹Фролов С. С. Индивидуальные матрицы ценностей как основа коррекции поведения членов социальных групп // Управление. 2016. Т. 4. № 1 (11). С. 52–58. С. 53.

Признание устойчивости ценностных приоритетов среднего уровня студенчества было основным выводом наших исследований до 2012 г. Значимость профессиональных, трудовых и коммуникативных ценностей, традиционно конкурирующих с ценностями материального благополучия, в 2012 г. снизилась практически в два раза. Произошло резкое снижение удельного веса всех значимых ранее индикаторов ценностного резерва — материального благополучия, общения с друзьями, интересной работы, образованности и профессионализма, личной безопасности, независимости и свободы¹. Основной причиной ценностного обвала были обозначены накопленные в обществе институциональные дефициты, повлиявшие на снижение жизненных шансов и формирование ценностных ориентаций поколенной когорты студенческой молодежи, примитивизацию смыслов ее жизнесуществования.

В 2016 г. ценностная ситуация консервируется. Новый виток изменения медианных ценностей происходит в 2020 г. Меняется состав ценностного резерва. Он формируется тремя диспозициями: ценностями самореализации, самоутверждения и профессиональными ценностями (рис. 33).

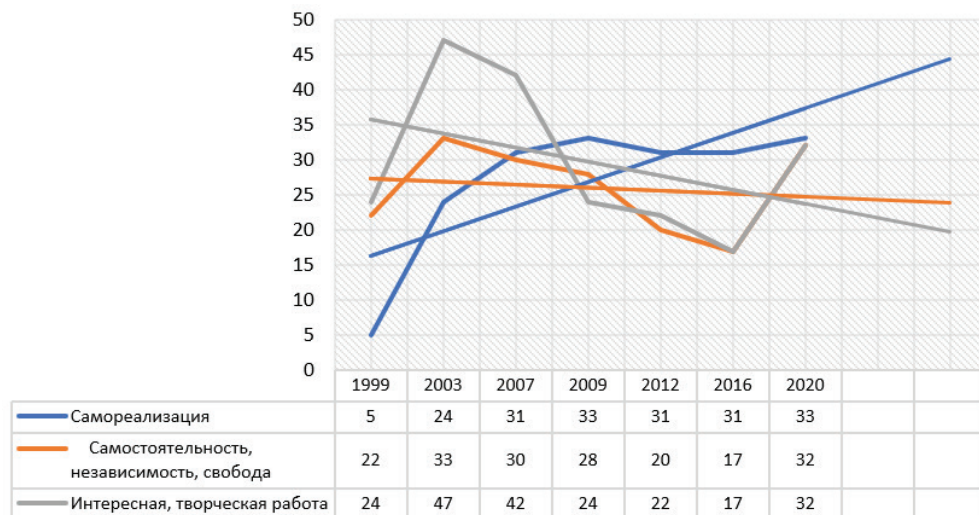

Рис. 33. Линейный прогноз медианных ценностей (%)

¹ СТУДЕНТ — 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга (декабрь 2011 — январь 2012) / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 155–218.

Самой устойчивой позицией в ценностном резерве является ценность самоутверждения — стремление молодежи к самостоятельности, свободе, независимости. Установка студенческой молодежи на достижение свободы и независимости усиливает значимость самореализационных и профессиональных ценностей. Однако в этих, казалось бы, взаимосвязанных установках наблюдается определенное противоречие. Только 40 % респондентов наращивание своего творческого потенциала связывают с профессиональной деятельностью (анкетный вопрос о важности различных аспектах будущей профессии). 70 % опрошенных в будущей работе интересуется не содержанием работы, а лишь ее условия — возможность получать большие заработки, высокие доходы и наличие хороших условий труда. Отсутствие связности медианных ценностей, их несогласованность сопровождается нисходящим трендом профессиональных ценностей.

Социологи рассматривают ценности среднего уровня как «самую сложную часть ранжированного ряда ценностей»¹. Их основной характеристикой является подвижность и неустойчивость, а также относительная временная значимость. Медианные ценности могут легко заменяться на другие, более актуальные, перемещаться на другие уровни ценностной иерархии. Опрос 2020 г. — этому свидетельство. Из ценностного резерва в периферийную зону перемещаются коммуникативные ценности (общение с друзьями) и ценности образованности и профессионализма (рис. 34). Их опережают гедонистические ценности — установки на получение удовольствий, в том числе в интимной жизни.

Линейный прогноз показывает стремительное и неуклонное падение значимости ценностей образованности и профессионализма. Затянувшаяся и непоследовательная реформа высшего образования не приносит ожидаемого повышения качества профессиональной подготовки. Каждый третий студент в опросе отмечает несоответствие получаемых компетенций с будущей работой. При общей высокой оценке различных аспектов обучения 40 % опрошенных после окончания вуза не собираются работать по специальности. Периферийные ценности — это те оцениваемые объекты, без которых можно вполне легко обходиться. Перемещение ценностей образования в периферийную зону может означать только одно — без образования можно обойтись. В пользу такого

¹ Фролов С. С. Индивидуальные матрицы ценностей как основа коррекции поведения членов социальных групп // Управление. 2016. Т. 4, № 1 (11). С. 52—58. С. 53.

вывода свидетельствуют структура мотивов поступления в вуз. Прагматический мотив, связанный с получением диплома о высшем образовании (неважно, какого), по-прежнему остается ведущим. Только каждый пятый опрошенный соотносит выбор вуза и специальности с арсеналом своих способностей. Каждый пятый респондент артикулирует неудовлетворенность выбранной профессией. Не улучшил ситуацию с ценностью образования и переход на онлайн-обучение в период пандемии.

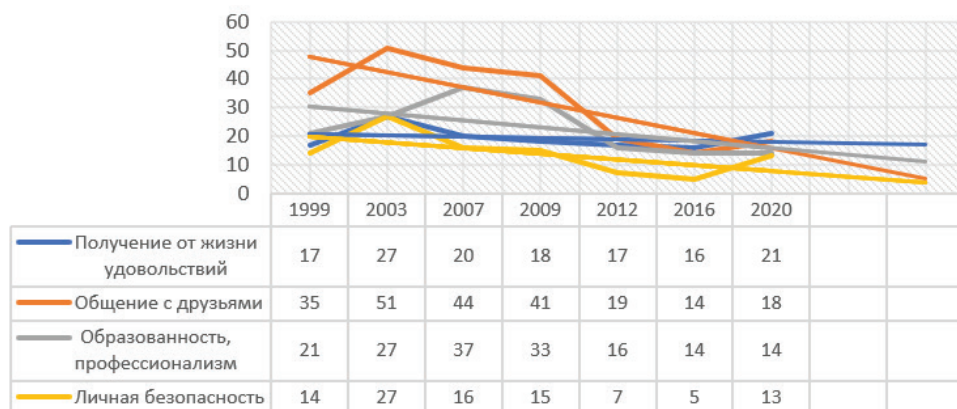

Рис. 34. Линейный прогноз периферийных ценностей (%)

Нисходящую динамику демонстрируют коммуникативные ценности. Ценность неформальных, дружеских отношений, традиционно игравшая значительную роль в терминальных ценностях молодежи, по сравнению с 2003 г. снижается почти в три раза. Не способствует укреплению дружеских связей и пандемия, переформатировавшая живое общение в онлайн-формат, включая коммуникации в образовании. Приведем мнение клинического психолога, дающего профессиональные оценки феноменам ковида: «Глубину любого бедствия понимаешь через детей. А сейчас дистанционная учеба загоняет детей в виртуальную реальность... Погружаясь в нее, это поколение лишается важного чувственного опыта, с которым связано умение общаться. А во что это выльется через пять или 10 лет? Каким будет мир, в который придут дети эпохи ковида? Понятно, что с этим надо что-то делать сейчас, перестраивать систему образования, которая разрушает здоровье детей — психическое и физическое»¹.

¹ Штейнберг И. Для меня пандемия — вторая Перестройка // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А.А. Ослон. М. : Институт Фонда Об-

Лидером ценностной периферии являются *гедонистические ценности* — получение удовольствий. В сравнении с предыдущим этапом мониторинга, в два раза повышается удельный вес установки на личную безопасность.

Внутриобщностные различия в оценке терминальных ценностей незначительные. Влияние гендерных характеристик на удельный вес терминальных ценностей отмечается лишь в большей привязанности женщин к родительской семье. Различия, связанные с профилем обучения, в большей степени проявляются у студентов, обучающихся по гуманитарным направлениям подготовки. Гуманитарии в большей мере ориентированы на личную безопасность, независимость и самостоятельность, творческую интересную работу, реализацию личностного потенциала. Ценность здоровья, образованности и профессионализма чаще артикулируют представители естественных наук.

Как уже было отмечено, *терминальные ценности* в своем темпоральном статусе отражают, в первую очередь, нереализованные потребности в актуальном времени, тем самым проектируя на будущее те сферы жизнедеятельности, на которые будет направлен вектор активностей студенческой молодежи. Ценность будущего определяется степенью уверенности в будущем. Результаты опроса студентов в 2020 г. показывают, что уверенность в будущем у респондентов разная. Чуть больше половины (53 %) опрошенных демонстрируют положительную модальность — полную или частичную уверенность в своем будущем. Вторая половина разделилась на две группы: неуверенных (21 %) и неопределившихся (26 %). Распределение оптимистических и пессимистических ответов — 2: 1. Почти такое же распределение ответов зафиксировано в вопросе о влиянии пандемии на формирование чувства уверенности в своем будущем. Каждый десятый смело заявил о том, что в период эпидемии его уверенность в будущем только окрепла. 48 % опрошенных отметили отсутствие всякого влияния пандемии.

На ощущение будущего влияют как эмоционально-чувственное состояние личности в исследуемый период, так и те аспекты ее жизнедеятельности, которые подвержены рациональным оценкам. К первой группе факторов относится качество психологического состояния, связанное с ограничением свободы выбора в перемещениях и деятель-

ности в период пика эпидемии. Казалось бы, что для молодежи, с ее имманентно присущим желанием стать поскорее взрослым, самостоятельным и свободным, ограничения свободы должны были быть непереносимыми. Мнение эксперта по ковиду ¹: *«Многие говорят, что введенные меры безопасности ограничивают их свободу, эти ограничения для них сродни рабству. Тут важно понимать, что настоящее рабство — это самоограничение. Я говорю о рабстве из-за страхов и невозможности что-то изменить. Ведь не любые запреты превращают нас в рабов. С детства нам много чего запрещали: «не стой под стрелой», «не ходи на красный свет». Но когда мы запрещаем сами себе из-за страха — за себя и близких — принимать у себя друзей, нормально общаться и отдыхать, мы лишаем себя необходимой свободы. В плену страхов чувствуешь себя хуже, чем в тюрьме»*. Результаты опроса свидетельствуют об обратной реакции молодежи. Большая часть наших студентов уверена в том, «молодежь может повлиять на развитие страны, добиться изменений к лучшему».

Среди объективных факторов, повлиявших на степень уверенности в будущем, — материальное положение семьи. 36 % опрошенных заявили, что семейная ситуация в период пандемии не изменилась, а у кого-то даже улучшилась. 45 % респондентов выразили надежду на улучшение финансового положения семьи в ближайшей перспективе.

Стратегии планирования будущего непосредственным образом связаны с ценностью будущего, чувством уверенности в нем. Половина наших респондентов абсолютно рациональна: каждый десятый имеет готовый сценарий на всю оставшуюся жизнь; каждый десятый строит долгосрочные планы; каждый четвертый занят среднесрочным проектированием своей жизни; и каждый третий пребывает в зоне оперативного планирования, планирует будущее на один календарный год.

Наиболее предпочитаемые горизонты планирования — от года до пяти лет. Интуитивно 14 % опрошенных студентов следуют советам экспертов по ковиду: *«...для ощущения свободы и контроля над жизнью важны ритмичность и предсказуемость событий...»*; *«в турбулентности выживают тихие улиточки; надо двигаться, как тихая улиточка,*

¹ Штейнберг И. Для меня пандемия — вторая Перестройка // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ). 2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/ilya-shtejnberg-dlya-menya-pandemiya-vtoraya-perestrojka> (дата обращения: 27.04.2021).

потому что срываться куда-то, метаться, бороться, быть диссидентом — не стратегия»; «сейчас люди со слабым воображением не задумываются о происходящем, просто живут»¹. Наши студенты не просто живут, но еще и планируют свое будущее. Хотя, по их же собственному признанию, планирование будущего — довольно сложный процесс. По мнению большинства респондентов (60 %), основным негативным фактором планирования будущего является неопределенность, изменчивость ситуации. Каждый десятый отмечает отсутствие необходимого опыта в планировании своей жизни. 14 % молодежи не строят жизненные планы, опасаясь программирующих жизнь негативных сценариев.

В процессе изучения ценностных ориентаций нам было интересно посмотреть, каким образом целеполагание будущего и его инструментальное обеспечение связаны с ценностными приоритетами. Методология исследования позволила это сделать в процессе «расширения» профессиональных ценностей, удельный вес которых в ценностном резерве увеличился в два раза. Респондентам было предложено определить важные профессиональные целевые установки на пятилетнее будущее.

Тот факт, что самой приоритетной позицией в оценках студентов является получение такой работы, которая позволит в будущем иметь высокий уровень доходов, во-первых, подтверждает высокую значимость в ценностном ядре материальных ценностей; во вторых, позволяет заявить, что профессия (работа), значимость которой перевела ее в разряд инструментальных ценностей, становится средством для достижения материального успеха в будущем. Пребывание профессионально-трудовых ценностей в ценностном резерве, а не ядре к тому же сопровождается нисходящим трендом. «Отчуждение целей от ценностей, — справедливо отмечает А. И. Пригожин, — это патология целеполагания. Во-первых, отчужденные цели плохо достигаются, ибо не имеют естественной опоры в личности, и, значит, для их достижения требуется особый аппарат принуждения и контроля. Во-вторых, они вызывают диссонанс в мотивации, неудовлетворенность и фрустрацию личности»². В приведенном нами примере причина возможной

¹ Штейнберг И. Для меня пандемия — вторая Перестройка // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/ilya-shtejnberg-dlya-menya-pandemiya-vtoraya-perestrojka> (дата обращения: 27.04.2021).

² Пригожин А. И. Качество целей // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 121.

фрустрации может объясняться нарушением причинно-следственных связей в ценностной логике: «высокий уровень образованности — достижение высокого уровня профессионализма — высокий уровень профессиональной самореализации — достойные высокие доходы». Ответы студентов демонстрируют обратную, зеркальную логику — удельный вес установок на образованность, профессионализм и самореализацию в работе значительно ниже прагматической ориентации на получение работы с высоким уровнем доходов.

В определенной мере оценки необходимых условий и средств достижения отложенных профессиональных целей нейтрализуют ценностные подмены. Необходимость повышения образовательного уровня хорошо осознается нашими студентами. По мнению респондентов, образованность является необходимым условием реализации профессиональных планов, но не у всех. Следует отметить еще один важный аспект — готовность каждого третьего студента к смене профессии, но неготовность к напряженному труду и самоотдаче в работе.

Более адекватная картина складывается в общих оценках важности *инструментальных ценностей* (табл. 65).

Таблица 65

Оценка важности инструментальных ценностей (в % к числу опрошенных)

Что наиболее важно для достижения успеха в жизни	2016	2020
Профессионализм, деловые качества, компетентность	42	70
Собственный интеллект, способности	51	65
Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	45	60
Умение использовать любые средства для достижения цели	37	54
Наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности	48	52
Связи, знакомства	50	45
Уровень и качество образования	32	39
Везение, удача, счастливый случай	20	37
Богатство	41	34
Влиятельные родственники, родители	35	32
Власть	30	30

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов в столбцах превышает 100 %. Ответы ранжированы по 2020 г.

Инструментальные ценности обнаружили большую степень изменчивости, нежели ценности-цели. Самой подвижной в опросе 2020 г. стала ценность *социального капитала*, формируемого ресурсами социальных связей субъекта. Устойчивость этой ценности сохранялась на всех предыдущих этапах мониторинга с 1999 г. Конкурирование ресурсов социального капитала с интеллектуальным потенциалом личности на долгие годы *законсервировало ценностное противоречие между тенденцией к постматериальным ценностным установкам и старой просоветской моделью достижения жизненного успеха*. Впервые за 25 лет и с очень большим преимуществом в длительном противопоставлении двух инструментальных ценностей побеждает ценностная стратегия, ориентированная на *личностные ресурсы*. В достижении жизненного успеха большая часть молодежи делает ставку на собственные качества и усилия: интеллект, способности, предприимчивость, профессионализм, деловую активность.

Оценка причин и последствий ценностной трансформации может быть довольно противоречивой. С одной стороны, в случае устойчивой динамики можно прогнозировать рост деловой активности студенческой молодежи, развитие и реализацию ее инновационного потенциала. С другой — возможное снижение значимости традиционной для национального менталитета ценности коллективизма и рост индивидуалистических настроений.

Немалую роль в *атомизации* социальной жизни и прежде всего жизни студенческой сыграла реформа образования, внедрившая институт руководителей образовательных программ, индивидуальные траектории обучения, изменивших статус выпускающей кафедры как профессионального сообщества преподавателей и студентов с его формальными и неформальными связями, определенной корпоративной культурой, системой воспитательной работы и т. п., заметно снизивших роль и значимость (особенно — на перспективу дальнейшей жизни) студенческой группы. Думается, что значимыми окажутся и последствия пандемии, не способствующие укреплению дружеских связей в молодежной среде. Можно лишь согласиться с экспертным мнением о том, что *«анализ изменения повседневных практик — это то, что будет занимать микросоциологов минимум ближайшие несколько лет. Потому что микросоциологи не верят в самостоятельную силу ни «социальных связей» (социальной морфологии), ни «коллективных представлений»*. И то, и другое существует только при условии поддерживающих

действий... Представления и связи создаются и изменяются здесь и сейчас, в рутине повседневности»¹.

Второе место в иерархии инструментальных ценностей занимают материальные: богатство, наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности. Суммарный вес двух индикаторов составляет 86 %. Существует экспериментально подтвержденная социологическая методика², которая позволяет соотнести уровни заявляемых респондентами терминальных и инструментальных ценностей (при наличии единого инструментария) в диалектике целей и средств и разных моральных парадигмах. Согласно этой методике, если уровень инструментальной ценности превышает уровень терминальной ценности той же сферы жизнедеятельности, можно говорить о более высокой значимости средств достижения целей с возможной реализацией моральной установки «цель оправдывает средства». Напомним, что по результатам опроса 2020 г. совокупный вес материальных ценностей составлял 44 %. Не случайно в оценке инструментальных ценностей более половины опрошенных студентов допускают возможность использования любых средств для достижения цели. В сравнении с 2016 г. количество подобных установок возрастает в 1,5 раза. В числе допустимых средств — нарушение правовых норм. 86 % опрошенных считают, что нарушение законов вполне допустимо, если на это есть веские причины, например, для пользы дела. Собственный правовой нигилизм молодежь объясняет несовершенством законодательства, существованием в обществе двойной морали, неудовлетворительной правоприменительной практикой. 41 % респондентов признает верховенство прав личности над юридическими нормами и законами.

Еще один значимый результат опроса 2020 г. — влияние гендерных различий на выбор инструментальных ценностей (табл. 66).

¹ Штейнберг И. Для меня пандемия — вторая Перестройка // Социология пандемии. Проект коронаФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/ilya-shtejnberg-dlya-menya-pandemiya-vtoraya-perestrojka> (дата обращения: 27.04.2021).

² Капцов А. В. Соотношение выраженности терминальных и инструментальных ценностей в аксиосфере работающей молодежи // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». 2012. № 2 (12). С. 96–107.

Таблица 66

**Влияние гендерных различий на оценку важности инструментальных ценностей
(в % к числу ответивших, 2020)**

Что наиболее важно для достижения успеха в жизни	Муж	Жен.
Собственный интеллект, способности	52	73
Профессионализм, деловые качества, компетентность	47	70
Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	49	67
Умение использовать любые средства для достижения цели	47	58
Связи, знакомства	40	48
Уровень и качества образования	32	43
Наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности	43	42
Везение, удача, счастливый случай	32	39
Богатство	30	37
Влиятельные родственники, родители	31	32
Власть	29	31

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов в столбцах превышает 100 %.

В достижении жизненного успеха женщины в большей степени, чем мужчины, ориентированы на свой потенциал: образованность, профессионализм, собственные силы и возможности. Мнение эксперта по ковиду: «...уровень стресса, тревоги и депрессии вырос в 3–4 раза по сравнению с доковидным временем. Наиболее подверженными тревожно-депрессивным расстройствам оказались женщины»¹. Надежда только на себя в критических жизненных ситуациях, вера в собственные силы, персональная ответственность за себя и своих близких — известная характеристика российских женщин.

Опрос студентов выявил наличие различий, связанный с *профилем* их обучения (табл. 67). Наибольшие отклонения от средних значений отмечаются в оценках студентов, обучающихся по *техническим направлениям* подготовки. Будущие инженеры, в отличие от трех других

¹ Нестик Т. Глобальные катаклизмы — это вызов нашей уверенности в способности влиять на долгосрочное будущее» // Социология пандемии. Проект корона-ФОМ / Рук. авт. колл. А. А. Ослон. М. : Институт Фонда Общественное Мнение (ин-ФОМ). 2021. URL: <https://covid19.fom.ru/post/timofej-nestik-globalnye-kataklizmy-eto-vyzov-nashej-uverennosti-v-sposobnosti-vliyat-na-dolgosrochnoe-budushee> (дата обращения: 24.04.2021).

групп респондентов, в меньшей степени связывают успешную реализацию своих жизненных планов с личностным потенциалом.

Таблица 67

**Влияние профиля обучения на оценку важности инструментальных ценностей
(в % к числу ответивших по группам, 2020 г.)**

Что наиболее важно для достижения успеха в жизни	Гуман.	Соц.-экон.	Матем., естеств., мед.	Техн.
Собственный интеллект, способности	78	70	69	52
Деловая хватка, прагматизм, предприимчивость	71	65	65	47
Профессионализм, деловые качества, компетентность	70	65	68	49
Умение использовать любые средства для достижения цели	63	58	57	43
Связи, знакомства	53	48	46	38
Наличие начального капитала, материальной базы для бизнеса, собственности	53	41	47	35
Везение, удача, счастливый случай	44	37	41	30
Уровень и качества образования	42	42	45	31
Богатство	36	38	43	27
Влиятельные родственники, родители	34	34	35	26
Власть	33	33	36	23

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов в столбцах превышает 100 %. Ответы ранжированы по гуманитариям.

Успех в жизни во многом определяется соответствующим набором *личностных качеств*. Изменились ли в период пандемии мнения студентов о качествах, присущих современной молодежи? Исследования психологов показывают, что ситуация вынужденной изоляции порождает страх, апатию и безволие. *Ощущение страха, растерянности, непонимание того, что происходит* в 2020 г. возрастает в два раза (табл. 68). Вместе с тем такое качество молодежи, как *юмор и жизнерадостность*, несмотря на небольшое снижение удельного веса этого индикатора, сохраняет свою лидерскую позицию. Молодое поколение, благодаря неотчуждаемому от него чувству оптимизма и жизнерадостности, сохраняет уверенность в будущем, готово его планировать и добиваться реализации своих жизненных ценностей. Оптимизм,

по утверждению психологов, является важным показателем психического и физического здоровья, побуждает человека более адаптивно справляться со стрессом, обеспечивая ему долгосрочные защитные преимущества¹.

Таблица 68

Динамика самооценок личностных качеств современной молодежи (в %)

Личностные качества	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Юмор, жизнерадостность	30	47	45	44	45	49	44
Интерес к жизни, готовность воспринять новое	20	29	36	33	31	30	33
Энергичность, предприимчивость, деловые способности	24	35	34	29	21	21	29
Растерянность, страх, непонимание того нового, что происходит в жизни	6	8	6	7	8	12	25
Бездуховность, отсутствие идеалов и стойких убеждений	21	25	26	25	25	25	25
Отзывчивость, желание понять, помочь	9	16	15	18	20	19	25
Равнодушие, безволие, отсутствие интереса к жизни	15	22	16	17	21	24	25
Терпение, выносливость, умение переносить трудности	15	18	14	15	15	14	21
Грубость, хамство, агрессивность	16	25	34	30	32	23	19
Зависть, недоброжелательность	13	20	18	16	19	24	17
Порядочность, честность, добросовестность	6	9	8	8	11	8	14

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов превышает 100 %. Ответы ранжированы по 2020 г.

Еще одно отличительное свойство молодости — интерес к жизни, открытость ко всему новому. При изучении инновационного потенциала личности его персонифицированная структура традиционно рассматривается как комплекс способностей субъекта к восприятию

¹ Федосенко Е. В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус Covid-19 // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2020. С. 45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhizn-posle-karantina-psihologiya-smyslov-i-koronavirus-covid-19> (дата обращения: 24.04.2021) ; Scheier M. F., Carver C. S. Effects of optimism on psychological and physical wellbeing: Theoretical overview and empirical update//Cognitive Therapy and Research, 1992. № 16. PP. 201–228.

новой информации, приращению его профессиональных знаний, выдвижению новых конкурентоспособных идей¹. Такой упрощенный подход оставляет без внимания те сущностные, имманентно присущие молодежи новационные свойства², которые ее отличают от других социально-демографических групп. *Новационные свойства* — это «атрибутивные свойства, присущие молодежи в любых общественных условиях в любые исторические эпохи»³. К ним относятся: креативность, свобода мышления, готовность к новому, свобода, отсутствие страха перед ошибками. В латентном (интенциональном) состоянии инновационного потенциала новационные свойства представляют собой «индикаторы ценностей, на которые субъект склонен ориентироваться в своей инновационной деятельности». Линейный прогноз показывает возрастание новационных качеств студенческой молодежи (рис. 35).

Отсутствие взаимосогласованности и целенаправленности институциональных действий, обеспечивающих условия максимального благоприятствования реализации инновационных замыслов и проектов молодежи в стратегической социальной перспективе, порождает риск упущенного времени, инновационные (количественные и качественные) потери: *если не успеть, то можно и опоздать...*

Автор теории салютогенеза медицинский социолог А. Антоновский еще в 1970-е гг. прошлого столетия в качестве основного условия сохранения соматического и психического здоровья при неблагоприятном воздействии внешней среды рассматривал чувство когерентности (связности) — согласованности личности с самой с собой и окружающим миром⁴. Необходимыми условиями формирования когерентности является познание и понимание себя и мира, уверенность в своем

¹ Кужелева-Саган И. П. Возможности новых медиа в развитии инновационного потенциала молодежи // Сибирский психологический журнал, 2012. № 45. С. 65–72. С. 65.

² См.: Боронина Л. Н., Балясов А. А. Сравнительный анализ моделей инновационного потенциала учащейся и работающей молодежи индустриальных регионов России // Социодинамика, 2020. № 12. С. 96–108.

³ Кужелева-Саган И. П. Возможности новых медиа в развитии инновационного потенциала молодежи. Сибирский психологический журнал, 2012. № 45. С. 65–72.

⁴ Niachai N. Как поддерживать здоровье (салютогенез) и развивать психологическую устойчивость. 6 мая 2020. URL: <https://freud.online/articles/kak-podderzhivat-zdorov-e-salyutogenez-i-razvivat-psikhologicheskuyu-ustojchivost> (дата обращения: 03.05.2021).

будущем, способность строить свою жизнь самостоятельно, убежденность в том, что от собственной активности зависит многое как в частной жизни, так и в жизни общества.

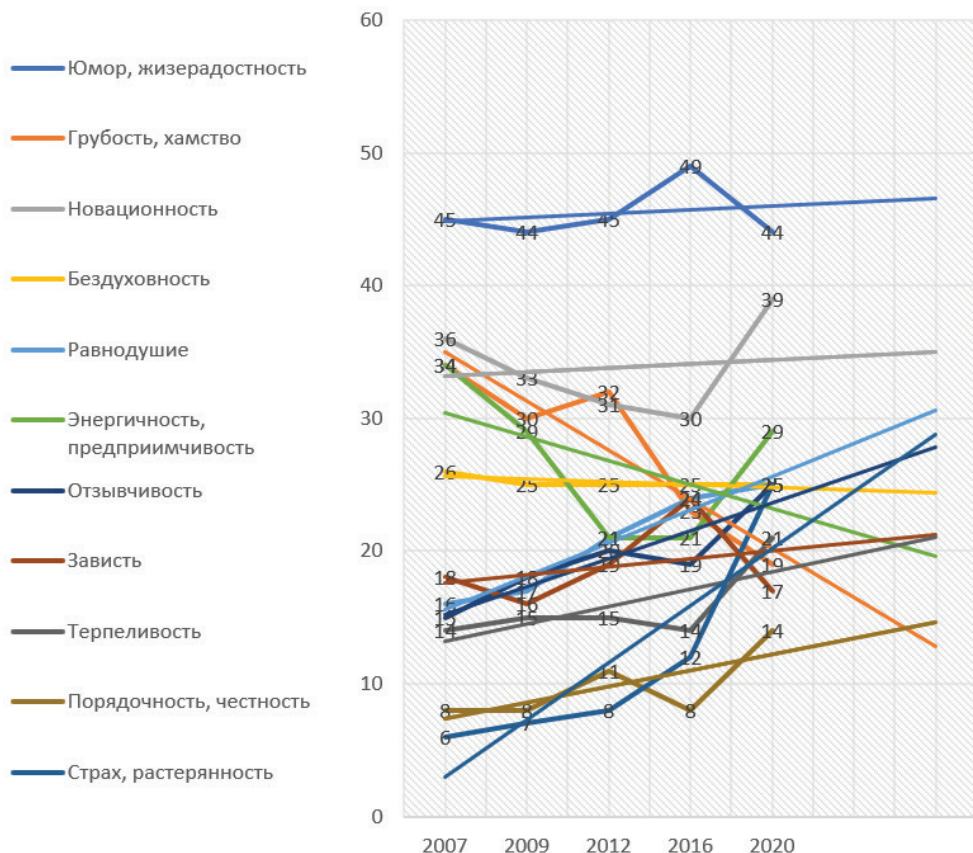

Рис. 35. Линейные тренды развития личностных качеств молодежи

Ощущение связности себя с миром формирует зрелую ценностную диспозицию «я для себя и для мира». Один из важных уроков пандемии¹ — это «урок самоорганизации и взаимопомощи». Отзывчивость, желание понять, помочь — качество, которое выбирают для себя 25 % опрошенных. 52 % наших студентов готовы оказать помощь людям,

¹Литвинович В. Базовые ценности проходят переоценку. Уроки пандемии // Беларусь сегодня. URL: <https://sb-by.turbopages.org/sb.by/s/articles/uroki-pandemii.html> (дата обращения: 29.04.2021).

находящимся на карантине; 25 % опрошенных, невзирая на необходимость социального дистанцирования, эту помощь оказывали.

Будет справедливым отметить и другое — *амбивалентность* группового портрета молодежи. Порядочность и доброжелательность сосуществуют с завистью и недоброжелательностью; энергичность и предприимчивость — с равнодушием и безволием; отзывчивость и желание помочь — с грубостью, хамством, агрессивностью. Молодежь разная. Но на фоне выявленной в ходе исследования высокой степени уверенности молодежи в себе и в собственном будущем, веры в свои способности, возможности достижения жизненного успеха и преобразования социальной среды у молодежи есть шанс примирить в себе индивидуальные амбиции и сопричастность к коллективному будущему. Реализация такого шанса возможна при наличии институционального доверия молодежи к обществу. Пока такого доверия не хватает. Более того, опрос студентов 2020 г. зафиксировал нарастающее недоверие молодежи к высшим политическим институтам страны. Идет активный процесс депатернализации сознания молодого поколения. Оно перестает рассчитывать на патронаж государства, все больше понимая, что надо рассчитывать на себя и ближайшее окружение. Предотвращение социальных рисков с необходимостью требует кардинального пересмотра приоритетов государственной молодежной политики, которая на сегодняшний день носит преимущественно событийный характер, функционирует в формате ивент-проектирования, организации и проведении массовых молодежных мероприятий.

Умение переносить трудности, терпение, выносливость — национальное качество, которое у российской молодежи в кризисные ситуации воспроизводится на генетическом уровне. Но «ковидное» терпение не безгранично. Недооценка амбициозности студенческой молодежи, ее мобилизационного потенциала в политическом плане и с учетом активной либеральной пропаганды может привести к социальной деструкции в молодежной среде. *Действительно, можно и опоздать...*

В отличие от инструментальных ценностей, значимого влияния гендерных различий и профиля обучения на оценку личностных качеств не зафиксировано.

Обобщая результаты опроса и верифицируя наши исследовательские гипотезы, можно сделать следующие выводы.

В условиях пандемической реальности, существенно ограничивающих возможности социальной среды в проявлении значимых жизнен-

ных активностей, усиливается избирательность ценностного выбора студенческой молодежи. Высокий удельный вес витальных, семейных и материальных ценностей, их большой количественный отрыв от других ценностных приоритетов приводит к кристаллизации и уплотнению ценностного ядра в структуре терминальных ценностей, его дистанцированию от подвижного ценностного резерва и изменчивой ценностной периферии. Ценности семьи, здоровья и материального благополучия сохраняют свою стабильность в настоящем и устойчивость в будущем.

Изменяются приоритеты в иерархии инструментальных ценностей. В достижении жизненного успеха большая часть молодежи делает ставку на собственные качества и усилия — интеллект, способности, предприимчивость, профессионализм, деловую активность. Идет активный процесс депатернализации сознания молодого поколения. Оно перестает рассчитывать на патронаж государства и ресурс социальных связей, все больше понимая, что надо рассчитывать на себя и ближайшее окружение.

Стабилизация ценностей самоутверждения (свободы, самостоятельности, независимости) усиливает значимость самореализационных и профессиональных ценностей. Однако отсутствие связности, несогласованности медианных ценностей приводит к ценностному конфликту: на фоне возрастающей потребности в самореализации наблюдается нисходящий тренд профессиональных ценностей.

В студенческой среде нарастает правовой нигилизм. В оценках инструментальных ценностей более половины опрошенных студентов допускают возможность использования любых средств для достижения цели, в том числе нарушение правовых норм.

Линейный прогноз показывает стремительное и неуклонное падение значимости ценностей образованности и профессионализма, из ценностного резерва они перемещаются в периферийную зону. Затянувшаяся и непоследовательная реформа высшего образования не приносит ожидаемого повышения качества профессиональной подготовки.

Ценность будущего и горизонты его планирования обусловлены социально-психологическими (оптимизм, уверенность в будущем и собственных способностях) и новационными свойствами молодежи (интерес к жизни, готовность к новому). Предпочитаемый горизонт планирования — от года до пяти лет. К факторам, затрудняющим

планирование будущего, относятся неопределенность, изменчивость ситуации; отсутствие у студентов необходимого опыта в планировании своей жизни.

Степень изменчивости ценностных ориентаций молодежи зависима от гендерной принадлежности респондентов. В достижении жизненного успеха женщины в большей степени чем мужчины, ориентированы на свой потенциал: образованность, профессионализм, собственные силы и возможности.

Отсутствие механизмов институционализации ресурсного потенциала молодежи приводит к отчуждению капитала времени этой социальной общности, неликвидности ее инновационного капитала. Недооценка амбициозности студенческой молодежи, ее мобилизационного потенциала может привести к социальной деструкции в молодежной среде. Предотвращение социальных рисков с необходимостью требует кардинального пересмотра приоритетов государственной молодежной политики, которая на сегодняшний день носит преимущественно событийный характер.

Выявленные основные тренды развития ценностных установок не исключают неоднозначности изменений в обобщенном ценностном портрете студенческой молодежи. Молодежь разная. Эта разность отражается в наборе личностных качеств, дифференцированности оценок терминальных и инструментальных ценностей, социально-психологическом самочувствии и настроении студентов. Разновекторность линейных трендов инструментальных и периферийных ценностей может являться следствием экзистенциальной неопределенности пандемической реальности, носить временный, ситуативный характер. Неустойчивость и нелинейный характер ценностного резерва могут стать точкой роста наращивания ценностного потенциала студенческой молодежи в единстве ее профессиональных, образовательных и самореализационных ценностей. Будущее покажет...

11. Студенческий досуг и информационная культура: сегодня и завтра

Досуг — форма тишины, необходимая для
принятия реальности.

Йозеф Пипер

Свободного времени у нас достаточно.
Но есть ли у нас время подумать? На что
вы тратите свое свободное время?

Рэй Бредбери

Современные студенты живут очень насыщенной жизнью, стараясь совместить работу, обучение, участие в общественной жизни и много других видов деятельности. В связи с этим встает вопрос о том, как они отдыхают, и отдыхают ли вообще, каков их досуг. Структура, содержание и механизмы формирования студенческого досуга были подробно рассмотрены при анализе предыдущих этапов мониторинга¹. Напомним, что досуг реализуется на основе принципов всеобщности и доступности, самостоятельности, индивидуального подхода, систематичности и целенаправленности, преемственности. Это значит, что досуговым занятием мы считаем деятельность, которая доступна любому или почти любому человеку, учитывает индивидуальные особенности личности, может быть реализована как индивидуально, так и коллективно, предполагает культурное взаимодействие поколений и обеспечивает форми-

¹ Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : Монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 904 с. С. 584–620.

рование коллективов, групп по интересам и поддержание целостности общества.

VIII этап мониторинга показал, что структура досуговой деятельности молодежи меняется, досуг становится, с одной стороны, индивидуальным за счет использования индивидуальных средств связи (гаджетов), а с другой, — можно говорить о новом принципе формирования групп интересов — без учета территориального и временного фактора (досуговая коммуникация становится асинхронной).

Погружение в гаджеты не может не вызывать опасений. Индивидуализация досуга вносит свой вклад в формирование *отложеного настоящего*. Однако этот феномен проявляется у молодежи иначе, чем у старших (предыдущих) поколений. Для последних отложенное время выражается в хрустале, красивой посуде и белоснежной скатерти, приберегаемых для особых случаев. У современной молодежи нет такой привязанности к вещам, они не знают ситуации их недостатка или дефицита. Отложенное настоящее современной молодежи выражается в *прокрастинации* (от лат. *procrastinare* «откладывать, отсрочивать, оттягивать»), постоянном откладывании дел, которые требуют усилий, будь то написание курсовой работы или формирование здорового образа жизни. При этом существует противоречие между пассивной установкой «сделаю это потом» и разноплановыми активными установками, например, «нужно спасти Россию», «нужно валить из страны» (феномен «паравалитиков»). При этом активные установки могут быть реализованы только на уровне рассуждений, формируя общественное настроение, но на уровень практической деятельности они чаще всего не выходят.

Тем не менее, сложно отрицать, что развитие сети Интернет увеличило количество лидеров мнений, чье влияние направлено именно на молодежь. Их стали называть *инфлюенсерами* (от англ. *influence* — влияние), то есть людьми, оказывающими непосредственное (и значительное) влияние на свою целевую аудиторию. Мнение инфлюенсера не подвергается критике, иногда даже не осмысливается. Существование постоянного влияния — один из рисков для современной молодежи, погруженной в процесс регулярного потребления информации, процесс, который сама молодежь считает досугом. Такая ситуация ставит нас перед сложным вопросом: является ли досуг в сети Интернет досугом в прямом смысле слова, если он не выполняет рекреационную функцию? И второй вопрос, который требует отдельного исследова-

ния: позволяет ли формирующаяся информационная культура преодолеть сформулированное выше противоречие?

Термин *информационная культура* в научной литературе впервые появился в 1970-х гг., в работах советских библиографов К. М. Войханской и Б. А. Смирновой¹, а также Э. Л. Шапиро². Сегодня существует достаточно большое количество подходов к сущности понятия информационной культуры³.

Традиционно под информационной культурой понимают глубоко укорененные навыки работы с информацией: ее сбор, обработку, хранение, принятие решений на основе полученных данных⁴. Другой подход раскрывает информационную культуру как «новый тип общения, дающий возможность свободного выхода личности в информационное бытие», новый тип мышления человека, ориентированного на саморазвитие и самообучение⁵. Наиболее оптимален, с нашей точки зрения, интегративный подход, согласно которому информационная культура в интернет-пространстве — это неотъемлемое свойство пользователей интернет-пространства, которое через систему ценностей, норм и информационную компетентность этих пользователей регулирует социальные взаимодействия, как в виртуальном пространстве, так и реальном мире⁶.

Информационная культура формирует новый принцип взаимодействия поколений, в том числе и в сфере досуга. Субъектом *информационной социализации* становится молодежь, что ломает принцип пре-

¹ Войханская К. М., Смирнова Б. А. Библиотекари и читатели об информационной культуре // Библиотека и информация. 1974. № 1. С. 154.

² Шапиро Л. О путях уменьшения неопределенности информационных запросов // Научно-технические библиотеки СССР. 1975. № 2. С. 45.

³ Забокрицкая Л. Д. Информационная культура современной молодежи: угрозы и вызовы виртуального социального пространства // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 4. С. 113. URL: http://vestnik.pstu.ru/soc-eco/archives/?id=&folder_id=7102 (дата обращения: 23.03.2021).

⁴ Квитко А. Ю. Информационная культура личности // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 163.

⁵ Городнова А. А. Информационная культура и информационное общество : учебно-методическое пособие. Нижний Новгород : Изд-во Волго-Вятской академии госслужбы, 2010. С. 85.

⁶ Zabokritskaya L. D., Oreshkina T. A. Information culture of young people in Russia in the internet space: its current state and methods of its management//The 12th International Days of Statistics and Economics, Prague, September 6–8, 2018. P. 1973. URL: https://msed.vse.cz/msed_2018/sbornik/toc.html (дата обращения: 23.03.2021).

емственности и формирует новый подход к традициям как элементу культуры и досуга. Традиции больше не захватывают широкие слои общества, они дробятся по малым группам¹. Можно говорить о том, что информационная культура делает общество более дифференцированным и перенаправляет информационные потоки и традиционные процессы, такие как обучение и социализация².

Такой «поворот рек» можно проиллюстрировать следующим образом. Молодое поколение, активно участвующее в создании этого пространства и активно включенное в его практики, успешно использует его ресурсы для адаптации к современной ситуации. Старшее поколение значительно медленнее осваивает цифровое пространство, частично включено в него и практически не использует его ресурсы для решения многих своих социальных, экономических, культурных, бытовых, социально-психологических проблем. Повседневные практики достаточно большей части старшего поколения россиян вообще характеризуются эксклюзивом из цифрового пространства. Таким образом, в современном российском обществе существует межпоколенческий разрыв между молодежью и старшим поколением, и разлом проходит как раз по границам цифрового пространства, ширину разлома можно охарактеризовать через сформированность цифровых компетенций, присущих информационной культуре.

Человек — это одновременно продукт и творец культуры, но такой важный процесс как формирование нового типа культуры не может быть стихийным и остаться без внимания государства. В России была реализована государственная программа «Информационное общество», включающая в себя развитие информационной среды и инфраструктуры, формирование принципов и механизмов информаци-

¹ Комиссаренко С. С. Социокультурное значение традиций в эпоху глобальных перемен // Вестник СПбГИК. 2021. № 1 (46). С. 68.

² Интересен в этом плане анализ культуры молодежи в информационно-инновационном обществе, в работах наших уральских коллег: Культура в информационно-инновационном обществе : моногр. / под общ. ред. проф. В. Н. Стегния. Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2017. 497 с. ; Молодежь в информационно-инновационном обществе : моногр. / под общ. ред. проф. В. Н. Стегния. Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2019. 389 с. ; Информационная эпоха: новые парадигмы культуры и образования : монография / Н. Б. Кириллова, Л. Б. Зубанова, С. Б. Синецкий [и др.] ; отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург : Уральское отделение НОКО, 2019. 290 с. ; и др.

онного государства и развитие информационной безопасности¹. Все компоненты в совокупности формируют комплекс цифровых компетенций у населения. Этот процесс проходит спонтанно, в результате столкновения с новыми цифровыми сервисами, или в результате направленного обучения. Так или иначе, информационная культура закрепляет новую модель образования. Традиционная модель, направленная на получение знаний, заменяется моделью *бесконечного обучения*, «обучения на протяжении всей жизни» — *Lifelong Learning (LLL)*.

Корпоративный университет Сбербанка сформулировал следующее определение *цифровой грамотности (digital fluency)*: набор знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета. Для того чтобы можно было говорить о наличии у человека цифровой грамотности, должны быть сформированы цифровые компетенции (*digital competencies*). Две из них носят общий характер — способность ставить и решать бытовые и профессиональные задачи с использованием цифровых технологий и способность использовать и создавать контент при помощи цифровых технологий, включая поиск информации и обмен ею, ответы на вопросы, взаимодействие с другими людьми. Третья компетенция узкоспециализирована и связана с применением компьютерного программирования².

Формирование цифровых компетенций должно способствовать оптимизации взаимодействия, включая производство товаров и услуг в коммерческом, государственном и некоммерческом секторе, обеспечению безопасности жизнедеятельности и развитию сотрудничества. Но применяться они начинают на индивидуальном уровне в повседневных практиках каждого человека, формируя информационную культуру. Даже среди молодежи цифровые компетенции сформированы неравномерно, что определяется интересами и особенностями образовательной и трудовой деятельности. Одни хорошо владеют сервисами *Google*, привыкли фотографировать нужные документы и хра-

¹ Официальный сайт государственной программы «Информационное общество» (последнее обновление 24.12.2020). URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/1/> (дата обращения 19.04.2021).

² Аналитический отчет АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка» «Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики». Компетенции : [сайт]. URL: http://obzory.hr-media.ru/cifrovye_navyki_sotrudnika (дата обращения 14.07.2020).

нить их в «облаке», используют QR-коды и т. д., другие не испытывают в этом потребности. Важна потенциальная возможность освоить технологию, обладание знанием о ней и готовность к изменениям. Современный мир быстро меняется, не оставляя ригидным личностям шанса на успешность.

На предыдущих этапах мониторинга студенческий досуг исследовался преимущественно с точки зрения его темпоральности и оценки мотивов распределения свободного времени. На VIII этапе акцент сдвинулся на содержательную часть досуга, исследование практик использования Интернета как элемента досуговой деятельности — с целью выявления и смягчения противоречий информационной культуры.

По результатам исследования 2020 г. структура досуга претерпела изменения (табл. 69). Во-первых, есть тенденция к увеличению числа досуговых занятий. Среднее число ответов у мужчин и женщин сопоставимо (5,2 и 5,6). Самым популярным ответом по-прежнему остается «посвящать время своим увлечениям, хобби», рост доли ответов составил почти 20 %. Это собирательная категория. Ее могут выбрать как обобщающую те, кто указал любую другую категорию, если он действительно считает свой досуг формой хобби (например, компьютерные игры или чтение), так и тот респондент, который не нашел более конкретной категории для себя, но увлекается каким-то видом творчества, танцами и т. д.

Таблица 69

Структура досуга студентов в динамике, в % ответивших

Занятия	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Посвящать время своим увлечениям, хобби	25	15	21	21	34	36	43	62
Слушать музыку	53	58	52	55	52	42	39	58
Заниматься самообразованием	—	—	—	—	—	21	27	51
Просто отдыхать, ничего не делать	—	—	22	28	24	25	22	44
Читать книги или слушать аудиокниги (кроме учебной литературы)	—	—	22	28	24	25	22	44
Развлекаться и общаться в социальных сетях	—	—	—	—	—	—	20	37
Заниматься физкультурой и спортом	49	32	34	35	33	31	39	35
Посещать театры, кинотеатры, выставки, музеи	48	29	28	36	40	30	33	33

Окончание табл. 69

Занятия	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Заниматься интернет-серфингом, просматривать сайты	—	—	—	—	—	—	15	33
Выезжать на природу, заниматься туризмом	57	35	36	37	35	36	42	31
Играть в компьютерные игры	—	—	—	—	—	—	18	26
Заниматься любовью, сексом	47	46	38	37	34	30	23	25
Ходить на вечеринки или устраивать их	52	31	23	23	21	21	16	18
Ходить в клубы, бары, на дискотеки	—	34	28	23	21	15	12	14
Смотреть телевизор	40	43	29	24	24	13	9	12
Заниматься общественной работой	—	—	3	4	6	8	6	8
Заниматься научной деятельностью	—	—	—	—	—	—	6	8
Посещать творческую студию	—	—	3	3	7	8	5	7

Наиболее серьезный рост наблюдается в категории «самообразование», число ответов по отношению к 2016 г. выросло почти вдвое. Мы связываем это с формированием моды на саморазвитие, появление специальных курсов, тренингов, литературы. Развивается индустрия «правильного» питания в различных интерпретациях этого явления: от сыроедения до протеиновых диет, и каждый подход связан с определенными аспектами развития тела и духа.

Все больше внимания студенты уделяют прослушиванию музыки, чтению, интернет-серфингу. Эти виды деятельности за последние годы стали доступнее за счет развития технологий: развитие цифровых технологий позволило получить неограниченный доступ к хранилищам музыки и фильмов, читать книги в любой ситуации, в том числе в темноте с телефона, планшета или электронной книги. Интернет стал быстрым и дешевым, появились безлимитные тарифы у всех операторов связи, некоторые ввели отдельный «безлимит» на социальные сети. Все это формирует доступность досуговой деятельности, связанной с потреблением информации и коммуникацией. Появляется такой вид досуга, как развлечение и общение в социальных сетях.

Как отрицательную тенденцию нужно отметить уменьшение интереса к спорту, туризму, посещению кинотеатров, музеев, выставок. С одной стороны, на данные могли оказать влияние пандемия и ограничительные меры, связанные с ней. Но с другой стороны, практика

проведения подобных исследований говорит о том, что, выбирая ответы в поливариантных вопросах, респонденты указывают не только те практики, которые они совершают в данный момент или на протяжении небольшого промежутка времени в прошлом, но и те, которые они считают обычными для себя, даже если давно не практиковали. Таким образом, скорее всего мы имеем дело со снижением интереса к традиционным досуговым мероприятиям¹.

Повышаются требования к поездкам: неорганизованный туризм, путешествия *дикарем*, заменяются путевками в комфортный отель. Кинофильмы, театральные постановки (в том числе зарубежные, на языке оригинала) доступны в онлайн-кинотеатрах за достаточно небольшие деньги². Данные по популярности физкультуры и спорта могут вызывать дополнительные вопросы, так как мы не можем утверждать, относят ли студенты популярные виды поддержания здоровья, такие как фитнес, йога, кроссфит и другие, к физкультуре и спорту. Структура досуга у юношей и девушек отличается (табл. 70). Девушки предпочитают более спокойные виды досуга: хобби, музыка, самообразование, «просто отдых», не связанный с занятием конкретным делом (по этому занятию разрыв в 1,5 раза), чтение, общение и развлечение в социальных сетях. Чаще они посещают учреждения культуры (в 1,6 раза) и смотрят телепередачи (в 1,7 раза), хотя в целом эти занятия (особенно ТВ) утратили привлекательность для современной молодежи. Юноши имеют более выраженный интерес к спорту, компьютерным играм (почти в 3 раза выше, чем девушки), интернет-серфингу. Чаще (в 1,6 раза) они говорят о занятиях сексом. Среди менее привлекательных в целом для студентов занятий обращает внимание их бóльший (в 2 раза) интерес к занятиям наукой.

¹ В пользу данного вывода говорят и результаты уже упоминавшегося исследования ВШЭ и ТГУ о влиянии пандемии на учебу и образ жизни студенчества. По данным исследователей, четверть (26 %) респондентов отметила увеличение времени на хобби, еще 32 % ответили, что оно не увеличилось и не уменьшилось, 42 %, наоборот, обратили внимание на его сокращение. Сопоставимы показатели тех, кто во время пандемии стал чаще заниматься спортом (37 %), и тех, кто занимался им реже (36 %). Больше половины учащихся (63 %) не изменили своего отношения к алкоголю, 23 % опрошенных стали употреблять его реже, еще 14 % — чаще. (Студенты назвали основные проблемы онлайн-обучения. РБК новости : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/08/2020/5f3bbdae9a7947d167de1a41> (дата обращения: 26.04.2021).

² На 07.04.2021 г. базовая подписка в онлайн-кинотеатре «Окко» стоила 199 руб., это чуть больше стоимости чашки кофе, а первые 14 дней — тест-драйв за 1 руб.

Таблица 70

Структура досуга студентов по полу (2020, в % по группам)

Занятия	2020	Муж	Жен
Посвящать время своим увлечениям, хобби	62	54	68
Слушать музыку	58	55	60
Заниматься самообразованием	51	48	53
Просто отдыхать, ничего не делать	44	34	50
Читать книги или слушать аудиокниги (кроме учебной литературы)	44	36	48
Развлекаться и общаться в социальных сетях	37	29	42
Заниматься физкультурой и спортом	35	39	33
Посещать театры, кинотеатры, выставки, музеи	33	24	39
Заниматься интернет-серфингом, просматривать сайты	33	38	29
Выезжать на природу, заниматься туризмом	31	31	32
Играть в компьютерные игры	26	43	15
Заниматься любовью, сексом	25	32	20
Ходить на вечеринки или устраивать их	18	16	19
Ходить в клубы, бары, на дискотеки	14	12	16
Смотреть телевизор	12	9	15
Заниматься общественной работой	8	9	7
Заниматься научной деятельностью	8	11	5
Посещать творческую студию	7	6	8

Интерес к спорту — один из важнейших показателей, так как отражает не только интересы молодежи, но и фундамент будущего *физического здоровья* общества. Здоровье — важнейшая составляющая жизни каждого человека. По оценке А. Г. Щедриной, «здоровье — это целостное многомерное динамическое состояние (включая его позитивные и негативные показатели), которое развивается в процессе реализации генетического потенциала в условиях конкретной социальной и экологической среды и позволяет человеку в различной степени осуществлять его биологические и социальные функции»¹. Именно поэтому чрезвычайно важно изучать здоровье в динамике.

Изучая тенденции относительно своего здоровья среди студентов вузов, мы приходим к пониманию не только социальных процессов, происходящих в данной социальной группе, но также к пониманию

¹ Цит. по: Бароненко В. А., Рапопорт Л. А. Здоровье и физическая культура студента. М. : Альфа-М, 2003. С. 61.

их психологии, и можем прогнозировать будущие тенденции. Каждый человек ответственен за свое здоровье. Сохранение и приумножение здоровья является личной ответственностью каждого. Без личных усилий работа служб национального здравоохранения будет оставаться недостаточно эффективной. Вопросы о здоровом образе жизни в анкете мониторинга появились начиная с 2012 г. Прежде всего в ходе мониторинга нас интересовали оценки студентами своего состояния здоровья (рис. 36).

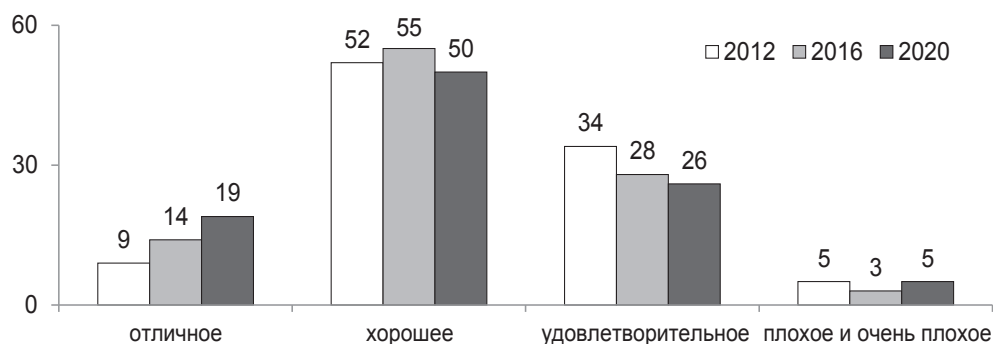

Рис. 36. Изменение студентами самооценок состояния своего здоровья, 2012–2020 гг., % от числа ответивших по группы

Данный вопрос стал особенно актуален в 2020 г. в связи с пандемией коронавирусной инфекции, вызванной коронавирусом SARS-CoV-2. Пандемия актуализировала ценность здоровья человека, а также показала влияние личного и коллективного здоровья на экономические процессы. Весьма показательны оценки состояния своего здоровья, сделанные студентами в 2012–2020 гг.: преобладает явно завышенная оценка состояния здоровья. Доля студентов, оценивающих свое здоровье на «отлично», выросла вдвое: в 2020 г. такую оценку поставил каждый пятый. Добавим к ним каждого второго, оценившего свое здоровье на «хорошо». Завышенная самооценка состояния здоровья в период пандемии могла привести студентов к пренебрежительному отношению в профилактике антиковидных мер, что зачастую и наблюдалось в студенческой среде.

Если выразить самооценки по пятибалльной шкале, то уже в 2012 г. общий итог был достаточно высок — 3,64. И юноши — 3,69, и девушки — 3,60 были сходны в своих самооценках. В 2016 г. оценки стали еще более высокими — 3,80 (почти одинаковыми и у юношей — 3,82,

и у девушек — 3,79 — с той только разницей, что у юношей чуть больше крайних оценок, а у девушек они усреднены). В 2020 г. оценки остались близкими по значению к 2016 г., так, итоговая самооценка состояния здоровья составила 3,82. При этом у юношей она немного подросла и составила 3,95, а у девушек немного снизилась — 3,74.

Если рассматривать самооценки респондентов из разных вузов (рис. 37), то в 2012 г. разбег между вузами в оценках был минимален и находился в диапазоне от 3,38 до 3,76. В 2016 г. самооценка повысилась практически у респондентов всех вузов и стала находиться в диапазоне от 3,6 до 3,93. В 2020 г. итоговая самооценка состояния здоровья практически не изменилась, но существенно расширился диапазон в оценках студентов разных вузов, от 3,62 до 4,38. Особенно возросла самооценка среди студентов УрГУПС, с 3,72 в 2016 г. до 4,38 в 2020 г. Среди тех вузов, студенты которых дали более низкую самооценку, УГМУ, УрГПУ, РГППУ (что в определенной мере ожидаемо) и УГЛТУ (что несколько расходилось с общим трендом).

Для определения образа жизни задавался вопрос: «Ведете ли вы здоровый образ жизни?». С 2012 г. по 2020 г. самооценка образа жизни студентов практически не изменилась и остается на высоком уровне (рис. 38). Можно констатировать, что в определенной мере респонденты преувеличивают позитивные оценки своего образа жизни как здорового. Эти оценки остаются стабильными с 2012 г. За прошедшие 8 лет мониторинга студенты в своем большинстве неизменно уверены в том, что они ведут здоровый образ жизни.

Далее, в рамках мониторингового исследования, мы зафиксировали тенденции в самооценке образа жизни как здорового. Для этого мы условно выразили самооценки в баллах¹. Результаты проведенного анализа полученных баллов показали, что в 2012 г. среднебалльная оценка была достаточно высокой (0,66). Отклонения от средней самооценки у юношей (0,59) и девушек (0,70) были не очень значительными. При этом юноши проявляли бóльшую определенность — они несколько чаще давали ответы «да» и «нет», для девушек были более характерными такие ответы, как: «скорее, да», «скорее, нет». В 2016 г. респонденты дали еще более высокие оценки — средний балл составил 0,74. Повысились оценки и в гендерном разрезе, но разрыв в оцен-

¹ «Да» = +2 балла; «Скорее, да» = +1 балл; «Скорее, нет» = -1 балл; «Нет» = -2 балла.

ках увеличился — у юношей средний балл составил 0,63, у девушек — 0,83. В 2020 г. средний балл практически не изменился по отношению к 2016 г. и составил 0,78. Разрыв в оценках между юношами и девушками стал практически минимальным и составил 0,79 и 0,77 баллов соответственно.

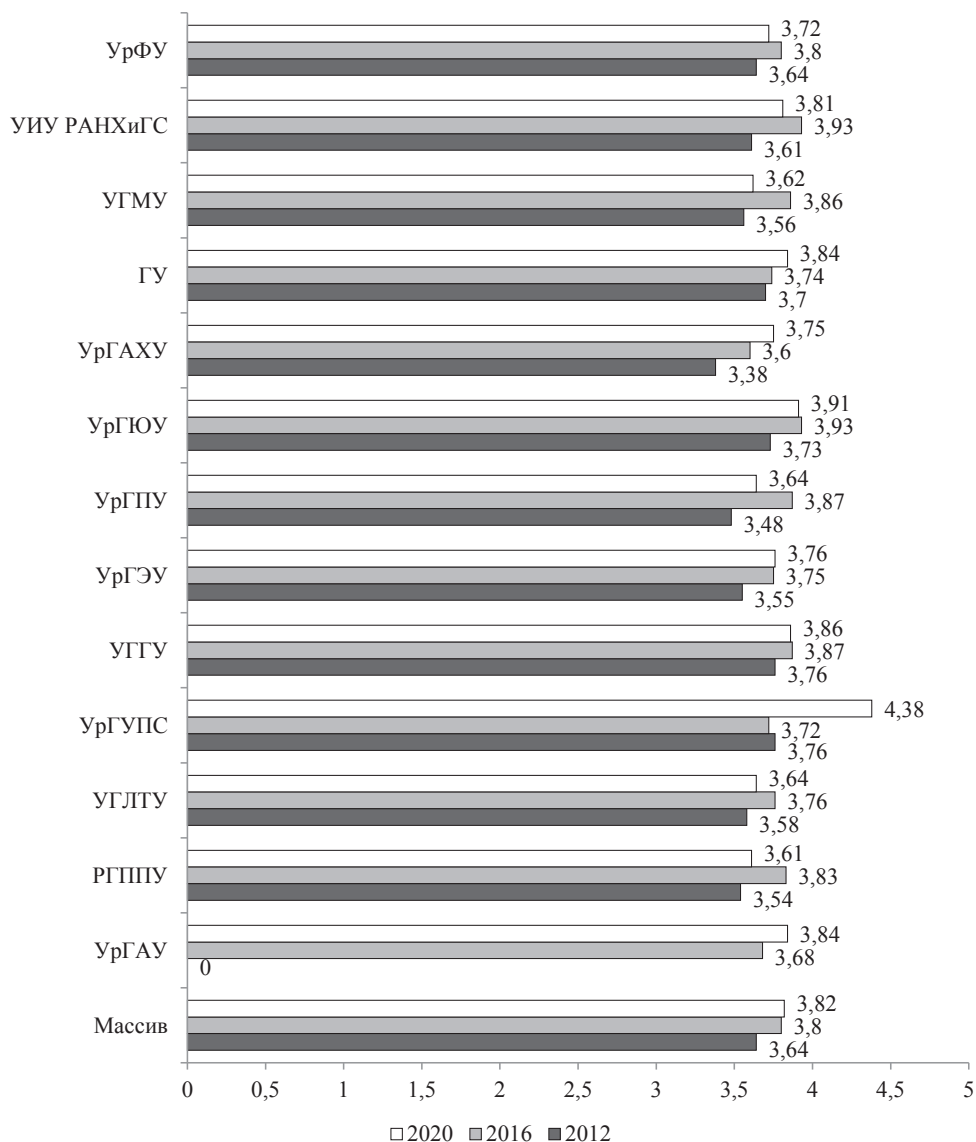

Рис. 37. Средние самооценки состояния здоровья по пятибалльной шкале по массиву и вузам (2012–2020 гг.)

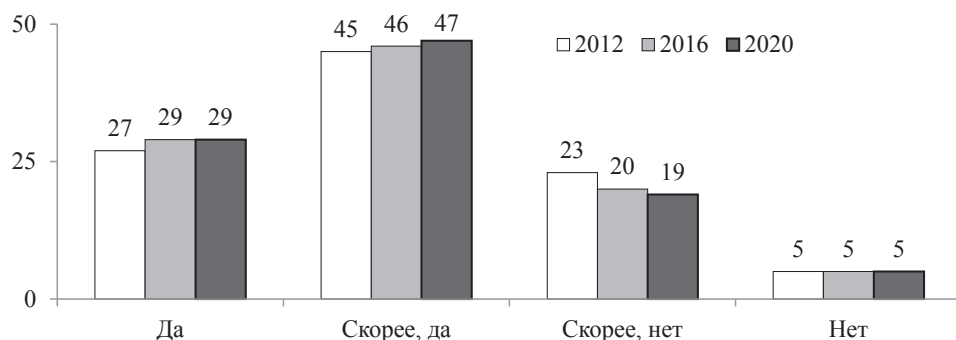

Рис. 38. Изменение самооценок студентами своего образа жизни как здорового, 2012–2020 гг., % от группы

Динамика самооценок респондентами-студентами разных вузов Среднего Урала представлена в табл. 71. В 2016 г., по сравнению с 2012 г., было заметно, что более высокая оценка своего образа жизни как здорового является общей тенденцией. Лишь в нескольких вузах наблюдалось снижение оценок, но оно было незначительным. В 2020 г. по сравнению с 2016 г. ситуация значительно изменилась. Вузы разделились примерно на две равные группы, и если в первой наблюдался рост оценок своего образа жизни либо ситуация оставалась стабильной, то во второй группе мы можем наблюдать снижение оценок. Особенно резкое снижение в оценках заметно у студентов РГППУ (с 0,90 до 0,23), УГЛТУ (с 1,02 до 0,52), УГМУ (с 0,67 до 0,37), УрГПУ (с 0,81 до 0,47). В то же время весьма серьезно возросли оценки у студентов УрГУПС (с 0,56 до 1,37), УрГАУ (с 0,45 до 1,08), УрГАУ (с 0,45 до 1,08). Поиск причин такого резкого изменения оценок образа жизни может стать предметом дополнительного исследования. Весьма вероятно, что такие оценки могут быть связаны с пандемией коронавирусной инфекции и ограничительными мерами. Так, «режим самоизоляции и ограничения, связанные с предотвращением развития новой коронавирусной инфекции, закрытие спортивных залов, когда люди месяцами вынуждены были сидеть дома, существенно снизили физическую активность россиян»¹.

¹ Шабунова А. А. Здоровье и самосохранительное поведение населения в контексте COVID-19 // Социальное пространство. 2020. Т. 6, № 3. С. 1–7. С. 4.

Таблица 71

**Самооценка образа жизни как здорового студентами по вузам в 2012–2020 гг.
(средний балл)**

Вузы	2012	2016	2020
ГУ	0,50	0,36	0,81
РГППУ	0,71	0,90	0,23
УГГУ	0,77	0,86	0,90
УГЛТУ	0,83	1,02	0,52
УГМУ	0,66	0,67	0,37
УИУ РАНХиГС	0,65	0,87	0,68
УрГАУ	0,00	0,45	1,08
УрГАХУ	0,83	0,72	0,72
УрГПУ	0,54	0,81	0,47
УрГУПС	0,80	0,56	1,37
УрГЭУ	0,97	0,77	0,60
УрГЮУ	0,67	0,79	0,88
УрФУ	0,52	0,70	0,75
Всего	0,66	0,74	0,78

В целом же студенты вузов Свердловской области дают себе весьма высокие оценки относительно своего образа жизни и состояния собственного здоровья на протяжении всех лет мониторинга. Весьма примечательно, что ситуация с мировой пандемией коронавирусной инфекции не внесла серьезных изменений в данные оценки, но сложно отрицать ее роль и значение в развитии информационных технологий, развитии взглядов на процессы обучения, повседневную жизнь студентов. Весной 2020 г. весь образовательный процесс был экстренно переведен в онлайн-формат. Происходящие в образовании и обычной жизни процессы информатизации актуализируют изучение компонентов и практик *информационной культуры студенчества*.

На предыдущих этапах мониторинга делались лишь первые попытки ее изучения. В 2012 г. впервые появились вопросы, содержащие варианты ответов, которые были направлены на изучение отдельных аспектов информационной культуры студенчества. При этом вопросы об информационной культуре студенчества в целом отсутствовали, а варианты ответов были включены в вопросы по другим темам. Так, при изучении удовлетворенности студентов разными аспектами учебного процесса в целом выявлялась их удовлетворенность информатизацией учебного процесса.

Если на предыдущих этапах мониторинга еще было принято разделять онлайн и офлайн, то к 2020 г. развитие коммуникативных технологий стерло границу между этими двумя сферами. Индикаторами отсутствия границы служат переход взаимодействия из онлайн в офлайн и обратно. Например, возможность заказа товаров и услуг через Интернет, развитие виртуальных услуг (когда заказ и оказание услуги происходит в цифровом пространстве, например, заказ справки или другого документа) для предъявления по месту требования. Распространение смартфонов с поддержкой сетей *4G* и *5G*, обеспечивающих скорость Интернета на уровне, а иногда и выше уровня стационарного подключения к сети, недорогие безлимитные тарифы на Интернет делают молодежь максимально социальной, а само взаимодействие — многомерным. Это значит, что студенты взаимодействуют одновременно (именно в один и тот же момент) в онлайн и офлайн: они присутствуют на занятии, слушают лектора или дискутируют с ним, параллельно ведут переписку с социальных сетей или иных ресурсах по интересующим их вопросам, просматривают видео или графический контент, слушают аудиофайлы при помощи гарнитуры. Мы привели пример многомерности взаимодействия на лекции, но эта ситуация сохраняется и в ситуации дружеского общения. Благодаря развитию технологий, молодые люди всегда остаются на связи, они готовы к взаимодействию. При этом формируется избирательность: далеко не каждое сообщение будет прочитано в момент получения, здесь есть зависимость от того, кто прислал сообщение.

Еще одна тенденция развития сети Интернет, сформировавшаяся десять лет назад — *деанонимизация* пользователей. Если на заре формирования практик коммуникации было принято использовать вымышленные имена (ники), то сейчас большая часть ресурсов ориентирована на использование реальных имен пользователей, либо на формирование единого профиля пользователя, например, при помощи профиля *Google* на развлекательных или профильных ресурсах, профиля ЕСИА на государственных и муниципальных порталах, что облегчает идентификацию. Хотя есть ряд других способов деанонимизировать пользователя, которые могут использоваться и для нанесения вреда¹. Формирование информационной культуры включа-

¹ Башуев Я. П., Григорьев В. Р. Методы деанонимизации в социальных сетях // История и архивы. 2016. № 3 (5). С. 125–146.

ет в себя осознанное использование и контроль публикации личной информации, в том числе — в объявлениях, социальных сетях, форумах. Развитие нормативно-правовой базы идет так, что виртуальная среда взаимодействия входит в правовое поле. Все, что опубликовано в Интернете, может быть использовано против пользователя, поэтому к формированию цифрового следа нужно относиться ответственно.

Формирование этих тенденций обусловили включение в опросный лист на VIII этапе мониторинга новых вопросов, направленных на изучение практик использования интернет-ресурсов. В силу объемности исследовательского инструмента и связанных с ним задач мы сконцентрировали внимание на наиболее популярных ресурсах — *сайтах социальных сетей*.

Ю. А. Зубок и В. И. Чупров в одной из статей говорят о противоречии *культурного и социального*, то есть противоречии между творческим, свободным началом личности и устойчивостью ее социальных отношений в жизнедеятельности молодежи¹. На наш взгляд, досуговая функция социальных сетей — это определенный шаг к решению обозначенного противоречия. Для студентов основными площадками взаимодействия остаются социальные сети, но в достаточной мере эти ресурсы выполняют досуговую функцию, решая задачи трансфера и формирования информационной культуры и современных субкультур.

Если говорить о различиях внутри выборки, то значимы предпочтения социальных сетей у юношей и у девушек (табл. 72), а вуз или профиль обучения не оказывает влияние на этот показатель. В среднем юноши зарегистрированы в 4–5 социальных сетях (среднее число ответов — 4,87), девушки — в 5–6 сетях (среднее число ответов — 5,67).

Наиболее популярной оказалась социальная сеть *ВКонтакте*. На втором месте — *Instagram*, на третьем — *мессенджер WhatsApp*, гибкий инструмент, применимый как для повседневного общения, так и для решения деловых задач. Интересно, что на *Facebook* зарегистрировано столько же респондентов, сколько активно использует *TikTok*. На наш взгляд, это — хорошая иллюстрация узнаваемости *Facebook*, потенциального интереса к нему и, возможно, понимания его значи-

¹ Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 215–231. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.13.

мости как площадки для обсуждения общественно значимых вопросов, но на данный момент в приоритете у молодых пользователей развлекательная функция ресурсов. Заметно, что девушки зарегистрированы в большем числе социальных сетей, что подтверждает данные ответов на вопрос о досуге, где они показали склонность к общению и развлечению при помощи социальных сетей. Интерес к *Instagram* более выражен у девушек, в то время как юноши больше заинтересованы в просмотре видео на *YouTube*.

Таблица 72

Распределение ответов о практиках использования социальных сетей и мессенджеров в группах по полу (%)

Аккаунты в социальных сетях	Зарегистрированы в социальных сетях		Активно используют	
	Мужчины	Женщины	Мужчины,	Женщины
ВКонтакте	95	99	92	94
Instagram	76	92	61	83
WhatsApp	77	91	46	59
Youtube	78	77	60	43
Telegram	67	72	39	36
TikTok	27	45	16	28
Twitter	20	25	6	8
Facebook	24	23	4	2
SnapChat	6	17	2	3
Одноклассники	9	14	2	2
Мой Мир	9	8	3	1

Социальные сети предоставляют пользователям разные *виды контента* (табл. 73). Основной контент — это *посты* (записи), содержащие текст, аудиофайлы, графику, анимированные картинки (гифки, *gif*), видео или их сочетания, поэтому совершенно ожидаемо, что абсолютное большинство участников исследования использует этот контент (пишут, читают, просматривают) хотя бы несколько раз в неделю. *Сториз* отличается от постов коротким «сроком жизни», обычное сториз доступно для просмотра 24 часа, поэтому привлекает внимание своей оперативностью, «уникальностью»: увижу сейчас или никогда. При этом сториз с большей вероятностью будет содержать динамичный контент (видео, *gif*). Не использует сториз только один из семи респондентов. По сравнению со *стримами* сториз очень короткие, простые

для потребления, их можно сравнить с *СМС*. Представленный в сториз контент — короткий тезис, потребление сториз похоже на употребление семечек: одна за другой, незаметно, интересно и хочется еще.

Таблица 73

Частота использования разных видов информации (в %)

Виды информации	Частота использования			
	Еже-дневно	Несколько раз в неделю	Несколько раз в месяц	Не пользуюсь
Посты в социальных сетях	78	11	6	5
Сториз	66	12	7	15
Фотоблоги (в т. ч. <i>Instagram</i>)	64	16	8	12
Видео	62	26	7	5
Текстовые блоги	31	30	19	20
Статьи, интервью	28	44	20	8
Влоги	27	21	22	30
Публикации исследований, обзоров и сравнений	21	35	30	14
Опросы	20	24	34	22
Трансляции	20	18	31	31
Стримы	20	13	17	50
Подкасты	19	21	25	35
Инфографика	18	21	24	37
Вебинары	15	16	34	35

Примечание. Ранжировано по убыванию популярности (ежедневного использования), сумма по каждой строке 100 %.

Далее разграничим понятие *стрима* и *трансляции*. *Трансляция* — более общий термин, более традиционный. Его используют официальные источники: официальные группы вузов и других организаций. По типу трансляция — это односторонняя управляемая опосредованная коммуникация. *Стримы* — это потоковые трансляции, которые могут проводить как отдельные пользователи, так и организаторы мероприятий, они предполагают обратную связь от аудитории в виде *лайков* и *комментариев*. Содержание стримов часто спонтанно, в отличие от трансляции, стрим не предполагает режиссуры, сочетания съемки с разных точек и камер, контент часто направлен на личность автора и его деятельность. Просмотр стримов предполагает непрерыв-

ный просмотр трансляции или временное подключение, в этом случае просмотр стрима становится похожим на сториз, но без законченности сюжета. Просмотр трансляций и стримов требует времени и интереса — или к теме трансляции, или к личности автора. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется распределение ответов по этому типу контента: половина респондентов не использует его совсем, каждый пятый использует ежедневно, остальные — от случая к случаю.

Фотоблоги — инструмент самопрезентации, конструирования своего визуального «Я», способ декларировать свой образ жизни. Специфика фотоблогов в России заключается в том, что они содержат много текста, что в целом не характерно для этого типа социальных сетей. Выше мы говорили о популярности *Instagram* как специфической социальной сети, основанной на графическом представлении своей личности, жизни и взглядов. Сопоставление данных двух вопросов показывает, что активное использование социальных сетей для участников исследования обозначает «несколько раз в неделю или ежедневно». Если говорить об *Instagram*, как наиболее часто используемый ресурс его отметили трое из четырех респондентов, этот ресурс ежедневно использует два из трех опрошенных. Получается, часть респондентов (по расчетам — 6%), выбирающих *Instagram*, использует его несколько раз в неделю и считает это не самой активной практикой. Частота использования респондентами *вебинаров* позволяет предполагать, что мы получили представление о том, как часто респонденты реализуют потребность в самообразовании (выше мы отметили рост интереса молодежи к самообразованию).

Если говорить о различиях между группами внутри выборки, то здесь снова отличаются только *гендерные модели* (табл. 74). Девушки более склонны к использованию инструментов самопрезентации (сториз и фотоблогов), в то время как юноши более заинтересованы в видео-контенте, статьях и интервью, публикациях исследований, обзоров и сравнений. На основании этого можно сделать вывод, что девушки заинтересованы преимущественно в легком развлекательном контенте и общении, а юноши больше склонны к потреблению полезной информации.

При анализе ответов студентов разных профилей обучения заметны отличия практик *студентов профиля «науки об обществе»*. Они в два раза чаще, чем студенты других профилей, смотрят стримы, трансляции, вебинары, инфографику, слушают подкасты.

Таблица 74

Частота использования разных видов информации по полу (в %)

Виды информации	Частота использования							
	Ежедневно		Несколько раз в неделю		Несколько раз в месяц		Не пользуюсь	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Посты в социальных сетях	76	80	11	11	5	6	8	3
Сториз	53	75	14	1	9	6	24	9
Фотоблоги (в т. ч. <i>Instagram</i>)	51	72	20	13	10	7	19	8
Видео	69	58	20	29	7	7	4	6
Текстовые блоги	30	31	29	30	20	19	21	20
Статьи, интервью	36	23	41	45	14	24	9	8
Блоги	31	25	17	23	20	23	32	29
Публикации исследований, обзоров и сравнений	30	16	38	32	21	35	11	17
Опросы	30	14	20	8	19	15	31	63
Трансляции	22	19	23	24	29	38	26	19
Стримы	29	14	22	16	25	34	24	36
Подкасты	24	17	22	21	22	26	32	36
Инфографика	24	15	24	19	24	23	28	43
Вебинары	19	13	16	16	28	38	37	33

Развлекательную функцию социальных сетей можно увидеть и в том, каковы *формы общественного участия студентов* в сети Интернет (табл. 75).

Таблица 75

Распределение ответов респондентов о практике использования форм общественного участия в сети Интернет (в % от ответивших, вопрос поливариантный)

Формы общественного участия в сети Интернет	Практики использования		
	Знаю	Практикую	Допускаю, что буду практиковать в будущем
Участие в конкурсах и розыгрышах в соцсетях	69	52	23
Поддержка общественных и протестных движений (публикации по хэштегу, смена аватарки в соцсетях, использование символики в постах)	69	36	45
Участие в благотворительности, сбор средств в Интернете	77	28	34

Окончание табл. 75

Формы общественного участия в сети Интернет	Практики использования		
	Знаю	Практикую	Допускаю, что буду практиковать в будущем
Сообщества эмоционального участия: оказание эмоциональной поддержки и помощи другим людям	82	20	31
Флешмобы: публикация контента в соцсетях под хэштегом (например, # <i>MeeToo</i>)	81	20	34
Участие в марафонах в соцсетях	82	20	32
Организация собраний, встреч, коллективной деятельности (например, акция в защиту сквера)	84	18	25
Сбор компромата, участие в интернет-расследованиях, публикация контента, раскрывающего неправомерные действия других людей	83	14	35
Проверка сведений, опубликованных другими людьми, и публикация опровержений или доказательств в их поддержку	89	8	26
Итого	716	216	285

Примечание. Ранжирование — по убыванию — по практикуемым формам.

Студенты осведомлены обо всех предлагаемых им формах участия, но наиболее часто практикуемая форма — *участие в конкурсах и розыгрышах в социальных сетях*. На втором месте — *поддержка общественных и протестных движений*. Здесь важно отметить, что эта деятельность интересует молодежь достаточно сильно: 45 % респондентов, ответивших на вопрос, допускают, что будут участвовать в ней. Почти каждый третий принимает участие в *благотворительности и сборе средств*. Напомним, что общественную деятельность в качестве досуга указали только 8 % респондентов. Распространение *неорганизованной формы добровольчества и благотворительности* — один из трендов, зафиксированных в исследованиях разного рода. В частности, ВЦИОМ¹

¹ Более половины россиян отмечают, что люди стали чаще заниматься волонтерской или добровольческой деятельностью — 59 %. Чаще это отмечают самые молодые респонденты 18–24 лет и россияне старше 60 лет (по 64 %). У каждого третьего есть знакомые, которые занимаются волонтерством (34 %, чаще у 18–24-летних — 56 %). Среднее значение таких знакомых на одного опрошенного — 8 человек. Топ-3 причин, почему люди занимаются волонтерской деятельностью (из предложенных

фиксирует рост включенности молодежи в практики взаимопомощи.

Заметна диспропорция между знанием о формах общественного участия в сети Интернет и реальных практиках такого участия. Из 10 респондентов 8 знают о тех или иных формах, но лишь 1 из 4 практически участвует (в 3,3 раза меньше). Студенты имеют представление о социально значимых видах активности, но редко их используют. В то время как участие в конкурсах и розыгрышах имеет более целевую аудиторию, разрыв между числом знающих и практикующих — наименьший. Если говорить о таких известных, но непопулярных для практики и требующих усилий формах участия, как сбор компромата или проверка опубликованных сведений, то юноши более склонны к этой деятельности. Девушки чаще участвуют в конкурсах и розыгрышах, практикуют участие в благотворительности, реализуют функцию самопрезентации посредством различных марафонов.

По данным глобальной исследовательской компании *We Are Social*¹ в 2020 г. в среднем человек проводил в Интернете ежедневно 6 часов 43 минуты. Если не учитывать сон, то это почти 40 % жизни. Что касается социальных сетей, то в них жители мира в среднем проводят примерно 2 часа 24 минуты ежедневно. Каждый россиянин тратит в среднем 2 часа 26 минут в день на социальные сети.

Наше исследование не ставило задачу точно определить время, которое студенты проводят в социальных сетях, использовалась ранговая шкала ответов (рис. 39). свыше 70 % респондентов (по их самооценке) проводят в социальных сетях 3 часа и более. Это выше, чем другие группы населения в стране и мире. Вероятно, студенты все в большей степени склонны подменять *реальное* общение *виртуальным*. Причины, динамику и последствия таких изменений потребует изучить в ходе следующего этапа мониторинга.

вариантов): потому что хотят чувствовать себя полезными (45 %), используют возможность решить общие проблемы (31 %), реализуют себя и свои инициативы (17 %). В этом году 71 % россиян совершали какое-либо общественно полезное дело, помогали другим. См.: Аналитический обзор ВЦИОМ «Солидарность на фоне пандемии» 29.12.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/solidarnost-na-fone-pandemii> (дата обращения: 08.02.2021).

¹ Аналитический отчет «DIGITAL 2020: 3.8 BILLION PEOPLE USE SOCIAL MEDIA». URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020—3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения 14.04.2021).

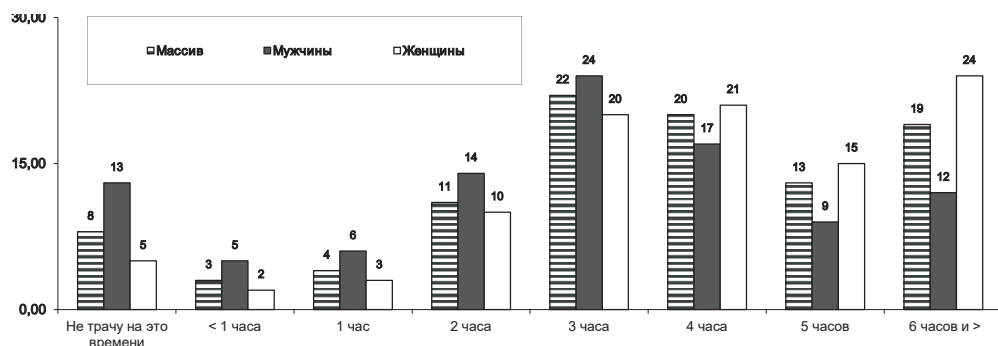

Рис. 39. Время, ежедневно проводимое респондентами (массив и группы по полу) в соцсетях (в % от ответивших по группам)

Заметны и весьма четкие гендерные различия в количестве времени, проводимом в социальных сетях. Девушки проводят в социальных сетях больше времени, юноши же стараются тратить на социальные сети меньше времени (по всем параметрам до 3 часов, включая и отсутствие затрат времени, их доля выше; по затратам 6 часов и более — в два раза ниже).

По данным исследования ФОМ, проведенного в начале 2021 года, 97% людей в возрасте от 18 до 30 лет были в Интернете за последние сутки. Практически каждый третий оптимистично смотрит на развитие информационных технологий и считает, что этот процесс приносит пользу¹. Наши данные подтверждают тот факт, что студенты предпочитают проводить значительную часть своего времени в Интернете и используют его в первую очередь, для развлечений и учебы. При этом социальным сетям отдают предпочтение в большей мере девушки, чем юноши.

Дискуссии о вреде экранов в медицинской литературе и медийном пространстве, существование феномена, получившего название *фаббинг* (форма интернет-зависимости, связанной с повышенным вниманием к социальным сетям или привычкой отвлекаться на гаджет во время любой деятельности)² и снижение интереса к спорту и ту-

¹ Оценка уровня развития инфотехнологий. Отношение к предустановке российских программ. Публикация от 07.04.2021 URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14561> (дата обращения 16.04.2021).

² Козулина Н. С., Карачев А. Ю., Ахмедзянова Е. В. Фаббинг — неблагоприятный фактор в формировании компетенций у студентов вузов // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. № 10 (66). С. 56–65. ; Чвякин В. А., Григорьев Н. Ю. Фаббинг

ризму не мешают студентам считать, что они ведут здоровый образ жизни. Значит, мы имеем дело со сформированным взглядом на нормальный (обычный, привычный, естественный) образ жизни и досуг. Для того чтобы понять, насколько это действительно безопасно, необходимо проведение междисциплинарного исследования на стыке социологии, психологии и педагогики. Так можно будет определить, какое влияние оказывает интенсивное использование гаджетов на когнитивные процессы, насколько мобильные устройства способствуют реализации рекреационной функции досуга (особенно учитывая, что молодежь часто переходит от труда или обучения к отдыху без смены обстановки). Перед исследователями стоит вопрос, будет ли этот вид досуга соответствовать подходу Аристотеля, то есть способствовать развитию науки и искусства для «приятного проведения жизни»¹. Помимо этого, на следующем этапе будет интересно посмотреть, как изменились практики использования различных ресурсов и типов активности в сети Интернет, так как это будет показателем развития информационной культуры.

в структуре социальных коммуникаций: социологический анализ явления // Гуманитарий Юга России. 2020. № 5. С. 150–161.

¹Аристотель. Метафизика / Пер. с греческого П. Д. Пивоварова и В. В. Розанова. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы. 2006. С. 32.

12. Демографические установки студенчества — пути оптимизации

Семья — это общество в миниатюре, от целостности которого зависит безопасность всего человеческого общества.

Ф. Адлер

Среди серьезных вызовов, с которыми сталкивается экономика России и которые «препятствуют достижению ею устойчивого роста», исследователи выделяют *«негативный демографический тренд»*¹. Анализ тренда применительно к Свердловской области недавно осуществлен одним из авторов этой главы².

Обобщая результаты VIII этапа мониторинга (2020), отметим — как своеобразное следствие демографического поведения сегодняшних студентов бакалавриата (с учетом возраста основной массы третьекурс-

¹ Сценарии роста российской экономики с учетом вклада человеческого капитала : докл. к XX Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Н. В. Акиндинова, Е. Г. Ясин, Д. А. Авдеева [и др.]. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 51 с. С. 5.

² Багирова А. П. Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Свердловской области // Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.] ; Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 214 с. С. 177–188. Демографическая ситуация в регионе на предыдущих этапах исторического развития отражена в работах А. И. Кузьмина и других уральских демографов: Кузьмин А. И. Семья на Урале: Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. 237 с. ; Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи. М. : Наука, 1990. 100 с. ; Население Урала: XX век. История демографического развития / А. И. Кузьмин, А. Г. Оруджиева, Г. Е. Корнилов. Екатеринбург : Изд-во «Екатеринбург», 1996. 212 с. ; и др.

ников — 21–23 года) — исчезновение исследовательской проблемы его начальных этапов — *студенческой семьи*, по крайней мере, в ее нормативном статусе — *зарегистрированном браке*. Как видно из данных, приведенных в табл. 8 (с. 29), начиная с 2003 г. доля студентов, состоящих в зарегистрированном браке, не превышала 3–4 %. Соответственно, почти сошла на нет (в 2020 г. — 0,3 %) и доля тех, кто уже успел к III курсу зарегистрировать и брак, и *развод*. Привнес дополнительные краски, но не очень изменил общий характер картины рост за эти годы в 1,5 раза (с 7 до 11 %) доли живущих в *гражданском браке*.

Осуществляя лингвосемантический анализ номинации учащейся молодежи, мы уже отмечали, что «в терминологическом и этимологическом плане во многих языках *холостяк* соотносим с определенным уровнем базового образования (*the Bachelor* — англ.; Бакалавър — болг.; *el bachiller* — исп.; *Licencjat* — пол.; Бакалавр — укр.; *le bachelier* — франц.; *Bakalářské* — чеш.) или с определенным обучением по профессии (*Der Junggeselle* — нем. молодой парень, младший подмастерье; *Garçon* — франц.: мальчик подмастерье, подручный; приказчик, холостяк)»¹. Образно говоря, понятие «холостяк = бакалавр» как бы вернулось к исходному значению.

Семья как реальность соотносится у значительной части студентов-бакалавров с родительской семьей; создание своей семьи, рождение своего ребенка, своих детей² переносится в *перспективу* — более или менее отдаленную. Соответственно, необходима и переориентация воспитательной работы со студенческой молодежью (особенно обучающейся в бакалавриате) и исследователей (социологов, психологов, демографов), призванных научно обеспечить эффективность

¹ Вишневский С. Ю., Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Лингвосемантический и этимологический анализ — инструмент социологии молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2015. Т. 1. № 3 (3). С. 36–43. С. 38.

² Кстати, утверждающаяся ориентация на *однодетную семью* порождает своеобразный языковой парадокс. Когда на вопрос «У вас есть дети?» отвечают положительно, а на дополнительный вопрос «Сколько их?» называют «один», то в остатке и получается «один дети»!? Язык не «попевает» за переменами в репродуктивном поведении. Да и в более широком — демографическом — поведении тоже. Ведь «гражданский брак» исходно — брак между гражданами, т. е. предполагает фиксацию (регистрацию) изменения их гражданского состояния. Сегодня же социологам приходится в анкетах после индикатора «гражданский брак» расшифровывать его значение в обыденном смысле (незарегистрированный брак).

этой работы. Необходима переориентация на достижение *перспективных целей*:

- формирование качеств гражданина-семьянина как важнейшего компонента гражданской культуры молодого человека;
- подготовка студенческой молодежи к будущей брачно-семейной жизни, с ориентацией на устойчивость молодой семьи, разрешение конфликтных ситуаций и предупреждение ее распада;
- формирование позитивных репродуктивных установок, установок на родительский труд;
- профилактика ЗППП, СПИДА, предупреждение абортов;
- формирование культуры межпоколенческого взаимодействия в семье.

Этот акцент на *установки*, которые лишь в дальнейшем реализуются в актуальном — демографическом, репродуктивном, родительском, сексуальном — поведении, должен учитывать (в их историческом развитии и углублении) идеи «установки и ситуации» У. Томаса и Ф. Знанецкого¹, габитусы (системы прочных предрасположенностей) П. Бурдьё², диспозиционную теорию личности В. А. Ядова³. Во многом реализация установки определяется конкретной ситуацией, но значим и характер установки, ее сформированность⁴. «Научная проблема, — справедливо подчеркивается в Национальном демографическом докладе — 2020, — состоит в определении механизма формирования данных *установок*, выделении факторов и условий, которые оказывают непосредственное и опосредованное влияние на процесс их формирования»⁵.

Конечно, студенты (за исключением, изучающих курс демографии или будущих специалистов в этой сфере), как и значительная часть на-

¹ Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. 496 с. С. 182–194.

² Бурдьё П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–58.

³ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

⁴ Шабунова А. А., Ростовская Т. К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 38–57.

⁵ Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.] ; Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова ; М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 214 с. С. 7.

селения в целом, специально с демографической статистикой и научными статьями демографов, социологов и т. д. не знакомятся. На их установки влияет личный опыт, окружающая среда (родители, сверстники, другие акторы их социализации) и *стереотипы общественного мнения*, распространяемые в СМИ и Интернете. Причем важно понимать, что эти стереотипы отличаются по характеру и по-разному влияют на демографические установки, а в перспективе — и на реальное демографическое поведение. И все, кто изучает, анализирует демографическую информацию, делает ее достоянием научной или широкой, массовой, общественности (особенно, когда целевая аудитория — молодежь), должны осознавать, «как слово (цифра!?) наша отзовется».

Порой публикации в СМИ и Интернете содержат *реальную информацию, но без анализа причинно-следственных связей*, это создает предпосылки для ее искаженной интерпретации и восприятия.

Начать с самых общих демографических показателей — *динамики численности населения, естественного прироста/убыли* (рис. 40). Заметно, что в последние годы произошла определенная стабилизация населения России (к тому же, если учесть, что отраженный в таблице значительный рост между 2010 и 2015 гг. был связан с воссоединением Крыма и Севастополя/население в 2014 г. — 2,3 млн человек/с Россией).

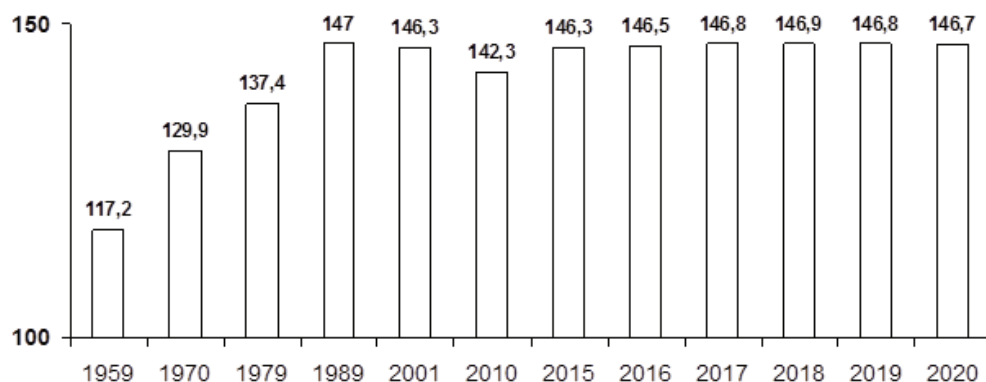

Рис. 40. Динамика численности населения России за 1959–2020 гг. на 01.01 соответствующего года (млн человек)¹

¹ Российский статистический ежегодник — 2020. М. : Росстат, 2020. 700 с. С. 49, 93. ; Население России. Росстат : [сайт]. URL: https://countrymeters.info/ru/Russian_Federation#population_2020 (дата обращения: 23.03.2021).

Сходные процессы наблюдаются и во многих регионах страны. Так, по Свердловской области за 2010–2020 гг. общая численность населения Свердловской области выросла чуть более, чем на 2 тыс. человек (с 4 308 472 до 4 310 681 человек). При этом плавное увеличение численности наблюдалось в 2010–2016 гг., в то время как с 2016 по 2020 гг. наметилось ее снижение¹.

Следующий шаг анализа (сопоставление рождаемости и смертности, выявление естественного прироста, а точнее — естественной убыли населения) показывает, что эта стабилизация определяется миграционным приростом (табл. 76).

Таблица 76

**Естественный прирост (убыль) населения России в 2000–2020 гг.
(тыс. человек, на 01.01 соответствующего года)²**

Население	Годы					
	2000	2010	2017	2018	2019	2020
Прирост/убыль	–958,5	–239,6	–135,8	–224, 6	–317,2	–167,8

Примечание. Прирост («+» превышение рождаемости над смертностью); убыль («–» превышение смертности над рождаемостью).

Осмысление этого процесса определило качественное изменение национальных целей России. До 2024 г. была выдвинута цель — обеспечение устойчивого *естественного* роста численности населения РФ³. Однако развитие ситуации в последние годы показало, что «население России уже до 2024 г. может уменьшиться на 1,2 млн человек». Такой прогноз правительство РФ сделало в обновленной версии плана по достижению национальных целей до 2030 г.⁴ И в качестве цели до 2030 г. было внесено уточнение: обеспечение устойчивого роста

¹ Багирова А. П. Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Свердловской области // Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.] ; Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 177–188. С. 177.

² Российский статистический ежегодник — 2020. М. : Росстат, 2020. 700 с. С. 49.

³ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г. Указ Президента РФ от 07.05.2018. № 204.

⁴ Данилов Т. Кабмин: Россия потеряет больше миллиона граждан в ближайшие годы. 16 октября 2020. Информационное агентство URA.RU: [сайт]. URL: https://ura-news.turbopages.org/ura.news/s/news/1052454396?utm_source=turbo_turbo (дата обращения: 24.04.2021).

численности населения РФ¹. Но, обращаясь к современной студенческой молодежи (особенно — к обучающимся на бакалавриате), нужно найти более *оптимальные формы подачи и интерпретации реального факта снижения рождаемости*.

Выражение «рожают мало» относится к *современным* женщинам репродуктивного возраста. Но сегодня это не может распространяться на *всю* молодежь. Необходимо учитывать, что возраст вступления в брак и, соответственно, рождения ребенка смещаются к возрастным группам 25–29 и 30–34 лет, которые по сегодняшним меркам относятся к «старшей» молодежной группе.

Средний возраст матери при рождении ребенка и в РФ, и в Свердловской области приближается к 29 годам (рис. 41).

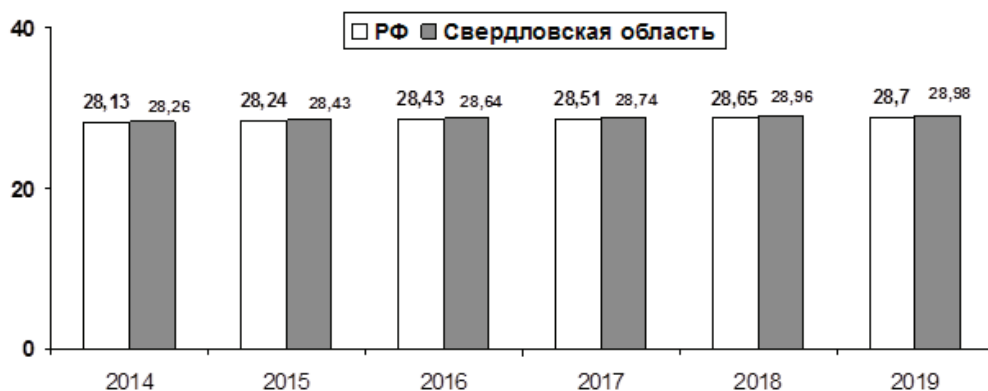

Рис. 41. Средний возраст матери к моменту рождения ребенка.
РФ и Свердловская область (лет)²

Но 29 лет — это средний возраст матери без учета очередности рождения ребенка. Уральская женщина-жительница Свердловской области в среднем впервые становится матерью в 27 лет, рождение второго ребенка чаще всего приходится на возраст, равный 31 году. В среднем российские матери чуть моложе — медианный и модальный возраст

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. Указ Президента РФ от 21.07.2020. № 474. Официальные ресурсы Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 24.04.2021).

² См.: Демографический доклад 2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения / [под ред. Ч. Н. Ильдархановой]. Казань: Изд-во АН РТ, 2020. 578 с. С. 17–18.

матери при рождении первого ребенка в России составляет 26 и 25 лет, второго ребенка — 30 и 30 лет соответственно¹.

На примере Свердловской области четко проявляется и другая тенденция — по числу детей, рожденных женщинами соответствующего возраста, среднюю молодежную группу (20–24 года) «обгоняют» возрастные группы 25–29 лет и 30–34 лет (рис. 42).

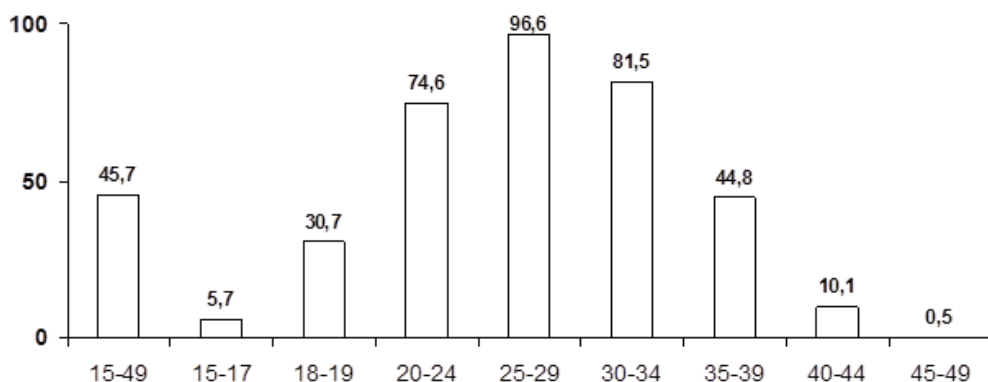

Рис. 42. Рождаемость в Свердловской области в 2019 г.
(Число родившихся на 1000 женщин соответствующего возраста)²

По всем молодежным группам за 1979–2015 гг. выросла доля мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке³ (табл. 77).

Потребность в воспроизводстве населения (рождении будущих учащихся, студентов, работников, граждан ...) — социальная потребность, но общество не рождает детей, детей рожают конкретные *женщины в репродуктивном возрасте*. А их количество и структуру (в возрастном разрезе — доля возрастных групп) определяют предшествующие демографические процессы (табл. 78).

¹ Багирова А. П. Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Свердловской области // Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.]; Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 177–188. С. 180.

² См.: Демографический доклад — 2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения / [под ред. Ч. Н. Ильдархановой]. Казань: Изд-во АН РТ, 2020. 578 с. С. 30.

³ Население России 2016. Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. М. : Изд. дом ВШЭ, 2018. 448 с. С. 107.

Таблица 77

Доли мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке, переписи населения 1979, 1989, 2002, 2010 гг., микропереписи 1994 и 2015 гг., Россия, на 1000 человек в указанном возрасте

Возраст	Пол	1979	1989	1994	2002	2010	2015	Рост за 1979/2015 гг.
18–19	Муж.	954	938	936	961	971	960	1,01
	Жен.	795	750	750	861	878	852	1,07
20–24	Муж.	588	595	596	736	775	761	1,29
	Жен.	359	335	374	526	572	538	1,50
25–29	Муж.	179	208	236	348	403	412	2,30
	Жен.	120	120	143	218	263	240	2,00
30–34	Муж.	84	105	129	168	211	220	2,62
	Жен.	66	69	79	109	147	135	2,05

Таблица 78

Динамика численности женщин репродуктивного возраста (человек) и изменение доли разных возрастных групп в их структуре (%)¹

Воз- раст	1989		2002		2010		2019		2020	
	Σ	%	Σ	%	Σ	%	Σ	%	Σ*	%
15–49	36158586	100	39966700	100	37227890	100	34683401	100	34502000	100
15–19	4848901	13,4	6296441	15,8	4111501	11	3395273	9,8	3500000	10,2
20–24	4798637	13,3	5683267	14,2	5999283	16,1	3486971	10,1	3380000	9,8
25–29	6183633	17,1	5298826	13,3	5972314	16	5007956	14,4	4599000	13,3
30–34	6389950	17,7	4921845	12,3	5545999	14,9	6332379	18,3	6276000	18,2
35–39	5862787	16,2	5191530	13	5200105	14	5929435	17,1	6051000	17,5
40–44	3886934	10,7	6462366	16,1	4766405	12,8	5483955	15,8	5530000	16
45–49	4187744	11,6	6112425	15,3	5632283	15,2	5047432	14,5	5166000	15

Примечание. Данные за 2020 г. приведены в источнике округленно до тыс. человек, в таблицу вставлены по аналогии с другими годами.

Парадокс «лихих 1990-х» (и «отложенный результат» — влияние пиков и спадов рождаемости на численность женщин в репродуктивном возрасте) в том, что за 1989–2002 гг. их численность возросла на 3,8 млн человек, но затем начала сокращаться — за 2002–2020 гг. сокращение составило 5,5 млн человек. Особенно сократилась группа, в которую входит большинство наших респонденток, — 20–24 года — на 2,8 млн

¹ Российский статистический ежегодник — 2020. М. : Росстат, 2020. 700 с. С. 94 (расч. наш. — авт.).

человек за 2002–2020 гг. Сокращение, хотя и меньшее — 0,7 млн человек, коснулось за этот период и следующей возрастной группы (25–29 лет), ставшей первой по числу рождений.

Если изменить подход — *потенциальных рожениц мало* — то упреки придется развернуть в адрес *их родителей*. Еще сильнее изменится адресность упреков, если иной подход рассмотреть в *историческом* ракурсе. Как это сделал демограф А. Г. Вишневский¹, отметивший, что «поколения российских женщин не воспроизводят себя начиная с поколения, родившегося в 1910 г.», что «коэффициент суммарной рождаемости опустился ниже двух в 1969 г., а обеспечивать простое воспроизводство перестал уже в 1964».

Если обратиться к *суммарному коэффициенту рождаемости* (числу детей на 1 женщину), то мы увидим, что за последние 20 лет он вырос с 1,16 до 1,5 (а в отдельные годы рост был еще выше), рис. 43.

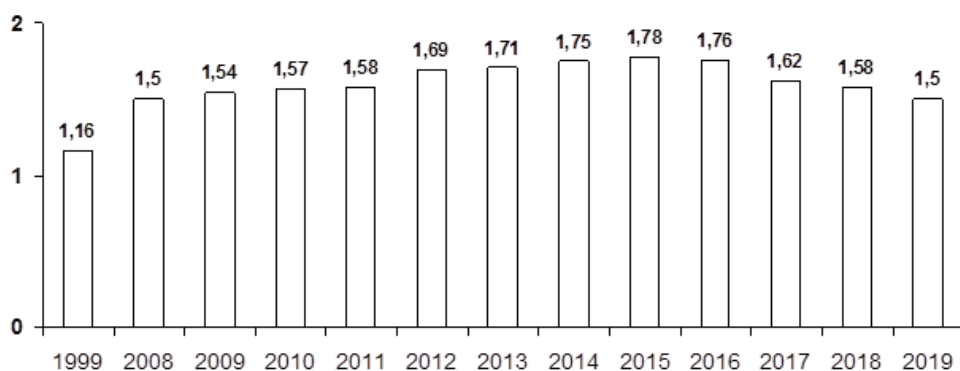

Рис. 43. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в РФ в 2008–2019 гг.²

Динамика суммарного коэффициента рождаемости в Свердловской области в 2010–2020 гг. повторяла общую тенденцию, но показатели на всем протяжении периода были выше российских на 0,10–0,17³.

¹ Вишневский А. «Российские женщины не воспроизводят себя начиная с поколения-191 // Бизнес-online: [сайт]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/469472> (дата обращения: 19.05.2021).

² Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС. Государственная статистика: [сайт]. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 24.04.2021).

³ Багирова А. П. Демографическая ситуация и демографическое поведение населения Свердловской области // Демографическое самочувствие регионов России.

Это означает, что сегодняшние дочери чаще становятся мамами, чем их мамы. И их просто меньше, чем их мам. Особенно наглядно это видно, если обратиться к половозрастной «пирамиде» («елочке») населения РФ (рис. 44).

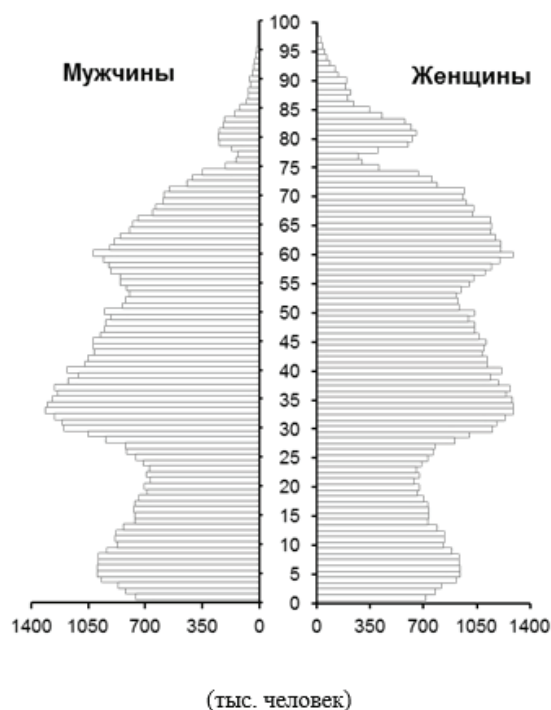

Рис. 44. Возрастно-половая структура населения на начало 2020 г.¹

Заметен *волнообразный характер рождаемости* в РФ, когда малочисленные поколения сменяют многочисленные. Если идти сверху, то первый такой обвал приходится на тех, кому 76–78 лет, что связано с резким снижением рождаемости в годы войны, огромной «человеческой» ценой за Победу. В преддверии 80-летия начала Великой Отечественной войны особенно значим *демографический аспект*

Национальный демографический доклад — 2020 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, В. Н. Архангельский [и др.] ; Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 177–188.

¹ Распределение населения России по возрастным группам. Финансы и статистика : [сайт]. URL: <https://rusind.ru/raspredelenie-naseleniya-rossii-po-vozrastnym-grup-pam.html> (дата обращения: 26.05.2021).

исторической памяти, понимание, «какой ценой завоевано счастье», понимание научное, объективное, основанное на этнодемографическом методе, далекое и от фальсификаций о «заваленной трупами Победой», и от недооценки этой цены и ее последствий¹.

А дальше — то, что демографы называли «*демографическим эхом войны*». Два обвала: 50–53-летние («дети детей войны») и 18–25-летние (их дети) (а у основания намечается новый спад). Но второй спад круче первого, поскольку к «эху войны» прибавились негативные демографические последствия «лихих» 1990-х гг., в конце которых суммарный коэффициент рождаемости и опустился до 1,16. И вот сегодня «*эстафета рожениц*» переходит к девочкам, которые родились в 1990-х гг., когда детей рождалось очень мало².

Более спокойная (менее «катастрофическая») интерпретация демографической информации связана не только с историческим, но и *глобальным* ракурсом. Порой же (особенно в публицистике) информация по России подается как нечто исключительное. Как будто и нет такого феномена, как «*мировой демографический транзит (переход)*»³, и только Россия (в отличие от других развитых стран) переходит к IV его этапу, когда рождаемость не обеспечивает простого воспроизводства, а население стареет. Но в том-то и дело, что этих различий нет. По данным Британского бюро национальной статистики, в 2017 г. в Великобритании на 1 000 женщин старше 40 лет приходилось 15,2 рождения (рост в сравнении с 1990 г. — 5,3 — почти в три раза), в то время как на девушек подросткового возраста — 14,5 (сокращение за тот же период более, чем вдвое, — 33 рождения на 1 000 девушек-подростков). Средний возраст рожениц вырос до 30,3 лет⁴.

Повышение среднего возраста матери при рождении первого ребенка (не говоря уже о последующих) отражает *откладывание рожде-*

¹ Рыбаковский Л. Л. Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы Победы. М. : Экон-Информ, 2020. 251 с.

² Мамы на вес золота. Потенциальных рожениц в России все меньше // Аргументы и факты : [сайт]. URL: https://aif.ru/health/life/mamy_na-ves_zolota_potencialnyh_rozhenic_v_rossii_vsyoy_menshe (дата обращения: 24.04.2021).

³ Davis K. The World Demographic Transition // Annals of the American Academy of Political and Social Sciences, 1945. № 237. PP. 1–11.

⁴ Женщины за 40 стали рожать чаще 20-летних. 2017. 14 ноября. Marie Claire : [сайт]. URL: <https://marieclaire.ua/beauty/zhenshinyi-za-40-stali-rozhat-chashhe-20-letnih/> (дата обращения: 26.05.2021).

ния детей на более поздние периоды жизни. В перспективе этот тренд, как и связанное с ним более позднее создание семьи, получает развитие: исследователи будущего «убеждены, что все больше молодых людей будут дольше искать себе пару и будут более разборчивы. А когда построят стабильные отношения, будут стараться сохранить их как можно дольше — и не имеет значения, зарегистрирован ли этот брак официально»¹.

Откладывание не равнозначно *отказу*. Между тем, в «Комсомольской правде» под кричащим названием «Социологи бьют в набат: половина молодых россиян не планирует заводить детей» появляется информация об опросе НАФИ (Национальное агентство финансовых исследований)². Статья и начинается с констатации: «почти половина (46 %) мужчин и женщин репродуктивного возраста не планируют детей. Причем женщины не хотят ребенка чаще, чем мужчины (51 % против 41 %)». Но далее приводятся сами материалы... И выясняется, что вопрос был поставлен в иной плоскости: «Если у Вас есть ребенок, то хотели бы завести еще одного?» И ответ 46 % — «нет, не хочу» и его интерпретация — «две большие разницы». Мнение 42 % («хочу и планирую») + 8 % («хочу, но скорее всего не стану заводить») отражают стабильность общего коэффициента рождаемости.

А приводимые в статье ответы на вопрос: «Что мешает вам завести ребенка или заставляет откладывать этот вопрос?», где лишь 11 % (один из девяти) респондентов посчитали, что им «ничего не мешает», позволяют наметить пути оптимизации репродуктивных установок. Для каждого четвертого (24 %) сдерживающий фактор — материальные трудности, для 12 % — плохие жилищные условия, для 9 % — проблемы со здоровьем (к ним примыкает и опасение — «уже в возрасте»). 8 % не хотят (пока!?) отказываться от привычного образа жизни. Каждый пятый-шестой ссылается на отсутствие партнера или его (ее) нежелание. Но каждый четвертый (23 %) соотносит нежелание иметь детей лишь с «настоящим моментом» (вот он феномен от-

¹ Какой будет типичная семья в 2050 г.: прогнозы ученых. URL: <https://osvitoria.media/ru/experience/kembrydzhske-doslidzhennya-yakoyu-bude-typova-rodyna-u-2050-rot-si-2/> (дата обращения: 21.02.2021).

² Хожателева Ю. Социологи бьют в набат: Половина молодых россиян не планирует заводить детей // Комсомольская правда, 2020. 9 октября. URL: <https://www.kp.ru/daily/217189/4297010/> (дата обращения: 30.03.2021).

кладывания), а у 3 % ребенок недавно родился. Одним словом, ситуация, конечно, сложная, но надо ли ее излишне драматизировать, тем более в газете, которую молодые читают (хотя, как правило, и не в бумажном варианте).

В Интернете этот материал появился с еще более «обобщенным» названием: «Выросло поколение чайлдфри: половина молодых россиян не планирует заводить детей»¹. Ориентацию *чайлдфри* (от англ. *child*/ребенок/+ *free*/свобода/ — право жить, не заводя детей) необоснованно распространяют на все поколение современной российской молодежи. И рассуждения о том, кого среди чайлдфри больше — *реджекторов* (испытывающих отвращение к беременности, грудному вскармливанию, маленьким детям) или *аффеక్షонадо* (привязанных к своему бездетному стилю жизни, не желающих менять его), — все это не основания для гиперболизации феномена, о той или иной приверженности к которому упоминают лишь 9 % молодых россиян². Но и недооценивать возможности его распространения и негативное влияние этого на демографические установки молодежи нельзя³. Тем более, что наши коллеги (А. Г. Кислов и И. В. Шапко), установив, что лишь 5 % уральских студентов относят себя к чайлдфри, обратили внимание на «нормализацию» феномена, когда отношение к нему со стороны других студентов «становится толерантным»⁴. Сходным должно быть и отношение к целому ряду новых явлений в молодежной среде⁵

¹ Хожателева Ю. Социологи быют в набат: Половина молодых россиян не планирует заводить детей // Комсомольская правда, 2020. 9 октября. URL: <https://www.kp.ru/daily/217189/4297010/> (дата обращения: 30.03.2021).

² Ломакин И. Какими бывают чайлдфри и как общество поддерживает эту тенденцию. URL: <https://iq.hse.ru/news/355960627.html> (дата обращения: 12.04.2021).

³ Бичарова М. М., Морозова О. В. Идеология чайлдфри и ее влияние на современную систему семейных ценностей // Глобальный научный потенциал. 2016. № 12 (69). С. 7–10 ; Кислов А. Г., Шапко И. В. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену чайлдфри // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 362–373 ; и др.

⁴ Кислов А. Г., Шапко И. В. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену чайлдфри // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 362–373. С. 364, 370.

⁵ Подробнее см.: Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Сильчук Е. В. Новые явления в молодежной среде и актуальные задачи молодежной политики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 8–18.

(«кидалты»¹, «Поколение NEET»², «синглы»³, и др.), ориентирующих молодых людей на жизнь без брака и детей.

Вряд ли можно согласиться и с мнением, что деятельность государства, направленная против разнообразных попыток разрушить традиционную семью, следует «логике консервативного поворота»: «Мобилизация пролайферов»⁴, исключение ЛГБТ-людей из брачных отношений, «закон о пропаганде нетрадиционных семейных отношений» и проникшая в школы консервативная риторика о многодетных семьях — попытка государства отбросить общество к точке, которую оно уже прошло»⁵. С этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы потому, что однополые браки — это браки без детей. И их массовое распространение — путь к гибели человечества.

Продолжается *искаженная интерпретация статистики браков и разводов*. Механизм ее достаточно прост, хотя и ошибочен. Сначала подчеркивается (абсолютно верно) социальная значимость этой статистики: «Поскольку на формирование и распад семьи влияет множество факторов, значения браков и разводов могут использоваться для оценки состояния общества»⁶. Затем приводится сама эта статистика, включая коэффициенты брачности и разводимости (число браков и разводов на 1000 человек населения), табл. 79. Наконец, следует сравнительный «анализ»: в России «в последние 10 лет количество разводов практически не уменьшилось, а браков стало намного меньше»... И устрашающий *вывод*: «институт семьи где-то дал трещину»⁷.

¹ Кидалты (от англ. *kid* — ребенок и *adult* — взрослый) — взрослые люди (обычно мужчины старше 35 лет), сохраняющие (или обращающиеся к ним) детские и юношеские увлечения — мультфильмами, сказками, компьютерными играми, гаджетами.

² Поколение NEET (*Not in Employment, Education or Training*) — «не работают, не учатся, не осваивают профессию».

³ «Синглы» (от англ. *single* — единственный, отдельный) отдают предпочтение жизни в одиночестве, а не в браке, в отдельных странах — хикикомори (Япония), Сампо (Южная Корея) и др.

⁴ Пролайф (от англ. *pro-life* — «за жизнь») — общественное движение за запрет или ограничение аборт, за защиту права на жизнь с момента зачатия. Пролайфер — участник этого движения.

⁵ Любавина Л. Какой будет семья будущего и почему естественность традиционного брака — миф. 15.10.2018. Нож : [сайт]. URL: <https://knife.media/future-family/> (дата обращения: 24.05.2021).

⁶ Статистика браков и разводов. Финансы и статистика : [сайт]. URL: <https://rusind.ru/statistika-rasvodov-i-brakov-html> (дата обращения: 24.05.2021).

⁷ Там же.

Таблица 79

Динамика браков и разводов в России в 2000–2019 гг.¹

Год	Браков, тыс.	Разводов, тыс.	Браков на 1 000 населения	Разводов на 1 000 населения
2000	897,3	627,7	6,2	4,3
2010	1215,1	639,3	8,5	4,5
2017	1049,7	611,4	7,1	4,2
2018	893	583,9	6,1	4
2019	950,2	620,7	6,5	4,2

Вывод «каждая вторая российская семья распадается» не выдерживает критики уже статистически: если по такой «методике» посчитать, то получится, что в 2000 г. распалось почти 70 % семей. Но в том-то и дело, что регистрация браков и разводов (и их учет в ЗАГСах, обобщаемый вплоть до масштабов страны) отражает разные процессы: первая показывает, сколько новых семей за год добавилось к числу уже существующих семей, вторая — насколько это число сократилось за год. Разные и «тысячи человек населения» в знаменателях коэффициентов (увеличение или уменьшение в ней доли молодежи, вступающей в брачный возраст, создает потенциальную возможность для роста или сокращения числа браков). Механическое сопоставление этих разных показателей и создает иллюзию, сколько созданных за год семей распалось. Но такая иллюзия не безупречна, у молодых людей создается представление о краткосрочности брака как тренде. Между тем, пары, которые не смогли прожить вместе и года, составляют всего 3,5 % от общего числа разводов². Осмысление того, что развод — это не тренд, который может коснуться (или не коснуться) конкретной семьи, усиливает ответственность супругов за сохранение своей семьи, за умение взаимно разрешать возникающие проблемы и приходить к согласию, рис. 45.

Углубляя понятие *человеческого капитала*, отметим, что даже в наиболее интересных подходах к этой проблематике «повышение отдачи от человеческого капитала» соотносится с «улучшением здоровья, по-

¹ Российский статистический ежегодник — 2020. М. : Росстат, 2020. 700 с. С. 107.

² Любопытная статистика браков и разводов в России. Супруга : [сайт]. URL: <http://2supruga.ru/brak/zakluchenie/statistika-brakov-i-razvodov-v-rossii.html> (дата обращения: 23.07.2021).

вышением образования, трудовых и социальных навыков», с «конкурентной рыночной средой, восприимчивой к инновациям»¹. Аналогичен и подход Центра экспертизы по народонаселению и миграции (СЕРАМ): «Человеческий капитал, как правило, определяется как для образования, так и для здоровья людей»².

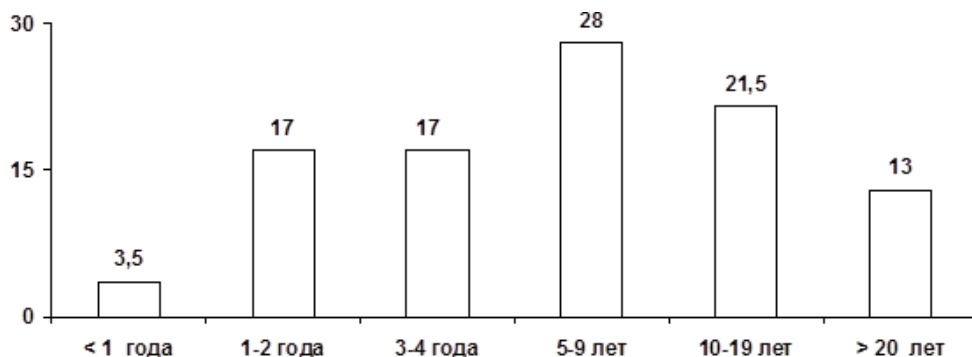

Рис. 45. Распределение разводов по годам, прожитым вместе
(в % — доля каждой группы в общем числе разводов)³

За кадром остается «воспроизводство человека» — в «человеков не родившихся» вложений не происходит, нет человека — нет вложений. Возможный вариант решения на теоретическом уровне — обоснование «*демографического капитала*», но не отождествляемого с населением в целом⁴, а как важной составной части человеческого капитала: когда «воспроизводство самого человеческого капитала неразрывно связано с воспроизводством населения и его численностью»⁵. И тогда

¹ Сценарии роста российской экономики с учетом вклада человеческого капитала : докл. к XX Апр. междунар. научн. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Н. В. Акиндинова, Е. Г. Ясин, Д. А. Авдеева [и др.]. М. : Изд. дом ВШЭ, 2019. 51 с. С. 7.

² Demographic and Human Capital Scenarios for the 21st Century: 2018 assessment for 201 countries / W. Lutz, A. Goujon, M. Stonawski [et al.]. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2018. 598 p. P. 13.

³ Там же.

⁴ См.: Константинова Н. Н., Щербакова А. А. Демографическая безопасность и демографический капитал // Современные тенденции в экономике и управлении: Новый взгляд. 2010. № 5 (1). С. 218–222. С. 219.

⁵ Ионцев В. А., Магомедова А. Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах // Экономика региона. 2015. № 3. С. 89–102. С. 90.

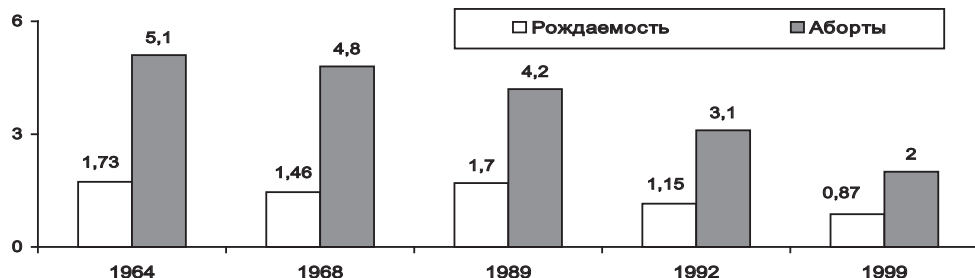
проблема аборта приобретет несколько иной смысл (не только *право женщины*, но и *право неродившегося ребенка*, но самое главное — снижение человеческого капитала), табл. 80.

Таблица 80

Динамика абортс по годам в РФ¹

Аборты	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Всего, тыс.	2 138,8	1 675,7	1 186,1	848,2	836,6	779,8	661,0
на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет	54,2	42,7	31,7	23,8	23,7	22,3	19,0
на 100 родов	168,7	117,4	66,6	44,0	44,6	46,4	41,5
у первобеременных, тыс.	161,1	161,5	98,7	58,4	54,1	45,7	43,4

Заметно значительное сокращение и числа абортс (за 2000–2018 гг. — в 3,2 раза), и их соотношения с родами (в 4 раза), и что особенно значимо — числа абортс первобеременных (почти в 4 раза). Позитивные изменения будут выглядеть еще нагляднее в историческом ракурсе (рис. 46).

Рис. 46. Соотношение рождаемости и абортс в России (млн человек)².

Сопоставление в глобальном ракурсе показывает, что сокращение числа абортс характерно для многих развитых стран. В США в 2017 г. на 1000 женщин репродуктивного возраста было проведено 13,5 абортс

¹ Статистика абортс в России по годам. URL: <https://iq.hse.ru/news/355960627.html> (дата обращения: 30.03.2021).

² Россия в III тысячелетии: прогнозы культурного развития. Качество жизни населения Уральского региона: состояние, изучение и обеспечение. Наука, бизнес, власть. Екатеринбург : АМБ, 2003. 376 с. С. 15.

тов, в начале 1980-х гг. эта цифра составляла 29,3¹. Выясняется, что обвинение в адрес *современных молодых* женщин об их «легкомысленном отношении к прерыванию беременности» — в сравнении с поведением их бабушек и мам — выглядит не совсем заслуженным или — точнее — совсем не заслуженным. Конечно, сказывается повышение контрацептивной культуры, да и культуры интимных отношений у современной молодежи, но позитивная тенденция сокращения абортов налицо. Однако в условиях низкой рождаемости ситуация, когда из 7 зачатых детей рождается только 5, определяет значимость *дальнейшей работы по сокращению абортов*. Речь не идет об их запрете; по медицинским показаниям и в исключительных случаях они необходимы. Но, по разным данным, 40–60 % абортов осуществляется «по желанию женщины». И на это «желание» стоит повлиять — и психологически (переубедить)², и через поддержку беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации (особую роль в этом сыграет новый закон, заменивший единовременную поддержку на ежемесячную для беременных, вставших на учет в ранние сроки/до 12 недель/).

Мы предварили анализ демографических установок наших студентов характеристикой демографической ситуации в России и Свердловской области, руководствуясь социологическим подходом к «кризису семьи», идущим от великого русского социолога П. А. Сорокина: «Разложение идет быстрее и, по-видимому, в таком же духе будет идти и дальше. Конечно, оно не ведет к гибели семьи вообще. Семья как союз супругов и как союз родителей и детей, вероятно, останется, но формы их будут иными»³.

Итоги VIII этапа мониторинга показывают, что предназначение семьи для студентов уральских вузов видится прежде всего в реализации *семьей как социальным институтом* эмоционально-психологи-

¹ Статистика по абортам в России и США самая низкая за всю историю. Коронавирус изменил правила абортов во всем мире! Мед. портал «Здоровая Чувашия»: [сайт]. URL: <https://www.med.cap.ru/press/2020/10/2/statistika-po-abortam-v-rossii-i-ssha-samaya-nizka> <https://www.med.cap.ru/press/2020/10/2/statistika-po-abortam-v-rossii-i-ssha-samaya-nizka> (дата обращения: 30.03.2021).

² Позитивные примеры такого переубеждения есть. В 2018 г. в России 328 тыс. женщин пришли в больницу с решением сделать аборт. Из них на психологическое консультирование пришли 273 тыс., а по его итогам отказались от аборта 40 тыс. россиянок (Российская газета. 2019. 9 ноября).

³ Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал для всех. 1916. № 2–3. С. 166 ; Сорокин П. А. Кризис современной семьи (социологический очерк) // Вестник МГУ. 1997. № 3. С. 65–79.

ческой, рекреационной, социализирующей и репродуктивной функций (табл. 81).

Таблица 81

Распределение ответов студентов на вопрос «Для чего прежде всего нужна семья?» (2020; в % от числа опрошенных по группам)

Предназначение семьи	Σ	Муж.	Жен.
для психологической поддержки	77	69	82
для общения, совместного досуга	70	62	76
для воспитания и развития детей	48	52	46
для рождения детей	40	47	36
для регулярных сексуальных отношений	21	24	18
чтобы соответствовать общепринятым нормам	6	7	5
для совместного бизнеса	6	6	5

Гораздо реже респонденты говорят о сексуальной функции семьи. Отметим, что мнения мужчин и женщин, несмотря на их одинаковую общую иерархию, все же статистически значимо различаются: *женщины* чаще склонны рассматривать семью с точки зрения психологической поддержки, коммуникативных и досуговых возможностей, в то время как *мужчины* чаще связывают семью с регулярным сексом, рождением и воспитанием детей.

Во многом сходны и ответы студентов, проживавших до вуза в *разных типах поселения*. Сказываются два с лишним года, проведенные в мегаполисе, приобщение к культуре большого города. Но отдельные различия интересны. Они в основном проявляются в меньшей, чем в среднем, значимости тех или иных аспектов предназначения семьи. Для респондентов *из села и ПГТ* это общение и совместный досуг; *из малых и средних городов* — регулярные сексуальные отношения, *из крупных городов* — рождение, воспитание и развитие детей.

Совместная семейная жизнь (брак) придает молодым людям определенную *устойчивость, организованность*. Возможно, это связано с социологическим пониманием семьи, брака как «исторически сложившихся разнообразных механизмов социального регулирования сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, направленного на поддержание непрерывности жизни»¹.

¹ Голод С. И., Клецин А. А. Состояние и перспективы развития семьи: теоретико-типологический анализ, эмпирическое обоснование. СПб. : Санкт-Петерб. филиал Ин-та социологии РАН, 1994. 42 с. С. 7.

Примечательно, что замужние, женатые респонденты в 1,7 раза чаще, а живущие в гражданском браке — в 1,4 раза чаще, чем холостые, незамужние, отмечали среди предназначений семьи регулярные сексуальные отношения.

Одна часть такого понимания (отношения между *мужчиной и женщиной*) закреплена в обновленном тексте Конституции РФ. И это крайне важно, поскольку оставляет вне правового поля гомосексуальные и транссексуальные семейные отношения, не посягая на права каждого человека на индивидуальную самоидентификацию.

Другая — отказ от зарегистрированности брака как основного нормативно-правового критерия — пока не реализована, несмотря на широкое распространение гражданского брака (в молодежной среде — нередко как «пробного» брака) и его растущее признание в общественном мнении¹. Интересное наблюдение в рамках нашего опроса: среди тех, кто живет в браке (и зарегистрированном, и гражданском), уверенных в своем будущем в 1,5 раза больше, чем неуверенных.

Таким образом, меньше половины студенческой молодежи, характеризуя предназначение семьи, связывают его с рождением и воспитанием детей. Но и в этом нужно видеть не нечто трагичное, а общую перестройку внутрисемейных отношений, когда именно *супружество* становится приоритетом в сравнении с *родительством* и *родством*. Семья становится *самоценностью*, значимой для создающих ее мужчины и женщины. Исследователи фиксируют: «Со второй половины XX века семья перестает быть детоцентричной: фокус внимания смещается с детей на отношения между партнерами»². Образно это сформулировал голландский демограф Дирк ван де Каа: переход от пары «ребенок-король с родителями» к «паре королей с ребенком»³.

¹ И продолжая анализ российских данных в глобальном контексте, подчеркнем — не только в России: У каждого второго ребенка в Великобритании родители в 2020 г. не зарегистрировали брак, тогда как в 2004 г. таких было только 25 % (Какой будет типичная семья в 2050 г.: прогнозы ученых. URL: <https://osvitoria.media/ru/experience/kembrydzhske-doslidzhennyya-yakoyu-bude-typova-rodynau-2050-rotsi-2/> (дата обращения: 23.03.2021)).

² Любавина Л. Какой будет семья будущего и почему естественность традиционного брака — миф. 15.10.2018. Нож : [сайт]. URL: <https://knife.media/future-family/> (дата обращения: 23.03.2021).

³ См.: Дискуссии о кризисе и трансформации семьи. URL: https://studopedia.ru/7_181536_peremeni-v-oblasti-brachno-semeynih-otnosheniy.html (дата обращения: 23.03.2021).

С этих позиций следует рассматривать ответы на вопрос о планах стать родителями (рис. 47).

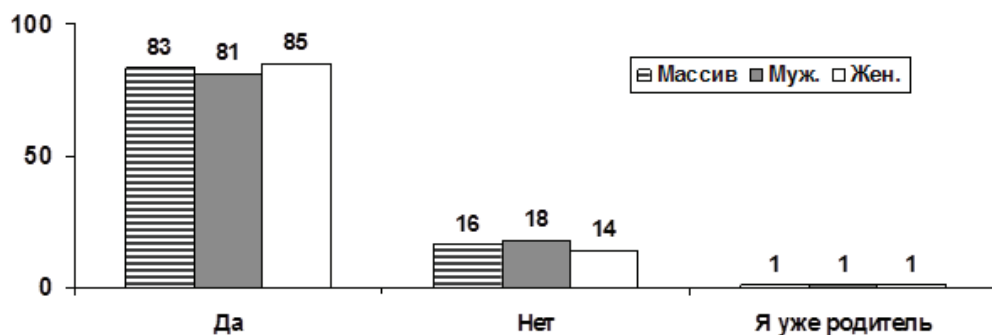

Рис. 47. Распределение ответов на вопрос «Планируете ли Вы когда-нибудь стать родителем?» (в целом и по полу, в % по группам)

Как видим, каждый шестой респондент (у юношей — почти каждый пятый, у девушек — каждая седьмая) даже на перспективу («когда-нибудь») на момент опроса не планирует для себя стать родителем. Но мы уже отмечали неправомерность отождествления отсроченного родительства от отказа от родительства. Поэтому отметим — *пока* не планирует.

Причем подчеркнем, как по-разному на этот вопрос отвечали респонденты, состоящие в (зарегистрированном или незарегистрированном) браке и не состоящие в браке (табл. 82).

Таблица 82

Распределение ответов на вопрос «Планируете ли вы когда-нибудь стать родителем?» (по семейному положению, в % по группам)

Варианты ответов	Σ	Семейное положение		
		Женат (замужем)	Гражданский брак	Холост (не замужем)
Да	83	82	88	83
Нет	16	7	11	17
Я уже родитель	1	11	1	<1

Респонденты, живущие в зарегистрированном браке, в 2,5 раза реже, чем их холостые (незамужние) однокурсники, не планируют стать родителями (живущие в гражданском браке — в 1,5 раза реже). Их огромное отличие от других групп по параметру «я уже родитель»

позволяет предполагать, что именно предстоящее родительство было побудительным мотивом регистрации их брака. При всей малочисленности этой группы (семейные студенты/студентка!!/с ребенком) ее наличие говорит о многом.

Среди тех студентов, кто положительно ответил на вопрос о будущем родительстве, выяснялся предполагаемый возраст вступления в этот статус. Распределение ответов представлено на рис. 48.

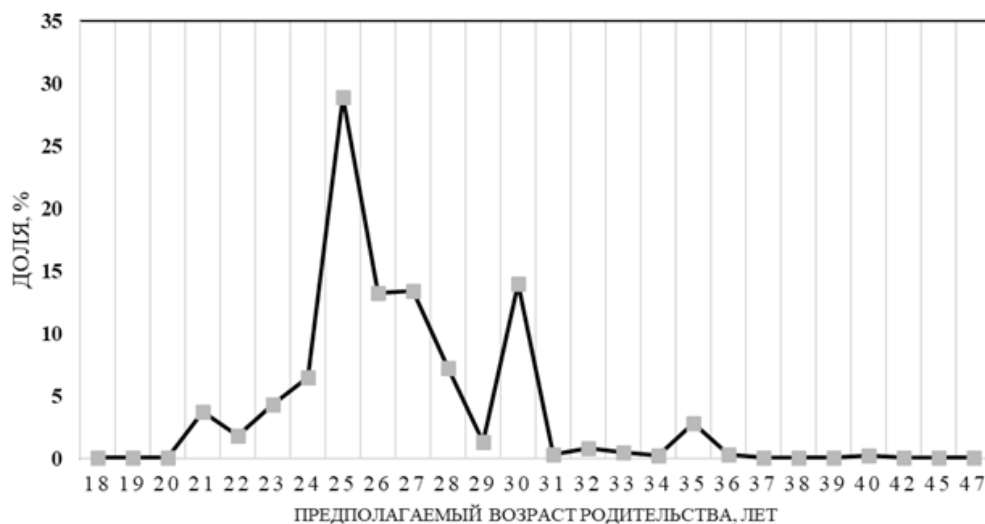

Рис. 48. Предполагаемый возраст родительства студентов-третьекурсников (учтены ответы респондентов, ответивших «да» на вопрос «Планируете ли вы когда-нибудь стать родителем?», N = 1658)

Здесь выделяется заметное модальное значение — 25 лет, и три более слабых пика — 26, 27 и 30 лет, медиана составляет 26 лет. Интересно, что и у женщин, и у мужчин модальные и медианные значения оказались одинаковыми. Различия наблюдаются лишь в верхних квартилях — в группах старших возрастов предполагаемого родительства (табл. 83). Традиционно индикаторами репродуктивных установок служат *предпочитаемые числа детей*. Респондентам задавались — в открытой форме — вопросы об *ожидаемом* («Я думаю, что у меня будет ... детей»), *желаемом* («Я хочу, чтобы у меня было ... детей»), *желаемом в идеальных условиях* («Если бы у меня было все необходимое, то у меня было бы ... детей») числах детей. Разброс ответов оказался значительным, но для анализа были отобраны ответы, содержащие

значения от 0 до 10 детей в каждом из перечисленных вопросов. Таких ответов оказалось 82 % от всего массива респондентов.

Таблица 83

Средний возраст предполагаемого родительства лет (учтены ответы респондентов, ответивших «да» на вопрос «Планируете ли Вы когда-нибудь стать родителем?», N = 1658)

Параметры	Σ	Мужчины	Женщины
Медиана	26,0	26,0	26,0
Мода	25,0	25,0	25,0
Средняя	26,5	27,0	26,2
Первый квартиль	25,0	25,0	25,0
Третий квартиль	28,0	30,0	27,0

Итоговое соотношение достаточно традиционно: среднее желаемое в идеальных условиях число детей оказалось больше среднего желаемого числа, которое, в свою очередь, больше среднего ожидаемого числа детей (табл. 84).

Таблица 84

Предпочитаемое число детей

Параметры	Ожидаемое	Желаемое	Желаемое в идеальных условиях
Среднее	1,77	1,90	2,20
Мода	2	2	2
Медиана	2	2	2
Нижний квартиль	1	1	2
Верхний квартиль	2	2	3

Модальность всех чисел детей, равная 2, весьма устойчива: в качестве ожидаемого числа детей этот ответ выбирают 50 % всех респондентов; в качестве желаемого — 48 %, в качестве желаемого в идеальных условиях числа — 43 %. Однако достаточно стабильна и доля тех, кто в данном случае выбирает отсутствие детей: 11 % — при ответе на вопрос об ожидаемом количестве; 10 % — о желаемом числе детей; 8 % — при выборе желаемого числа в идеальных (!) условиях. Важно заметить, что различия ответов мужчин и женщин на эти вопросы оказались статистически незначимыми. Как видно, самое осторожное значение демонстрирует показатель ожидаемого числа детей, однако,

именно оно, как пишет А. И. Антонов, «трактруется как установка реального поведения, как реальная готовность осуществить намерение в привычных условиях»¹.

Во время мониторинга также была выявлена взаимосвязь *уверенности* или *неуверенности респондентов в завтрашнем дне* и *их оценок желаемого и ожидаемого числа детей* (табл. 85).

Таблица 85

Ожидаемое и желаемое количество детей в зависимости от уверенности/неуверенности в завтрашнем дне (2020, % от числа опрошенных)

Ожидаемое количество детей	Уверенность в завтрашнем дне		Желаемое количество детей	Уверенность в завтрашнем дне	
	Да	Нет		Да	Нет
0	9	15	0	8	14
1	19	23	1	18	19
2	55	48	2	53	47
3	15	12	3	17	17
4	1	1	4	2	2
5 и более	1	1	5 и более	2	1

Обнаружились значимые различия в ожидаемом и желаемом количестве детей между группами респондентов, которые уверены и не уверены в завтрашнем дне. Те, кто не уверен в завтрашнем дне, планируют меньшее количество детей, нежели те, кто считает обратное.

Сходные различия проявились в зависимости от оценки — стала ли жизнь их семьи (т. е. для большинства — родительской семьи) за прошлый год лучше или хуже (табл. 86).

Таблица 86

Ожидаемое и желаемое количество детей в зависимости от того, стала ли их семья в сравнении с прошлым годом жить лучше или хуже (2020, % от числа опрошенных)

Ожидаемое количество детей	Стали жить		Желаемое количество детей	Стали жить	
	Лучше	Хуже		Лучше	Хуже
0	8	15	0	7	12
1	19	24	1	19	22
2	56	47	2	54	46
3	14	13	3	16	15
4	2	<1	4	2	3
5 и более	1	<1	5 и более	2	2

¹ Социология семьи / под ред. А. И. Антонова. М. : ИНФРА-М, 2012. С. 384.

Наиболее значимые различия связаны с перспективным оптимизмом, с уверенностью респондентов, что их семья будет и в следующем году жить лучше, чем в нынешнем (табл. 87).

Таблица 87

Ожидаемое и желаемое количество детей в зависимости от того, как оценивается жизнь их семьи в будущем году (2020, % от числа опрошенных)

Ожидаемое количество детей	Будем жить		Желаемое количество детей	Будем жить	
	Лучше	Хуже		Лучше	Хуже
0	9	17	0	8	13
1	19	30	1	17	27
2	53	38	2	53	40
3	16	13	3	18	16
4	2	1	4	2	2
5 и более	1	1	5 и более	2	2

Факторы, влияющие на число детей в семье, по мнению опрошенных студентов, носят прежде всего экономический характер, и материальное положение семьи является здесь определяющим (табл. 88).

Таблица 88

Распределение ответов студентов на вопрос «От чего зависит количество детей в семье?» (2020, в % от числа опрошенных по группам)

Факторы числа детей в семье	Σ	Муж.	Жен.
от материального положения семьи	81	79	83
жилищных условий	49	49	49
физического здоровья потенциальных родителей	48	40	53
взаимоотношения потенциальных родителей	46	42	48
внутренней потребности в определенном количестве детей	27	26	28
уверенности, что родится здоровый ребенок	20	18	22
случайного стечения обстоятельств	16	16	16
государственных мер поддержки	12	12	12
уровня занятости женщины	8	5	10
готовности родителей помочь детям в воспитании их детей	7	9	6

Лишь далее и со значительным отрывом идут жилищные условия, здоровье потенциальных родителей, понимание в семье — каждый из этих факторов выбрали чуть меньше половины респондентов. Четверть студентов считает, что число детей в семье определяется вну-

тренней потребностью в определенном числе детей. Крайне важным для осмысления представляются и варианты, набравшие не так много ответов: по мнению лишь одного из восьми опрошенных, количество детей зависит от государственных мер поддержки рождаемости. Известно, что российская политика в этой области уже более 10 лет является *активной пронаталистской* (от лат. *pro* — за + *natalis* — рождение), причем в ряде случаев она дифференцирована по детям разной очередности рождений. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство студентов-третьекурсников сегодня не считают такую политику сколь-либо значимым фактором, влияющим на число детей в семье.

Причины низкой оценки значимости государственной политики в демографической сфере могут быть связаны с ее недостаточным знанием многими студентами. И в этом нам видится еще одна проблема информационного обеспечения демографической политики. Осмыслив реальный факт перемещения основного (наибольшего) количества рождений в *старшую молодежную группу*, реализаторы демографической политики акцентируют информацию о разнообразных мерах по поддержке семей с детьми применительно именно к ней. Средняя и особенно младшая молодежные возрастные группы зачастую оказываются вне зоны их внимания, хотя именно в этот период особенно значимо сформировать позитивные репродуктивные установки и готовность к родительскому труду¹.

Для конкретизации оценки респондентами вероятности решения о родительстве им было предложено соотнести такое решение с рядом ситуаций (табл. 89).

Как видим, приоритетными в плане взаимосвязи с возможным родительством студенты оценили нормальные жилищные условия, появление любимого человека (вот оно отражение изменения структуры внутрисемейных отношений, где партнерство/супружество/, основанное на любви, взаимном уважении, доверии, стали более значимыми, чем родство и родительство) и наличие высокооплачиваемой перспективной работы (что тоже подтверждает приоритет проблем

¹ В чем-то ситуация близка к электоральной: раз люди старшего возраста чаще, чем молодые, участвуют в выборах, в программах и партий, и отдельных кандидатов преобладают меры, отражающие интересы и потребности именно людей более старших возрастов.

материального благополучия). Два из каждых пяти опрошенных отметили, что совершенствование мер государственной поддержки семьям с детьми сделает принятие решения о рождении ребенка более вероятным, но лишь каждый седьмой респондент оценил эту вероятность как высокую.

Таблица 89

Оценка студентами вероятности принятия решения относительно родительства в различных ситуациях (2020, в % по группам; вероятность разграничена по степени)

Ситуации	Вероятно в той или иной мере	В том числе	
		Очень вероятно	Достаточно вероятно
Нормальные жилищные условия	70	39	31
Появление в жизни любимого человека	67	39	28
Наличие высокооплачиваемой перспективной работы	66	37	29
Беременность женщины	58	39	19
Более существенные, чем сейчас, меры государственной поддержки семьям с детьми	38	14	24
Перспектива наличия неработающих бабушек, дедушек, других родственников, которые могли бы заняться внуками	29	11	18
Наличие рядом с домом детского сада, школы	28	12	16
Настойчивое желание родителей и других родственников, чтобы у меня был ребенок	10	5	5
Отсутствие работы и перспектив профессиональной карьеры	8	4	4

Однако самая высокая вероятность принятия репродуктивного решения, как и следовало ожидать, связана с обычными, «житейскими» явлениями — наличием нормальных жилищных условий, близким человеком, хорошей работой, беременностью. Именно эти ситуации, по мнению опрошенных, с высокой вероятностью приведут к рождению у них ребенка.

Среди неожиданных результатов опроса — значительное *сходство* в оценке факторов, влияющих на репродуктивное решение, между *девушками* и *юношами*. Сколько-нибудь значимое различие проявилось в чуть большей озабоченности девушек физическим здоровьем родителей (в 1,3 раза) и будущего ребенка (в 1,2 раза). Очевидно, это связано с их опасениями в отношении вероятности *материнской* и *младенче-*

ской смертности. И тут крайне важно проинформировать потенциальных матерей уже сегодня о тех серьезных достижениях, которых в последние годы добились медики по снижению этих видов смертности (табл. 90–92).

Таблица 90

Коэффициент материнской смертности, на 100 тысяч родившихся живыми¹

2010	2015	2016	2017	2018	2019
16,5	10,1	10,0	8,8	9,1	9,0

Таблица 91

Коэффициент неонатальной смертности, на 1000 родившихся живыми (оба пола)²

2010	2015	2016	2017	2018	2019
4,2	3,9	3,5	3,2	2,8	2,7

Таблица 92

Коэффициент младенческой смертности (умершие в возрасте до 1 года от всех причин на 10 000 родившихся живыми³

2000	2010	2017	2018	2019
153,3	75,1	55,6	50,9	48,8

За 2010–2019 гг. материнская смертность сократилась в 1,8 раза, неонатальная — в 1,6. За более длительный период — 2000–2019 гг. снижение младенческой смертности было еще бóльшим — в 3,1 раза.

Межпоколенческая проблема «родители — дети» имеет не только количественное измерение, которое задается стратегией рождаемости родителей. Важны и те условия, в которых формировалось каждое поколение. В ситуации «казанского стрелка» (11.05.2021) проблема актуализировалась⁴. Интересна позиция психолога К. Хломова (РАНХиГС): «Сегодня родителями в основном становятся те, кто родился и вырос в 1990-е гг. Их родители были заняты выживанием в условиях пере-

¹ Российский статистический ежегодник — 2020. М. : Росстат, 2020. 700 с. С. 55.

² Российский статистический ежегодник — 2020. М. : Росстат, 2020. 700 с. С. 55. Неонатальная смертность (от 0 до 28 дней) — важная составная часть младенческой смертности (до 1 года).

³ Российский статистический ежегодник — 2020. М. : Росстат, 2020. 700 с. С. 106.

⁴ Без права на чужие жизни. Чего не хватает современным подросткам — денег, любви или уважения окружающих, что они берутся за оружие? // Аргументы и факты. 2021. № 20. С. 6–7.

страивавшейся страны... Многие дети воспитывались по принципу: выжил — и слава богу... Когда это поколение, в свою очередь, стало родителями, это могло привести к двум крайностям. С одной стороны, детоцентризму, попыткам дать ребенку больше того, в чем он нуждается. С другой стороны, — к заброшенности». И в ответах студентов отразились обе эти крайности.

Живущие в зарегистрированном браке в 1,2 раза чаще, чем в среднем, подчеркивают важность нормальных жилищных условий. Они же в 1,5 раза реже отмечали случайное стечение обстоятельств. Среди них резко возрастает оценка значимости государственной поддержки семей с детьми (в этой группе ее отметил каждый пятый респондент, в среднем по массиву — лишь каждый восьмой).

Живущие в гражданском браке в 1,2 раза реже, чем в среднем, оценивали влияние такого фактора, как взаимоотношения потенциальных родителей, устойчивости их семьи. Косвенно это позволяет судить об удовлетворенности их своими взаимоотношениями и определенной уверенности в устойчивости этих отношений.

Проведенный нами анализ преимуществ и недостатков наличия детей дал возможность выявить *ключевые черты образа родительства*. Студентам было предложено оценить свое мнение по 7-позиционной шкале с двумя «полюсами» — от ярко-выраженного положительного (+3) до ярко-выраженного отрицательного (-3). Предполагалось, что таким образом молодые люди выразят свое отношение к потенциальным следствиям родительства — изменению экономического положения, профессиональной или досуговой активности, социально-психологическим аспектам жизнедеятельности (табл. 93). Заметно, что ядро представлений студентов III курса о родительстве не содержит в себе крайних позитивных или крайних негативных позиций. Возможно, это связано с уже отмеченной ориентацией их на отсроченное родительство. Максимальная выраженность какого-либо аспекта не превышает 1,5 из 3 возможных. И это — отмеченное студентами позитивное свойство родительства, связанное с даваемым им *ощущением полноты и осмысленности жизни* (девушки отмечают этот аспект чуть чаще, сходной является и позиция респондентов-селян, жителей ПГТ).

Конечно, не нужно видеть в таких ответах наших респондентов основание для отождествления установок современных молодых людей с настроениями недавнего прошлого («Это чудо великое — дети», «дети — цветы жизни» ...). Но в них содержится и четкий отказ ощу-

щать себя «поколением чайлдфри». Выход на третье место в ранговом ряду преимуществ родительства (девушки оценивают этот аспект чуть выше) возможности *получения удовольствий от жизни* тоже симптоматичен. Ведь нередко ориентацию на бездетность соотносят с влиянием «общества потребления» и нежеланием многих молодых людей отказаться от стиля жизни, нацеленного на развлечения и досуг. Выясняется, что для наших респондентов родительство (пусть и в перспективе, отложенное) включено в понятие «удовольствие от жизни». Также ядро преимуществ родительства содержит представления и о социально-психологических «выгодах»: повышение социального статуса (это чуть более выражено у девушек, чем у мужчин), улучшение супружеских отношений. В отношении последнего аспекта отметим, что обеспокоенность будущим своего ребенка, своих детей нередко (к сожалению, далеко не всегда) удерживает супругов от развода.

Таблица 93

**Оценка студентами преимуществ и недостатков родительства лично для них
(среднебалльная оценка по группам)**

Индикаторы	Σ	Пол	
		Муж.	Жен.
Ощущение полноты, осмысленности жизни	1,49	1,36	1,57
Отношения супругов в семье	1,11	1,05	1,14
Возможности получения удовольствия от жизни	0,9	0,85	0,94
Социальный статус	0,88	0,79	0,93
Психологическая готовность к будущему	0,79	0,78	0,8
Экономическое положение в будущем	0,1	0,07	0,12
Материальное положение	−0,78	−0,94	−0,67
Самореализация в работе	−0,92	−0,97	−0,85

В качестве недостатков родительства респонденты указывают ожидаемые моменты: *затруднение самореализации в работе и ухудшение материального положения*. С последним аспектом пока не может конкурировать улучшение будущего экономического положения, отмеченное респондентами как следствие родительства (−0,92 против 0,1). Примечательно, что *достоинства родительства* чуть чаще отмечали *девушки*, а *недостатки* — *юноши*. И хотя трудности сочетания профессионального и родительского труда — это прежде всего женские проблемы, мужчины на перспективу рассматривают и их как *общесе-*

мейные. Что же касается ухудшения материального положения семьи с рождением ребенка, то респонденты тут выходят на одну из сложнейших социально-демографических проблем. Мы уже касались ее, рассматривая и проблемы человеческого капитала, и итоги опросов молодежи, что мешает им иметь еще детей. При всей жесткости позиции «дети — это почти гарантия бедности» она во многом характеризует массовую ситуацию. Если обратиться к статистике малоимущего населения РФ, то доля детей (до 16 лет), живущих в этих семьях, за 2013–2018 гг. выросла с 34,6 до 39,9 %¹. И мы солидарны с мнением: «Производство детей» — это тоже вопрос национальной безопасности»².

Интересный момент: живущие в браке — и зарегистрированном (–0,81), и гражданском (–0,6) — ниже, чем в среднем по массиву, оценивают этот недостаток родительства. Казалось бы, должно быть наоборот, ведь они уже реально столкнулись с трудностями семейной жизни. Одно из объяснений уже дано исследователями: уровень жизни после создания семейного союза и до рождения ребенка даже повышается, поскольку снимаются «двойные затраты». Но возможно и другое объяснение: эти группы респондентов раньше многих своих сверстников решились на создание такого союза, так как их родители, родственники приняли значительную часть этих трудностей на себя.

Анализ студенческих ассоциаций, связанных с *воспитанием детей*, также раскрывает и углубляет представления о родительстве (табл. 94). По мнению студентов, это прежде всего *труд*. Именно таково мнение трех из каждых пяти респондентов-девушек и каждого второго юноши. Возникает удивительная ситуация: разработка экономистами, социологами и демографами теоретико-методологических проблем родительского труда (его мотивации, самоидентификации субъектов труда, условий его реализации и организации и т. д.)³ как бы перекликается со все большим осмыслением молодыми людьми, что родительство — это труд.

¹ Распределение малоимущего населения по основным группам (по итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах; в процентах). URL: https://docviewer.yandex.ru/view/1130000034725174/?page=1&*= (дата обращения: 28.05.2021)

² Мардан С. Как выбраться из ловушки нищеты // Комсомольская правда, 9 августа 2019 : [сайт]. URL: <https://www.ural.kp.ru/> (дата обращения: 07.04.2021).

³ Родительский труд: экономический и социологический анализ: монография / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова [и др.] ; под общ. ред. А. П. Багировой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. 208 с.

Таблица 94

Ассоциации, связанные с воспитанием детей (2020, в % по группам)

Ассоциации с воспитанием детей	Σ	Пол	
		Муж.	Жен.
Труд	56	48	61
Обязанность, долг	50	53	47
Финансовые затраты	41	36	44
Удовольствие	32	31	33
Вложения в свое будущее	31	35	28
Душевный подъем	30	30	30
Усталость, стресс	26	25	27
Внутренняя потребность, самореализация	23	26	21

Примечание. Вопрос поливариантный, поэтому сумма ответов превышает 100 %, ранжирование по массиву.

Понимание родительства как труда более свойственно девушкам, что можно объяснить гендерным разделением родительского труда, неоднократно описанным как в зарубежной, так и в российской социологической литературе. Но важно и то, что все больше молодых мужчин *осознают трудовой характер родительства*.

Не менее значимо и то, что они даже чуть опережают девушек в характеристике родительства как *обязанности, долга* (возможно, девушки чаще считают это само собою разумеющимся, как, кстати, и живущие в зарегистрированном браке, отметившие эту ассоциацию с родительством в 1,3 раза реже, чем в среднем). Ведь нередко в публицистике акцент мотивации брака на «любви» сочетается с недооценкой другой стороны брака — решая создать семейный союз, супруги взаимно принимают определенные обязательства. Другое дело, что такая взаимность связана с любовью, доверием, уважением друг к другу, партнерством в лучшем смысле этого слова.

Еще одно значимое различие по гендерному признаку связано с экономической составляющей родительства. Девушкам гораздо чаще видится, что родительство связано с финансовыми затратами, нежели с вложениями в свое будущее (характер вложений мы не уточняли, поэтому опрашиваемые вполне могли иметь в виду экономические инвестиции). Для мужчин же ситуация выглядит иначе: примерно одинаковое число молодых людей склонны рассматривать родительство как вложения в собственное будущее и как текущие затраты.

Своеобразным обобщением представлений студентов о родительстве, родительском труде является их мнение: престижно ли быть родителем в России сегодня? (табл. 95).

Таблица 95

Распределение ответов студентов на вопрос о престижности быть родителем в России (2020, % по группам)

Респонденты	Да	Скорее да, чем нет	Затрудняюсь ответить	Скорее нет, чем да	Нет
Σ	22	33	26	12	7
Муж.	26	29	25	11	9
Жен.	19	35	26	14	6

Итак, с точки зрения третьекурсников уральских вузов, престиж родительства в российском обществе достаточно высок. Более половины из них считают, что родителем быть либо престижно, либо «скорее престижно». Лишь один из пяти респондентов придерживается противоположного мнения. Каждый четвертый не смог определиться с оценкой. Характерно, что оценки юношей и девушек в целом совпадают: первые высказывают свое мнение четче (да — нет), вторые — осторожнее («скорее»).

Выявление мнений студентов относительно преимуществ и недостатков родительства позволяет четко обозначить те направления информационной работы, которые могут стать действенными в студенческой среде. Наиболее отчетливо это видно на лепестковой диаграмме (рис. 49).

Образ современного родительства содержит важные для успешной демографической политики представления о том, что дети дают возможность усиливать жизненные удовольствия, улучшать взаимоотношения в семье, повышать личностный социальный статус, наполнить жизнь смыслом. В то же время эти преимущества в сознании студенчества выражены не очень отчетливо. Присутствуют и представления о том, что дети мешают самореализации в профессиональной деятельности, ухудшают материальное положение. Между тем, государственная политика прежде всего содержит в себе меры экономического характера, направленные на улучшение материального статуса семей с детьми. На наш взгляд, целенаправленная работа с представлениями студентов о родительстве, расширением и усилением их взглядов на потенциальные преимущества, новые, связанные с родительством,

возможности способна не только усилить, но и сформировать репродуктивные установки молодого населения. Как показывают результаты нашего исследования, своеобразная благодатная почва в виде пусть и не сильных, но все же представлений о преимуществах родительства, о его престижности, несмотря на связанный с ним труд, у уральского студенчества существует.

Рис. 49. Образ родительства в представлении студентов-третьекурсников

Не менее значим на перспективу и другой вывод исследования: процесс «рационализации брачных отношений современной молодежи», уже зафиксированный на предыдущих этапах мониторинга, развивается и углубляется. В условиях более позднего вступления в брак и отложенного родительства понимание ценности семьи как социального института и престижа родительства не снижается, а растет. Получающий распространение в студенческой среде гражданский брак все чаще воспринимается как «пробный брак», в дальнейшем перерастающий в зарегистрированный, а не как его противоположность.

Одновременно нельзя не учитывать негативного влияния на демографические установки студенческой молодежи при сохраняющейся (а по отдельным параметрам — и возросшей) неудовлетво-

ренности экономической, социальной и политической ситуацией в стране¹, во многом расходящейся с ее представлениями о будущем нашей страны как общества социального благополучия и справедливости.

¹ Глава уже была завершена, когда в Интернете вновь появилась статья с искажающим суть названием («Россияне рассказали, почему не хотят заводить детей». РИА Новости : [сайт]. URL: https://ria.ru/20210530/deti-1734777835.html?utm_source=ux-news&utm_medium=desktop (дата обращения: 30.05.2021). В статье — по результатам исследования банка «Открытие» (18–19 мая по репрезентативной выборке среди 1 000 россиян в возрасте 18–65 лет в городах с населением более 100 тысяч человек) — отмечается, что у большинства россиян до двух детей (у 36 % женщин и 39 % мужчин — 1 ребенок, у 33 % и 27 % — двое, у 5 % и 4 % соответственно — три и более детей). Лишь 26 % женщин и 29 % мужчин не имеют детей. Но не только это противоречит заголовку. Не планируют больше заводить детей ни при каких условиях 37 % женщин и 29 % мужчин. Не менее значимо и то, что факторы, которые сильнее всего влияют на решение о рождении ребенка (нехватка денег/23 % женщин и 27 % мужчин/, дефицит жилплощади/16 % и 15 %/, отсутствие «второй половинки»/10 % и 14 %/), сходны с названными нашими респондентами. И, возможно, самое главное — только 4 % женщин сказали, что у них нет материнского инстинкта, а отсутствие отцовского инстинкта признали 3 % мужчин.

13. Трансформация высшего образования и меняющиеся требования к студентам (какой студент нужен будущему университету)

Главная цель университета — это *поставить человека вровень со своим временем* для того, чтобы он это время понимал и ориентировался в нем... Качество образования всегда проявляется «потом».

А. Аузан

Трансформация высшего образования происходит во всех его сферах и касается как институтов, так и образовательных сообществ и структур. Однако вряд ли есть основания считать, что все изменения сферы высшего образования происходят синхронно. Это обстоятельство обязывает исследовать новый пласт проблем, возникающих в процессе трансформации и связанных именно с разной скоростью изменений. Наиболее известной теоретической рамкой, объясняющей скорость изменения институтов, является модель О. Вильямсона, в которой выделяются четыре уровня, различающиеся по скорости изменения в них¹:

¹ Williamson O. E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature, 2000. Vol. 38, № 3. PP. 595—613. URL: www.jstor.org/stable/2565421 (date of assessed: 19.05.2021). Для нас позиция известного специалиста по экономике организаций значима признанием им роли *социологического* подхода: «В моих работах по экономической теории транзакционных издержек я исходил из того, что контекст, фон [*background conditions*] — это вещи очевидные. А социологи приходят и говорят, что это не так, что они различаются, и эти различия важны. И что если вы имеете дело с высокоразвитыми культурами, вы можете делать

- *первый уровень* включает неформальные институты, обычаи, традиции и культурные установки, которым присуща самая низкая скорость изменений;
- *второй уровень* связан с формальными правовыми нормами и правилами, которые более гибки, чем институты первого уровня, однако достаточно устойчивы и стабильны длительные периоды времени;
- на *третьем уровне* представлены механизмы регулирования. Трансформация этих институтов происходит быстрее;
- *четвертый уровень* — правила, содержащиеся в контрактах. Эти институты являются самыми гибкими и могут меняться ситуативно.

Образовательные общности и структуры высшей школы взаимодействуют на всех уровнях институциональной среды, и использование данной модели позволяет нам детально рассмотреть ключевые проблемы, возникающие в процессе трансформации высшей школы и изменений запросов к студентам как важным стейкхолдерам высшего образования. Подход О. Вильямсона к анализу российской образовательной сферы активно используется российскими исследователями для анализа противоречий, обусловленных разной скоростью изменений в образовании. Авторы одной из работ отмечают, что в условиях высокой динамичности образования, связанной с эволюцией ее формальных институтов, формируется противоречивый набор норм, стереотипов и правил поведения преподавателей и студентов, которые видоизменяют их социальные ориентиры, ценностные установки, влияют на их экономическое поведение и адаптацию к изменяющимся институциональным условиям через действующие правила и поведенческие интересы¹.

Трансформация высшего образования происходит в результате действия многих сил и факторов, связанных как с внешней, так и внутренней средой высшей школы. Мы не ставим задачи сделать обзор

то, что невозможно в условиях менее развитых культур. Мне кажется, это верно... это полезные взгляды, и их следует иметь в виду». Оливер Уильямсон // Экономическая социология. 2002. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oliver-uilyamson> (дата обращения: 04.11.2021).

¹ Идентификация направлений институциональных изменений в сфере российского высшего образования / В. В. Вольчик, Т. А. Зотова, Ю. В. Филоненко [и др.] // Вопросы регулирования экономики. 2015. Т. 6, № 2. С. 114–131.

всех детерминант изменений. В рамках нашего исследования — проанализировать связь трансформационных процессов и изменяющихся запросов к студентам. Остановимся только на нескольких факторах, определяемых глобальными и национальными вызовами в системе высшего образования страны. Исследователи высшей школы связывают их с беспрецедентным ростом сектора высшего образования, ростом мобильности обучаемых, новыми требованиями к университетам, возникающим в процессе становления экономики знаний. Разновидностью этих вызовов являются ожидания национального масштаба по повышению конкурентоспособности высшей школы, усилению ее роли в инновационном социально-экономическом развитии. Эти приоритеты российской образовательной политики заявляются на протяжении ряда лет в различных программах и проектах развития высшего образования.

Выделение данных ключевых факторов, воздействующих на процессы трансформации высшего образования, носит экспертный характер и отнюдь не претендует на завершенность и целостность. Но это дает нам возможность сформировать общий дизайн аналитики проблем трансформации высшего образования и меняющихся запросов к студентам (рис. 50).

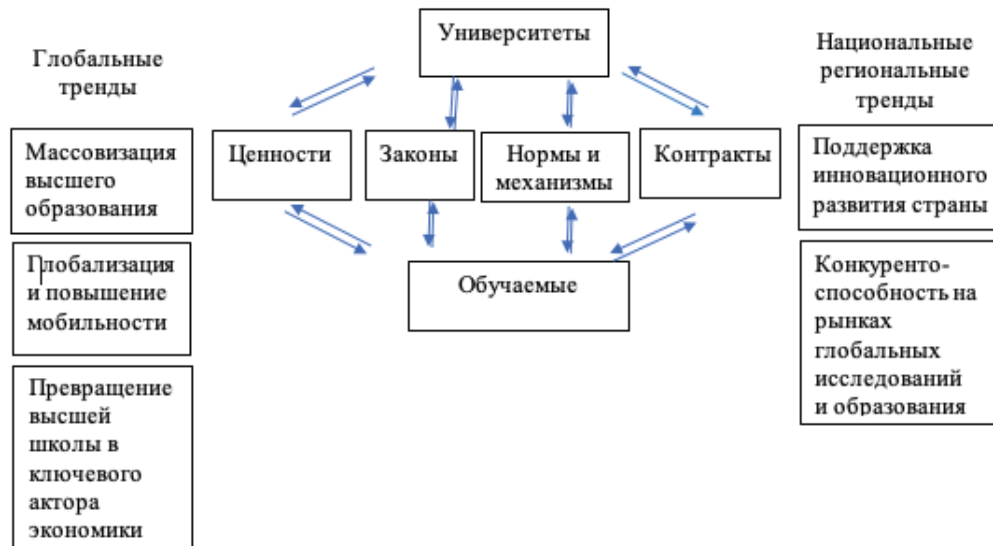

Рис. 50. Логическая схема дальнейшего изложения материалов главы 13

Мы предполагаем рассмотреть актуальные вопросы взаимодействия высшей школы и обучаемых в условиях разных по скорости из-

менений и связывающих их институтов под воздействием ряда факторов внешней среды. Проведенный обзор исследований позволил выделить проблемное поле процесса трансформации высшего образования, концентрируясь на новых противоречиях и конфликтах, возникающих в результате разной скорости изменения институтов.

Трансформация высшего образования активно дискутируется в научной литературе последних десятилетий. В отличие от процессов изменений и модернизации высшей школы, *трансформация* — это всегда глубинные преобразования образовательного и исследовательского процессов, структур и отношений образовательных сообществ. В фокусе обсуждений находится изменение научно-педагогических практик и форм университетского образования, трансформация институтов высшей школы, новые социальные функции высшего образования, процессы цифровизации, глобализации университетов и т. д. Трансформация всегда связана с поиском новых форматов существования университетов, переосмысления их роли и миссии в социуме. Постановка вопроса: «*Какой студент нужен будущему университету?*» приобретает в этом контексте особую актуальность и нуждается в отдельном обсуждении.

В литературе и публикациях, исследующих природу университетов и процессы их трансформации, типологизации делаются по разным основаниям, отражающим те или иные сущностные характеристики университетов. В последнее десятилетие исследователи используют подход к описанию процессов трансформации университетов через выделение понятий университета 1.0, 2.0 и т. д., отражающих *смену поколений университетов*. Рассматривая наиболее актуальную для нас периодизацию, можно увидеть, что *сущностной характеристикой современного университета является возрастание студенческой субъектности*, выход из роли объекта образовательного и воспитательного воздействия. Возрастание субъектности студенчества ведет к преодолению «бессубъектного» стандартизированного образовательного процесса, делает востребованным форматы проектного и индивидуализированного обучения, открытую образовательную среду с возможностями проектирования индивидуальных образовательных треков. В этих условиях формируются новые социальные практики взаимодействия образовательных общностей¹.

¹ Ефимов В. С., Лаптева А. В. Университет фронта: на пути к новому поколению институтов развития // Университетское управление: практика и анализ, 2017. № 21 (6). С. 6–18.

Освоение субъектности обучаемыми обусловлено запросом на *новые модели социализации молодежи* в условиях постоянно развивающейся внешней среды и ухудшающейся способностью университетов по сохранению монополии на видение будущего. В этом контексте метафора Б. Риддингса «*университет в руинах*» отражает утрату университетом статуса главного проектировщика будущего для молодежи. «Университет перестает быть моделью идеального общества и становится местом, позволяющим представить возможность существования таких моделей — мыслить практически, а не в идеальных условиях»¹.

В новых университетах происходит *изменение сущностного содержания субъектности обучаемых*. Риддингс отмечает, что в таком университете студент понимается исключительно как потребитель, а не человек, желающий мыслить, и выбор того или иного конкретного университета преподносится как нечто, напоминающее взвешивание затрат и выгод при покупке «Хонды Цивик» в сравнении с «Линкольном Континенталь» в определенный год или определенный период. Одно из принципиальных отличий университета культуры от университета постмодерна состоит в переходе от консенсуса университетских сообществ к диссенсусным сообществам. Если старый университет строился на фихтеанском самораскрытии студентов перед профессорами, профессоров перед студентами, то современный университет, как отмечает Риддингс, далеко не средоточие единства идентичности, и это переопределяет университет в качестве места диссенсуса². Такое переопределение университета ставит целый ряд вопросов:

- способен ли университет сформировать новые механизмы своего развития, основанные на использовании диссенсуса и формируемых им конфликтов?
- каковы возможности и ограничения педагогики диссенсуса и инструменты формирования критического мышления у обучаемых?
- насколько критична для целостности вуза проблема доверия, возникающая в современном университете?

Исследования выявляют снижение доверия между ключевыми субъектами образовательного процесса: администрацией, профес-

¹Риддингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с. С. 38.

²Там же. С. 17–22.

сорско-преподавательским составом и студентами¹. Зафиксировано расслоение единства корпоративной культуры современного университета как его традиционной культурной базы на *институционально-административную* (реализующую «третью миссию» университета и несущую тенденцию его трансформации в бизнес-корпорацию) и *культуру профессорско-преподавательскую* (сохранившую традиционные университетские функции). Пути устранения этого расслоения видятся в опоре на доверие как «скрепы» расслоенной культурной базы, сохраняющей баланс между традиционной университетской миссией и миссией современной².

Не менее яркой по своей апокалиптичности является метафора «конец университета», принадлежащая Р. Барнетту, известному своими работами о высшем образовании и его организации. Однако, говоря о смерти западного университета, Барнетт предлагает и *трансформационную модель*, задача которой в том, чтобы открыть студентам сомнительность и неустойчивость тех структур и систем, с помощью которых мы познаем мир. Спровоцировать неопределенность в умах и бытии студентов и обучить их плодотворно жить с ней — такова двойная миссия высшего образования. Главной целью образования должно стать создание брожения в умах студентов и умение с ним управляться. В свою очередь, это требует таких форм педагогической работы, при которых у студента есть пространство для создания и развития собственного мнения³.

Исследования Р. Барнетта вводят в научную повестку и практику деятельности университетов задачу управления неопределенностью и рисками как новую социальную компетенцию, которой должны обладать обучаемые. Университеты выходят из зоны комфорта, а также выводят из нее образовательные сообщества профессоров и студентов.

¹ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Управление университетами в оценках образовательных общностей // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 3. С. 100–111; Шуклина Е. А., Певная М. В. Доверие как институциональная проблема высшего образования // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 5. С. 120–132.

² Петров Ю. Л., Петрова Г. И. Ценность доверия как «скрепы» корпоративной культуры современного университета // Университетское управление: практика и анализ. 2021. № 25 (1). С. 107–116.

³ Барнетт Р. Осмысление университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2008. № 6. С. 46–57.

Однако нельзя не видеть, что наступление эпохи рисков и неопределенности в высшем образовании подрывает базовую ценность высшей школы — устойчивость и стабильность, а вместе с этим и всю сложившуюся систему ценностей, норм и неформальных правил, традиционно выступавших главным регулятором отношений в университетском сообществе. Под воздействием этих факторов, отражающих растущую динамику изменений внешней среды, вузовские системы управления из преимущественно саморегулируемых переходят к состоянию управляемых, в которых возрастает роль администраторов.

Риддингс, характеризуя трансформации университетов, пишет, что в условиях экономической глобализации университет становится транснациональной бюрократической корпорацией, и этот кризис является следствием изменения его социальной роли¹.

Администраторы, становясь все более влиятельной группой в университетах, формируют свою систему требований к обучаемым. Традиционная для высшей школы модель отношений «учитель — ученик» усложняется включением третьей стороны — администраторов. Новый треугольник отношений зачастую характеризуется их формализацией и обезличенностью. Исследования организационной культуры университетов фиксируют устойчивый тренд ее *бюрократизации*, смещения культурных доминант из сферы семейной культуры в *культуру конкуренции и иерархии*². Менеджеральные подходы создают новую формулу успеха обучаемых, в значительной степени минимизируя влияние профессорско-преподавательского состава на оценку достижений. Синкретизм оценки, носителем которой всегда выступал профессор, превращается в систему набора баллов, в которой успешность студента шкалируется и становится детально измеряемой. Радикальное изменение института оценивания в высшей школе имеет серьезные последствия для системы требований и ожиданий вузов к обучаемым:

- оценка становится менее субъективной, но зачастую более формальной;
- субъект оценки расширяется, что своим следствием может иметь расхождения и противоречия оценивания;

¹ Риддингс Б. Университет в руинах / пер. с англ. А. М. Корбута. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

² Организационная культура российских университетов: ожидания и реалии / О. Б. Томилин, И. М. Фадеева, О. О. Томилин, А. К. Ключев // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 1. С. 96—107.

- символы и знаки репутационного капитала (грамоты, благодарности, сертификаты) приобретают доминирующее значение;
- область оценки становится более гибкой и трансформируемой под конкретные управленческие (нередко операционного характера) задачи, вытесняя базовые и фундаментальные ее аспекты.

Ситуация нарастания в высшем образовании *нестабильности* и *неустойчивости* как ключевая характеристика приводит также к проблеме неустойчивости структур высшей школы, которая предполагает возможность и «*восходящих*», и «*нисходящих траекторий развития вузов*. В этой связи ряд исследователей обращается к проблематике *деградации университетов* как становящейся все более актуальной в современных условиях.

Исследователи проблем высшего образования отмечают, что рост его масштабов одним из своих следствий имеет *усиление дифференциации* в высшей школе и формирование сегментов более успешных и менее успешных университетов. Это позволяет фиксировать такой феномен, как деградация университета, под которой понимается такое изменение его организации и основных рабочих процессов, которое приводит к снижению объективных показателей его деятельности под влиянием внешних и внутренних факторов¹. Важными причинами актуализации вопросов негативной трансформации университетов, по мнению других авторов, является то, что отношения между университетом и средой существования характеризуются растущей асимметрией между запросами среды и способностью университетов отвечать на них. Этот дисбаланс создает проблему неудовлетворительности институтов².

В исследовании Всемирного банка отмечается, что традиционная форма университетов изжила себя и институциональная дифференциация вузов будет ускоряться, приводя к появлению множества разнообразных организационных конфигураций и моделей, включая альянсы и объединения, в том числе и за пределами высшей школы³. Это обсто-

¹ Лисюткин М. А., Фрумин И. Д. Как деградируют университеты? К постановке проблемы // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 4–5. С. 12–20.

² Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов. М. : Изд-во ВШЭ, 2011. 240 с.

³ Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка / пер. с англ. А. Сальникова. М. : Весь Мир, 2003. 232 с.

ительство, безусловно, означает сокращение жизненных циклов университетов, вероятность как успешных, так и деградиционных сценариев их существования. Однако далеко не нулевая вероятность таких сценариев создает ряд новых рисков и угроз как для университетов, так и для образовательных общностей. Наиболее *значимыми угрозами*, на наш взгляд, являются следующие:

- возможность *разных вариантов развития деградиционного сценария*, начиная от реорганизации, заканчивая присоединением, а также ликвидацией образовательной организации. Реорганизация университетов через слияния и поглощения в последние десятилетия стала весьма распространенной практикой как в России, так и в зарубежных странах. Публичная риторика и обоснование целей слияния всегда апеллирует к расширению возможностей для студентов, улучшению условий образовательного процесса. Предполагается, что реорганизация приведет к более качественному образованию и привлечет более сильных студентов в объединенный вуз¹. Но *студенты*, их запросы к вузам, их ожидания и потребности как ключевая цель трансформации университетов в ее процессе практически снимается. Это приводит к тому, что студенты, как правило, не принимают участие в обсуждениях, необходимых при проведении слияний и поглощений²;
- *риски, возникающие для профессорско-преподавательского состава* в связи с возрастанием требований к преподавательской и исследовательской деятельности. Новые формы организации учебного процесса, связанные в том числе с дистанционными формами образования и открытыми образовательными ресурсами, приводят к увеличению доли самостоятельной работы студентов. Но для преподавателей это означает необходимость совершенствования методической подготовки и методического обеспечения образовательного процесса, способов контроля самостоятельной работы и организации взаимодействия со студентами в процессе самостоятельного выполнения

¹ Ключев А. К. Слияния в высшей школе России: эффекты и стратегические возможности // Университетское управление: практика и анализ. 2013. № 4 (86). С. 27–35.

² Романенко К. Р. Университетские объединения: что меняется для студентов // Вопросы образования. 2018. № 1. С. 154–173.

ими заданий. Новые технологии расширяют границы рабочего времени преподавателей, т. к. поддержка самостоятельной работы студентов может не укладываться в рамки рабочего дня. Технологизация образовательного процесса приводит к созданию *образовательного конвейера*, действующего в условиях четкой организационной и ресурсной регламентации, в рамках которого формализуются отношения образовательных общностей. Внедряемая независимая оценка знаний на всех этапах обучения и после его завершения, повышая объективность оценки, создает новые формы *дистанцирования преподавателей и студентов*¹;

- *усиление рисков для обучающихся*, идущее от постоянной трансформации мира профессий, рынков занятости, запроса на компетенции. Исследователи отмечают, что социальные ожидания студенческой молодежи формируют неблагоприятное социальное самочувствие, поскольку характеризуются неуверенностью и наличием серьезных социальных фобий, прежде всего выражающихся в опасениях снижения социально-экономического статуса и уровня жизни. Фиксируется *рассогласование социальных ожиданий молодежи с ее общественными идеалами*, среди которых доминируют высокий уровень жизни, развитие высоких технологий, социальное равенство и справедливость. Неблагоприятное самочувствие и негативные социальные ожидания снижают горизонт планирования у студентов, отражаются на неопределенности их жизненных планов².

Формирование новых рисков меняет понимание роли студентов как особой группы в университете. *Временный статус студентов*, обусловленный определенным сроком их пребывания в университете, не может больше выступать ограничением в наделении их ответственностью и повышении их влияния на процессы изменений высшей школы. По-

¹ Преподавательский труд в современной России: трансформация содержания и оценки : монография / А. П. Багирова, А. К. Ключев, О. В. Нотман [и др.] / под общ. ред. проф. А. П. Багировой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 207 с.

² Дидковская Я. В., Вишневский, Ю. Р., Трынов, Д. В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере Свердловской области и Пермского края) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки, 2020. № 1. С. 8–24.

ложение студентов и новые формы реализации субъектности в трансформируемых университетах были рассмотрены в ряде концепций: «студенческий голос», теория стейхолдерства, «новое управление» и др.¹

Теория «студенческого голоса» исходит из того, что нестабильность и неустойчивость и формируемые ими риски могут быть оптимизированы путем вовлечения студентов в процедуры принятия решений при формировании образовательной политики². Предпосылки такого подхода — представления, что студенты имеют собственные взгляды на обучение и преподавание, способны принять на себя ответственность за будущее в партнерстве с профессорами. Результаты многочисленных исследований, приведенные в обзоре общественной организации “*SoundOut*”, целью которой является поддержка студентов, преподавателей и администраторов образования в их действиях по активизации голоса обучаемых и вовлечению их в конструктивное сотрудничество для улучшения обучения, показывают *устойчивые эффекты практической реализации этой концепции*³. Отметим некоторые, наиболее значимые, подтвержденные международными исследованиями, цитированными в обзоре:

- студенты учатся лучше, когда они являются партнерами преподавателей на протяжении всего учебного процесса;
- студенты учатся более эффективно, когда их обучают сверстники;
- студенты узнают больше из самооценки и оценок коллег;
- вовлечение обучаемых в планирование образовательной деятельности повышает лояльность к университетам;

¹ McLeod J. Student voice and the politics of listening in higher education // *Critical Studies in Education*, 52 (2). 2011. P. 179–189. Kettunen J. Stakeholder relationships in higher education // *Tertiary Education and Management*. 21 (1), P. 56–65. Участие в управлении университетом / ответств. ред. О. Бычкова. СПб.: Норма, 2016. 120 с.

² См.: Ванейгем Р. Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений. М.: Гилея, 2005. 288 с.; Луков В., Луков С., Погорский Э. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // *PolitBook*. 2014. № 2. С. 6–18; Нарбут Н. П., Троцук И. В., Цзиньфэн Цзи. Ожидания и опасения студенческой молодежи: социологическая оценка в кросскультурном контексте // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология»*. 2014. № 1. С. 149–167; Рубин Д. Действуй! Сценарии Революции / пер. с англ. О. Озерова. М.: Гилея, 2008. 233 с.; и др.

³ Почему студенческий голос? Резюме исследования. URL: <https://soundout.org/2015/02/02/why-student-voice-a-research-summary/> (дата обращения: 20.04.2021).

- исследования с участием студентов могут ставить более эффективные вопросы и давать более полезные результаты;
- оценки качества образования становятся более достоверными и ценными, когда обучаемые являются ведущими оценщиками;
- улучшение образовательного процесса может быть более эффективным в удовлетворении потребностей в образовании, если студенты задействованы в качестве партнеров;
- обучаемые вкладывают больше средств и усилий по улучшению образовательной организации, когда они выступают в качестве партнеров;
- вовлечение студентов в процесс принятия решений трансформирует отношения и социокультурную среду образовательных организаций и сообществ.

В этих условиях университеты не могут удовлетворяться привычными моделями развития и ведут поиск *нелинейных моделей своей деятельности*¹. Нелинейность как методологический подход в исследовании высшего образования позволяет отойти от шаблона рамки непрерывного развития высшей школы, присущей исследовательской традиции прежних периодов и выйти на экосистемный уровень анализа процессов трансформации системы образования. Одной из первых работ такого плана является книга Барнетта, изданная недавно на русском языке Томским государственным университетом. После лекции 1997 г. Рональд Барнетт опубликовал целый ряд статей и книг, в которых он продолжал свое «осмысление университета». Одна из последних его работ, также получившая большую известность, — монография «Экологический университет». В ней Барнетт отмечает, что современный университет вырос до становления в качестве сложного института, соединенного с различными аспектами мира. Благодаря своей ориентации на знания он приобрел ресурсы и силу, поэтому имеет возможность проявлять заботу о состоянии экосистем, в которые он вовлечен, среди которых особенно значимыми являются знания, социальные институты, личности, экономика, обучение, культура и природная среда. В XXI веке эти экосистемы не находятся за преде-

¹ Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности : монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских [и др.] / под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. 336 с.

лами университета, скорее, они и университет перетекают друг в друга. Благодаря такой взаимосвязи эти экосистемы стали «глубинной экологией» университета¹.

Резюмируя исследования процесса трансформации университетов, отметим, что нашему взору предстает чрезвычайно разнообразная по своему дизайну, методологии и методикам научная картина. Сложность объекта исследования приводит к многоцикличности концептуальных подходов, каждый из которых, являясь обоснованным, вместе с тем способен дать понимание лишь части проблемы. Противоречивый характер развития высшего образования в современный период вновь возвращает исследователей к осмыслению сущностных вопросов *об отношениях образовательных общностей, содержании новой субъектности обучаемых*.

Значительные трансформационные процессы в высшем образовании последних десятилетий связаны с *массовизацией* и вызванным ею беспрецедентным ростом числа студентов и ускоренным структурным развитием университетов. Вызовы массовизации обозначили проблему: легко ли быть фабрикой?

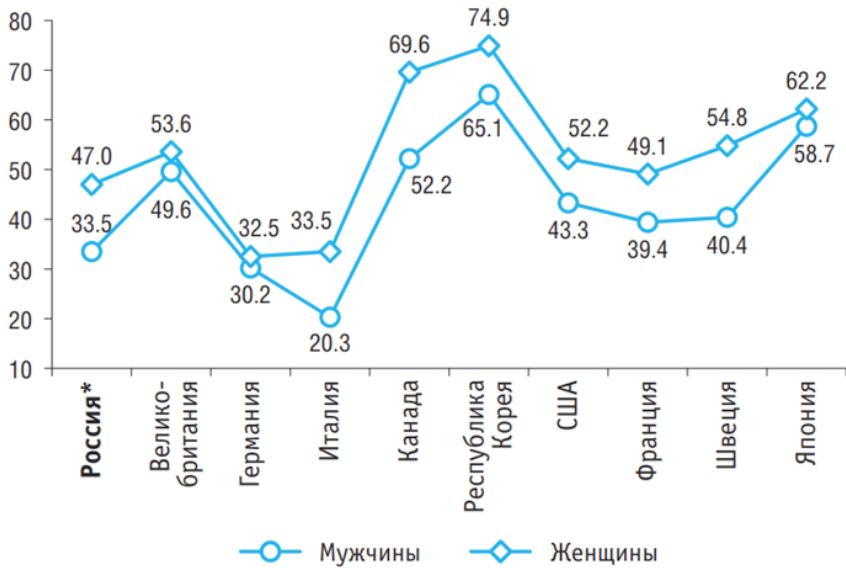
Темпы роста этого сектора сферы образования дали возможность предположений о переходе к всеобщему высшему образованию. Стоит вспомнить, что еще относительно недавно в качестве ключевой задачи ставился переход на всеобщее начальное (1930-е гг.), восьмилетнее и среднее образование². Динамично менялась и доля молодежи, получающей высшее образование: если в 1930-е гг. это было 15 % возрастной когорты, то в 1970–1980-е — 25–30 %, а в текущем тысячелетии — 70–90 %³.

Массовизация высшего образования является *глобальным трендом*, отражающим процесс развития новых экономических укладов, повышение роли знаний в социально-экономическом развитии, рис. 51.

¹ Барнетт Р. Экологический университет. Осуществимая утопия / под ред. И. В. Черниковой, О. Н. Калачиковой ; пер. с англ. Д. В. Черниковой. Томск : Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2019. 304 с.

² В 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон, которым было введено всеобщее обязательное восьмилетнее образование, спустя менее чем 20 лет Конституция СССР, принятая в октябре 1977 г., законодательно закрепила в статье 45 введение всеобщего обязательного среднего образования молодежи.

³ Клячко Т. Л., Май В. А. Будущее университетов. М. : Дело; РАНХиГС, 2015. 64 с. С. 11.

* По России – данные микропереписи населения 2015 г.

Рис. 51. Удельный вес населения в возрасте 25–34 лет, имеющего высшее образование (международная стандартная классификация образования: уровни 6, 7, 8), в общей численности населения данной возрастной группы по полу и странам, 2017¹

Массовизация высшего образования явилась ответом на формирование общества, основанного на знаниях, для которого способность создавать, отбирать, адаптировать и превращать знания в источник прибыли и использовать их для устойчивого экономического роста и повышения жизненного уровня людей является наиболее важным фактором экономического развития.

Следствием массовизации являлись крупные структурные изменения высшей школы, прежде всего, — рост общей численности студентов с сопутствующим *снижением пороговых уровней входа в систему высшего образования*; увеличение количества вузов, а также размеров и масштабов их деятельности. Сегодня среднестатистический вуз страны в несколько раз крупнее, чем 20–30 лет назад.

Вместе с тем массовизация имела и ряд *значимых социальных последствий*:

¹ Образование в цифрах: 2019 : краткий статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В. Ковалева [и др.]. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 96 с.

- высшее образование перестало обеспечивать ожидаемые преимущества в виде «премии за образование», что привело к снижению ценности образования;
- массовое образование сформировало более низкие стандарты качества и усилило разрыв между получаемыми профессиональными квалификациями и потребностями на рынке труда;
- высшее образование в значительной степени стало *институтом социальной консервации* (уклонение от службы в армии, более поздний выход на рынок труда и т. п.), произошло снижение роли высшего образования как *социального лифта*.

В этой связи необходимо констатировать крайне противоречивый характер воздействия массовизации на трансформацию высшего образования. Безусловно, массовизация превратила университеты в крупные организационные структуры, занимающие заметное место в социально-экономическом развитии страны. Она привлекла значительные ресурсы (человеческие, финансовые, материальные и др.) в высшее образование. Но ее спутниками оказались снижение качества образования, *прекаризация профессорско-преподавательского состава вузов*, неоднородное по мотивации и успешности в обучении студенчество.

Особенностью высшего образования конца XX в. стало усиление мобильности обучающихся и переход от локальных систем высшего образования к национальным и международным. Позиционирование на том или ином рынке в настоящее время становится все более существенным фактором дифференциации университетов и их запроса к студентам. Российская федерация — страна с огромной территорией, и это обстоятельство всегда было ключевым в национальной образовательной политике в сфере высшего образования.

Аспект территориальной доступности продолжает оставаться одним из наиболее сложных вопросов развития сети высшей школы в стране. Введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) существенно повлияло на региональную локализацию высшего образования и усилило мобильность, сформировав национальную планку деятельности не только для столичных вузов, окончательно демонтируя сконструированную раньше жесткую привязку региональных вузов к местным потокам абитуриентов¹.

¹ Кузьминов Я. И., Семенов Д. С., Фрумин И. Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «Мастер-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69.

В настоящее время 20 региональных систем высшего образования претендуют на привлечение студентов не только своего региона (табл. 96). В значительной степени расширению сети «центров притяжения» в сфере высшего образования способствовали программы создания *федеральных университетов, национальных исследовательских университетов, опорных вузов, которые усиливали и поддерживали глобальное, национальное или региональное позиционирование университетов*, усиливая тем самым поиск университетами своих целевых групп обучаемых.

Таблица 96

Значения показателя востребованности систем высшего образования регионов¹

Регион	Численность студентов, поступивших сразу после окончания школы на очную форму обучения, чел.	Численность выпускников школ, чел	Численность выпускников школ с учетом коррект. коэффициента, чел.	Показатель востребованности региональной системы ВО
Санкт-Петербург и Ленинградская область	38 097	24 592	16 477	2,31
Томская область	6 587	5 030	3 370	1,95
Москва и Московская область	81 978	80 748	54 101	1,52
Новосибирская область	12 037	12 586	8 433	1,42
Воронежская область	8 809	9 497	6 363	1,38
Хабаровский край	4 598	5 320	3 564	1,28
Тюменская область	5 718	6 685	4 479	1,27
Самарская область	10 987	13 226	8 861	1,23
Омская область	7 192	8 704	5 832	1,23
Республика Татарстан	14 940	18 176	12 178	1,22
Ивановская область	3 010	3 691	2 473	1,21
Свердловская область	12 732	16 126	10 804	1,17
Ростовская область	12 988	16 455	11 025	1,17
Саратовская область	7 893	10 028	6 719	1,17
Республика Мордовия	2 647	3 365	2 255	1,17
Орловская область	2 400	3 172	2 125	1,12
Ярославская область	3 464	4 681	3 136	1,10

¹ Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Д. В. Козлов, Д. П. Платонова, О. В. Лешуков ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М. : НИУ ВШЭ, 2017. 32 с. С. 9–12.

Окончание табл. 96

Регион	Численность студентов, поступивших сразу после окончания школы на очную форму обучения, чел.	Численность выпускников школ, чел	Численность выпускников школ с учетом коррект. коэффициента, чел.	Показатель востребованности региональной системы ВО
Челябинская область	9 281	12 643	8 471	1,09
Рязанская область	3 386	4 662	3 124	1,08
Нижегородская область	9 033	13 225	8 861	1,02

Рост вероятности переезда выпускников школ в другие регионы, увеличение потока абитуриентов из сельской местности, малых и средних городов в крупные центры с развитыми университетскими системами является серьезным вызовом для обучаемых, т. к. связан со сменой социальной среды и окружения, необходимостью адаптации к самостоятельной жизни в крупном городе. Уже исследования проблем адаптации первокурсников начала тысячелетия позволили сделать следующие выводы.

Между характером оценки адаптации к студенческой жизни и социальным самочувствием студента существует тесная взаимосвязь: чем труднее и длительнее шел процесс адаптации, тем ниже социальное самочувствие студентов.

Достаточно четко фиксируется существенная доля студентов, чей процесс адаптации к вузу был трудным и долгим. Особое внимание должно быть уделено этим трем из каждых десяти студентов-первокурсников, т. к. свое социальное самочувствие они оценили также крайне низко: в 1–2 и 3 балла.

Работа по адаптации первокурсников должна быть дифференцированной (с учетом разных категорий студентов).

Особое значение в процессе адаптации имеет материальный фактор. Чем благополучнее материальное положение родительской семьи, тем безболезненнее протекает процесс адаптации. В условиях растущего социального расслоения студенчества аспект социальной защиты в адаптации должен быть в поле постоянного внимания администрации и профсоюзных организаций вуза¹.

¹ Адаптация первокурсников: проблемы и тенденции / Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, Я. В. Дидковская, С. И. Минеева // Университетское управление: практика и анализ. 2001. № 4. С. 65–69.

Цитируемая нами работа была опубликована по материалам исследования 20 лет назад, однако и современные исследования показывают, что изменение адаптивности обучаемых происходит крайне медленно и отстает от новых проблем адаптации, обусловленных существенным увеличением мобильности и радикальной сменой окружения при переезде в другой город или страну, ростом разнообразия обучаемых в студенческих группах из-за и *внутристрановой мобильности* и *интернационализации высшего образования*. Разнообразие культур, межконфессиональные различия, разный жизненный опыт — все эти факторы становятся все более значимыми в формировании социокультурной среды вузов и расширяют запрос на способность обучаемых к адаптации в университетах.

В *экономике знаний* высшее образование становится непосредственным фактором конкурентоспособности экономики страны, что приводит к изменению отношений с властью, бизнесом и сообществами.

Значительная часть работ фокусируется на «восходящих» траекториях развития университетов, таких как становление исследовательских университетов мирового класса¹, создание инновационных и предпринимательских университетов². В этом контексте нельзя не вспомнить чрезвычайно популярную работу Д. Салми «Создание университетов мирового класса», в которой он анализирует ключевые факторы, определяющие динамику этого процесса. И первым по значимости для таких университетов является *концентрация талантов*. Ориентация на привлечение талантов ставит перед университетами ряд непростых задач, связанных с выявлением талантов и инструментами их развития.

Использование ЕГЭ как способа диагностики способностей обучающихся продолжает быть дискуссионным в сфере экспертов и исследователей, впрочем, как и *олимпиадное движение*, рассматриваемое в качестве альтернативы ЕГЭ в выявлении талантов. Формализация правил выявления *потенциально усиленных обучаемых* упразднила некоторые неформальные практики доступа к высшему образованию, породив в то же время *неформальную экономику репетиторства и олим-*

¹ Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов мирового класса / под ред. Ф. Дж. Альт-баха, Д. Салми; пер. с англ. М. : Весь Мир, 2012. 416 с.

² Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов. М. : Изд-во ВШЭ, 2011. 240 с.

ниад. Таким образом, необходимо констатировать недостаточность норм и процедур выявления талантов, их ограниченность и способность разрешить новые проблемы в доступности высшего образования.

В то же время для университетов задача привлечения талантов создает *ряд трудностей*, которые не могут быть решены в существующей институциональной среде:

- повышение сложности деятельности в образовательном и исследовательском процессах;
- стимулирование и среда развития талантов;
- разновекторность и индивидуальность образовательных траекторий как условие развития талантов в вузе;
- социокультурное окружение, поддерживающее нестандартность, нетривиальность мышления.

Другим устойчивым трендом становится *концентрация талантов в ограниченном числе вузов*, преимущественно столичной локации. Абитуриенты с 80 и выше баллами по единому государственному экзамену все реже выбирают провинциальные вузы¹.

Это обстоятельство не может не беспокоить *региональные университеты*, т. к. приводит к вымыванию наиболее перспективной части человеческого капитала и сокращает возможности вузов по включению в региональное развитие и формирование экономики знаний.

Так, например, исследование проблем несоответствия структуры спроса и предложения на рынке труда, дефицита инженерных квалификаций показывает, что *административные методы* (изменение структуры подготовки специалистов, увеличение цифр приема на естественнонаучные и инженерные направления подготовки и т. д.) не сгладили остроту проблемы дефицита инженерных квалификаций. Работодатели по-прежнему испытывают нехватку компетентных инженерных кадров, и причины дефицита инженерных квалификаций не в количестве выпускников технических направлений подготовки, а в дефиците компетенций у молодых специалистов, несоответствии требований стейкхолдеров к молодым инженерам и реальным результатам обучения. Отсутствие соответствующих институциональных условий для кооперации с работодателями по-прежнему остае-

¹ Качество приема в российские вузы — 2017 / под. ред. М. С. Добряковой, Я. И. Кузьминова ; Нац. Исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. Дом ВШЭ, 2017. 716 с.

ся серьезной проблемой. Наблюдается недостаток согласования (например, квалификационных требований), преемственности между средним и высшим уровнем подготовки, слабый независимый контроль качества¹.

Тренд, связанный с повышением эффективности вузов, и ожидание практической отдачи от университетов формирует развитие философии и практики *прагматизма* в высшем образовании, пересмотр традиционных ценностей высшей школы. Исследователи разных стран отмечают постепенное сокращение объема теоретических знаний, преподаваемых студентам².

В институциональной сфере результатом стало обсуждение концепции *прагматического университета*³. *Существенная дифференциация университетов связана с переносом акцента в развитии высшего образования на прикладные специальности* и профессиональную подготовку, которые усиливают позиции университетского сектора в социально-экономическом развитии страны и регионов. Это привело к увеличению дистанции между «старыми» и «новыми» университетами. Соответственно, первые заботятся о фундаментальной теоретической подготовке своих студентов, которая должна послужить их дальнейшей самореализации, и ожидают, что обучаемые будут иметь способности к такому формату обучения. Другие вузы ставят своей целью узкопрофессиональную подготовку, обеспечивающую возможность успеха на существующем рынке труда. Но все меньше университетов, сохраняющих однородность требований и ожиданий по отношению к *обучаемым*, ведь линия раскола между «*фундаментальщиками*» и «*прагматиками*» проходит чаще всего *внутри* университета, делая его неспособным к согласованию единого видения «*своего*» студента.

Усилению раскола способствует низкий уровень запроса внешней среды на *инновационные стратегии* будущего молодежи. Исследования фиксируют дисбаланс между внутренними мотивирующими фактора-

¹ Воспроизводство кадров для инновационной экономики: компаративный анализ : монография / Л. Н. Банникова, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский [и др.] ; под общ. ред. д-ра социол. наук Л. Н. Банниковой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 235 с.

² The Future University: Ideas and Possibilities/R. Barnett [et al.]. New York and London: Routledge, 2012. 233 p.

³ Badly G. The pragmatic University: a feasible utopian? // Studies in Higher Education. 2016. V. 41 (4). P. 631–641.

ми реализации инновационного потенциала (позитивное социальное самочувствие и оптимизм) и внешними институциональными условиями, связанными с неэффективным взаимодействием госструктур, бизнеса и университетов¹. Отставание институтов экономики знаний в стране от ее образовательного потенциала, являющееся ключевым фактором «утечки умов», наиболее наглядно иллюстрирует разрыв позиций по удельному весу населения, имеющего высшее образование. Россия по доле людей с высшим образованием входит в десятку стран наиболее развитых экономик, но занимает только 45-е место по глобальному индексу знаний².

Дифференциация университетов, охватившая не только научно-образовательное пространство России, ставит вопрос о поиске для каждого типа вузов «своего» студента. Вероятно, исследовательские университеты своими ожиданиями от студентов отличаются от предпринимательских университетов, глобальные вузы — от локальных, так называемые «прагматические» университеты — от университетов фундаментального образования.

С другой стороны, все университеты сегодня по-разному успешны в интернационализации высшего образования, цифровых технологиях обучения и исследований, массовизации высшей школы. Эти тренды носят глобальный характер, и университеты различаются по своим способностям ответа на внешние вызовы. Таким образом, структура ожиданий вузов по отношению к своим студентам приобретает сложный и многомерный характер, что усложняет исследовательские задачи по изучению современного студенчества.

Перспективным подходом в изучении взаимоотношений трансформируемых университетов с обучаемыми представляется описан-

¹ Дидковская Я. В., Вишневецкий Ю. Р., Лугин Д. А. Инновационный потенциал молодежи: мотивация участия и барьеры реализации молодежных стартапов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки, 2021. № 1. С. 8–20.

² Глобальный индекс знаний, ежегодно составляемый с 2017 г., представляет собой сводный показатель для отслеживания знаний стран на уровне семи областей: доуниверситетского образования, технического и профессионального образования и подготовки, высшего образования, исследований и разработки, инновации, информационных и коммуникационных технологий, экономики и общих благоприятных условий (Global Knowledge Index 2020. URL: <https://www.undp.org/content/dam/undp/library/km-qap/UNDP-MBRKknowFoundation-Global-Knowledge-Index-2020-EN.pdf> (date of assessed: 23.04.2021)).

ная выше концепция «*экологического университета*» Барнетта, который утверждает, что поскольку университеты по-разному вовлечены в семь экосистем, то экологическая сущность своя для каждого университета, который несет ответственность за развитие *собственных* возможностей для содействия благополучию семи экосистем¹. Таким образом, *экологический* университет является *этическим* университетом. «Корпоративная стратегия» университета будет состоять из умозрительных возможностей претворения в жизнь его этоса *экологических ценностей*, что, в свою очередь, потребует от каждого университета воображения и институционального бесстрашия.

¹ Барнетт Р. Экологический университет. Осуществимая утопия / науч. ред. И. В. Черникова, О. Н. Калачикова; пер. с англ. Д. В. Черниковой. Томск : Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2019. 304 с.

Вместо заключения.

Что думают о будущем будущие студенты

День будущий не любит, когда его поджидают, сложа руки на коленях. Его делать самим надобно.

В. Пиккуль

Поскольку главы, в которых анализируются основные итоги VIII (2020) этапа мониторинга, завершаются выводами, характеристиками проблем и трендов, мы решили изменить традиционный смысл заключения. Логично, чтобы книгу «Студенты о будущем» завершили *будущие* студенты. Тем более, что особенностью данного этапа было проведение по сходной со студентами анкете опроса старшеклассников ведущих гимназий и СУНЦа (октябрь — декабрь 2020 г., выборка целевая, N = 505 человек).

Как наиболее продвинутые представители поколения Z, респонденты преимущественно используют интернет-ресурсы информации (в том числе и о пандемии): социальные сети, новостные порталы, видео-блоги. В отношении пандемии респонденты признают серьезность ситуации, отвергая в абсолютном большинстве мнение, что ее на самом деле нет. Но в оценке возможностей держать ситуацию под контролем и способности нашей системы здравоохранения успешно справиться с ней преобладает (пусть и с небольшим разрывом) негативная направленность. В этих оценках скорее проявилось преимущественно эмоциональное отношение (повышенные страхи, изменение привычного образа жизни — учебы, досуга из-за карантинных мер). Но в оценке влияния пандемии на жизнь их семьи преобладает позитив, два из каждых пяти отметили, что ничего не изменилось, лишь один из шести — немного или намного хуже. По крайней мере, пан-

демия не очень сказалась на общей удовлетворенности жизнью — два из трех в основном или полностью удовлетворены.

Специфика выборки (ориентация на талантливую молодежь) отразилась многопланово: и в отношении к учебе (почти треть отметила стремление выйти за узкие рамки учебных программ, лишь 6 % не прилагают особых усилий к учебе), и в активном занятии самообразованием (что отметили 9 из 10 респондентов), и в профессиональном выборе (лишь 8 % не отметили профиль обучения; у каждого второго/52 %/выбор профессии конкретизирован; отсюда и обратная сторона профильного обучения — 2 из каждых 5 разграничивают предметы на нужные и ненужные), и в достаточно высокой языковой подготовке, и в ценностных ориентациях (на первом месте — возможность реализовать свои способности, далее в пятерке приоритетов — здоровье; интересная, творческая работа; самостоятельность, независимость, свобода; уважение к родителям), и в активной жизненной позиции (что проявляется в достаточно высоком — с учетом возраста — участии респондентов в волонтерской деятельности — для каждого пятого оно более-менее устойчивое, для каждого четвертого — пока разовое).

Однако именно с этими конкурентными преимуществами и связаны риски для этой высокоресурсной части старшеклассников Среднего Урала. Среди социальных рисков на первый план выходят миграционные и эмиграционные риски. Высокая эмиграционная готовность данной (перспективной!!) части старшеклассников (у 9 из 10 респондентов получила поддержку позиция «Не имеет большого значения, в какой именно стране жить — главное, чтобы в ней тебе было комфортно и удобно») — один из самых тревожных результатов исследования. И дело даже не в том, что в условиях пандемии и первичного постпандемического восстановления (т. е. нескольких ближайших лет) эта готовность не сможет реализоваться. Опаснее сформированность такой готовности и — особенно — масштабы ее распространенности, тем более — при низкой значимости для этих молодых людей языкового барьера и при наличии — пусть и ограниченно-туристического — определенного знакомства с жизнью за рубежом (три из пяти побывали за последние 5 лет за рубежом — больше половины из них — в Европе или США).

С точки зрения территориальной безопасности (сохранения человеческого и социального капитала) более реальны миграционные ри-

ски (три из пяти хотели бы уехать в другой город — Москва!! — учиться/62 %/, почти столько же/59 %/готовы переехать туда на ПМЖ, лишь 3 % планируют вернуться). Понятно, что у выпускников элитных школ (100 %-но нацеленных на поступление в университеты) их ближайшие планы связаны с выбором вуза (и города, где этот вуз расположен). Но это выдвигает более общую проблему жизненных планов и горизонтов планирования.

У респондентов преобладает уверенность в будущем (каждый второй вполне или скорее уверен, каждый четвертый — не уверен, столько же затруднились ответить). По отношению к ближайшему году и жизни родительской семьи их оптимизм возрастает: лишь 9 % считают, что эта жизнь будет несколько или намного хуже). Преобладает среднесрочное (до 5 лет) (отмечено двумя из каждых пяти) и краткосрочное (на ближайший год) (в ответах почти трети респондентов) построение жизненных планов. Позитивный момент — настроения ноувизма (жить по принципу — «сегодня и сейчас») присуще лишь 10 % респондентов. Еще меньше тех, кто не смог определить горизонты своего жизненного планирования (7 %). В качестве основных причин, затрудняющих планирование молодежью своей будущей жизни, называются и объективная сложность, неопределенность современной ситуации, и преобладание в информационном пространстве (особенно в период пандемии) негативных сценариев будущего, но и отсутствие у многих старшеклассников навыков и умений жизненного планирования.

Среди отдаленных перспективных занятий на первом месте работа по интересной профессии (отмечена в 2/5 ответов), работа в крупной известной организации (каждый седьмой) и... выезд за рубеж для работы или продолжения учебы (каждый восьмой). Примечательно, что респонденты, в значительной степени нацеленные на миграцию и эмиграцию, достаточно высоко оценивают работу в регионе с талантливой молодежью. Семь из десяти респондентов считают, что в их городах созданы условия для саморазвития талантливой молодежи (и это очень значимый и осмысленный ответ, ведь в большинстве своем наши респонденты — участники многих проводимых в регионе мероприятий и на себе ощущают разнообразные формы поддержки одаренных детей).

Информативны и ответы респондентов о мотивах миграции. Чем же привлекают их другие города и веси? Прежде всего, — большими пер-

спективами и возможностями (каждого второго/49 %/), более высоким уровнем жизни (двух из каждых пяти), большими шансами найти хорошую, интересную, творческую работу (более трети/36 %/), возможностями жить в более крупном и современном городе (более четверти/29 %/), в котором должна быть хорошо развита инфраструктура (что важно для каждого шестого).

Из этого перечня вытекает то, что и было предусмотрено в принципе «3 РЕ» потенциал-ресурс (в данном случае — одаренность, более высокий уровень развития и готовность к саморазвитию) должен быть не только обнаружен и подготовлен, превращен в резерв, но и должны быть созданы благоприятные условия для его дальнейшей реализации и развития. Обеспечить целостность подхода — ориентир для совершенствования областных программ работы по поддержке талантливой, одаренной молодежи.

Другой — не менее важный аспект работы с талантливой, одаренной молодежью — формировать ее гражданскую культуру, культуру участия. Даже в патриотизме сегодня необходимо видеть двусторонние отношения — любовь граждан к Родине, Отечеству и любовь Родины к своим гражданам. И тут важно не обвинять молодых людей в недостатке патриотизма и следовании принципу «Где хорошо, там и Родина». Не менее значимо, чтобы и на Родине было хорошо. В этом плане стоит прислушаться к мнению наших молодых граждан России, их критической оценке развития разных сфер российского социума: экономика (2,31 по 5-балльной шкале), политика (2,2), социальная сфера (2,61), сфера культурной жизни (3,04). К их надеждам на перспективы изменения ситуации в стране в ближайшие три года, где ответы разделились на три почти равных части (32 % надеются на улучшение; по 34 % уверены, что ничего не изменится или что произойдет ухудшение ситуации). К их опасениям, среди которых позитивные моменты (уверенность в их защищенности от дискриминации из-за национальности/у 84 %/, религиозных убеждений/75 %/, пола и возраста/54 %/) переплетаются с негативными (три из каждых пяти заявили о полной или частичной незащищенности от произвола чиновников, каждый второй — от произвола правоохранительных органов, дискриминации из-за политических убеждений, экологических угроз, бедности, безработицы).

К их представлениям о России будущего, среди приоритетов которой — высокий жизненный уровень и экономическое благополучие

граждан (отмечено четверть из каждых пяти респондентов/78 %/), демократическое общество, где соблюдаются права человека (54 %), реализация равенства и справедливости (42 %). И выясняется, что социальное и экономическое расслоение, формальная демократия, с которыми молодые люди уже сами столкнулись (вспомним их опасения) серьезно сужает любовь Родины к своим молодым гражданам, у которых наиболее ожидаемые в ближайшие три года события — рост цен, инфляции, снижение жизненного уровня (59 %); нарастание протестного движения (52 %) и ухудшение экологической ситуации (48 %).

Наконец, гражданская культура — это не только права, но и ответственность граждан. Исследование показало, что выявленный еще в советский период парадокс, когда расширение диапазона ответственности связано с ее снижением, сохраняется и в нынешнем молодом поколении. На то, что происходит в семье и личном окружении, считают себя способными в полной или значительной мере повлиять 9 из 10; в их доме, дворе — 2 из 5, в их городе, районе — 1 из 6, в стране — 1 из 9.

Между тем, перспектива — в развитии субъектности молодежи, ее реальном превращении в драйвер социального развития. Сама молодежь достаточно высоко оценивает возможности своего влияния (в ответах двух из каждых трех) на позитивное развитие нашего общества. Проблема — полнее использовать ее потенциал.

Оглавление

Предисловие ректора	3
Введение	6
1. Настоящее и будущее, ставшее прошлым... ..	31
2. Ориентиры будущего — становление и углубление субъектности молодежи	53
3. Будущее как проблема социологического анализа	72
4. Студенты Урала о будущем: опасения и надежды, образ будущего, участие в созидании будущего	89
5. Будущее не придет само — без нашего участия	107
6. Будущее профессий и профессиональное будущее	152
7. Трансформации рынка труда и перспективы трудоустройства выпускников вузов	178
8. Высшее образование как конструктор будущего современной молодежи	200
9. Доверие как предпосылка уверенности студентов в будущем	236
10. Будущее как ценность и ценности будущего: тренды развития ценностных установок	255
11. Студенческий досуг и информационная культура: сегодня и завтра	283
12. Демографические установки студенчества — пути оптимизации	307
13. Трансформация высшего образования и меняющиеся требования к студентам	342
Вместо заключения. Что думают о будущем будущие студенты ...	364

Научное издание

**МОЛОДЕЖЬ О БУДУЩЕМ РОССИИ И О СЕБЕ:
ВЫЗОВЫ НАСТОЯЩЕГО И КОНСТРУИРОВАНИЕ ГОРИЗОНТОВ ГРЯДУЩЕГО**

(по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития
уральского студенчества 1995–2020 гг.)

Багирова Анна Петровна
Банникова Людмила Николаевна
Бледнова Наталья Дмитриевна
Боронина Людмила Николаевна
Вишневский Юрий Рудольфович
Воробьева Снежана Андреевна
Дидковская Яна Викторовна
Забокрицкая Любовь Дмитриевна
Ильина Мария Александровна
Клюев Алексей Константинович
Кульминская Алина Владимировна
Нетунаева Анастасия Евгеньевна
Певная Мария Владимировна
Попов Евгений Сергеевич
Тарасова Анна Николаевна
Телепаева Дарья Федоровна
Трынов Дмитрий Валерьевич
Фалько Родион Ярославович
Шуклина Елена Анатольевна
Южакова Анастасия Ильинична

Редактор О. В. Климова
Верстка О. П. Игнатъевой

Подписано в печать 23.11.2021. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 30,0.
Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 200 экз. Заказ 279.

Издательство Уральского университета
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620049, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 5
Тел.: +7 (343) 375-48-25, 375-46-85, 374-19-41
E-mail: rio@urfu.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>

